

ISSN 0042—8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

11-12/95

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11-12/95 **ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК
ВКП(б) 1937 года 3

СТАТЬИ

Р. Г. Скрынников — Войны Древней Руси 24
Т. Л. Лабутина — «Консерватор» Свифт и «рефор-
матор» Дефо 39

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Н. А. Ефимов — Сергей Миронович Киров 49

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и Латин-
ской Америки (с древнейших времен до наших
дней). Глава XIII (автор — **А. П. Новосельцев**);
глава XIV (автор — **А. И. Кардаш**) 68

ВОСПОМИНАНИЯ

В. К. Иков — Листопад 88
Ю. В. Дубинин — Хельсинки — 1975. Детали исто-
рии 101

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина 120

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

- М. Е. Ерин** — Советские военнопленные в Германии в годы второй мировой войны 140
- Е. М. Собко** — Государственный совет и контрреформы 152

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Т. Л. Владимирская** — Русские мигранты в Парагвае 158

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Ф. А. Молок** — И. Пфафф. Советская измена. 1938 161
- Г. П. Драгунов** — «Убежище — Швейцария». Подход к проблеме предоставления убежища в XIX и XX веках 162
- И. Н. Осинковский** — Средневековая Европа глазами современников и историков 164
- А. Г. Еманов** — С. П. Карпов. Путиами средневековых мореходов: черноморская навигация Венецианской республики в XIII—XV вв. 166
- Н. А. Соболева** — Ст. К. Кучинский. Польские территориальные гербы. Генезис, сущность, функции; Белый орел в Варшаве 168

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- В. М. Богданчиков** — А учитель истории — за реформу! 170
- Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 1995 году 171

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

5 марта 1937 года. Вечернее заседание

А н д р е е в (председательствующий.) Я должен предупредить всех выступающих товарищей, чтобы придерживаться строго регламента. Я буду давать не больше 10 минут. Слово имеет т. Косарев.

К о с а р е в. Товарищи, контрреволюционная, вредительско-шпионская деятельность троцкистов имела место в среде отдельных организаций комсомола, ставка троцкистско-зиновьевских элементов на месте была на противопоставление комсомола партии и советскому государству. Такие попытки со стороны троцкистских элементов мы имели не раз, и они встречали отпор со стороны нашей партии и со стороны ленинского комсомола. Но, к сожалению, ни партийные организации, ни комсомол не учитывают до сих пор всех серьезных имеющихся возможностей проникновения троцкистских элементов в наши организации с тем, чтобы иметь влияние на молодежь и отдельные ее прослойки.

Мы имеем многомиллионные массы молодежи, родившейся после Октябрьской революции. Эта молодежь не имеет достаточного опыта классовой борьбы, достаточной закалки в борьбе за ленинско-сталинскую линию нашей партии. Недостаточная классовая закалка молодежи, неудовлетворительные знания молодежи истории партии, борьбы ее с врагами ленинской партии, плюс неудовлетворительная воспитательная работа и самих многих комсомольских организаций --- все это открывает широкие возможности для проникновения враждебных троцкистских элементов в среду комсомола и в среду нашей молодежи. Предательская работа троцкистов задела также комсомол. Это выразилось в проникновении замаскированных троцкистско-зиновьевских элементов в целый ряд районных и городских организаций комсомола. В частности, во главе Азово-Черноморской краевой организации на посту первого секретаря долгое время находился враг партии и советской власти Ярофицкий. Эта троцкистская работа Ярофицкого и его ставленников, как и других троцкистов, шла по линии подготовки кадров для террора среди молодежи. Правда, здесь надо отметить, что эти кадры для террора троцкисты набрать не могли и не смогут, но в этом направлении они делали серьезную попытку. С этой целью в комсомоле троцкистские элементы пытаются всячески дискредитировать партийное руководство, пытаются сеять недовольство партийным руководством и пытаются воспитать у молодежи чувство острой ненависти к партии.

Одним из главнейших моментов троцкистской работы в комсомоле

являлась борьба против партийного руководства, против влияния партии на молодежь. Ярофицкий в своих показаниях обосновал эту контрреволюционную работу так. До тех пор, пока не будут уничтожены оковы партии на молодежь, до тех пор трудно влиять на молодежь и вербовать из ее среды сторонников троцкистской работы. Троцкистская работа в комсомоле шла по линии того, что они сознательно разлагали комсомольские организации и нарушали воспитательную работу в комсомоле, тем самым организовывали, провоцировали озлобление молодежи и комсомольцев против работы руководящих органов и работы наших партийных комитетов.

Что способствовало этой троцкистской работе в комсомоле и в чем состоят наши ошибки? Они состоят в следующем. Указания Сталина о воспитательной работе в комсомоле и последующее решение ЦК партии перед X съездом комсомола о воспитательной работе в комсомоле выполняются в комсомоле неудовлетворительно. Политическая работа в комсомоле, постановка пропаганды, политического воспитания комсомольцев поставлены слабо. Следовательно, комсомол перестраивается в сторону решения по вопросу воспитания и образования молодежи медленно и неудовлетворительно. Переход к организации постановления воспитания молодежи, к выполнению указаний т. Сталина о коммунистическом воспитании молодежи задерживается, тормозится. ЦК комсомола повинен в том, что мы эту работу еще не сумели правильно организовать, мы ее не смогли поставить как центральное звено во всей нашей работе. Многие организации комсомола все еще продолжают копировать работу хозяйственных органов, все еще не отделились от хозяйственной работы. Да и местные партийные организации в этом нам мало помогают. Все вы сидите здесь и сами знаете, как вы мобилизовывали комсомольцев и комсомольских работников на различные хозяйственные дела и настаивали на этих мобилизациях, так что ЦК комсомола приходилось несколько раз эти вопросы ставить на разрешение ЦК ВКП(б).

То, что Ярофицкий предатель, стало возможно в руководстве комсомола, это объясняется и тем отрывом ЦК комсомола от Азово-Черноморской краевой комсомольской организации, и безконтрольностью в работе крайкома со стороны и ЦК комсомола и комсомольских организаций края. Мы нарушили большевистский порядок, передоверили все руководство краевой организацией Ярофицкому, допустили слабость внутрисоюзной демократии — комсомольцы не знали, что делает крайком, что делают райкомы, горкомы края. Это и дало возможность для контрреволюционной работы Ярофицкого. Самокритики не было, да и вообще она в комсомоле тоже поставлена неудовлетворительно. Только в силу этого Ярофицкий и его ставленники могли безнаказанно проводить свою предательскую контрреволюционную работу.

Все то, что говорится в проекте решения пленума, все то, что говорится в докладе т. Сталина, это, товарищи, конечно, в неизмеримо большей степени относится к комсомольским организациям, чем к партийным организациям и, конечно, мы из этого, мы — ЦК ВЛКСМ — сделаем для себя настоящие выводы и с помощью ЦК нашей партии сумеем обеспечить перестройку работы комсомола в духе решений настоящего пленума, в духе доклада т. Сталина. Для этого у нас есть силы, для этого у нас есть кадры. Для решения этой задачи у нас есть и соответствующее руководство Центрального Комитета нашей партии.

Но в связи с этими ошибками нам бы хотелось, товарищи, поставить вопросы о партийном руководстве. Тов. Андреев, выступавший на пленуме, говоря о комсомоле, был совершенно прав, указывая на недостаточность руководства партийными организациями работой комсомола. Многие областные и краевые комитеты партии и республиканские ЦК, указание ЦК ВКП(б) о партийном руководстве комсомольскими организациями воспринимают формально, недооценивают значение комсомола во всей своей работе, в то время как значение комсомола и в политической, и в хозяйственной, и в культурной жизни страны с каждым годом все возрастает и будет продолжать возрастать.

Правильно, что комсомол, комсомольская работа (это не будет ошибкой) передана почти целиком на откуп коммунистам, работающим в комсомоле, и самому комсомольскому активу. Товарищи, эта задача для нас, только для комсомольских работников, явно не под силу, мы с ней одни, без помощи партийных организаций не справимся. Поэтому если мы думаем как следует поставить политическую работу в партии, [...] на постановке этой политической работы, на постановке марксистско-ленинской пропаганды именно в среде комсомола, в среде молодежи. Ибо возьмите наши заводы, наши колхозы, и вы увидите, что многие из них почти наполовину состоят из молодых рабочих. Как можно вести организационно-политическую работу, марксистско-ленинскую пропаганду, не затрагивая, проходя мимо этих кадров молодежи?

Товарищи, мы с величайшим вниманием заслушали доклад т. Сталина. Я бы считал просто излишним говорить, что этот доклад, как это часто принято говорить, является докладом всемирно исторического значения и т. п. Этот трафарет совершенно не увязывается с существом, содержанием и характером доклада т. Сталина. Мне бы хотелось попросту сказать: после этого доклада многое, что не было ясно, стало ясным. Этот доклад напитал наш партийный актив новым пониманием новых задач, напитал новой волей к разрушению этих задач. (Голоса с мест. Правильно!)

А н д р е е в. Слово имеет т. Хатаевич, следующий т. Вегер.

Х а т а е в и ч. Я не согласен с теми товарищами, которые говорили, что доклад т. Сталина облегчил им задачу в смысле выступления на этом пленуме. Доклад т. Сталина с предельной ясностью вскрыл корни и причины ошибок и указал пути их исправления. С этой точки зрения была облегчена работа для нашей партии, но именно потому, что т. Сталин не бичевал (так это в тезисах было написано) недочетов нашей партийной работы, он затруднил, он предоставил нам самим себя критиковать. (Смех.)

Проверяя свою работу за последние три — четыре — пять лет, я у себя обнаружил, с полным сознанием и ответственностью, все те серьезные большие упущения, которые имели место и которые указаны т. Сталиным в его докладе. Благодарные, излишняя доверчивость к людям, которые не заслуживают этой доверчивости, отношение к бывшим троцкистам, к людям, мало проверенным, как к блудным сынам, возвратившимся в лоно партии.

В международном аспекте мы этих вопросов не брали. Например, Ленцнер, о котором писалось в «Правде». Если бы мы проверили его с политической точки зрения, не понадобилось бы вмешательство других и мы бы раньше раскрыли его. Был у нас Голубенко — председатель Днепропетровского горсовета, который фальшивил в работе, не верил в работу, видно было, что он плохо работает. Если бы серьезней требовать от него, серьезно подходить к нему, связать это с тем, что человек был троцкистом, понятно, что мы бы его вскрыли (конечно, не мы его вскрыли, его вскрыл НКВД), но тогда бы была политическая зоркость и прозорливость, о которой говорил т. Сталин в своем докладе. Некоторые из них работали, показывали такую прыть в работе, что нельзя было их заподозрить, и только теперь видно, что они все это делали для того, чтобы войти к нам в доверие. Однако вся их работа при наличии политической зоркости и прозорливости сразу же определялась оппортунистическим, дяleckим подходом. У нас партийной проверки их работы не было. В партийной работе не было, несомненно, к члену партии дифференцированного подхода, внимания, чуткого отношения к каждому члену партии, проверки его мы не обеспечивали. Главная задача, которую ставит перед нами настоящий пленум, — извлечь полностью уроки из всего того, что было, и на основе этого поставить работу выше, поднять ее в высший класс, на высшую ступень. Тот, кто уроков не извлечет, конченный человек, на том придется поставить крест.

Придется поднять партийные массы, так как своими собственными силами обеспечить ту перестройку работы, которая написана в проекте

постановления, без того, чтобы поднять активность широких масс членов партии, без того, чтобы развить самокритику, мы своими силами обеспечить не сможем.

Так как времени у меня для самокритики не хватит — 10 минут (с м е х), то я сразу же перейду к некоторым выступлениям. Речь т. Постышева меня лично ни в коем случае не удовлетворила. Ни его первая речь на пленуме ЦК КП(б)У, ни тем более его речь на настоящем пленуме. У меня сложилось такое впечатление, что т. Постышев не согласен с решением ЦК от 13 января. Если он еще на пленуме ЦК КП(б)У, выступая, говорил насчет того, что он взял на себя непосильную ношу — это о том, что эти люди обошли его, что эти люди взяли его на удочку из-за чрезмерного восхваления, из-за чрезмерного подхалимства, этого он ни тогда не сказал, ни теперь. Я лично должен сказать, что я тоже не безгрешный человек в части телячьих восторгов и восхвалений. Это было у нас во многих организациях. Надо было решительнее бороться. Это культивировалось в ряде организаций, а особенно в одной из организаций, партийной организации Киевской области. Известно, поскольку т. Постышев немало влиял на всю украинскую организацию, это касалось также и всей Украины. Подбор людей происходил не с точки зрения преданности их партии, а с точки зрения восхваления тех или иных руководящих работников. У меня и сейчас есть большое сомнение, сумеет ли т. Постышев обеспечить тот поворот, который требует сейчас настоящий Пленум ЦК, большое сомнение.

Я тоже член Политбюро ЦК КП(б)У. Тут спрашивали, где было Политбюро. Я должен сказать, что в Политбюро коллективности не было, не было коллективности и в областных комитетах. Методы единоначалия имели большое место — это бесспорно, другие члены обкома ускользали от ответственности, старались все переложить на первого секретаря, а первый секретарь ходил гоголем, петухом, партийным начальником. Еще в большей мере отсутствовала коллективность в работе ЦК КП(б)У.

Я должен заявить, что о 95% всех решений, какие принимались Политбюро ЦК КП(б)У о назначении, перемещениях и т. д., я узнавал о них, хотя и был членом Политбюро, постфактум либо из протокола, которые я получаю, либо из газет, от товарищей, из разговоров. Бывали протесты. Тов. Балицкий и т. Якир пытались в отдельных случаях поставить попартийному вопрос, пытались бороться с этой практикой, но все это было недостаточно твердо и настойчиво. Коллективности не было. Тов. Косиор здесь, в выступлении на Пленуме, ускользал от острой постановки вопроса, срезал углы. И это в работе еще больше имело место. Вообще чтобы провести в жизнь те решения, которые будут приняты пленумом, решения, написанные рукой т. Сталина, нужно обеспечить большевистскую коллективность в работе. Это требуется и от райкомов, и от обкомов, и в первую очередь эта коллективность требуется в работе ЦК КП(б)У.

Я бы хотел здесь пару слов сказать об условиях работы руководящего партийного актива. Эти условия очень трудны. Вот я скажу о себе. Я получаю в день, кроме деловой переписки, 250 писем так сказать личного порядка, писем от рабочих, колхозников. 30 их этих писем я в состоянии прочитать и прочитываю, на большинство из них отвечаю лично. Но сейчас придется, если выберут, быть секретарем горкома, и тогда я должен буду бывать на заседаниях и обкома, и горкома, должен быть на заседании президиума облисполкома. Должен принимать людей, должен вести текущую работу. Времени для того, чтобы работать над собой, продумывать положение в области, продумывать партийные вопросы, общие вопросы, времени даже для чтения газет, не говоря уже о более серьезной литературе, не остается. Тов. Маленков очень хорошо выступал здесь. Но должен сказать, что ОРПО ЦК этот вопрос не совсем точно поставил, слишком много наши партийные организации на местах получают всяких бумажек, секретари не только обкомов, но и райкомов слишком загружены, загромождены канцелярщиной. Секретарь райкома слишком много времени проводит в канцелярии: он должен проверять рекомендации, принимать на учет, снимать с учета, прикладывать штампель и т. д. Ему не

остаётся времени, чтобы бывать на заводах, в колхозах. (Г о л о с с м е с т а. Без этого нельзя.) Без этого нельзя, но можно найти выход, чтобы не в такой большой степени загружать людей излишним загромождением канцелярщиной.

Невозможно в 10 минут по таким большим вопросам высказаться подробно. У меня нет никаких сомнений, что под руководством т. Сталина партия вместе с нами, мы все окажемся на высоте положения и с честью выполним все крупнейшие задачи, которые перед нами стоят. (С т а л и н. Надо выдвигать в качестве своих заместителей не слабых людей, а настоящих заместителей. Многие из вас боятся конкуренции, поэтому замухрышек выдвигают, а они вам дают плохую помощь.)

А н д р е е в. Слово имеет т. Вегер.

Вегер. Товарищи, большие политические ошибки и недочеты в партийной работе, которые были указаны в докладе т. Сталиным, имели место, и очень широкое, большое место и в нашей Одесской партийной организации. Политическая слепота, неумение разглядеть и своевременно разоблачить врагов партии, пролезших во многие аппараты, в том числе и в партийный аппарат,— это имело особенно широкое место и у нас, в Одессе. Засоренность партийного аппарата врагами, предателями, троцкистами-двурушниками в Одессе получила весьма широкое распространение.

Достаточно привести один, я бы сказал, исключительный, факт в нашей партии, вам известный, который уже был сообщен здесь т. Косиором,— тот факт, что второй секретарь обкома Голуб оказался троцкистом, двурушником, предателем, который длительное время проводил свою подрывную работу в нашей организации, при нас находясь. Рядом с ним можно было бы привести еще целый ряд таких же самых вредителей, которые длительное время рядом с нами работали в партийном аппарате. Это — Манюрин, троцкист, двурушник, бывший зав. пропагитом, Брагинский, его заместитель, секретарь такого крупнейшего горкома, каким является Николаевский, там работал предатель Красницкий, или Кировский горком, где один за другим работали два предателя, правых, двурушника, это — Копнер и за ним некоторое время, очень недолго, работал Шпелевой.

Я не буду говорить о других двух пропагитах в горкоме, которые оказались также троцкистами, я не буду говорить о том, что и советско-хозяйственный аппарат у нас оказался точно так же сильно засоренным предателями. Достаточно привести такие фигуры, как Брейтман — бывший председатель, или директор, Укрконсервтреста, который долгое время работал в Одессе, или Турин — областной прокурор, или Демидов — директор водного института и т. д.

Я должен сказать, что с вскрытием этих предателей мы очень и очень запоздали. Больше того, они в подавляющем большинстве были вскрыты не нами, они были вскрыты органами НКВД. И, конечно, здесь я прежде всего должен ответить на основной вопрос: как все-таки случилось так, что у нас рядом с нами, рядом со мной, в первую очередь, работали долгое время такие матерые двурушники, предатели в течение ряда лет, скажем, как Голуб? Я с ним работал четыре года, я его застал в Одессе и четыре года с ним работал, и несмотря на это я не сумел его разоблачить, не сумел увидеть волка в овечьей шкуре. Я думаю, что причины такой слепоты, утери бдительности — о них с исчерпывающей полнотой указано в докладе т. Сталина и они изложены в проекте резолюции пленума.

Я хочу показать это конкретно на примере нашей организации и на моем собственном опыте, как это дело произошло. Нет сомнения в том, что основная причина заключается в том, что политико-партийной работой мы по-настоящему не занимались. Можно даже сказать и сильнее — основное заключается в том, что мы чересчур увлеклись, полностью отделились хозяйственной работе, в первую очередь работе сельскохозяйственной, и забыли о политической работе, о партийном воспитании. Я, например, держал в своих руках все и самые большие и самые мелкие вопросы сельского хозяйства, все нити были сосредоточены в обкоме у меня, у первого

секретаря. Без обкома, без первого секретаря не разрешался ни один, буквально, самый маленький вопрос сельского хозяйства. Мы гордились тем, что стали чуть ли не спецами, считали большим достоинством, что знаем агротехнику. Мы с большим увлечением изучали трактор, сдавали экзамен на трактористов и т. д. Одним словом, штаб руководства сельским хозяйством перешел в обком, и начальником штаба стал первый секретарь обкома, то есть я, и за всем этим, нет сомнения, партийно-политическая работа была мною передана всецело в другие руки, в руки аппарата, в руки второго секретаря, оказавшегося к тому же двурушником, троцкистом. Я этому троцкисту Голубу не только доверял, я его не проверял, я его не контролировал на работе. Как это сейчас ясно, это — главная причина того, что он мною не был разоблачен, ибо, конечно, при проверке на работе, если не непосредственно, то через многие другие показатели, можно было бы это дело вскрыть.

Обмен партийных документов производился вторым секретарем по существу бесконтрольно, что является, конечно, грубым нарушением указаний и директив Центрального Комитета, о которых здесь говорил т. Сталин. Я должен сказать, что вследствие этого в обмене партийных документов нами допущен целый ряд ошибок. Я должен добавить к этому, не в оправдание себя, что нас, например, трижды проверяли в ходе проверки и обмена партийных документов работники ЦК КП(б)У, и это троекратная серьезная проверка была проведена Ашрафьяном, вторая проверка — Кривицким и третья — Наумовым. Все трое оказались двурушниками, контрреволюционными троцкистами. Я не говорю это в свое оправдание, я хочу сказать, что в ходе проверки был допущен целый ряд серьезных ошибок. Тов. Сталин правильно говорил, что предупреждений Центрального комитета, предостерегавших нас от этой неправильной и вредной практики передоверия партийной работы, за последнее время было, конечно, больше чем надо.

И вот я спрашиваю себя — как это оказалось таким образом, что эти важнейшие директивы ЦК прошли как будто мимо нас, мимо меня в частности. Ведь мы все, и я в частности, привыкли относиться к директивам ЦК как к таким документам, на реализацию которых надо приложить все усилия, все умение, все способности. Почему же на это важнейшее указание Центрального комитета не было обращено должного внимания? Я скажу больше, что, например, директивы ЦК о севе, хлебозаготовках, хлебозакупках иногда вызывали с нашей стороны большее оперативное реагирование и энергию для их выполнения, чем вот это важнейшее политическое указание. Конечно, они шли как будто в том же направлении, в каком были и наши все устремления и все наши собственные настроения. А вот это важнейшее политическое указание нам мы зачастую, я прямо скажу, мы иногда относились формально с той точки зрения, что нужно сделать доклад. Делали доклад на активе, разъясняли это самое важнейшее решение, говорили о бдительности, говорили о необходимости повышения классово-бдительности и т. д. А практическая работа, жизнь зачастую оставалась в том же самом положении, и не изменялась практика работы. Нам казалось, как будто бы, что эти директивы относятся не к нам, а к другим, что у нас, де, все хорошо, врага побили, успехов много, кто, де, к нам сунется.

Все эти причины, как я говорил, исчерпывающим образом изложенные в докладе т. Сталина, и в нашей организации имели немалое место. Мы забыли, что Одесса находится на границе, что Одесса — это порт, что в Одессе мы ежедневно, чуть ли не ежечасно сталкиваемся с капиталистическим окружением и оно очень часто шлет к нам своих агентов, своих диверсантов, шпионов, и эту особенность Одессы мы не поняли. И только сейчас видим, какие грубейшие ошибок делали, не учитывая этого. В Одессе имели особое значение указания ЦК об отношении к врагу, об усилении классово-бдительности, потому что Одесса — это крупнейший центр действия врагов в прошлом. Троцкисты и в 1923 г. и в 1926—27 гг. в Одессе поработали немало и оставили там своих гнусных последышей, свои ос-

новательные кадры. Целый ряд предприятий в Одессе, как табачные, обувные, швейные и т. д., находились в те годы в руках троцкистов, и в последующие годы это гнездо не было разрушено. Когда их разгромили, этих троцкистов, они перешли в подполье, замаскировались, двурушничали, а мы, не учитывая этого наследия, не учитывая троцкистской деятельности в Одессе в прошлом, допустили ошибки, не разоблачили их своевременно.

Я должен сказать, что в настоящий момент особенно распространено такое примиренческое, либеральное, благодушное отношение к троцкистам. Этим и объясняется то, что мы не относились к ним как к врагам. Особенно мы должны были учесть то, о чем говорил т. Сталин. Надо сказать, что это примиренческое, либеральное отношение в Одессе широко распространено в партийных организациях. Мы не понимали, что троцкисты стали злейшими врагами народа, стали агентурой контрреволюции, шпионами, диверсантами. Именно потому мы допустили много ошибок. Ошибки в первую очередь заключаются в том, что мы не заметили своевременно этого врага. Враг находился и у нас в партийном аппарате. Партийный аппарат у нас был засорен снизу доверху. Между тем обком имел сигналы, но он не только не расследовал эти сигналы, а в ряде случаев товарищи, которые вскрывали этих врагов, они терпели гонение, они получали взыскание, как это было дело в Скадовском районе, когда один товарищ выступивший потребовал, что нужно прошупать Голуба, второго секретаря, не троцкист ли он, за это он был исключен из партии. Такие сигналы у нас были не раз. За это выступление товарищ был изгнан, а между тем, это было правильное выступление. И первичная организация и обком имели сигналы, которые давали возможность своевременно разоблачить врага, вскрыть его до конца. Если бы мы были более бдительными, мы бы вскрыли то, что сейчас вскрыли органы НКВД, причем значительно раньше.

Я должен был бы более подробно рассказать о деле т. Николаева. Николаев как честный коммунист в течение двух лет с конца 1934 г., еще до зверского убийства т. Кирова, занимаясь в Водном институте, выступал и говорил, что троцкисты-террористы готовят покушение на руководителей партии. Этот т. Николаев, который разоблачал врага, который разоблачал террористическую группу Калашникова, которая имела связь с московским центром, где готовилось покушение на т. Сталина, этот Николаев на собрании первичной организации Водного института в присутствии заместителя начальника Политотдела Водного транспорта был исключен из партии. Он был исключен не только первичной организацией, но исключение было подтверждено на бюро обкома. Он был исключен из партии за то, что он боролся против террористов. Его не только не поддержали, но он был исключен из партии. И только впоследствии уже Комиссией партийного Контроля восстановлен. Я не буду говорить о многих остальных фактах, которые имели место в партийной организации.

Здесь, товарищи, говорили о том, что после доклада т. Сталина стало легче. Я бы не сказал, что мне после доклада т. Сталина стало легче, потому что слишком велики ошибки, которые мы допустили в своей работе и политической руководстве, они стали значительно яснее, стало значительно понятнее все, что делается вокруг, и, самое главное, стало яснее ясного, как нужно работать, куда нужно вести дело, как надо исправлять ошибки. Это дает мне возможность сказать, что несмотря на то, что ошибки, допущенные нами, очень велики, все же после пленума Центрального комитета партии, на основе тех указаний, которые мы здесь получили, та политшкола, которую мы здесь прошли, они дают нам право сказать, по крайней мере, я так чувствую, что мы выросли на целую голову. Мы эти ошибки исправим и задачи, которые ставит перед нами партия, выполним.

А н д р е е в. Товарищи, есть предложение после выступления Попова прения прекратить. Слово имеет т. Попов.

П о п о в. Товарищи, за засоренность троцкистскими фашистами, двурушниками партийного и советского аппарата важнейших областей Украины, прежде всего, ее столичной Киевской области, я отвечаю самым серьезным образом не только как член Политбюро ЦК КП(б)У, потому что

я им состою всего лишь несколько месяцев, но как секретарь ЦК КП(б)У, которым я состою с января 1933 года.

Какие причины такого безобразного, позорного положения, которое у нас получилось? Конечно, отсутствие самой элементарной большевистской бдительности в отношении троцкистов, недооценка того превращения в банду преступников, о чем говорил в своем докладе т. Сталин.

Случилось так, что после разгрома националистов в 1933 г. на руководящие посты на культурно-идеологическом фронте были выдвинуты у нас на Украине троцкисты: Ашрафян, Дзенис, Сенченко, Гител, Карпов и др. Огромнейшая ошибка ЦК КП(б)У заключалась в том, что выдвижение этих людей производилось как выдвижение испытанных, якобы, большевистских, кадров. Я должен сказать, что активнейшая, решающая роль и инициатива в этом выдвижении принадлежала т. Постышеву, и то, что он это смазывает, по-моему, не нужно так делать.

Но основная ответственность за то, что это выдвижение было допущено, поскольку я находился в аппарате ЦК и должен был за этим участком следить, мне кажется, лежит на мне. Конечно, я не знал, что Дзенис, Ашрафян и Сенченко являются троцкистами. Но то, что они сразу по приезде к нам на Украину повели себя как холуи, подхалимы, карьеристы, это я видел. То, что я сказать прямо не осмелился из-за необходимости драться с т. Постышевым, за одно это, мне кажется, я заслуживаю самое суровое партийное взыскание.

Другая моя ошибка очень большая заключалась в том, что эти люди нами в аппарате ЦК, и мною в том числе, не контролировались надлежащим образом. Конечно, их особая близость к т. Постышеву и то, что они проводили через него, затрудняла контроль, но возможности контроля были, и то, что я не испытывал эти возможности, за это я несу ответственность.

В назначении Ашрафяна, Гителя, Дзениса и Сенченко на руководящие посты по проведению ленинско-сталинской политики сказалась со стороны ЦК КП(б)У — и об этом сказано в нашем постановлении — определенная недооценка националистических моментов на Украине, ибо ни Дзенис, ни Ашрафян, ни Гител, если бы они оказались честными людьми, их нельзя было бы выдвигать, потому что они в вопросах украинской культуры ничего не понимали.

Чем было вызвано выдвижение таких людей, как Ашрафян, Дзенис, Сенченко на руководящие посты? Я должен сказать, помимо холуяжа и подхалимства, о чем было здесь сказано достаточно (шум в зале), здесь огромную роль играл внешний радикализм — это кричание громче всех. (К а м и н с к и й. Это не из русского языка, во всяком случае.) Я вспоминаю выражение Владимира Ильича Ленина о фракции демократического централизма, когда он говорил о крикунах громче всех. Под прикрытием этого внешнего радикализма это проводилось и по линии ИЧП. (Г о л о с с м е с т а. Что означает ИЧП?) По-нашему — это Институт червонной профессуры, а по-русски — это Институт красной профессуры. Под прикрытием этого радикализма часто производилась расправа с честными коммунистами, которые огульно объявлялись троцкистами, врагами народа. Ярким примером является Николаенко. Этим мы серьезно начали сейчас заниматься. Кроме того, товарищи, эта публика страшно спекулировала своей, так сказать, маркой, что они отсюда прибыли выправлять ошибки, допущенные в национальном вопросе.

Мне кажется, что наша ошибка ЦК КП(б)У заключалась в том, что слишком много людей без разбора бралось из-за пределов Украины. Это сильно затрудняло выдвижение местных украинских кадров. Но мне также кажется, — и тут позвольте мне сказать об аппарате ЦК, — что не нужно было аппарату и отделам ЦК, в особенности т. Стецкому, так охотно идти нам навстречу. (С т е ц к и й. Разрешите мне привести некоторые документы. Разрешите сказать, как вы требовали несколько раз этого Гителя.) У нас на Украине троцкистов своих более чем достаточно: Коцюбинский, Логинов, Голубенко, Мусамбаев, Раисовы, Наумовы, Гуревич, Макаров. Я бы мог

десятки привести. Кроме того, много людей за это время, к сожалению, прибыло к нам на Украину, которые здесь были на очень ответственных должностях, главным образом, тоже на культурно-идеологическом фронте. Килерог, например, который был членом коллегии НКПроса, Дзенис, который сидел в Комакадемии, Ашрафян, который предназначался, как сообщали из Культпропа ЦК, культпропом Челябинского обкома, затем Войтинский, Кровицкий, которые разоблачены как двурушники, а здесь принимали участие в составлении учебника по истории ВКП(б). Сараджев сидел в Комакадемии, Радков, который в Киеве проводил крупную вредительскую работу, здесь кончил Историко-партийный институт. Карпов тоже был на такой же работе на культурном фронте и целый ряд других.

Выходит, таким образом, что этих людей и тут плохо контролировали, и тут, до некоторой степени, сказались недостаточная работа органов НКВД, о которой говорилось в предыдущем пункте порядка дня. (Стецкий и. Здесь они на партийной работе не были, их в партийный аппарат не пускали. О Дзенисе вас предупреждали.) Комакадемия есть все-таки Комакадемия, очень важное идеологическое и партийное учреждение, недаром называется Коммунистической Академией. Я не буду подробно говорить сейчас об этом, так как у меня мало времени, я буду говорить об этом в аппарате ЦК.

Лазарь Моисеевич Каганович сказал на нашем Киевском активе, что решение ЦК по Киеву было спасительным для Киевской организации. Мне кажется, на основании всего того, что было установлено, что оно было спасительным для всех партийных организаций Украины и для ЦК КП(б)У. Только после этих решений стали ясны все огромнейшие недостатки, вопиющие безобразия в работе партийных организаций Украины, особенно Киева.

Теперь активность партийных масс поднялась, развернулась здоровая самокритика партийных масс, партийная активность Украины. Это чувствуется на многих партийных собраниях, на которых мне лично пришлось присутствовать. Сейчас испытываешь огромнейшую благодарность по отношению к Центральному Комитету и т. Сталину, в связи с этим спасительным решением от 13 января. Легче стало дышать, очистился аппарат от проклятого холуйства, которое одурманивало организацию. Исключительное значение — об этом здесь уже говорилось — в развертывании самокритики у нас на Украине имел доклад т. Кагановича на Киевском активе, который явился большой политической школой не только для Киевского актива, но и для присутствующих там членов ЦК КП(б)У.

Я кончаю. Должен, к сожалению, сказать, что т. Постышев до сих пор не понял значения решения ЦК ВКП(б) и после пленума (я мог бы привести целый ряд фактов, их знает т. Косиор) препятствовал развертыванию самокритики на основании решения ЦК ВКП(б). Я целиком согласен также с т. Хагаевичем, что в отношении самокритики та речь, которую он произнес на этом пленуме, была шагом назад по сравнению с той речью, которую он произнес на пленуме ЦК КП(б)У, хотя и та речь была недостаточной.

Теперь перед партийными организациями Украины стоят огромнейшие задачи ликвидировать колоссальнейшую запущенность в партийной работе, провести в жизнь решения настоящего пленума, двинуть вперед дело подготовки большевистских украинских кадров, укрепить свои ряды, подняться на такую высоту, чтобы стать достойными того огромного, исключительного внимания, которое Украине и Киевской организации уделяют ЦК ВКП(б) и т. Сталин.

А н д р е е в. Заключительное слово имеет т. Сталин.

С т а л и н. Товарищи, я говорил в своем докладе об общих вопросах обсуждаемого дела. Теперь разрешите мне в заключительном слове сказать несколько слов о вопросах более конкретных.

Теперь, видимо, все поняли, осознали, что чрезмерное увлечение хозяйственными кампаниями и хозяйственными делами, увлечение, объясняемое тем, что эти дела дают непосредственные результаты и это еще больше, так сказать, людей вовлекает в это дело, что это чрезвычайное увлечение при

забвении о других вопросах ведет к тупику. Я думаю, что товарищи это поняли и осознали.

Но из речей некоторых ораторов видно, что они из этого ясного и, я бы сказал, аксиоматического положения, они делают крайние выводы. Были голоса: «Ну теперь, слава богу, освободимся от хозяйственных дел...» (с м е х) («...теперь можно заняться партийно-политической работой»).

Это, товарищи, другая крайность. Нельзя шарахаться от одной крайности к другой. Нельзя политику от хозяйства отделить. Мы не можем уйти от хозяйства так же, как не можем и не должны уходить от политики. Это мы только в интересах методологического изучения вопроса, для удобства, отделяем в голове политику от хозяйства. В жизни наоборот, на практике политика и хозяйство не отделены и неотделимы. Они вместе существуют и вместе действуют. Ни в коем случае нам нельзя уходить от хозяйства. Ни в коем случае. Смысл проекта резолюции состоит в том, чтобы не подменять нашим партийным руководителям хозяйственные органы собой, не подменять, не переносить штабы хозяйственной работы — идет ли вопрос о промышленности или о сельском хозяйстве, все равно — не переносить в кабинет первого секретаря. Об этом идет речь.

Конечно, сразу освободиться от хозяйственных мелочей нам не удастся. Мы только намечаем установку. Для того, чтобы установку об освобождении от хозяйственных мелочей и об усилении партийно-политической работы осуществить, для этого необходимо время. Надо укомплектовать органы сельского хозяйства, дать туда лучших людей. Промышленность, она крепче построена, и ее органы, пожалуй, не дадут вам подменить их. И это очень хорошо. Слабее дело обстоит с органами сельского хозяйства и в центре, и на местах. Эти органы надо всемирно усиливать людьми, и, главное, надо усвоить метод большевистского руководства советскими, хозяйственными органами, не подменять их и не обезличивать, а помогать им, укреплять их и руководить через них, а не помимо их. Вот к этому вопрос сводится.

Пока еще не укомплектованы, не укреплены органы сельского хозяйства, вам, к сожалению, придется еще в ближайшее время вплотную заниматься сельскохозяйственными делами, чтобы эти дела не были заброшены вообще. Так вот, сочетать надо одно с другим. В этом — метод большевистского руководства хозяйственными органами, вообще хозяйством, как промышленностью, так и сельским хозяйством. Укрепляя органы хозяйства, комплектуя их лучшими людьми, — помогать им со стороны, давать им руководящие мысли и руководить хозяйством через них, не шарахаясь в другую крайность и не отнекиваясь от хозяйственной работы. Это не выйдет, товарищи, выйдет друга крайность.

Следующий вопрос — о вредителях, диверсантах и о всех других агентах троцкистского и нетроцкистского типа, иностранных государств. Я думаю, что все товарищи поняли и осознали, что эта порода людей, каким бы флагом она не маскировалась, троцкистским или бухаринским, нам все равно, эта порода людей не имеет ничего общего с каким бы то ни было политическим течением в рабочем движении. Это оголтелая банда наемный убийц, диверсантов, шпионов, вредителей и т. д., и т. д. Это, я думаю, люди поняли и осознали. Но я боюсь, что в речах некоторых товарищей скользила мысль о том, что: давай теперь направо и налево бить всякого, кто когда-либо шел по одной улице с каким-либо троцкистом или кто когда-либо в одной общественной столовой где-то по соседству с троцкистом обедал. Давай теперь бить направо и налево.

Это не выйдет, это не годится. Среди бывших троцкистов у нас имеются замечательные люди, вы это знаете, хорошие работники который случайно попали к троцкистам, потом порвали с ними и работают, как настоящие большевики, которым завидовать можно. Одним из таких был т. Дзержинский. (Г о л о с с м е с т а. Кто?) Тов. Дзержинский, вы его знали. Поэтому, громя троцкистские гнезда, вы должны оглядываться, видеть кругом, дорогие товарищи, и бить с разбором, не придираясь к людям, не придираясь к отдельным товарищам, которые когда-то, повторяю, случайно по одной улице с троцкистом проходили. Вот это — второй вопрос.

Третий вопрос. Что значит правильно подобрать кадры, что значит правильно подбирать кадры. Большевики это дело понимают так. Правильно подбирать кадры значит подбирать работника, во-первых, по его преданности партии, заслуживает ли он политического доверия и, во-вторых, по деловому признаку, то есть пригоден ли он для такой работы. Это аксиоматическое положение, которое объяснять не стоит. У нас это положение нарушалось. О нарушениях этого положения говорили. Я хотел бы нарушения этого большевистского положения демонстрировать на двух примерах, причем демонстрировать на примерах, говорящих о том, что люди иногда подбираются не по политическому и деловому принципу, а с точки зрения личного знакомства, личной преданности, приятельских отношений, вообще по признакам обывательского характера, по признакам, которым не должно быть места в нашей практике. Взять т. Мирзояна. Работает он в Казахстане, работал он раньше в Азербайджане долго, а после Азербайджана работал на Урале. Я его несколько раз предупреждал: не таскай за собой своих приятелей ни из Азербайджана, ни с Урала, а выдвигай людей в Казахстане, не отгораживайся от местных людей в Казахстане, потому что — что значит таскать за собой целую группу приятелей, дружков из Азербайджана, которые коренным образом не связаны с Казахстаном? Что значит таскать за собой целую группу приятелей с Урала, которые также коренным образом не связаны с Казахстаном? Это значит, что ты получил некоторую независимость от местных организаций и, если хотите, некоторую независимость от ЦК. У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы. Вот, смотрите, заведующим ОРПО Южно-Казахстанского обкома у него сидит т. Бадабашьян, взятый из Азербайджана, секретарем Кустанайского обкома сидит т. Саакян, взятый из Азербайджана, секретарем Джата-Горийского райкома сидит у него т. Саркисян, взятый из Азербайджана, секретарем Сайсанского райкома сидит у него т. Поузбикян, взятый из Азербайджана, секретарем Ленинского райкома сидит у него Айрапетян, взятый из Грузии. Я читаю справку аппарата ЦК.

Секретарем Карсакапайского районного комитета сидит у него т. Ширазян, взятый из Азербайджана, заведующим ОРПО крайкома сидит у него Асриян, взятый из Баку, председателем Горсовета в Алма-Ата — столице республики сидит у него т. Саумов, тоже взятый из Баку. Секретарем Сталинского районного комитета г. Алма-Ата сидит у него Саркисова, секретарем горкома Алма-Аты сидит Юсупов — все это люди из Баку. Секретарем Карагандинского обкома сидит Пинхасик, взят из Свердловска, где он раньше работал. Некто Свердлов, ныне секретарь Восточно-Казахского обкома, взят также из Баку. Сначала из Баку он был перетащен на Урал, а потом с Урала — сюда, в Казахстан. Секретарем Алма-Атинского обкома сидит Киселев — взят с Урала. Председателем Северо-Казахского обкома сидит Степанов из Азово-Черноморья. Секретарем Чимкентского обкома сидит Кулиев — взят из Азербайджана. Заместителем заведующего Сельхозотделом Казкрайкома сидит Камакидзе. (Б е р и я. Довольно подозрительный человек.) Его подозревают в активном троцкизме. Вообще все эти люди более или менее подозреваются в тех республиках, откуда они взяты. (Г о л о с с м е с т а. Кулиев был снят с политотдела.) Заместитель Наркомхоза Рзаев — бывший председатель АзГПУ. (Г о л о с с м е с т а. Снял его из ГПУ за провал работы). Тоже взят из Азербайджана. Зам. Пред. Совнаркома в Казахстане Алиев Теймур взят из Азербайджана. Зам. Пред. Госплана Баранов — взят из Азербайджана. Он был переведен им на Урал, а оттуда он взял с собой в Казахстан. (М и р з о я н. Никогда он не был со мной.) Баранова мы же знаем.

Ну на что это похоже? Разве можно так подбирать людей! К чему это ведет, что тут хорошего может быть — я вас спрашиваю. Я ведь предупреждал т. Мирзояна, что нельзя так вести себя, что надо из местных людей подбирать кадры. А он, видите ли, свою группу создал лично ему преданных людей, подобрал не по большевистскому принципу людей, а среди них имеются и троцкисты. Но он надеется, что раз они ему преданы, они вечно будут с ним работать. А если его не станет там?

Другой товарищ — Вайнов, как и Мирзоян, он взял себе людей из других областей, особенно из [...] 23 человека. Их там гораздо больше, потому что много людей еще в советском аппарате имеется. 9 человек взял из Донбасса: Журавлева, Вайсберга, Кримера, Иванова, Каца, Понукалова, Юрлова, Александрова и Исаева. Из Донбасса взяли его перевели секретарем в Ярославле, он помаленьку перетащил к себе 9 человек из Донбасса — не может без них работать. И эти люди занимают важнейшие посты. Для чего это понадобилось Вайнову? Каково должно быть отношение к этим людям, прибывшим со стороны, отношение местных кадров? Конечно, настороженное. Что это значит — брать к себе людей, составлять себе группу лично преданных людей — со стороны? Это значит выражать недоверие к местным кадрам. Какие имеются основания у Мирзояна или Вайнова выражать недоверие местным кадрам — пусть скажут нам. Слишком много на себя берут эти товарищи и подводят себя, а стало быть, подводят и партию.

Так подбирать людей не годится. Вот тоже т. Серго, — он был у нас одним из первых, из лучших членов Политбюро, руководитель хозяйства высшего типа, я бы сказал, он тоже страдал такой болезнью: привяжется к кому-нибудь, объявит людей лично ему преданными и носится с ними, вопреки предупреждениям со стороны партии, со стороны ЦК. Сколько крови он себе испортил на то, чтобы цацкаться с Ломинадзе. Сколько крови он себе испортил, все надеялся, что он может выправить Ломинадзе, а он его надувал, подводил на каждом шагу. Сколько крови он испортил на то, чтобы отстаивать против всех таких, как видно теперь, мерзавцев, как Варданян, Гогоберидзе, Меликсетов, Окуджава — теперь на Урале раскрыт. Сколько он крови себе испортил и нам сколько крови испортил, и он ошибся на этом, потому что он больше всех нас страдал и переживал, что эти люди, которым он больше всех доверял и которых считал лично себе преданными, оказались последними мерзавцами. Опыт человека, руководителя высшего типа показывает, что метод личного подбора людей гибелен, тем более опыт таких людей, как Мирзоян и Вайнов, которых я не могу считать руководителями высшего типа, но привожу, чтобы показать этот опыт, что эти люди подводят их и подводят партию. Этот метод подбора небольшевистский, я бы сказал, антипартийный метод подбора людей, с этим методом товарищи должны покончить, пока не поздно.

Четвертый вопрос. Что значит проверка работы, проверка исполнения? Как надо работников проверять, нужна ли вообще проверка? Бесспорно, нужна. Без проверки людей по результатам их работы нельзя ни одного работника узнать, распознать, чем он дышит и что он из себя представляет. Нельзя на основании речей, деклараций, словесных заявлений делать вывод о природе, так сказать, данного работника. Нельзя никак, это опасно, это наивно. Чтобы распознать работников, надо их проверять на работе, по результатам их работы, изо дня в день надо проверять.

Какая бывает проверка вообще в нашей практике? Бывает проверка сверху, ну, высший руководитель, имея в своем подчинении руководителей пониже, проверяет их, бывает у них, либо приглашает их к себе, и вообще по результатам работы проверяет. Это очень хорошо, это замечательно, но этого недостаточно. У нас даже это правило нарушается сплошь и рядом. Ежели человека наметили на работу и поставили, забывают потом о нем, не спрашивают, не проверяют, никакой помощи. Многие из них просят помощи, пищат, кричат, шлют письма, телеграммы, ни ответа, ни привета, просто поставили человека на работу, значит отдали ему работу на откуп. Это — нарушение элементарного правила ленинского принципа проверки исполнения.

Так вот проверка эта бывает сверху, проверка, идущая сверху, когда шеф проверяет своих подчиненных; бывает проверка снизу, когда руководителей проверяют партийные массы либо беспартийные массы. Партийные активы либо беспартийные активы. Либо народ проверяет сам в порядке выборов. Вот организуемые нами выборы в верховные органы нашей страны, эти выборы будут большой проверкой для многих из наших

работников. Средства для проверки снизу — это активы регулярные, партийные и беспартийные, и отчеты руководителей, честные практические отчеты о своей работе. От этого дела многие товарищи ушли, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и вообразив себя [...] мира. Но они ошиблись, как видно, и запутались.

Надо восстановить активы партийные и активы беспартийные при наркоматах, при предприятиях — то, что у нас раньше называлось производственным совещанием. Весь завод собрать трудно, у нас есть заводы, где 30—40 тыс. работают, но отобрать актив из лучших людей партийных и беспартийных и отчитаться перед ними и узнать, чем они дышат, эти активы, и какие ошибки замечаются, следовало бы.

Вот одно средство проверки работников снизу: активы партийные, активы непартийные, беспартийные и отчетность на этих активах со стороны руководителей. И другое средство — восстановление демократического централизма в нашей внутривнутрипартийной жизни. Это тоже проверка, товарищи. Восстановление, на основе устава, выборности партийных органов. Тайные выборы, право отвода кандидатов без исключения и право критики. Вот вам второе средство проверки снизу. И то и другое надо практиковать.

Стало быть, у нас есть два пути для проверки работников: путь, идущий сверху, от шефа подчиненного, и другой путь — путь, идущий снизу, контроль снизу. Причем контроль снизу имеет две формы: контроль через активы с отчетностью со стороны руководителей и контроль через восстановление демократической выборности в нашей партии, когда члены партии имеют право отводить любого кандидата, критиковать, сколько влезет, и заставить руководителя отчитаться перед партийной массой.

Пятый вопрос. Что значит воспитывать кадры на их собственных ошибках? Ленин учил нас, что лучшее средство воспитать кадры, вырастить и выработать резерв партии или другой организации — это воспитывать их на их собственных ошибках. Что это значит? Это значит помочь кадрам во-время вскрыть их ошибки; помочь каждому работнику, каждому руководителю во-время вскрыть свои ошибки, помочь им честно признать эти ошибки и помочь им исправить свои ошибки честно и до конца, не боясь того, что на этом можно, как говорят, нажать врагов.

Мало найдется-ли людей или работников, которым неприятно, но надо учить людей, вооружиться мужеством, чтобы выслушивать критику, приучить себя и на этом дать возможность работникам идти вверх, расти.

Некоторые примеры. Вы помните о наших ошибках по коллективному строительству в 1930 г., когда говорилось о головокружении от успехов. Центральный комитет партии взял твердую линию на беспощадную критику наших кадров. А тогда, ведь, как колхозы создавались, было большое соревнование между областями, кто больший процент коллективизации выполнит. Приходила группа пропагандистов в село, собирали 500—600 домов в селе, собирали сход и ставили вопрос, кто за коллективизацию. Причем делали очень прозрачные намеки: если ты против коллективизации, значит ты против советской власти. Мужики говорили: мы что, организуйте, мы за коллективизацию. После этого летели телеграммы в Центральный комитет партии, что у нас коллективизация растет, а хозяйство оставалось на старых рельсах. Никаких коллективов, было только голосование за коллективизацию.

Когда мы по Московской области проверили, то оказалось, будто бы 85% было коллективизировано в 1930 году. Сколько в этих процентах результативного и сколько фактического? Вышло, что всего-навсего 8% коллективизации вместо 85. Вот, вы качаете головой, а ведь у всех было так. Эта болезнь была общая, каждая область была заражена этой болезнью в большей или меньшей степени.

Центральный комитет ударил по этим ошибкам. Кадры наши сумели повернуть это дело, и мы на этом вырастили наши кадры. Если бы не вскрыли мы этих ошибок, если бы Центральный комитет стал опасаться того, что мы кое-какие кадры растеряем, что вызовем недовольство, если бы Центральный комитет стал бояться гладить кое-кого против шерсти,

если бы Центральный комитет пошел против этого течения, мы бы загубили все дело и все наши кадры деморализовали. Мы погубили бы рост сельскохозяйственных кадров, рост колхозов. Теперь мы имеем неплохих руководителей колхозного движения, тем, что вскрыли их ошибки до конца, заставили признать эти ошибки, выйти на новую дорогу.

Другой пример — Шахтинское дело, большой просчет был бы у нас у всех, что было бы с нами, если бы мы не взяли по-настоящему, по-большевистски дать возможность нашим кадрам на своих ошибках воспитываться, — загубили бы дело промышленности. Многие товарищи испугались, что идти против течения — значит нажать себе врагов. Руководство Центрального комитета партии развернуло самокритику, беспощадную самокритику, и мы выиграли. Вскрыли свои ошибки и на этом воспитали свои хозяйственные кадры. С того времени мы имеем действительные, настоящие хозяйственные кадры. С тех пор — после шахтинского дела — прошли десять лет, и у нас выросли большевистские великолепные кадры и по техническому руководству. Этих кадров не было бы, они были бы деморализованы, дезорганизованы, если бы мы поддались хотя бы на минуту соображениям о том, что ежели пойти против течения, мы можем обидеть людей, нажать себе врагов.

Вот что значит воспитать кадры на их собственных ошибках. Вот что значит иметь мужество честно признать свои ошибки, проанализировать их и найти пути для их исправления. Только в такой обстановке растут и закаляются кадры, так учил нас Ленин, и эти слова Ленина несколько раз оправдываются в наших глазах.

Шестой вопрос — что значит шадить кадры? И как вообще можно их сохранить и выращивать? Шадить кадры. Очень многие товарищи думают так, что ежели смягчить ошибки некоторых товарищей, ежели их смазать и сказать правду об ошибках товарищей только наполовину, то мы пощадим кадры и сохраним их. Правильно это или неправильно? Тот, кто думает, что замазывать ошибки наших кадров — значит сохранить их, пощадить их, он губит кадры, наверняка, он губит кадры. Смягчать ошибки наших кадров, замазывать их — это значит не шадить кадры, а губить. Губить.

Я хотел бы выдвинуть опять несколько фактов из области, так сказать, практической работы некоторых наших очень ответственных руководителей. Это было у т. Серго, которого я уважаю не меньше, а больше, чем некоторые товарищи, но об ошибках его я должен здесь сказать, для того, чтобы дать возможность и нам и вам поучиться.

Взять его отношение с Ломинадзе. У Ломинадзе замечались довольно серьезные ошибки по партийной и по государственной линии. Еще с 1926—27—28 гг. об этих ошибках знал т. Серго больше, чем любой из нас. Он нам не сообщал о них, полагаясь на себя, полагаясь, что он сумеет это выправить сам, беря на себя слишком много в этом деле. Он имел с ним богатую переписку — т. Серго с Ломинадзе. Мы впоследствии только через 8 или 9 лет после того, как эти письма были написаны, мы впоследствии в ЦК узнали, что они были антипартийного характера. Тов. Серго нам об этом не сообщал по доброту своей исключительно, само собою ясно, надеялся его исправить.

Так как мы не знали настоящего нутра Ломинадзе, мы, ЦК не знал, то мы его стали выдвигать на некоторые посты для того, чтобы посмотреть, что из него получится. Очень трудно человека распознать. Есть одно средство — рискнуть поставить, дать ему максимум ответственности и поглядеть, что из этого выйдет. На этот риск пошли, поставили секретарем Закавказской партийной организации. Если бы мы знали о переписке Серго, мы бы этого ни в коем случае не допустили, не поставили бы на этот пост. Но мы не знали. Поставили. Оказалось потом, что человек работает не за партию, а против партии.

В этот период как раз т. Серго получил одно очень нехорошее, неприятное и непартийное письмо от Ломинадзе. Он зашел ко мне и говорит: «Я хочу тебе прочесть письмо Ломинадзе». — «О чем там говорится?» —

«Нехорошее». — «Дай мне, я в Политбюро доложу, ЦК должен знать, какие работники есть». — «Не могу». — «Почему?» — «Я ему дал слово». — «Как ты мог ему дать слово, ты — председатель ЦК, хранитель партийных традиций, как ты мог дать человеку честное слово, что антипартийное письмо о ЦК и против ЦК не покажешь Центральному Комитету? И что, ты будешь иметь с ним, с Ломинадзе, секреты против ЦК? На что это похоже, т. Серго, как ты мог пойти на это?» — «Вот не могу». Он просил несколько раз, умолял прочитать. Ну, видимо, морально он хотел разделить со мной ответственность за те секреты, которые у него имелись с Ломинадзе, не разделяя, конечно, его взглядов, безусловно, против ЦК. Чисто такое дворянское отношение к делу, по-моему, рыцарское, я бы сказал. Я ему говорю, что его участником в таком секрете не хочу быть, я до сих пор считаюсь членом ЦК. Письмо дашь, я немедленно пошлю членам Политбюро, чтобы знали, какие работники имеются, я вот ЦК доложу, и так сказал Серго: «Ты его загубишь, Ломинадзе». — «Почему? Вот если ты на этом малом, — письмо антипартийное, но не такое, чтобы за него можно было исключить из партии, — если ты на этом малом, скажешь о письме членам ЦК, то на большем Ломинадзе поостережется. Если же ты эту штуку спрячешь от ЦК и будешь отстаивать, Ломинадзе и впредь будет надеяться, что можно и впредь некоторые ошибки против ЦК допускать, так как есть люди, которые его могут защитить, и Ломинадзе может повторять эти ошибки, но потом он может попасться на большем, и если он на большем попадет, мы его разгромим вдребезги, пыли от него не останется. Ты его губишь, ты думаешь, что ты его щадишь — Ломинадзе. По-обывательски, может быть, так выходит, но по-настоящему, по большевистски если смотреть, ты его губишь, потому что ты вовремя его не одергиваешь». Он говорит, что такие письма и раньше получал. Значит, плохо, ты его погубил наверняка, ты его поставил под удар ЦК, потому что он теперь на большем попадет и его не пощадят.

Оно так и вышло. Попался на большем. Ну, конечно, никто так не переживал эту трагедию, как Серго, потому что лично доверял человеку, а он его личное доверие обманул. Он требовал расстрела Ломинадзе. Такая крайность. Он его защиты перешел к расстрелу. Мы сказали: «Нет, мы расстреливать его не будем, арестовывать не будем, даже исключать из партии не будем. Мы его просто выведем из состава ЦК». Вот вам пример, товарищи, пример человека, т. Серго, через руки которого проходили десятки тысяч людей, который тысячи замечательных хозяйственников и партийцев вырастил. Вот, видите ли, вот такая штука получается, когда замазываешь, скрываешь ошибки товарища и во-время его не одергиваешь, а наоборот, прикрываешь, — губишь его, наверняка губишь.

Стало быть, что значит щадить кадры и сохранять их? Это значит, если есть у них ошибки, во-время указать им на это, во-время одернуть, не скрывая, не замазывая. Это единственное средство пощадить кадры, единственное средство сохранить их.

Как надо подготовить и переподготовить в духе ленинизма наши кадры? Короткая схема по этому вопросу изложена в проекте резолюции. Кое-что об этом я говорил в докладе, можно было бы более конкретно сказать несколько слов.

Прежде всего надо суметь, товарищи, напрячься и подготовить каждому из вас себе двух замов прежде всего. Будут ли они нынешние вторые секретари или какие-нибудь другие, более подходящие, это зависит, так сказать, от вашей прозорливости и от вашего умения распознавать людей. Но замы должны быть настоящими замами, полноценными, способными вас заменить, потому что если пленум ЦК примет этот пункт в проекте резолюции, а он его, видимо, примет, то ясно, что мы приступим к осуществлению этого дела.

102 тыс. ячеек у нас имеется в партии, 102 тыс. первичных партийных организаций. Стало быть, 102 тыс. секретарей первичных партийных организаций. Мы их всех отзовем на курсы через 4, через 5 месяцев, отзовем через 3, через 4 месяца — это практика покажет. Но раньше чем их

отзывать, они, эти секретари, должны по два зама выдвинуть для себя. А чтобы они не ошиблись в людях, необходимо, чтобы соответствующие райкомы утвердили списки замов. Мы должны пустить в подготовку и переподготовку партийно-политического характера 102 тыс. секретарей. Это наши партийные унтер-офицеры, от них очень многое зависит, я бы сказал, девять десятых нашей работы от них зависит.

У нас имеется 3 500 с лишним районных секретарей городских и не городских. Каждый из них должен обязательно подобрать себе двух замов полноценных, способных их заменить, — будут ли это нынешние вторые секретари или нет, я не знаю, но мы не хотим больше терпеть того, чтобы секретари подбирали себе в заместители замырышек, людей на побегушках. Не годится это. ЦК будет требовать, чтобы заместители были настоящие, полноценные и способные заменить районных секретарей. Мы имеем около 3 500 секретарей. Всех их мы пустим на учебу, на переподготовку, на курсы, на так называемые ленинские курсы. Программу этих курсов мы будем вырабатывать, займемся этим вместе с вами, представителями областей и республик. Будут намечены центры, где эти курсы организовать. Конечно, ничего такого безапелляционного в проекте резолюции нет, можно больше центров наметить, можно меньше, лишь бы обучение было налажено по-настоящему, не так, как теперь, к сожалению, для статистики, для рапортов, для адресов, но для настоящей политической ленинской учебы.

У нас имеется несколько сот городских комитетов. После этого пленума, очевидно, первый секретарь обкома или крайкома, он же должен быть первым секретарем горкома. Это, ясно, для того, чтобы городскую работу поднимать, надо возложить на него прямую и непосредственную ответственность. Ну, там будут вторые секретари, может быть, по два. Мы бы хотели, чтобы первые секретари горкомов подобрали себе двух полноценных заместителей, для того, чтобы их тоже послать на курсы по истории партии.

У нас имеется свыше 100 крайкомов, там тоже секретари сидят, а также в национальных областях. Мы тоже будем требовать, чтобы каждый из первых секретарей постарался выдвинуть двух заместителей себе, настоящих, полноценных. Мы их будем утверждать в ЦК, этих заместителей, для того, чтобы потом первые секретари обкомов, крайкомов в ЦК нацкомпартий изволили приехать в Москву и вот этикие совещания устраивать. Совещаниям этим мы можем придать известный интерес.

Я говорил в докладе, повторяю здесь, что мы, старики, члены Политбюро, скоро отойдем, сойдем со сцены. Это закон природы. И мы бы хотели, чтобы у нас было несколько смен, а для того, чтобы дело организовать, надо теперь же заняться этим, дорогие товарищи, первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, и в международные и внутренние дела впутаться как следует, вместе с нами.

Вот наши пути, при помощи которых необходимо организовать настоящую ленинскую подготовку и переподготовку наших кадров: 102 тыс. первых секретарей первичных парторганизаций, 3 500 районных секретарей, свыше 200 секретарей горкомов, свыше 100 секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий. Вот тот руководящий состав, который должен перучиваться и совершенствоваться.

Следующий вопрос. Что значит не только учить массы, но и учиться у масс? Я, товарищи, эти вопросы ставлю потому, что у меня впечатления от прений таковы, что полная готовность исправить ошибки имеется и возможности, конечно, есть, если люди захотят, они исправятся, бесспорно. Но нет понимания некоторых конкретных вопросов по нашей практической политике и организационной политике. Поэтому, я считаю, нелишним было бы в заключительном слове об этих вопросах поговорить.

Что значит ленинский тезис — не только учить массы, но и учиться у масс? Ленин нас обязывал не изображать из себя людей, у которых в голове сосуд всякой мудрости. Неверно, это нам, руководителям, вещи, события видны с одной стороны, а руководимые смотрят на те же вещи с другой стороны. То, что мы видим, может быть, не видят рядовые члены партии, но то, что они видят, большею частью мы не видим. А для того,

чтобы мы могли распознать вещи как следует, а что значит распознать — понять вещи со всех сторон, а для этого необходимо соединить опыт руководителей, глядящих на вещи сверху, с опытом рядовых членов партии, которые тоже живут и набираются опыта и которые глядят на вещи снизу. Соединение этих двух опытов, оно дает настоящее полноценное знание о вещах, о делах и фактах. Это значит не только учить массы, но и учиться у масс. У нас некоторые товарищи думают, что если он Нарком, то он все знает, думают, что чин сам по себе дает очень большое, почти исчерпывающее знание, или думают: если я член ЦК, стало быть, не случайно я член ЦК, стало быть, я все знаю. Неверно это. Учиться надо до самой смерти старикам, не говоря уже о молодых. Мы — руководящие и они — руководимые должны друг дружку учить, чтобы учеба вышла полноценной, стопроцентная. А что значит не только учить массы, но и учиться у масс? Это значит ни на минуту не ослаблять, не разрывать связь с массами, с партийными массами, с рабочими массами, с крестьянскими массами, вообще с народом, ни на минуту не ослаблять и не разрывать связи. Это значит прислушиваться к голосу масс, как говорят, к голосу низов, или, как говорят, к голосу простых маленьких людей; научиться прислушиваться к голосу маленьких людей, у которых нет чинов, нет постов, но которые живут недаром на свете и которые имеют большой опыт.

Чтобы это было понятно, я хотел бы рассказать вам о двух примерах, имеющих отношение к нашему руководству. Это было года три-четыре тому назад или больше, может быть, лет пять тому назад. Я имею тот случай, когда здесь, в Москве, ЦК и руководители Наркомтяжпрома совместно выработали новые установки по Донбассу о новой организации заработной платы, о новой организации работы и о проверке исполнения. Это было, кажется, лет пять тому назад.

Положение было у нас отчаянное, из Донбасса требовали — мобилизуйте рабочих, не хватает рабочих. Мы мобилизуем рабочих несколько сот тысяч, мобилизуем 200 тысяч. Через неделю 200 тыс. уходит из Донбасса. Люди нам говорят: вы плохо снабжаете нас, поэтому добыча угля не идет как следует. Мы отвечаем хозяйственникам: в прошлом году вы добывали столько-то, получали такое-то снабжение, а нынче получили на 20% больше снабжения, мы мобилизовали для вас несколько сот тысяч людей, но эти люди ушли куда-то, провалились в дыру, и это повторяется из года в год. Какая-то сизифова работа. Намобилизуем несколько сот тысяч людей, 300 тыс. людей, и оказывается, столько же ушло из Донбасса, даем лучшее снабжение — тоже не помогает.

Мы предложили Наркомтяжу: давайте ваш проект, дающий выход из этого положения, потому что тут какой-то порочный круг — снабжение лучше, даем новых несколько сот тысяч людей, 300 тыс. людей, и уходят 300 тыс. людей, опять мобилизуем 300 тыс. людей — и опять они уходят. Дело дезорганизуется, Донбасс превращается в проходной двор. Три проекта в разное время были представлены. Тут Серго принимал участие, Иосиф Косиор, руководящие работники Наркомтяжа. Мы, члены Политбюро, пришли к тому, что проекты эти ни черта не стоят. Люди совершенно оторвались от практических нужд Донбасса и ничего дельного предложить не могут, и решили из Донбасса вызвать простых людей, низовых работников, простых рабочих. Вызвали, спросили — в чем тут дело, как из положения выйти? Беседовали мы с ними три дня, и вот они подсказали нам то решение, которое мы приняли и которое потом перевернуло к лучшему положение в Донбассе. Оказывается, что чем дальше работник от шахты, тем больше жалованья он получает, чем ближе к подземелью, тем меньше жалованья получает. Ясно, что лучшие работники уходят подальше от шахты, худшие — поближе к шахте. Но плохие работники никакой пользы оказать делу не могут. Сами рабочие надземные получают больше жалованья, чем подземные. Кто же туда пойдет из опытных инициативных рабочих? Никто не пойдет, потому что он гораздо больше получает на надземной работе. Здесь была обнаружена и функционалка и обезличка. Все это было санкционировано и, главное, был дан конкретный

выход из положения. То, что нам рабочие рассказали, мы сформулировали, прочли, они одобрили, а потом пустили в ход. Вот вам что значит прислушиваться к голосу маленьких людей, не разрывать связей с маленькими людьми, с массами, не ослаблять связей, а всегда держать их крепко в руках.

Второй пример — пример с Николаенко. О ней много говорили, и тут нечего размазывать. Она оказалась права — маленький человек Николаенко, женщина. Пищала, пищала во все инстанции, никто внимания на нее не обращал, а когда обратил, то ей же наклеили за это. Потом письмо поступает в ЦК. Мы проверили. Но что она пережила и какие ей пришлось закоулки пройти для того, чтобы добраться до правды! Вам это известно. Но ведь факт — маленький человек, не член ЦК, не член Политбюро, не Нарком и даже не секретарь ячейки, а простой человек — а ведь она оказалась права. А сколько таких людей у нас, голоса которых глушатся, заглушаются? За что ее били? За то, что она не сдастся так, мешает, беспокоит. Люди рассуждают так: тебя исключили, ну и сиди, молчи, пока цела. Нет, она не хочет успокоиться, она тыкается в одно место, в другое, в третье, — хорошо, что у нее инициативы хватило, ее все по рукам били, и когда, наконец, она добралась до дела, оказалось, что она права, она вам помогла разоблачить целый ряд людей. Вот что значит прислушиваться к голове низов, к голосу масс.

У древних греков в системе их мифологии был один знаменитый герой, который считался непобедимым, — Антей. Он был, как повествует мифология, сыном Посейдона, бога морей, и Геи — богини Земли. Он питал особую привязанность к матери своей, которая его родила и вскормила. Не было такого героя, которого бы он не положил на обе лопатки, этот Антей, по повествованию мифологии. В чем состояла его сила? Она состояла в том, что когда ему в борьбе с противником приходилось туго, он прикасался к земле, к своей матери, которая его родила и вскормила, и получал новые силы. Герой, который каждый раз, прикасаясь к земле, получал новые силы, он стал непобедим, но его все же победили, победил его Геркулес. Как? Он его оторвал от земли, подняв на воздух, и задушил в воздухе, оторвал от его матери, породившей и вскормившей его.

Я думаю, что наши большевистские руководители похожи на Антея, должны быть похожи на Антея. Большевистские руководители — это Антеи, их сила состоит в том, что они не хотят разрывать связи, ослаблять связи с своей матерью, которая их родила и вскормила, — с массами, с народом, с рабочим классом, с крестьянством, с маленькими людьми. Все они — большевики — сыны народа, и они будут непобедимы только в том случае, если они не дадут никому оторвать себя от земли и потерять тем самым возможность, прикасаясь к земле, к своей матери — к массам, получать новые силы.

Только люди, которые поняли, что не только учить надо массы, но и учиться у них, только люди, которые поняли, что ни в коем случае ни на одну минуту нельзя отрываться от нашей матери, от народа, от рабочего класса, от масс, которые породили, вскормили и выдвинули нас на свет, только такие большевики могут быть непобедимы, и только постольку, поскольку они этот завет и этот тезис Ленина осуществляют в жизнь. Без этого — отрыв от масс, без этого — бюрократическое окостенение, без этого — гибель, без такой связи с нашей матерью — с массами, с рабочим классом, который породил нас и выдвинул нас, без такой неразрывной связи — бюрократическое окостенение, гибель. Вот что значит принцип Ленина не только учить массы, но и учиться у масс.

Наконец, последний вопрос — насчет заботы о членах партии и об их судьбе. Я бы не сказал, чтобы очень у нас заботились о членах партии и об их судьбе. Вообще у нас развелись люди больших масштабов, которые мыслят тысячами и десятками тысяч. Исключить 10 тыс. членов партии — пустяки, чепуха это. Так они думают. У нас 2 млн. членов и кандидатов партии, что значит 10 тыс. исключить, балласт, пассивность, как еще у нас говорят — пассивные? (Г о л о с а с м е с т. Пассивные.) А что значит такое

отношение к рядовому члену партии? Это помощь вредителям, троцкистам, врагу вообще. Потому что ежели мы будем исключать людей и допускать, чтобы их исключали без разбора, если мы будем мыслить в десятках, а о единицах, об отдельных членах партии будем забывать, так ясно, что не все исключенные примирятся со своим положением. Это дает зацепку троцкистам, врагам нашим, дает им резерв, дает им армию. Сами по себе троцкисты никогда не представляли большой силы в нашей партии.

Если вспомните последнюю дискуссии у нас в 1927 г., дискуссия была открытой, это был референдум. Настоящий референдум. Участвовало в этом референдуме 730 тыс. членов партии из 854 тысяч. Значит, 123 тыс. не участвовало в голосовании. Либо потому, что они в сменах были тогда, либо потому, что в отъезде были или в отпусках и прочее. Из 854 тыс. членов партии, стало быть, участвовало в референдуме 730 800. Высказались за большевиков против троцкистов 724 тысячи. Высказались за троцкистов 4 тысячи. Это полпроцента. Воздержалось 2600. Я думаю, что к тем, которые голосовали за троцкистов, надо прибавить тех, которые воздержались. Это будет 6 тыс. с лишним. Я думаю, что из тех членов партии, которые по разным причинам не могли участвовать в этом референдуме, это значит 121 тыс., можно было бы 10 процентов отдать троцкистам. Правда, соотношение сил среди голосовавших такое, что 99,5% голосовало за большевиков и 0,5%, то есть полпроцента, значит, за троцкистов. Однако здесь среди тех, которые не принимали участие в референдуме, я хотел бы дать троцкистам 10 процентов, не полпроцента, а 10 процентов. Это составит около 11 тыс., кажется, от 120 тысяч.

Вот вам: за троцкистов голосовали 4 тыс., воздержались 2 600—6 600. Добавим им 11 тысяч — 18 тысяч. Вот троцкисты. Тысяч 10 можно положить за зиновьевцев — 28 тысяч. Давайте будем класть больше для объективности, больше, чем следует, — 28 тысяч. И всякая другая шушуря: правые и прочие, давайте будем класть 30 тысяч. Вот вам кадры, количество отнюдь не преувеличенное, люди, которые стояли за антипартийное течение, за троцкистов, за зиновьевцев. Многие стали высказываться за зиновьевцев и потом всякая мелочь: рабочая оппозиция, правые, демократический централизм и т. д. — 30 тыс. при 854 тыс. членов партии. Сейчас у нас членов партии полтора миллиона, кажется, с кандидатами — 2 миллиона. Из этих кадров троцкистов, зиновьевцев уже арестовано 18 тысяч. Если взять 30 тыс., значит, 12 тыс. остается. Многие из них перешли на сторону партии, и перешли довольно основательно. Часть выбыла из партии, часть остается, как-будто бы не очень большие силы. Но, во-первых, для того, чтобы напасть и нагадить, для этого не требуется много сил. Во-вторых, это не исчерпывается внутри СССР-овскими кадрами троцкистов.

То, что мы за это время понаисключили десятки, сотни тысяч людей, то, что мы проявили много бесчеловечности, бюрократического бездушия в отношении судеб отдельных членов партии, то, что за последние два года чистка была и потом обмен партбилетов — 300 тыс. человек исключили. Так что, с 1922 г. у нас исключенных насчитывается полтора миллиона. То, что на некоторых заводах, например, если взять Коломенский завод... Сколько там тысяч рабочих? (Голос с места. Тысяч тридцать.) Членов партии сейчас имеется 1400 человек, а бывших членов и выбывших с этого завода или исключенных — 2 тыс., на одном заводе. Как видите, такое соотношение сил: 1400 членов партии — и 2 тыс. бывших членов на заводе. Вот, все эти безобразия, которые вы допустили, — все это вода на мельницу наших врагов. Вы не утешайте себя тем, что каких-нибудь 12 тыс., может быть, из старых кадров остается и что троцкисты последние кадры пускают в ход для того, чтобы пакостить, которых мы скоро перестреляем, не утешайте себя. Бездушная, бесчеловечная политика в отношении рядовых членов партии, отсутствие всяких интересов у многих из наших руководителей к судьбам отдельных членов партии, эта готовность тысячами вышибать людей, которые оказались замечательными людьми, когда мы их проверили, первоклассными стахановцами, готовыми идти на всякие жертвы.

Все это создает обстановку для того, чтобы умножать резервы для врагов — и для правых, и для троцкистов, и для зиновьевцев, и для кого угодно. Вот с этой бездушной политикой, товарищи, надо покончить.

Требовать от каждого члена партии, чтобы он был марксистом, — ведь это же глупость. У нас есть старая, испытанная формула членства партии, данная Лениным, формула, которая оправдана всей историей нашей партии. Член партии — это тот, который признает программу, участвует в одной из организаций партии и платит членские взносы. Признать программу — это не значит обязательно быть сознательным марксистом, который читал Маркса. На это нужны годы, если не десятилетия, для того, чтобы стать сознательным марксистом. Где же рабочий может стать сознательным марксистом, когда у него нет времени? Положение его толкает к марксизму, он понимает программу, более или менее ее признает, он готов за эту программу драться с врагом. Вот и все. Но ежели он не осознал марксизм, ежели он не изучил основы марксизма... (Голос с места. Не усвоил.), не усвоил — это же идиотизм. Этот идиотизм мы допустили на съезде партии, включив такие комментарии в устав партии насчет того, кого можно назвать активным и кого можно назвать пассивным. Мы не можем устав изменять. Мы не можем на пленуме отменять ошибку, которую мы по недосмотру допустили, но мы можем по чистой совести не применять этот пункт, потому что он против марксизма, против ленинизма, против правды и против совести.

Если человек признает нашу программу, ну, принял ее в основу, если он работает в одной из наших партийных организаций, если он платит членские взносы, поскольку он может платить — это член партии полноправный. Нельзя требовать от каждого члена партии, чтобы он усвоил марксизм. Я не знаю, многие ли члены ЦК усвоили марксизм. (Веселое оживление в зале).

Многие ли секретари обкомов, крайкомов усвоили марксизм? На это нужно десятилетие, чтобы усвоить марксизм. Как Ленин усвоил марксизм? Как он читал сочинения Маркса? Он не просто читал, а прорабатывал. Он записки составлял, раз, другой, третий раз перечитывал, руководил движением. И вот он в конце концов добился, что усвоил марксизм. Нельзя же требовать этого от каждого члена партии. Это глупо.

И еще одна оплошность или погрешность наша, я уже не знаю. Уж если простой человек провинился, у наших людей нет другой меры, кроме исключения, как одно время было у нас в уголовной практике — либо расстрелять, либо оправдать, как будто нет промежуточной ступени. Допустим, член партии не мог присутствовать на собрании раз, другой раз. Ну, ты его позови, предупреди, что нельзя уклоняться от партийных собраний. Ну, если он все-таки не может присутствовать или, если был такой случай, что не мог заплатить членские взносы, тут ты его опять же предупреди. Ну, можно указание сделать, можно над вид потом поставить, можно потом выговор ему записать и можно потом дать срок — вот тебе срок, — за это время ты как-нибудь исправься. Или если он самых элементарных штук по части нашей партийной идеологии не знает, есть некоторая азбука, которую член партии должен изучать, ну, дать ему срок, помочь изучить. Если не помогает, перевести в кандидаты, ежели и это не помогает, перевести в сочувствующие. Нет, у нас не хотят этого. Либо ты член партии, либо вон из партии. Это же нехорошо, товарищи, нехорошо.

Вот таковы вопросы, о которых я хотел поговорить сегодня. (Продолжительные аплодисменты).

Андреев. Переходим к принятию решения по докладу т. Сталина. Проект, в основном одобренный Политбюро, всем роздан. Имеются ли поправки или дополнения к проекту? (Голоса с мест. Нет. Хатаевич. Одна редакционная поправка. Там сказано: «Пленум обязывает секретарей обкомов взять на себя обязанности секретаря горкома». Это немного неудобно, их же выбрать надо. Сталин. Там сказано, что выборы должны быть проведены. Взять на себя функции — это не значит стать секретарем.) Нет надобности вашу поправку принимать, т. Хатаевич, это ясно и так.

Есть ли еще поправки и дополнения? Нет. Голосую. Кто за то, чтобы утвердить представленный проект резолюции, прошу поднять руки. Кто против? Кто воздержался? Нет. Принято единогласно. Порядок дня Пленума исчерпан.

Сталин. Видите ли, товарищи, тут выборы по партийной линии на основе резолюции, принятой по докладу т. Жданова, придется провести к 20 мая, бесспорно. Мы в Политбюро обсуждали вопрос, у нас мнение такое, что придется вот в таком же подробном порядке обсудить вопрос о том, чтобы наши советы тоже перестроились на новый лад, имея в виду восстановление демократического централизма в советах. Там выборность плохая. Не только партийные организации забыли о выборности партийных органов, но и советские организации об этом забыли и неправильно применяют принцип выборности — депутаты пропадают куда-то, списков нет, отчетности нет. А между тем, если мы только партийные организации перестроим — в перспективе перестройки партийных организаций на демократический лад, — мы им поможем принять активное участие и возглавить выборы в верховные органы страны. Тем более вы должны наши местные советы перестроить на общедемократический лад, все эти РИКи, исполкомы, горсоветы, потому что много ли там демократизма, как вы подумаете? (Голоса с мест. Мало. Молотов. Да, да). Так вот у нас общее мнение такое, чтобы на следующем пленуме поставить вопрос о подготовке советов к новым условиям выборов в связи с принятием новой конституции... (Голоса с мест. Правильно!)... с приглашением предисполкомщиков и вообще советских людей. (Голос с места. О профсоюзах тоже надо.) О профсоюзах и о комсомоле, может быть, придется там же обсудить вопрос, не только о профсоюзах, но и о комсомоле, может быть, придется соединить эти три вопроса. Но центром будет перестройка рядов наших работников местных советов, где демократизма очень мало, где работа запущена. (Каганович. Правильно. Голоса с мест. Правильно.) Если это верно, тогда это можно принять.

Андреев. Возражений нет против этого предложения т. Сталина?

Голоса с мест. Нет.

Сталин. Вопрос можно обсудить о перестройке лишь в том случае, если товарищи у себя в партии проведут выборное начало и опытом своим поделятся с советскими работниками, которых мы пригласим на следующий пленум. Тогда будет уже опыт демократический. (Каганович. Вы уже тогда сумеете отчитаться.)

Андреев. Принято предложение т. Сталина?

Голоса с мест. Принято.

Андреев. Заседание Пленума ЦК объявляю закрытым.

Войны Древней Руси

Р. Г. Скрынников

Ранняя история восточных славян тесно связана с историей хазар, норманнов и византийцев. Хазары были ближайшими восточными соседями славянского племени полян, живших в Поднепровье. Кочевая орда хазар переселилась в Европу вслед за гуннами, аварами и болгарами. В отличие от других орд, прошедших через поволжские степи на запад, хазары, потеснив болгар, осели в Поволжье. Образование Хазарского каганата в середине VII в. изменило лицо Восточной Европы. Каганат на два столетия приостановил движение кочевых орд из Азии в Европу, что создало благоприятные условия для славянской колонизации Восточной Европы.

Хазары создали яркую культуру, вобравшую в себя традиции многих племен и народов от Китая до Византии. Крупнейшим фактом в истории хазар было образование на территории каганата богатых городов, ставших важными центрами европейской торговли. Хазарская торговля оживила древние пути из Причерноморья в Византию и расширила общение славян с азиатским миром. В союзе с Византией хазары вели длительную войну с Арабским халифатом. Будучи разгромлены арабами, они отступили с Кавказа. Каган и его двор приняли ислам. В VIII—IX вв. общение с Византией привело к быстрому распространению в Хазарии христианства, основательно потеснившего ислам. Византийские инженеры в IX в. построили для хазар каменную крепость на Дону. В пределах каганата образовалось семь христианских епископств. Большую часть в истории Хазарии играли евреи, выходцы из владений Арабского халифата и Византийской империи. Благодаря еврейскому купечеству Хазария значительно расширила свое участие в международной торговле. Переход власти в руки еврейской элиты привел к тому, что иудаизм стал одной из ведущих религий на территории каганата¹.

В IX в. хазары подчинили себе некоторые восточнославянские племена. Вятичи, северяне, поляне и радимичи, обитавшие в непосредственной близости от границ каганата на Средней Волге и в Поднепровье, стали платить дань хазарам.

На Балтике и в верхнем Поволжье ближайшими соседями славян были племена финнов и балтов. К северу от них в Скандинавии обитали норманны, принадлежавшие к германским племенам. С VIII в. страны Европы подверглись мощному натиску со стороны «кочевников моря» — викингов.

Скрынников Руслан Григорьевич — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского университета.

Период викингов завершил эпоху Великого переселения народов. В IX в. норманны завоевали Ирландию и Северную Англию, утвердились в устье Луары и Сены и осаждали Париж. Они пытались подчинить империю франков, распавшуюся на два государства. Угроза завоевания имела реальный характер. Лишь ценой крайнего напряжения сил франки одержали верх и истребили норманские полчища в Бретани и на Рейне.

Натиск возобновился на рубеже X в., когда Рольв Роллон, имея 15—20 тыс. воинов, захватил северо-западное побережье Франции и основал герцогство Нормандию. В конце века вся Англия была обложена данью в пользу датских конунгов². В это же время норманны открыли Гренландию и первыми из европейцев достигли берегов Северной Америки. Норманские княжества появились на морских побережьях Италии и Сицилии. Христианский мир с трудом остановил вторжение варварских племен из Дании и Скандинавии. Константинопольский патриарх предупредил православный Восток о новой опасности в 867 году. На западе собор духовенства в Мене в 888 г. решил дополнить христианскую молитву словами: «и от жестокости норманнов избави нас, Господи!»³

Вторжение в страны Западной Европы возглавляли викинги из Дании и Норвегии. В нападениях на Восточную и Южную Европу участвовали норманские флотилии из Норвегии и Швеции.

Славянские поселения не сулили норманнам богатой добычи. Но, освоив реки Восточно-Европейской равнины, они проложили себе дорогу в пределы Хазарин и Византийскую империю. В Хазарию скандинавы попадали через верхнюю Волгу. Великий путь «из варяг в греки» вел из моря Варяжского «в озеро великое Невое» (Ладожское), по рекам Волхову, Ловати через волоки на Днепр и в Понт Эвксинский (Черное море). По Черному морю викинги устремлялись к Царьграду (Константинополю).

Финские племена Прибалтики, первыми подвергшиеся набегам скандинавов, называли норманнов «роутси» или «русы». Вслед за финнами это название стали употреблять их соседи славяне⁴. По сведениям арабских авторов, русы торговали мехами, медом и другими товарами, которые они получали как дань в землях финнов и славян. Кроме того, норманны промышленно работали работорговлей. Проходя через земли славян, викинги захватывали пленных и продавали их в рабство.

Экспансия норманнов на западе и востоке протекала примерно в одинаковых формах и с одинаковыми последствиями. Первоначально скандинавы грабили прибрежные поселения, в особенности церкви и монастыри, позднее заводили «торговые места» — вики и, наконец, основывали герцогства и княжества на завоеванных землях.

Первые попытки основать свои вики и княжества в Восточной Европе норманны предприняли, по-видимому, уже в IX веке. Западные хроники сохранили сведения о том, что не позднее 838 г. в Константинополь прибыли послы, назвавшие себя русами (росами). Они были посланы своим государем — хаканом — в Византию «ради дружбы». Выполнив посольскую миссию, русы решили вернуться в свой каганат не прямым путем через степи, а кружным — через Германию. К этому шагу их вынудили, по-видимому, не передвижения кочевой орды венгров или другой орды, а позиция, занятая Хазарией. Владея низовьями Дона и Днепра, хазары контролировали пути из Северной Европы на Черное море. Установление дипломатических связей и союза между норманнами и Византией не отвечало их интересам. Покинув Константинополь, послы русов прибыли ко двору императора франков в Ингельгейме, и тут выяснилось, что послы по крови и языку являются свеонами (шведами)⁵. Хазарский кагант поддерживал сношения со многими государствами и был хорошо известен всей Европе. О русском каганате ничего не знали ни в Византии, ни в Германии. Поэтому послов хагана франки задержали у себя. Русскому каганату не удалось завязать дипломатические сношения с Византийской империей. Но она вскоре же столкнулась с русскими хазарами лицом к лицу.

В 860 г. флот русов из 200 ладей внезапно появился у стен Константинополя. Император с войском и весь греческий флот находились вдали от

столицы, занятые войной с арабами в Малой Азии. Русы в течение недели жгли церкви и монастыри у стен византийской столицы, грабили и убивали жителей. Затем они погрузились на суда и исчезли так же неожиданно, как появились.

В ближайшие годы после этого набега греки предприняли первую попытку обратить русов в христианскую веру. Осенью 865 г. римский папа Николай I напомнил византийскому императору о недавнем набеге варваров на Византию, когда те убили «множество людей, сожгли церкви святых в окрестностях Константинополя почти до самых стен его»⁶. Конечно, папа имел в виду разгром, учиненный русами в 860 году. На Западе не могли точно определить местонахождение каганата русов. Европейцы не знали, откуда прибыли в Ингельгейм послы хакана Рос. В литературе высказано предположение, что они приплыли из Крыма. Однако если бы русы имели владения в Крыму, их послам ничто не мешало бы вернуться домой прямым путем по морю. В действительности послам пришлось избрать круговой путь, чтобы миновать хазарские степи. Известие Повести временных лет о том, что князь Рюрик, утвердившись в Новгороде, отпустил своих «бояр» Аскольда и Дира в поход (его отождествляют с походом 860 г.) на Константинополь, после чего те вернулись на Русь и стали княжить в Киеве, вряд ли возможно принять на веру из-за его очевидной легендарности. Имена конунгов, совершивших нападение на Царьград, а затем заключивших мир с императором, нам неизвестны.

Во второй половине IX — начале X в. на Восточно-Европейской равнине действовали десятки викингов-предводителей. Исторические документы и предания донесли до нас имена лишь нескольких из них: Рюрика, Аскольда и Дира, Олега и Игоря⁷. Что связывало этих норманских вождей между собой? Из-за отсутствия достоверных данных судить об этом трудно. Русские летописцы, знавшие их имена, трудились в то время, когда Русью управляла одна династия. Книжники полагали, что так было с момента возникновения Руси. В соответствии с этим они увидели в Рюрике родоначальника княжеской династии, а всех других предводителей представили как его родственников или бояр. Летописцы XI в. сконструировали фантастическую генеалогию, соединив случайно сохранившиеся имена. Под их пером Игорь превратился в сына Рюрика, Олег — в родственника Рюрика и воеводу Игоря. Аскольд и Дир были будто бы боярами Рюрика. В итоге полумифический варяг Рюрик стал центральной фигурой древнерусской истории.

Первым историческим деянием норманнов-русов был кровавый и опустошительный набег на Константинополь в 860 году. Византийцы описали его как очевидцы. Ознакомившись с их хрониками два столетия спустя, летописцы приписали поход Рюрику и его «боярам» в полном соответствии со своим взглядом на Рюрика как первого русского князя. «Бояре» Аскольд и Дир «отпросились» у Рюрика в поход на Византию. По пути «бояре» захватили Киев и самочинно назвались князьями. Но Олег в 882 г. убил их и стал княжить в Киеве с малолетним сыном Рюрика Игорем.

По словам летописи, «бе бо Олег вещий». Эти слова воспринимают как указание на то, что Олег был князем-жрецом⁸. Однако летописный текст допускает более простое толкование. Имя Хельг в скандинавской традиции имело значение «священный». Таким образом, прозвание «вещий» было простым переводом имени Олега. Летописец черпал сведения об Олеге из дружинного эпоса, в основе которого лежали скандинавские саги.

Олег был героем киевских былин. Летописная история его войны с греками пронизана фольклорными мотивами. Князь двинулся на Византию будто бы через четверть века после «вокняжения» в Киеве. Когда русы в 907 г. подступили к Царьграду, греки затворили крепостные ворота и загородили бухту цепями. «Вещий» Олег перехитрил греков. Он велел поставить 2 тыс. своих ладей на колеса. С попутным ветром корабли двинулись к городу со стороны поля⁹. Греки испугались и предложили дань. Князь одержал победу и повесил свой Щит на вратах Царьграда. Киевские былины, пересказанные летописцем, описывали поход Олега как

грандиозное военное предприятие. Но нападение русов не было замечено греками и не получило отражения ни в одной византийской хронике. Поход «в ладьях на колесах» привел к заключению выгодного для русов мира в 911 году. Успех Олега можно объяснить тем, что греки помнили о погроме, учиненном русами в 860 г., и поспешили откупиться от варваров при повторном появлении их у стен Константинополя в 907 году. Плата за мир на границах не была обременительной для богатой имперской казны. Зато варварам «злато и паволоки» (куски лучших тканей), полученные от греков, казались огромным богатством.

Киевский летописец записал предание о том, что Олег был князем «у варяг», и в Киеве его окружали варяги: «седе Олег княжа в Кыеве и беша у него мужи варязи»¹⁰. На Западе варягов из Киевской Руси называли русами или норманнами. Кремонский епископ Лиутпранд, посетивший Константинополь в 968 г., перечислил всех главнейших соседей Византии, среди них — русов, «которых иначе мы (жители Западной Европы. — Р. С.) называем норманнами»¹¹. Данные летописей и хроник находят подтверждение в тексте договоров Олега и Игоря с греками. Договор Олега 911 г. начинается словами: «Мы от рода русаго Карлы, Инегельд, Фарлоф, Веремуд... иже послани от Олега»¹². Все русы, участвовавшие в заключении договора 911 г., были норманнами. В тексте договора нет указаний на участие в переговорах с греками купцов. Договор с Византией заключило норманское войско, а точнее, его предводители.

Крупнейшие походы русов на Константинополь X в. имели место в тот период, когда норманны создали для себя обширные опорные пункты на близком расстоянии от границ империи. Эти пункты стали превращаться во владения наиболее удачливых вождей, которые тем самым превращались в конунгов, т. е. владетелей завоеванных территорий.

Договор Олега с Византией 911 г. включал перечень лиц, посланных к императору «от Олега, великого князя русаго, и от всех, иже суть под рукою его светлых и великих князь и его великих бояр»¹³. К моменту вторжения Олега византийцы имели весьма смутные представления о внутренних порядках русов и титулах их предводителей. Но они все же заметили, что в подчинении у «великого князя» Олега были другие «светлые и великие князья». Титулатура конунгов отразила метко подмеченный греками факт: равенство военных предводителей — норманских викингов, собравшихся «под рукой» Олега для похода на греков. Ранние норманские каганаты или княжества, возникшие на периферии Хазарии, мало походили на прочные государственные образования. Их хаканы и конунги, получив богатую добычу, чаще всего покидали свои владения и отправлялись домой в Скандинавию.

Никто в Киеве не знал достоверно, где умер Олег. Согласно ранней версии, князь после похода на греков вернулся через Новгород на родину («за море»), где и умер от укуса змеи. Новгородский летописец записал местное ладожское предание о том, что Олег после похода прошел через Новгород в Ладогу, и «есть могила его в Ладозе». Киевский летописец XII в. не мог согласиться с этими версиями. В глазах киевского патриота первый русский князь не мог умереть нигде, кроме Киева, где «есть могила его и до сего дньи, словет могила Ольгова»¹⁴. К XII в. не один Олег был похоронен в киевской земле, так что слова летописца об «Ольговой могиле» не были вымыслом. Но чьи останки покоились в этой могиле, мы не знаем.

Первым из конунгов, окончательно обосновавшихся в Киеве и положивших начало местному норманскому владетельному роду, был Игорь Старый. История его правления не столь легендарна, как история правления Олега. Среди источников середины X в. наибольшее значение имеет договор Игоря с греками 944 г., включенный в текст Повести временных лет, записки императора Константина VII Багрянородного и еврейско-хазарская переписка середины X века. Император Константин VII, заняв трон мальчиком в 908 г., стал обладать реальной властью лишь после переворота в 944 году. Трактат «Об управлении империей» был составлен им в последующие годы как наставление для наследника-сына и вручен ему

в связи с достижением 14 лет — совершеннолетия — в 952 году¹⁵. Трактат был посвящен описанию народов, окружавших Византию, и определению основных направлений внешней политики мировой империи. Материалы для трактата были подобраны с большой тщательностью чиновниками из числа опытных дипломатов и уроженцев окрестных государств. Собранные ими сведения отличались достоверностью. Подобно запискам Константина Багрянородного, еврейско-хазарская переписка середины X в. относится к числу ранних и наиболее значительных источников. История переписки такова. При кордовском халифе Абд-ал-Рахмане (912—962) финансами и торговлей халифата ведал Хасад ибн Шафрут. От византийских купцов он узнал о существовании «царства иудеев» в Аль-Хазаре. Хасдай послал гонца с дарами и письмом к византийскому императору, чтобы через него завязать сношения с хазарами. Однако император под разными предложениями отослал гонца назад в Кордову, не пропустив его в Хазарию. Содержание письма Хасдая к императору стало известно членам еврейской общины Константинополя. Хасдай выражал желание узнать, каким образом евреи добились власти в Хазарии, каковы военные силы хазар и отношения их к окрестным странам и пр. Член константинопольской общины в своем письме Хасдаю постарался ответить на его вопросы, а кроме того, сообщил о бедственном положении евреев в Византии. Подлинность этого письма подтверждается древними памятниками еврейской письменности. В конце XI в. книжник Иегуди бей Барзиллай (Барселонец) держал в руках письмо, написанное «иудеем на своем (еврейском. — Р. С.) языке в Константинополе» с известием о принятии хазарами еврейской веры, о войнах царей хазар Аарона и Иосифа с соседними народами и пр.¹⁶ Описание Иегуди строго совпадает с содержанием еврейско-хазарской переписки X века.

Не сумев переслать письмо через Рум (Византию), Хасдай прибег к услугам еврейских купцов, ехавших в страну Рус и Булгары. Они доставили письмо царю Хазарии Иосифу, и тот отправил в Кордову ответное послание. В неизвестное время (может быть, еще до падения Хазарии) письмо Иосифа было снабжено географическим комментарием, имеющим самостоятельную ценность. Так возникла подробная редакция послания Иосифа. Хасдая живо интересовал вопрос о происхождении иудейского царства Хазарии, но его обращение в Хазарию имело в виду также торгово-политические цели¹⁷. Хасдай не упоминал о норманнах, хотя эта тема была исключительно злободневна для стран Западной Европы. В ответных письмах из Хазарии норманская проблема неожиданно стала одной из главных. Еврейские купцы сообщили Хасдаю ряд уникальных подробностей о восточных норманнах, или русах. Нападения норманнов не только наносили огромный ущерб народам в разных концах Европы, но и грозили дезорганизовать мировые торговые пути. Понятно, сколь важны были для купцов любые сведения о норманнах.

Автор письма из Константинополя подробно объяснил Хасдаю, как Хазария стала иудейским государством и достигла могущества, отчего «напал страх перед хазарами на народы». Когда «было гонение (на евреев) во дни злодея Романа», Хазария заступилась за гонимых, начала войну с Византией и организовала нападение норманнов (русов) на Константинополь. Роман I Лакапин правил в 919—944 годах. Гонения на евреев имели место в в 943—944 гг., а нападение русов — в 941 году. Подлинной причиной войны было не могущество, а слабость Хазарии. Византия давно вытеснила хазар из Хазарской Готии и намеревалась окончательно изгнать их из Крыма. С этой целью они послали «большие дары: Х-л-гу, царю Русии». Среди ночи, продолжает автор письма, русы напали на хазарский город С-м-кр и захватили его из-за беспечности начальника города раб-Хашмоная, уехавшего из города. Письмо царя Иосифа в подробной редакции дополнено описанием хазарских провинций, что помогает уточнить местоположение захваченного русами города. Как значится в письме, на западной стороне Хазарии располагались Ш-р-кил (Саркел на нижнем Дону), С-м-к-е-рц, Керц (Керчь) и Суг-рай (Сурож, Сугдея в Крыму).

Очевидно, Самкерц располагался на пространстве между Саркелом и Сурожем, по-соседству с Керчью. Константин Багрянородный выделяет три города в Приазовье и на восточном побережье Крыма: Саркел на Дону, Боспор и Таматарху. Танаис течет «от крепости Саркел... на проливе стоит Боспор, против Боспора находится так называемая крепость Таматарха»¹⁸.

Хазарские данные совпадают с византийскими: Боспор — хазарская Керчь, а значит, Таматарху можно отождествить с хазарской Самкерц, или Самкерчью. Русы усвоили хазарское наименование Керчь, преобразовав его в Кърчев, и заимствовали у византийцев наименование Таматархи, переделав его в Тмутаракань. Восемнадцатимильный Керченский пролив не был преградой для норманнов. Завоевав Таматарху, русы, по-видимому, подчинили и стоявшую напротив Керчь, положив основание будущему Тмутараканскому княжеству.

Норманская «волость» в Таматархе существовала достаточно долго. Захват русами двух черноморских гаваней создал угрозу для торговли на Черном море. Арабский географ и путешественник Ал-Масуди не позднее 957 г. (дата его смерти) записал сведения о «Русском» (Черном) море, на одном из берегов которого живут русы¹⁹. Название как бы предупреждало арабских купцов об опасности, которая угрожает их караванам в Причерноморье.

Попытка византийцев использовать норманнов для изгнания хазар из Восточного Крыма привела к хазарско-византийской войне. Сурож оставался в руках хазар, и их военачальник Песах прошел на запад — к Херсонесу (Корсунь), разорив по пути три византийских города. Затем Песах вернулся к Таматархе: «пошел войной на Х-л-гу и воевал... месяцев и Бог подчинил его Песаху, и нашел он добычу, которую тот захватил из С-м-к-рая». Автор письма не упоминает о сражениях с русами, занятии городов и пр. Но его слова о подчинении Хельга, видимо, не были вымыслом. Сведения о мирных переговорах между Песахом и Хельгом объясняют, каким образом Хазария подчинила себе русов. Проведя несколько месяцев под Таматархой, Песах заявил предводителю норманнов: «иди на Романа и воюй с ним,.. и я отступлю от тебя. А иначе я здесь умру или буду жить до тех пор, пока не отомщу за себя»²⁰. Кажется почти невероятным, что Песах не требовал от русов сдачи захваченного города и, более того, обязался отступить от Таматархи, если Хельг согласился заключить с ним военный союз и нападет на Византию²¹.

Обосновавшись неподалеку от хазарской столицы, норманны в конце концов согласились на предложение Песаха. Саркел и некоторые другие крепости были построены византийскими инженерами и хорошо укреплены.

Таматарха имела слабые укрепления, по этой причине Константин Багрянородный назвал ее «так называемая крепость». Русы начали войну в союзе с Византией. Но они не намеревались передать захваченные земли византийцам и поэтому не могли рассчитывать на помощь империи. Песах вернул сокровища, награбленные Хельгом в Таматархе. Из этого следует, что Тмутаракань не стала частью Киевского государства. Иначе трудно объяснить, почему сокровища Таматархи и Керчи не были вывезены в Киев после захвата этих городов русами.

История Керчи и Таматархи насчитывала полторы тысячи лет. Это были обширные богатые города, располагавшие превосходными морскими гаванями, столь необходимыми норманнам. Славянский Киев был сравнительно молодым и малонаселенным городом. Неудивительно, что Хельг сделал своей резиденцией Тмутаракань и не стал делиться своей добычей с Киевом.

Тмутараканский конунг воевал с хазарами. Киевским конунгам пришлось вести войну с более опасным и грозным противником — печенегами, разбившими свои станы в «одном дне пути» от Киева, т. е. в 30—35 км. от русской столицы. По словам Константина Багрянородного, печенеги часто грабят Росию, наносят ей значительный ущерб, уводят в рабство их жен и детей; легко побеждают и устраивают резню, когда росы проходят днепровские пороги; если росы отправляются в далекий поход, печенеги могут, «напав, все у них уничтожить и разорить»²².

Появление печенегов в Поднепровье и на византийских границах показало, что орды кочевников после длительной паузы вновь двинулись из Азии в Европу. Записи Константина Багрянородного были написаны под впечатлением печенежского нашествия на Европу. Норманская опасность в глазах императора отступила на задний план. Печенеги, казалось бы, прочно отгородили приднепровских русов от Византии и остановили их натиск. Однако печенеги перекрыли пути днепровским, но не тмутараканским русам. Беспечность византийцев дошла до того, что они сами подтолкнули русов к походу в Крым.

В 907 г. Олег отправился на Византию из Поднепровья, и ему удалось застать греков всраспих. В 941 г. Хельг на пути в Константинополь должен был проплыть мимо Херсонеса. Стратиг этого города успел предупредить императора о движении русов. Аналогичное сообщение было получено в Константинополе от болгар.

Византийские боевые корабли вели войну с арабами. В столичной гавани находились старые корабли, которые давно не использовались для военных действий. Византийцам пришлось срочно вооружать их. 18 июня 941 г. произошло морское сражение в водах у Нерона под Константинополем. Греки в полной мере использовали свое превосходство в вооружении. Их тяжелые галеры сожгли множество норманских ладей с помощью «греческого огня», применение которого явилось, по-видимому, полной неожиданностью для русов. Их отряды, высадившиеся на берег, были разгромлены войсками доместика Пампфира и силами, подтянутыми из Македонии и Фракии²³. Вероятно, исходной базой наступления русов была Таматарха, а не Киев: потерпев поражение под Константинополем, норманны отступили не к устью Днепра, а к побережью Малой Азии, откуда ушли в Корчев.

Захватив несколько гаваней в Вифинии и Пафлагонии, русы разорили всю прилегающую местность. На Востоке норманны воевали с такой же жестокостью, как и на Западе. Они распинали пленных, вбивали им гвозди «посреди главы», грабили и жгли церкви и монастыри. Греческий флот отправился в погоню за русами и блокировал их суда в малоазийских гаванях. Большая часть норманских ладей была сожжена при попытке вырваться из кольца блокады. Эпидемия, подхваченная русами, окончательно подорвала их силы. Поход начался в июне и закончился в сентябре 941 года.

Кто возглавил поход русов на Константинополь 941 года? В основных византийских источниках — Житие Василия Нового и Хроника Георгия Амартола — имя Игоря не упоминалось. Лишь в «Истории» Льва Диакона, составленной в конце X в., сообщается, что Ингар, отец Святослава, приплыл к Константинополю на 10 тыс. лодок, а к Боспору Киммерийскому добрался лишь с 10 лодками²⁴. Не следует думать, что грекам удалось сжечь весь остальной флот русов. 10 лодок составляли отряд Игоря. Но в походе участвовал не один конунг. Даже в Киеве находились, по словам Константина Багрянородного, не один, а несколько «архонтов». Кроме киевских русов, в войне участвовали русы из Таматархи. Автор еврейского письма из Константинополя середины X в. утверждает, что поход на Византию возглавил «царь» русов Хельг, захвативший один из хазарских городов. По свидетельству того же источника, хазары навязали Хельгу союз и толкнули его на войну с Византией; Хельг воевал «против Кустантины на море четыре месяца, и пали там богатыри его, потому что македоняне осилили (греческим. — Р. С.) огнем, бежал он ...и пошел в Персию и пал там и весь его стан»²⁵. Осведомленность автора письма очевидна. В 941 г. русы действительно воевали на Черном море четыре месяца, потеряли много судов от греческого огня и уплыли в Таматарху.

В XI в. киевский летописец записал предание, что поход 941 г. возглавил киевский князь Игорь. Предание получило подтверждение после того, как в руки летописца Нестора в начале XII в. попал договор князя Игоря с греками 944 года. Однако ссылка на договор не проясняет вопроса. После поражения в 941 г. союз конунгов, предпринявших поход на Визан-

тию, распался. «Царь» Хельг ушел на Каспий и там погиб. Многие признаки указывают на то, что главной силой в морской экспедиции 941 г. выступили конунги из Таматархи. Однако они не участвовали в заключении договора 944 года.

Совместный поход Хельга и Игоря, возможно, был единственным крупным походом, в котором не участвовали славянские ополчения. При описании других войн с Византией летописец старательно перечислял племена, участвовавшие в экспедиции. Относительно похода 941 г. он ограничивается краткой заметкой: «Иде Игорь на Греки», без указания на славянские отряды²⁶.

Хазарский царь Иосиф пытался использовать поражение Хельга, чтобы выпроводить опасного союзника из пределов Хазарии. В первый раз он отправил русов в поход на Византию, во второй раз — в поход на прикаспийские государства. По свидетельству восточных авторов, крупный отряд русов появился между 943 и 945 гг. на южном побережье Каспия. Норманнам удалось захватить богатейший город Прикаспия Бердаа, который называли «Багдадом Закавказья». Потерпев неудачу в войне с Византией на Черном море, «царь» русов Хелгу готов был осесть в своих новых владениях на Каспийском море и перенести туда свою «столицу». Восточные авторы начала XI в. сообщают любопытные подробности об обстоятельствах, сопутствовавших образованию ранних норманнских княжеств на Востоке. При вступлении в Бердаа конунг объявил мусульманскому населению: «Нет между нами и вами разногласия в вере (эти слова означали, что русы готовы были принять ислам или, во всяком случае, не будут преследовать мусульман. — *Р. С.*). Единственно, чего мы желаем, это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас — хорошо повиноваться нам». Местная знать склонна была согласиться на такие условия. Но чернь всеми силами помогала мусульманскому правителю, который вел жестокую войну против русов. Оказавшись в трудном положении, предводитель русов отдал приказ жителям в три дня покинуть город. Те, кто не подчинился приказу, были затем вырезаны. 10 тыс. мусульман были превращены в заложников. Конунг предложил освободить их за выкуп.

Попытка основать норманнское герцогство в устье Куры закончилось неудачей. Русы пытались построить власть всецело на насилии, что вызвало противодействие воинственного и многочисленного кавказского населения. В решающей битве под стенами Бердаа мусульмане взяли верх. Предводитель русов и 700 его воинов пали на поле боя. Остатки войска под покровом ночной темноты погрузились в ладьи и отплыли на север²⁷. Такой была судьба конунга Хельга, покинувшего Киев ради Таматархи, а ее — ради Бердаа. Его история была достаточно типична. Большинство конунгов, не получая своевременно подкреплений из Скандинавии и оторвавшись от своих баз, гибли при попытках закрепиться на завоеванных землях.

Рассказы о гибели Хельга, автор еврейского письма заключает: «тогда стали русы подчинены власти хазар»²⁸. Понимать это можно так, что немногие русы, уцелевшие почти двух экспедиций и удержавшие в своих руках Таматарху (Тмутаракань), вступили в прочный союз с хазарами и практически превратились в их военных наемников.

В 944 г. киевский князь Игорь предпринял второй поход на Константинополь. Киевский летописец не нашел у византийских историков никаких упоминаний об этом предприятии и, чтобы описать новую военную экспедицию, ему пришлось перефразировать рассказ о первом походе²⁹.

Игорю не удалось заставить греков врасплох. Корсунцы и болгары успели предупредить Константинополь об опасности. Император послал к Игорю «лучших бояр», моля его: «Не ходи, но возьми дань, юже ималь Олега, придам и еще к той дани». Воспользовавшись этим, Игорь принял дань и ушел «в свои». Летописец был уверен, что греков испугала мощь русского флота, ибо корабли Игоря покрыли все море «бесчисла». В действительности византийцев обеспокоил не столько флот русов, о недавнем разгроме которого они не забыли, сколько союз Игоря с Печенежской ордой. Кочевья ее раскинулись на огромном пространстве от Нижнего

Дона до Днепра. Печенеги стали доминирующей силой в Причерноморье. По словам Константина Багрянородного, печенеги часто нападали на владения русов, из-за чего те лишались возможности воевать и торговать с Византией. Мир между печенегами и русами таил в себе серьезную угрозу для империи.

Готовясь к войне с Византией, киевский князь «нанял» печенегов, т. е. послал богатые подарки их вождям, и взял у них «талей» — заложников. Получив дань от императора, русы отплыли на восток, но прежде Игорь «повеле печенегам воевати болгарську землю».

Полеми для набегов русов служили не только Причерноморье, но и страны Кавказа на Каспии. Самые крупные набеги на Закавказье русы осуществили после завершения экспедиций против византийцев 907 и 941 годов. Внешнее совпадение дало повод предположить, что руководство походами на Черное и Каспийское моря осуществлялось из единого центра — Киева: Олег, а затем Игорь преследовали на Востоке свои политические цели³⁰. Олег и Игорь не были еще государями, а прочие военные предводители норманнов — их подданными. Походы на Византию были совместным предприятием викингов. После завершения войны и особенно после заключения мира с греками союзные конунги покидали Черное море и отправлялись на Каспий. К ним присоединялись отряды из Скандинавии. Киевская «династия» не имела ни средств, ни возможностей контролировать действия норманнских отрядов на огромном пространстве от Дуная до Закавказья.

Игорь был первым из известных по имени конунгов, не покинувшим свои славянские владения. Причина была та, что он был убит своими данниками. Игорю наследовал Святослав (945—972 гг.). Но даже он не признавал себя киевским князем по преимуществу.

Святослав приобрел известность как князь-воин. Первые походы он предпринял против Хазарского каганата. К X в. хазары утратили власть над Поднепровьем, и их главным форпостом на западных границах стал город Саркел (Белая Вежа) в нижнем течении Дона. Каганат сохранил власть над землями вятичей в бассейне Оки и Волги. Спор из-за того, кому собирать дань с вятичей, стал причиной столкновения Киевской Руси с Хазарией.

В 964 г. Святослав собрал дружину и, как повествует летописец, двинулся на Оку и Волгу. Там он «налез» на вятичей. На вопрос «кому дань даете?» вятичи отвечали: «хазарам». Племя вятичей было многочисленным и воинственным. Леса надежно укрывали их от норманнских речных флотилий. Собравшись воевать с хазарами, киевский князь не стал ввязываться в войну с вятичами. Перезимовав в Поднепровье, киевский князь следующим летом двинулся на Хазарию. Полагают, что в ходе двух кампаний (965—969 гг.) войска Святослава разгромили главные города хазар Саркел, Итиль и Семендер и уничтожили Хазарский каганат³¹.

История хазарской войны получила отражение в русских и арабских источниках. Киевские летописи сообщают, что в 965 г. Святослав с дружиной отправился на Дон к Саркелу, разгромил войско кагана и захватил крепость, после чего повернул на юг, победил ясов (осетин) и касогов (черкесов) и с Северного Кавказа ушел в Киев.

Вторжение Святослава не могло быть непосредственной причиной крушения Хазарии. Киевский князь ограничился тем, что разорил западную окраину Хазарии.

Ценным дополнением к русским источникам служат сочинения восточных авторов. В записках арабского географа Ибн Хаукаля приведены сведения о нападении русов на хазарские города в Поволжье. Сообщение имеет особую ценность в виду того, что в момент нападения в 968—969 гг. Ибн Хаукаль находился неподалеку от хазарских границ на южном побережье Каспийского моря. По словам арабского писателя, русы разорили город Булгар на Волге. Отсюда следует, что норманны пришли в Хазарию не со стороны Дона, а со Средней Волги. Волжский торговый путь из Скандинавии на Каспийское море был давно освоен норманнами. Очевид-

но, следуя этим путем, русы спустились в низовья Волги и захватили столицу Хазарии Итиль. Затем их флотилия вышла на Каспий, и там русы разорили старую столицу хазар Семендер³².

Киевские летописи не сообщают ни слова о походе войск Святослава на Волгу и Каспийское море, арабский географ не упоминает о походе русов на Дон. Очевидно, речь шла о разных и разновременных походах, в которых участвовали разные силы. Мнение, будто всеми действиями русов на обширном пространстве от Дуная до Закавказья руководили из единого центра — Киева, не соответствует действительности. В 968—969 гг. Святослав вел трудную войну с Болгарским царством на Дунае, затем освободил Киев от печенегов, после чего вновь вернулся на Балканы. Ни он, ни его войско не имели возможности участвовать в хазарском походе. Разгром Хазарии, описанный Ибн Хаукалем, мог быть осуществлен лишь очень крупными силами. Эти силы (при том, что Киев не принял участия в походе) могли быть собраны лишь в Скандинавии³³. В X в. множество норманских отрядов действовало в Восточной и Западной Европе, и инкубатором их оставались в основном Скандинавия и Дания.

Святослав вернулся из Хазарии с большой добычей. Его поход на Дон обнаружил военную слабость каганата. Все это подтолкнуло скандинавских викингов к крупному вторжению в пределы Восточной Европы.

По-видимому, русы нашли союзников среди соседей Хазарии. Записки Ибн Хаукаля помогают понять обстоятельства, позволившие скандинавским русам одержать решительную победу в войне с Хазарией. Под 969 г. арабский географ записал, что печенеги являются союзниками и «острием» русов³⁴. Очевидно, он имел в виду печенежские племена, кочевавшие у границ Хазарии. В Поднепровье печенеги проявляли враждебность к киевским русам. Печенеги, по словам Константина Багрянородного, грабили Русь, уводили в плен жителей, разоряли их поселения. Без поддержки орды Святослав не мог добиться решительной победы в войне с хазарами в 965 году. Нападение на Киев печенегов, кочевавших близ устья Днепра, помешало Святославу завершить первую болгарскую кампанию в 968 году.

На протяжении трех-четырёх лет Хазария подверглась двум опустошительным нашествиям русов. Выдержать такого удара она не смогла. Крушение царства началось с полной смены ее правящей элиты. К власти пришли сторонники ислама. Хазарский каганат просуществовал еще несколько десятилетий, а затем исчез с лица земли. Вместе с тем распалась политическая система, на периферии которой в IX—X вв. возникло норманское Киевское княжество.

Пока Хазария сохраняла мощь, силы норманнов и печенегов были связаны. Разгром каганата высвободил эти силы, и они немедленно обрушились на Византию. Отдаленным последствием крушения Хазарского царства было усиление натиска кочевников, рвавшихся через низовья Волги в Восточную Европу. Хазарская элита, как полагают, проводила своекорыстную политику, принесшую много несчастий соседним народам и самим хазарам, из-за чего Хазарский каганат превратился в химеру³⁵. Факты опровергают такую оценку. В течение нескольких веков каганат служил своего рода барьером, затруднявшим проникновение кочевых орд из Азии в Европу. Теснившие хазар орды обладали огромным численным перевесом, но Хазария противостояла им с помощью сравнительно небольших военных сил и хорошо налаженной дипломатической службой.

Хазары выдержали длительную войну с Арабским халифатом. Арабы одержали победу. Но отвоевать Северный Кавказ у Хазарии они так и не смогли. Прекрасные мореходы, норманны были грозой для приморских городов. Но их флотилии не могли вести войну со степными кочевниками. Сравнительно легко пройдя через финские и славянские земли, они надолго задержались у границ Хазарии. Каганат избежал затяжной войны с русами, открыв перед ними путь на Каспийское море. Торговые экспедиции русов чередовались с военными набегами, отвечавшими целям хазарской дипломатии.

Судьбы Руси, Хазарин и Византии были тесно связаны между собой.

Русы помнили о поражении Игоря у стен Константинополя и не рисковали затевать новую войну с могущественной империей. Однако греки сами втянули Русь в балканский конфликт.

В IX в. на Балканах образовалось первое славянское государство — Болгария. Болгарам пришлось выдержать длительную и кровавую войну с византийцами, прежде чем они обрели независимость. При царе Симеоне Болгария переживала расцвет. Но к середине X в. Болгарское государство утратило былую мощь и распалось. Империя использовала момент, чтобы восстановить свою власть над болгарями. Сосредоточив крупные силы на границе Болгарии, Византия направила в Киев посланца Калокира. По замыслам греков, русы должны были нанести болгарам удар в спину. Прибыв на Русь, Калокир передал Святославу 1500 фунтов золота в качестве платы за поход на болгар.

В 968 г. киевская флотилия вошла в устье Дуная. По утверждению Повести временных лет Святослав занял 80 городов «по Дунаеву и седе княжа ту в [Малом] Переславие, смя даян на гръцех». В действительности киевский князь не помышлял о занятии всей Болгарии. Он основал княжество на первой отвоеванной у болгар территории. Переяславец (ныне село) стал его новой столицей лишь потому, что этот городок был крупнее всех остальных занятых им поселений в устье Дуная. Владения Святослава тянулись узкой полосой от Переяславца и Киевца до Доростола в низовьях Дуная. Однако Доростол оставался в руках болгар, сосредоточивших там тридцатитысячное войско³⁶. Образ действий Святослава свидетельствовал о том, что его силы были ограниченными.

Летом 969 г. Святослав получил известие о том, что печенеги разбили свои кочевья у стен Киева, где находилась его семья. Ему пришлось спешно прервать балканскую кампанию и вернуться на Русь. По словам летописца, князь «собра свои и прогна печенеги в поли, и бысть мир». Готовясь к продолжению войны на Балканах, Святослав поспешил закончить войну с кочевниками.

Киевляне не скрывали негодования по поводу того, что их князь «ищет и блюдет» чужую землю, а свою губит. Но Святослав отверг их упреки и объявил о своем решении покинуть Русь. Согласно летописи, он сказал матери и боярам: «не любо ми есть в Киеве быти. хочю жити в Переяславци на Дунае»³⁷. Действия Святослава ничем не отличались от действий конунгов в любой другой части Европы. Норманнов влекла добыча и власть над завоеванными землями. Когда Переяславец станет «середой» (сердцевиной) его владений, заявлял Святослав, к нему будут стекаться богатства от всех соседних стран: из Византии — золото, паволоки, вина и фрукты, из Чехии и Венгрии — серебро и кони. Все необходимое русы рассчитывали получить от греков в виде дани либо посредством торговли. Товары для торговли должна была поставлять Русь. Князь старательно перечислил их: меха, воск и мед. В княжеском перечне был еще один товар — челядь. Слова Святослава заключали поразительное признание. Подчинив славянские и финские земли Восточной Европы, норманны не отказались от давней традиции работорговли. Они продолжали захватывать пленных и большими партиями предавать их на восточных и византийских рынках.

Киев имел важные преимущества в период хазарского господства. С упадком каганата столица днепровских русов попала под удар степных орд. Кочевники создали постоянную угрозу торговым караванам, двигавшимся с Руси в Византию. Святослав сознавал уязвимость местоположения Киева и не жалел сил и средств на то, чтобы основать новую столицу на Балканах.

Окончание балканской войны излагают следующим образом. Святослав захватил столицу Болгарии Великий Преслав, пленил болгарского царя Бориса и предпринял наступление на Константинополь, но был остановлен под Аркадиополем. Многочисленная византийская армия осадила войско Святослава в Доростоле, после чего он в 971 г. принужден был заключить мир с императором³⁸.

Обратимся к источникам. Имея в своем распоряжении киевское войско,

Святослав добился в первой балканской кампании весьма скромных успехов. По возвращении на Балканы в 969 г. он, если верить летописи, принужден был вторично штурмовать свою столицу Переяславец. Кампания началась с поражения: «бысть сеча велика, и одолаху болгаре». Святославу едва хватило сил, чтобы одолеть болгар. Тем не менее русы сразу вслед за тем развязали войну с более могущественной Византийской империей, и Святослав заговорил с греками языком ультиматумов. Очевидно, в ходе войны произошел перелом. Объяснить его можно лишь тем, что на помощь Святославу прибыли крупные подкрепления.

В 969 г. скандинавские викинги разгромили Хазарию, и их флот появился на Каспийском море. Путь в Бердаа и другие закаспийские города был хорошо известен им. На своих ладьях норманны могли быстро преодолеть расстояние между Семендером и Бердаа, где их ждала богатая добыча. Тем не менее русы, как засвидетельствовал Ибн Хаукаль, покинули Каспийское море и ушли «в Рум и Андалуз». Святослав не мог участвовать в разгроме Хазарии. Но ничто не мешало скандинавским викингам, отправившимся в Византию (Рум), принять участие в балканской войне и поддержать наступление Святослава. Византийские города сулили им еще большую добычу, чем закавказские.

Киевский летописец с полной определенностью утверждал, что Святослав привел на Балканы 10 тыс. воинов. Тем не менее при заключении мира у него, согласно византийским данным, осталось 22 тыс. воинов. Русское войско было заперто в Доростоле, где у императора было много согладателев. Русы неоднократно выходили из крепости и сражались с греками лицом к лицу. Вопрос о численности русского войска стал предметом особых переговоров, так как греки согласились выдать Святославу провиант на каждого воина. Если они и ошиблись, то не очень значительно. В ходе двухлетних боев норманны понесли огромные потери, вероятно, не менее одной трети, а может быть, и половины войска. Если при этом общее число воинов удвоилось в конце кампании, то это значит, что призванное Святославом скандинавское войско по крайней мере в 1,5—2 раза превосходило по численности десятитысячную киевскую дружину.

Византийский историк Лев Диакон, описавший балканскую войну как очевидец, дважды отметил, что «Сфендославос» был главным предводителем у русов, вторым почитался Икмор, третьим — Сфенкл³⁹. Лев Диакон рассматривал вопрос ретроспективно и потому главенство Святослава не вызывало у него сомнений. В самом деле, киевский князь получил «найм» от Калокира, начал балканскую войну и наконец заключил мир. Однако надо иметь в виду, что Святослав и его ближайший помощник Свенельд одни утвердили мир с греками по той причине, что прочие старшие конунги погибли до наступления мира. Киевский летописец нашел имена Святослава и Свенельда в тексте договора с греками и представил их главными героями византийской войны. Имена Икмора и Сфенкла в киевских источниках не фигурировали. Возможно, они прибыли на Балканы не из Киева, а из Скандинавии.

Завоевав Восточную Болгарию, русы заключили перемирие с императором Иоанном Цимисхием и, по-видимому, использовали длительную передышку для устройства своих «княжеств» на Балканах. Лев Диакон сообщает достоверные данные о местонахождении резиденций главных предводителей русов. Можно было бы ожидать, что Святослав как старший из конунгов займет крупнейший и наиболее укрепленный город Преслав Великий, столицу завоеванной Болгарии. В действительности, в Преславе размещался Сфенкл со своим войском. Сфенкл держал при себе болгарского царя Бориса, который числился союзником русов, но фактически был заложником. С Борисом были его семья и двор. Казна царя избежала разграбления, так как формально оставалась во владении Бориса. Однако подлинной властью в Преславе пользовался не царь, а норманский викинг.

Святослав имел резиденцию в Доростоле, располагавшемся к северо-востоку от Преслава. Видимо, он сохранил под своей властью Переяславец и прилегающую территорию Северной Болгарии, завоеванную в начале

кампании. Доростол был второстепенной крепостью, но располагал лучшими укреплениями, чем Переяславец, поэтому Святослав перенес туда свою ставку. Где находился Икмор, неизвестно.

Война с болгарами переросла в войну с Византийской империей, по видимому, в тот момент, когда скандинавские викинги, разорив Хазарию, явились в Рум. Скандинавское войско сыграло решающую роль в разгроме Хазарского каганата. На время норманны стали господами положения, что и позволило им вовлечь в войну с греками печенегов и венгров.

Разгромив Восточную Болгарию, русы заняли ее столицу Преслав Великий и навязали союз царю Борису. Из Преслава Великого открывался прямой путь во Фракию. Русы проникли туда и захватили город Филиппополь (Пловдив). За сопротивление жителям города было уготовано страшное наказание. 20 тыс. болгар были посажены на кол. Город полностью запустел.

Иоанн Цимисхий, незадолго до того узурпировавший трон в результате переворота, предлагал Святославу выплатить вторую половину обещанной в самом начале суммы денег при условии, что русы прекратят войну и очистят Болгарию. В ответ он услышал высокомерные речи. Святослав заявил: «Если ромеи не захотят заплатить то, что я требую (дань и выкуп за города и пленных. — *Р. С.*), пусть тотчас же покинут Европу... и убираются в Азию»⁴⁰.

В 970 г. русы вместе с отрядами восточных болгар, печенегов и венгров вторглись в пределы Византийской империи. Они заняли Адрианополь и начали наступление на Константинополь. Стянув силы со всех границ империи, греки преградили путь завоевателям. Весной 970 г. полководец Варда Скляр сумел нанести поражение 30-тысячному войску, двигавшемуся на Царьград. Русы отступили в Восточную Болгарию. Кочевники отхлынули от границ империи. Лишившись помощи печенегов и венгров, норманны заключили перемирие с греками.

Император Иоанн потратил не менее года на то, чтобы покончить с мятежами и собрать силы для войны с норманнами. Весной 971 г. он направил огненный флот в устье Дуная, чтобы сковать силы Святослава и помешать ему прийти на помощь Преславу. Сухопутное войско императора насчитывало 13 тыс. конных и 15 тыс. пеших воинов. Возглавив армию, Иоанн выступил к Преславу Великому.

Русы привыкли воевать в летние месяцы. Весеннее наступление греков застало их врасплох. Тем не менее Сфенкл оказал упорное сопротивление императорскому войску. Трехдневный штурм завершился падением Преслава 14 апреля 971 года. Союзник русов царь Борис сдался в плен Цимисхию. Сфенклу удалось прорвать строй императорских войск и уйти в Доростол, где он соединился со Святославом.

Вскоре греки осадили Доростол с суши, а их флот блокировал крепость со стороны Дуная, отрезав русам пути к отступлению. Падение Преслава Великого и переход царя Бориса на сторону византийцев лишили норманнов последнего союзника. Болгарский гарнизон Доростола готов был последовать примеру царя. Тогда Святослав приказал убить 300 лиц из знатных болгарских семей, находившихся с ним в крепости. Русы непрерывно тревожили греков вылазками из осажденной крепости. В боях у стен Доростола русы пытались биться в конном строю, но, по свидетельству византийских очевидцев, это им плохо удавалось. Исход последнего боя решила атака императорской конницы, закованной в броню. Русы понесли огромные потери. В бою сложили головы старшие скандинавские конунги Сфенкл и Икмор. После их гибели Святослав обратился к грекам с предложением закончить войну. В глазах императора норманны оставались грозными противниками, и он охотно согласился на мир. Стремясь поскорее удалить русов из Болгарии, византийцы снабдили их продовольствием на дорогу. Каждый воин получил по 2 меры хлеба. По условиям мирного договора 971 г., русы обязались не воевать против Византии, не нападать на Корсунь в Крыму и на Болгарию, не наводить на империю «других языков». При любом вторжении в Византию князь должен был тотчас

выступить с войском на ее защиту. Обязательство о военной помощи имело односторонний характер. Никаких статей о торговле, посольских и купеческих делах в договоре не было.

Имея боле 20 тыс. воинов, Святослав мог пробиться на Русь даже в том случае, если бы дороге ему преградили степные кочевники. Однако киевский князь увел с Балкан лишь малочисленную дружину. Причина заключалась в том, что его покинули скандинавские викинги. Они, по словам Ибн Хаукаля, ушли через Рум «в Андалуз», иначе говоря, к испанским берегам.

Поражение повлекло за собой распад армии. Разделение сил грозило русам катастрофой. Тем не менее Святославу не удалось удержать в повиновении даже киевское войско. Конунг Свенельд отклонил предложение Святослава вернуться на Русь морским путем и увел отряд по суше. До наступления зимы Свенельд благополучно прибыл в Киев.

Вторжение киевского войска на Балканы причинило наибольший ущерб славянскому государству Болгарии. Болгары нашли случай отомстить недругам. Жители Переяславца предупредили печенегов о возвращении киевского войска на Русь, и те перенесли кочевья к днепровским порогам. Святослав не смог пройти пороги и вынужден был укрываться в днепровских лиманах. Запасы продовольствия, полученные от греков, кончились, и в войске начался голод. После трудной зимовки Святослав вновь попытался прорваться через пороги, но попал в засаду и погиб. Его войско было истреблено. Печенежский князь Куря сделал из черепа Святослава чашу для вина.

Киевские летописцы записали дружинный эпос, запечатлевший героический образ князя-воина. Святослав, по слова летописи, имел храбрую и многочисленную дружину, «легко ходя аки пардус, воины многи творяше. Ходя; воз по себе не возяше... ни шатра имяше, но подклад постлав и седло в головах, тако же и прочии вои его вси бяху». Князь делил с дружиной все тяготы походной жизни, довольствовался грубой пищей и простой одеждой. Если верить Льву Диакону, в Доростоле Святослав обратился к дружине со словами: «Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством. [Мы] должны либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги доблестных мужей». Согласно Повести временных лет, Святослав призвал свою дружину: «Да не посраим земле Руские, но ляжем костьми, мертвыи бо срама не имам. Аще ли побегнем, срам имам»⁴¹. Византийские и русские авторы передают речь Святослава в сходных выражениях, но византийская версия представляет Святослава князем-завоевателем, а летописная — великим патриотом Русской земли. Чтобы оценить значение двух версий, вспомним, что Святослав оставил Русь, чтобы основать свою столицу в Болгарии. В конце X в., в особенности после принятия христианства при князе Владимире, и в XI в. процесс ассимиляции русов-норманнов на Руси значительно ускорился. Норманское княжество в Поднепровье превратилось в славянское Древнерусское государство. Характер войн христианского Киевского государства претерпел радикальные перемены.

Примечания

1. АРТАМОНОВ М. И. История хазар. Л. 1962, с. 400—413; НОВОСЕЛЬЦЕВ А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М. 1990, с. 152—153; см. также КОКОВЦОВ П. К. Еврейско-хазарская переписка X в. Л. 1932 с. 51—123; GOLB N., PRITZAK O. Khazarien-Hebry Document of the X Century. Lnd. 1982, p. 9—19.
2. ЛЕБЕДЕВ Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л. 1985, с. 14—24.
3. СТРИННГОЛЬМ А. М. Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов. СПб. 1861, с. 83; КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Об управлении империей. М. 1989. Комментарии, с. 294.
4. Подробный обзор литературы, посвященной наименованию «Русь», см.: МЕЛЬНИКОВА Е. А., ПЕТРУХИН В. Я. Комментарии. В кн.: КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Уж. соч., с. 293—307.

5. Annales Bertiniani. In: Monumenta Germaniae Historica Scriptores. T. 1, p. 434.
6. РАПГОВ О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М. 1988, с. 80.
7. Повесть временных лет (ПВЛ). Т. 1. М.-Л. 1950, с. 18—20.
8. ЛЕБЕДЕВ Г. С. Ук. соч., с. 215.
9. На пути из «Готии» во Фракию (в пределах Византии) существовала переволока протяженностью в 6 миль. Возможно, Олег использовал эту переволоку во время похода на Константинополь, что и послужило почвой для легенды о передвижении его судов по суше (КАЖДАН А. П. Косьма Иерусалимский о походе русов на Константинополь. — Византийский временник. 1991. Т. 52, с. 49).
10. ПВЛ. Т. 1, с. 20.
11. Liutprandi Antapodosis. In: Monumenta Germanic Historica. Scriptores. Hannoverae. T. III. 1839, p. 331.
12. ПВЛ. Т. 1, с. 25—26.
13. Там же.
14. Там же, с. 30.
15. ЛИТАВРИН Г. Г. Введение. В кн.: КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Ук. соч., с. 17.
16. КОКОВЦОВ П. К. Ук. соч., с. XXVII. Сообщение о том, что письмо написано из Константинополя, завершали слова: «от царей Константинополя». Автор не мог писать от лица императора, который именовался цезарем. Но он сообщил Хаслаю, что пишет ответ на его послание к царю Константинополя. Фраза осталась непонятной и, по-видимому, подверглась искажению при многократных копированиях текста.
17. Там же, с. 68—69.
18. Там же, с. 117—118, 102; КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Ук. соч., с. 175.
19. НОВОСЕЛЬЦЕВ А. П. Ук. соч., с. 115.
20. КОКОВЦОВ П. К. Ук. соч., с. 120.
21. Такой образ действий был характерен для Хазарии. В 932 г. хазары подверглись нападению аланов. Наняв горюк-огузов, они разгромили аланов и взяли в плен аланского царя, с которым тут же заключили союз, скрепленный браком аланской царевны с наследником престола Иосифом (КОКОВЦОВ П. К. Ук. соч., с. 117).
22. КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Ук. соч., с. 39.
23. ИСТРИН В. М. Хроники Георгия Амартола. Т. 1. Пг. 1920, с. 567; Житие Василия Нового. В кн.: ПВЛ. Т. 2. М.-Л. 1950, с. 285.
24. ЛЕВ ДИАКОН. История. М. 1988, с. 57.
25. КОКОВЦОВ П. К. Ук. соч., с. 120.
26. ПВЛ. Т. 1, с. 23, 33.
27. Известие Ибн-Мискавейха. — Византийский временник. Т. 24. Л. 1926, с. 65—69.
28. КОКОВЦОВ П. К. Ук. соч., с. 120.
29. ПВЛ. Т. 1, с. 33—34; т. 2, с. 288.
30. ПАШУТО В. Т. Внешняя полигика Древней Руси. М. 1968, с. 99—101.
31. ПВЛ. Т. 1, с. 46—47; ПАШУТО В. Т. Ук. соч., с. 93—95.
32. ПВЛ. Т. 1, с. 47; НОВОСЕЛЬЦЕВ А. П. Ук. соч., с. 16, 224—228.
33. KVALEN E. Det norske gudariki. Oslo. 1931, p. 3; КАЛИНИНА Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М. 1988, с. 90; НОВОСЕЛЬЦЕВ А. П. Ук. соч., с. 16, 224—228.
34. МИНОРСКИЙ В. Ф. Куда эмигрировали древние русы. В кн.: Восточные источники по истории народов Восточной Европы. М. 1964, с. 26.
35. ГУМИЛЕВ Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М. 1989, с. 142—143.
36. ПВЛ. Т. 1, с. 47; ЛЕВ ДИАКОН. Ук. соч., с. 45.
37. ПВЛ. Т. 1, с. 48.
38. ПАШУТО В. Т. Ук. соч., с. 69—73.
39. ЛЕВ ДИАКОН. Ук. соч., с. 71, 78.
40. Там же, с. 56.
41. ПВЛ. Т. 1, с. 46, 50; ЛЕВ ДИАКОН. Ук. соч., с. 79.

«Консерватор» Свифт и «реформатор» Дефо

Т. Л. Лабутина

Книги английских писателей начала XVIII в. Д. Свифта и Д. Дефо широко известны. Между тем, и тот и другой снискали прижизненную популярность задолго до того, как написали свои художественные произведения, обесмертившие их. Соотечественники узнали Свифта и Дефо прежде всего по тем многочисленным публицистическим трактатам (памфлетам) и статьям в журналах «The Examiner» и «A Review», которые они создали во время сотрудничества с партиями тори и вигов.

Общественно-политическая деятельность обоих писателей пришлась на время, когда в результате и под влиянием революции середины XVII в. в Англии набирал силу капитализм: росла промышленность, процветала торговля, расширялась колониальная Британская империя. Революция 1688—1689 гг. привела к власти буржуазию, которая начала участвовать в управлении страной вместе с земельной аристократией. Однако молодой класс буржуазии не был единым, поскольку в нем были представлены два лагеря. Интересы «денежных людей» (купцов, финансистов, промышленников) отстаивали виги, а землевладельцев защищали тори. Обе партии вели ожесточенную борьбу между собой. Поскольку она шла по тем вопросам внутренней и внешней политики правительства, которые имели жизненно важное значение, то в нее включились не только политики, парламентарии, государственные деятели, но и наиболее образованная и передовая часть общества — просветители. Среди них ведущее место принадлежало Свифту и Дефо.

Сын скромного лондонского бакалейщика, в юные годы сам занимавшийся коммерческой деятельностью Даниель Дефо всю жизнь был предан вигам. Джонатан Свифт, происходивший из обедневшего старинного землевладельческого рода, известного симпатиями к роялистам, избрал профессию священнослужителя англиканской церкви. Поначалу он сблизился тоже с вигами, но вскоре по принципиальным соображениям перешел на сторону тори, которым служил затем верой и правдой. Хотя Свифт и Дефо какое-то время работали на одного «хозяина» (министра Р. Харли), однако они не были знакомы лично и никогда не встречались. Тем не менее, их отношения имели явно недоброжелательный характер.

Однажды в беседе со своими друзьями Свифт назвал Дефо необразованным, «тщеславным, сентенциозным и демагогическим плутом, который положительно невыносим». Прослышав об этом, Дефо не остался

Лабутина Татьяна Леонидовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

в долгу и разразился по адресу обидчика весьма нелестной тирадой: «Циничная, грубая личность, фурия, публичный ругатель, негодяй, носильщик, извозчик...»¹. Взаимные нападки с тех пор долго не прекращались. Прав американский историк Д. Росс, увидевший за взаимной антипатией Свифта и Дефо «конкуренцию двух социальных групп, к которым они принадлежали, двух социальных классов, которых они представляли»². Принадлежность к различным классам и привела этих писателей в ряды соперничавших партий, а участие в их борьбе оказало доминирующее влияние на формирование просветительских взглядов того и другого. Отношение Свифта и Дефо к внутренней и внешней политике правительства служит своеобразным водоразделом в их позициях, позволив одного из них причислить к «консерваторам», а другого к «реформаторам».

Хотя социальный-экономический строй, утвердившийся в Англии после революции 1688—1689 гг. устраивал буржуазию и обуржуазившееся дворянство, интересы которых выражали Дефо и Свифт, просветительская позиция обоих заставляла их критически относиться ко многим сторонам тогдашней действительности и в особенности к тем злоупотреблениям в различных сферах экономики и политики, с которыми им лично доводилось сталкиваться. Дефо подчеркивал, что задачей просветителя является обличение и устранение в обществе всего, «чего следует стыдиться»³.

Дефо критиковал существующую в стране избирательную систему. Он полагал, что такая система выборов в парламент негативно влияет на граждан, морально их разлагая. В результате больших расходов, затраченных на выборы, многие разоряются, «честные становятся бесчестными», дебоширами, «корыстными», и будучи подкупленными, готовы продать и свою страну, и свободу. Избирательные кампании Дефо расценивал как пустую трату времени, отвлекающую народ от более достойных дел. Сельские джентльмены, избранные в парламент, по каждому зову короля торопятся в Лондон, оставляя свои дела, семью, хозяйство, совершают утомительное путешествие, а затем, растратив деньги графства, возвращаются обратно домой. Вряд ли есть прок от подобных парламентариев, приходил к заключению Дефо⁴.

Особое негодование Дефо вызывали коррупция и взяточничество, существовавшие в парламенте. Он уверял, что депутаты, избранные ценой купли-продажи голосов избирателей, очень часто продают свои интересы, а заодно и страну. До тех пор, пока избранные депутаты будут руководствоваться требованиями и желаниями отдельных лиц или партий и голосовать, исходя из мотивов личной заинтересованности, невозможно будет добиться достойного представительства. Одну из причин подкупа депутатов Дефо усматривал в чрезмерных расходах, которые они вынуждены нести в избирательных кампаниях. В результате многие из тех, кто участвовал в выборах, разорялись и если попадали в парламент, то стремились поправить свое материальное положение. Вот почему депутаты охотно брали взятки от любой партии или отдельных заинтересованных лиц⁵. Подкуп превращал принципиальных людей в беспринципных. Блеск золотых монет заставлял позабыть о партийных или религиозных разногласиях.

В 1701 г. Дефо издал памфлет «Протест фригольдеров против биржевых спекуляций на выборах в парламент», в котором осудил «позорный торг местами» в законодательном органе страны. Парламентские выборы, писал Дефо, превратились в новый способ наживы. Подобная торговля парламентскими местами представляла, на его взгляд, серьезную опасность для страны. Ведь депутаты, горящие желанием «честнейшим способом набить карманы, охотно продадут и свое место в парламенте, и свое отечество». В результате подобных манипуляций с парламентскими местами в законодательном органе страны окажутся такие депутаты, которые охотно обратят «в объект купли и продажи» все, «чем мы дорожим и что мы любим»⁶.

Дефо признавал, что сам парламент неоднократно предпринимал попытки положить конец коррупции и взяточничеству среди депутатов. Издавались многочисленные законы, указы, резолюции, но безрезультатно: кор-

рупция продолжала процветать. Причину тому Дефо усматривал в несовершенстве законов, а также в том, что законопроекты, направленные на борьбу с коррупцией, обсуждались и принимались чаще всего теми же депутатами, которые сами в этом преступлении оказывались замешанными ⁷.

Коррупция и взяточничество процветали не только в парламенте, но и иных государственных учреждениях Англии. О торговле должностями в министерствах неоднократно писал и Свифт. Бывая при дворе, он стал очевидцем того, как порой приобретались правительственные должности. Чаще всего их попросту покупали. «Рассказывал ли я вам об одном негодяе, который промышлял при дворе тем, что торговал должностями, вымогал деньги у невежественных простаков, — писал Свифт в одном из писем своей воспитаннице Стелле. — При последней своей сделке он запросил за должность вице-камергера 7000 фунтов» ⁸. В памфлете «Новый способ продажи должностей при дворе» Свифт разоблачал систему приобретения государственных постов. Он рассказывал о том, как одну и ту же должность при дворе продают по нескольку раз, при этом берут с каждого просителя по 50 гиней, а когда деньги взяты, вдруг выясняется, что место уже занято другими. Проситель вынужден уйти ни с чем, а когда поймет, что его одурачили и попытается жаловаться, то его же и высмеют ⁹. Свифт приходил к заключению, что для получения государственной должности совсем необязательно обладать какими-либо способностями или добродетелями, достаточно быть просто богатым ¹⁰.

В искусстве обличительной критики, нередко принимавшей сатирическую форму, Свифт не знал себе равных. В поле его зрения нередко попадали государственная структура управления, система судопроизводства, парламент и его депутаты, министры и чиновники рангом пониже. О недостатках и злоупотреблениях, которые обличал Свифт, он знал не понаслышке, а что называется «из первых рук», поскольку на протяжении многих лет находился в самой гуще политических событий, был знаком с тонкостями закулисной игры министров и парламентских деятелей, лично общался со многими государственными мужами Англии.

Детальное знакомство с нравами различных слоев общества позволило Свифту подметить и обнародовать многие его негативные черты. Свифту были не по нраву и то, как осуществлялась государственная политика в стране, и те люди, которые были призваны ею управлять. «Мне не по душе мильон вещей в наших государственных делах», — писал он в своем дневнике ¹¹. Чаще всего Свифт критиковал представителей исполнительной власти — министров, а также чиновников. Вообще же Свифту представлялось затруднительным делом назначение на государственные должности «достойного человека», поскольку «положительный, смелый, настойчивый характер, который создается у человека доброжелательного, является постоянной помехой в государственной деятельности» ¹². Именно поэтому управление страной, считал Свифт, чаще всего вверяется «продажным людям», которые преследуют личную выгоду, а не интересы общества.

«На действия кабинета чрезмерное влияние оказывают личные счета, — писал Свифт в своем дневнике, — а между тем, они нисколько всем этим не обеспокоены и так беспечны и веселы, словно никакое бремя не отягощает их сердца и плечи» ¹³. Свифт полагал, что и моральные качества сановников оставляют желать лучшего. Герцога Мальборо и парламентария Р. Уолпола обвиняют во взяточничестве, государственный секретарь Сент-Джон не прочь «подцепить какую-нибудь шлюху» и т. д. Свифт признавал, что присутствие на высших государственных постах людей неумных, недалеких, морально опустившихся объяснялось тем, что при выборе кандидатов на эти должности мало внимания обращалось на их умственные способности, какие-либо достоинства или добродетели. Чтобы получить желанную должность, достаточно прибегнуть к подкупу, лести или сводничеству.

Свифт называл три способа, с помощью которых возможно, на его взгляд, добиться высшего поста в управлении. Во-первых, это «умение

благоразумно распорядиться женой, дочерью или сестрой», во-вторых, предать своего предшественника, и, в-третьих, яростно обличать в общественных собраниях испорченность двора. Последнее средство Свифт считал наиболее эффективным, поскольку полагал, что правитель отдаст предпочтение фанатикам, которые «с наибольшим раболепием будут потакать прихотям и страстям своего господина». Достигнув власти, такой министр укрепит свое положение путем подкупа сенаторов, оградит себя от всякой ответственности амнистией, а затем удалится от общественной деятельности «отягченный награбленным у народа богатством»¹⁴. Видимо, личные наблюдения Свифта, сделанные им на основе близкого знакомства со многими министрами и, в первую очередь, с премьер-министром кабинета тори Р. Харли, позволили изобразить столь ярко обличительный портрет «первого лица» в государственном управлении.

Но особенно «досталось» от Свифта министрам из вигского кабинета. Резкой критике он подверг бывшего наместника Ирландии лорда Уортона, который прославился в стране своей алчностью, продажностью и беспринципностью. Нз взгляд Свифта, лорд Уортон — это человек «без чувства стыда или чести», «лицемер», «враль» и т. д. «Он торжественно клянется вам в любви и преданности, и не успеваеете вы повернуться к нему спиной, как он уже всем говорит, что вы пес и мошенник. Он неизменно посещает богослужения с торжественностью, какая полагается ему по должности, но будет рассказывать похабные непристойности и богохульствовать у церковных дверей... Его мысли целиком заняты распутством или политикой»¹⁵. Жажда власти, денег и удовольствий владела наместником Ирландии. Судя по всему, подчеркивал Свифт, свою должность Уортон использовал для «поправки» собственных финансовых дел. В целях личного обогащения он разорил Ирландию, нажив состояние в 45 тыс. фунтов.

Не менее резко высказывался Свифт и о других известных министрах вигского кабинета: лордах Годольфине, Сандерленде, Купере, Ноттингеме, Уолполе, Мальборо¹⁶. Главнокомандующего войсками герцога Мальборо, предка У. Черчилля, Свифт изобразил как человека продажного и беспринципного. В своем дневнике он записал о Мальборо: «Я не нахожу у него ни единого достоинства, кроме таланта полководца». Воспитанный на торийских принципах, герцог перешел на сторону вигов, как только понял, что те смогут платить ему большее жалованье, чем и доказал свою беспринципность. «Недостаток образованности» Мальборо с лихвой компенсировал знанием того, как следует себя вести при дворе. Своим возвышением и карьерой он был обязан супруге, которая свыше 20 лет являлась фавориткой королевы Анны.

Став главнокомандующим, Мальборо не стеснялся злоупотреблять финансами, отпущенными на ведение войны за Испанское наследство, предпочитая их использовать прежде всего в целях личного обогащения. Он участвовал в различных аферах по снабжению армии фуражом и хлебом, получая крупные денежные суммы от поставщиков. Свифт даже высказал предположение, что герцог намеренно стремился к продлению военных действий, поскольку война его обогащала. Ведь он был «ненасытен, как сама преисподняя, и честолюбив, как ее повелитель»¹⁷. Перечислив все те вознаграждения, которые пожаловала своему полководцу королева Анна, Свифт заключил, что один герцог Мальборо «стоил» государственной казне «многим больше полмиллиона»¹⁸.

Изображая своих «героев» — вигских министров, Свифт не стеснялся в выражениях и наделял их самыми нелестными характеристиками. Министры-виги мало чем отличались от министров-тори, которым также были присущи алчность, корыстолюбие, цинизм. Однако принадлежность Свифта к тори во многом проявилась в его негативном отношении именно к вигским министрам.

В поле критики Свифта оказывались не только представители исполнительной, но и законодательной власти — парламентарии. Он утверждал, что члены палаты лордов не всегда хорошо сами знакомы с законодательством своей страны, однако это не мешает им решать дела своих сограж-

дан. На лордов также действуют подкуп и лесть, как и на депутатов палаты общин. Что касается церковников, членов палаты лордов, то они, считал Свифт, угождали «мирским интересам», и потому нередко среди них встречаются «растленные капелланы какого-нибудь вельможи, мнениями которого они продолжают раболепно следовать и после того, как получили доступ в это собрание».

В негативном свете представлял Свифт и членов палаты общин. Он подчеркивал, что в нее нередко попадает «чужой человек, с туго набитым кошельком», который оказывает давление на избирателей, «склоняя их голосовать за него вместо их помещика или наиболее достойного дворянина этой местности». Хотя многие депутаты, по словам Свифта, сетуют на то, что пребывание в парламенте сопряжено с большими издержками, порой приводящими к разорению их семей, и беспокойством, тем не менее, они «страстно стремятся попасть в упомянутое собрание». И вряд ли подобная «жертва» с их стороны диктуется «добродетелями» и «гражданственностью». Скорее всего, уверял Свифт, члены палаты общин надеются, попав в парламент, «вознаградить себя за понесенные ими тяготы и беспокойства».

«Досталось» от Свифта и представителям судебной власти. Он считал судебных чиновников людьми необъективными и лживыми, полагая, что они привыкли «почти с колыбели защищать ложь» и доказывать с помощью пространных речей, что «белое — черно, а черное — бело, соответственно деньгам, которые им за это платят». Между тем, подчеркивал Свифт, именно это «сословие» держит весь мир в рабстве. Ссылаясь на различные прецеденты, судьи принимают решения, попирающие справедливость и здравый смысл. Свифт указывал также на необъективность судей при разбирательстве тяжб и подчеркивал, что решение дела ими обусловлено, как правило, либо двойным гонораром, уплачиваемым стряпчему, либо тем, как к обвиняемому расположены представители власти. При решении судом дел о государственных преступлениях особенно важно отношение к обвиняемому власть имущих, поскольку от этого зависит приговорить ли виновного к повешению или оправдать. Причем считается, что в обоих случаях строго соблюдается «буква закона»¹⁹.

Свифт и Дефо критиковали также политику правительства. Чаще всего их нарекания вызывала внешняя политика, вопросы ведения войн и колониальных завоеваний. В высказываниях обоих просветителей использовалась одна и та же концепция деления всех войн на «справедливые» и «несправедливые». В памфлете «Поведение союзников» Свифт оправдывал вступление своей страны в войну в том случае, если необходимо воспрепятствовать «чрезмерному усилению тщеславного соседа, либо возвратить то, «что было незаконно присвоено», если гребется получить возмещение за нанесенный ущерб, и когда нуждается в помощи союзник. Наконец, оправданы действия в целях самообороны, если неприятель напал на вашу страну. Во всех этих случаях, признавал Свифт, «война вестись справедливо»²⁰. Но если война развязана «кучкой авантюристов» и не отражает интересов народа, тогда она считается «несправедливой».

Дефо считал, что война, которая может стоить крови сограждан и их значительных денежных затрат, вряд ли может быть незначительным предприятием, чтобы развязывать ее по любому поводу. Для вступления в войну должны иметься, по его мнению, «справедливые и честные причины». Такое «справедливое основание» для войны Дефо видел в нарушении «равновесия сил», исторически установившегося в Европе. Он рассматривал договоры, заключенные ради поддержания «равновесия сил» как необходимое основание мира в Европе, которое надлежит сохранить. В случае же нарушения «равновесия сил», когда какой-нибудь правитель с помощью уловок, интриг или силы пытается расширить свою власть и становится слишком опасным для своих соседей, то появляются, по мнению Дефо «справедливые основания» для развязывания войны²¹.

И Свифт, и Дефо считали любые захватнические войны также «несправедливыми». Но как они относились к тем войнам, которые вела тогда

Англия — войне Аугсбургской лиги (1689—1697 гг.) и войне за Испанское наследство (1702—1713 гг.)? Дефо оправдывал и защищал действия английского правительства, хотя они имели завоевательный характер, поскольку преследовали своей целью приобретение новых земель, завоевание колоний. Он считал, что для войны с Францией и Испанией у Англии имеются «бесценные справедливые основания», так как только с помощью военных действий страна сумеет обеспечить свою безопасность и торговлю с другими государствами²².

Совершенно иной точки зрения на те войны, в которых участвовала Англия, придерживался Свифт. Он осуждал войну Аугсбургской лиги, усматривая истинную причину вступления в нее страны в стремлении короля Вильгельма Оранского укрепить свое «непрочное положение». Народ заинтересовали крупными прибылями, чтобы своими деньгами он поддержал эту войну, а через десять лет военных действий «за ничтожные цели» Англия потеряла свыше 100 тыс. человек, а ее государственный долг возрос на 20 млн. Когда же обратились к заключению мирного договора, то обнаружилось, что он принес выгоду союзникам, а не Англии, констатировал Свифт²³.

Обличительной критике подверг Свифт вигское правительство также за развязывание им войны за Испанское наследство. «Трудно понять, — писал он, — что же движет теми людьми, которые в интересах королевства не желают покончить с длительной и дорогостоящей войной, которая является бременем для нации»²⁴. Эта война развязана в интересах генерала Мальборо и вигского кабинета, она ведется в угоду того сорта людей, которых называют «денежными» и которые получают огромные прибыли от войны. Они стремятся «сделаться еще богаче» и нимало не беспокоятся о том, что народ в результате войны становится еще беднее.

Война за Испанское наследство, заключает Свифт, уже стоила Англии многих миллионов и поставила ее народ в еще худшее положение в сравнении не только с ее союзниками, но и с ее врагами. Эта война ведет английский народ к нищете, к полному разорению. «Мы сражаемся за то, чтобы создать славу и богатство одной семье (Мальборо — Т. Л.), обогатить ростовщиков и банкиров,.. одновременно разоряя «земельные» интересы, — писал Свифт в дневнике. — Продолжая войну, мы тем самым подрываем общественный интерес и способствуем процветанию личных интересов»²⁵. Свифт призывал немедленно положить конец войне и заключить мир.

К завоевательным войнам Англии Свифт и Дефо подходили с диаметрально противоположных позиций. Решающее влияние в том сыграли их партийные интересы. Придерживавшийся вигской ориентации Дефо защищал внешнюю политику правительства, в то время, как Свифт являлся ее критиком.

Различный подход отразился и на их отношении к вопросу о решении правительства в мирное время содержать значительную по численности армию «под ружьем». Когда по этому поводу в парламенте разгорелись споры, Дефо издал памфлет, одно название которого («Доводы в подтверждение того, что постоянная армия при согласии парламента не препятствует свободному правлению») свидетельствовало о стремлении автора поддержать требование короля Вильгельма Оранского. Дефо утверждал, что для поддержания мира в стране и за ее пределами сильная армия просто необходима. В то время, как один сосед «слишком возвеличивается над другим», надлежит заключить союзы держав и порой бывает необходимо посылать войска на помощь союзникам. Дефо уверял, что репутация самого правителя страны за рубежом укрепляется или ослабевает в зависимости от мощи и численности войск, пребывавших там. В качестве примера он приводил правление королевы Елизаветы, авторитет которой был поддержан за пределами Англии исключительно благодаря мужеству английских солдат и матросов. Аналогичными были заслуги Кромвеля, который, по словам Дефо, «сделал армию великой и заставил трепетать врагов».

Дефо затрагивал также вопрос о численности армии, считая, что боль-

шая армия «под ружьем» в мирное время небезопасна для устройства страны. Поэтому он предлагал «найти золотую середину», определив такую численность армии, чтобы она, служа отечеству, не представляла в то же время опасности для него. При этом следует принимать во внимание ряд факторов. С одной стороны, необходимо, чтобы король всегда имел в своем распоряжении войска для оказания помощи своим соседям, либо для собственной защиты, а с другой стороны, надо позаботиться о том, чтобы не нарушались существующие законы страны ²⁶.

Свифт придерживался иной точки зрения. Он считал, что содержание постоянной армии в мирное время «под ружьем» является тем самым средством, с помощью которого возможно установить правление тирании. «Сохранение постоянной армии в стране будет способствовать установлению деспотической власти монархии или олигархии», — утверждал он ²⁷. Но если правительство все же идет на риск, допуская наличие армии «под ружьем» в мирное время, то оно должно, как полагал Свифт, позаботиться о том, чтобы вооруженные силы находились под строгим контролем и были в подчинении у гражданских властей. В противном случае может начаться продолжительная война, либо гражданские институты превратятся в военные. Свифт обращал внимание на то, что армия может использоваться верховной властью в государстве для своего усиления. «Генерал и его армия — это слуги, посланные гражданской властью туда, куда она сочтет необходимым их послать» ²⁸. Поэтому Свифт считал, что вопросу о контроле над армией необходимо уделять особое внимание.

По-разному относились Свифт и Дефо и к вопросу о колониальной политике правительства. В это время в правление последних Стюартов происходил процесс оформления Соединенного королевства Великобритания. С Англией объединились, а вернее были к ней присоединены Ирландия и Шотландия. В 1707 г. была заключена уния Англии с Шотландией. Накануне подписания унии осенью 1706 г. Дефо по заданию премьер-министра Р. Харли отправился в Шотландию с тем, чтобы выяснить, как ее жители отнесутся к предполагаемому объединению двух королевств. Результаты поездки были опубликованы в журнале «A Review» ²⁹. А вскоре Дефо издал объемный труд «История Унии Великобритании», главной целью которого было оправдание необходимости заключения унии.

Дефо аргументировал важность данного союза прежде всего теми преимуществами, которые, на его взгляд, будто бы получают от унии жители Шотландии. «Все нарушения или злоупотребления магистратов, узурпация власти Тайным советом, оскорбления по адресу королевской власти... будут устранены этой унией», — писал Дефо. Однако в действительности реальные преимущества от унии получала Англия, сумевшая за счет присоединения Шотландии в значительной мере усилить свой военный и экономический потенциал. Шотландцы, хорошо понимая это, отнесли к унии без особого энтузиазма. Многие противники унии заявляли, как признавал Дефо, что Шотландия многое потеряет от подобного объединения и прежде всего в делах торговли. Дефо, отстаивая интересы торгово-промышленных кругов Англии, пытался переубедить «заблуждавшихся».

Дефо напоминал противникам унии «кровавые годы» в истории двух королевств и то ужасное разорение, которое испытали «две родственные нации» в период изоляции друг от друга. «Тем, кто сожалеет об этой унии из-за отдельных неудобств в торговле или опасений неравноправия, — писал он, — надлежит обратиться к дням жестокостей и преследований, когда тюрьмы были переполнены, а эшафоты залиты кровью, когда церковь попиралась, а свобода вероисповедания отсутствовала» ³⁰. Только через союз с Англией, уверял Дефо, Шотландия сможет добиться конституционного правления, гражданских и религиозных свобод. Когда же осенью 1706 г. в Шотландии развернулось массовое движение протеста против унии, «родственная нация» — Англия послала свои войска для подавления беспорядков в Эдинбурге.

Иначе отнесся к заключению унии Свифт, указывая на те отрицательные моменты, которые она в себе содержала. Он полагал, что после

заклучения союза многочисленная знать Шотландии будет содержаться за счет налогоплательщиков Англии. «Те пенсии и должности, которыми владеют выходцы из этого королевства, сейчас настолько увеличились и в значительной степени превосходят число мест и пенсий, получаемых ими в Шотландии, что всех денег едва ли хватит, чтобы оплатить их гражданские и военные листы», писал Свифт³¹.

Политика Англии в отношении Ирландии также вызвала осуждение Свифта. Наиболее активно он стал высказываться по этому вопросу, когда отошел от политической деятельности и переселился на постоянное местожительство в Ирландию. Целая серия памфлетов была написана им в защиту народа Ирландии. Свифт обвинял «алчных» английских промышленников в том, что при поддержке кабинета министров они заполняли ирландские рынки товарами собственного производства, подрывая тем самым мануфактуры и торговлю Ирландии.

Свифт обвинял также господствующие классы Англии в жестоком обращении с ирландским народом. «Наши предки отдали Ирландское королевство под власть Англии,— писал он в «Письмах суконщика»,— и в награду за это мы получили худший климат, привилегию находиться под властью законов, на которые мы не давали согласия, упадок торговли, палату пэров без юрисдикции, почти полное отсутствие права занимать какие-либо должности». В результате подобной политики народ Ирландии доведен до состояния рабства, а в это же время Англия «ежегодно извлекает и кладет себе в карман свыше миллиона чистой прибыли»³². Грабительская политика английских угнетателей по отношению к ирландскому народу вызвала справедливое возмущение Свифта.

Итак, и Свифт, и Дефо подвергали острой критике различные стороны государственного устройства Англии. В критике существующих порядков в стране и политики, проводимой правительством, Свифт занимал более активную позицию, нежели Дефо, который оправдывал и поддерживал действия кабинета министров, направленные на расширение территориальных владений Англии, поскольку в том были заинтересованы торгово-промышленные круги, чьи интересы он представлял. Но предлагали ли они какие-либо средства, направленные на борьбу с теми недостатками, которые они обличали? В многочисленных публицистических произведениях Свифта какой-либо конструктивной программы действий обнаружить не удалось. Впрочем в «Путешествиях Гулливера» он изобразил своего рода «идеал» общества, к которому следовало стремиться.

По форме правления государство останется конституционной монархией. Его правитель будет непременно обладать здравым смыслом, разумностью, справедливостью, умением быстро решать государственные дела, а его приближенные будут избираться из числа «умных, способных и добродетельных» людей. Министров обучат «считаться с общественным благом». В качестве средства избавления от коррупции Свифт предлагал распределять высшие государственные должности «по жребию», а награждать и одаривать почестями лишь достойных людей и только за оказанные ими обществу «выдающиеся услуги». В идеальном обществе Свифта подати будут взиматься таким образом, чтобы они «не отягощали население», что, в свою очередь, облегчит положение бедняков.

В «Путешествиях Гулливера» Свифт представляет английское общество, разделенное по классовому принципу на «богатых» и «бедных». Он признавал, что в Англии существует эксплуатация бедняков. «Богатые пожинают плоды работы бедных, которых приходится по тысяче на одного богача». Тяжелое материальное положение народных низов вызывало страдание просветителя, признававшего, что «громдное большинство... народа принуждено влачить жалкое существование, работая изо дня в день за скудную плату, чтобы меньшинство могло жить в изобилии»³³. Поэтому в идеальном обществе Свифта к беднякам будут относиться с большим вниманием: больных и старых поместят на полный пансион в богадельни, нищие вообще исчезнут с улиц городов. Больше внимания станут уделять заботе об образовании подрастающего поколения. В рассуждениях об

образовании сограждан проявилась ограниченность Свифта. Он допускал предоставление образования лишь детям «возмущенных слоев», объясняя это тем, что для детей крестьян и рабочих «труднее привыкнуть к работе на полях и в мастерских, «образование не имеет особенного значения для общества».

Идеал общества по Свифту не учитывал тех социально-экономических изменений, которые произошли в Англии под влиянием двух буржуазных революций XVII в. и привели к установлению капиталистических отношений. Мечты Свифта об идеальном патриархальном обществе, в котором господствовали бы «земельные» интересы, то есть по сути прежние феодалские порядки, были явной утопией. В результате предпринятая Свифтом критика недостатков существовавшего в его время в Англии общества оказалась значительнее и важнее, нежели представленное им идеальное общество.

В публицистическом «Очерке о проектах» Дефо разработал конкретную программу действий, направленных, по замыслу их автора, на «достижение общественного блага и личной выгоды» сограждан. Проявляя заботу об интенсивном развитии экономики, Дефо прежде всего предлагал открыть в стране государственный банк, который функционировал бы под контролем общественности, направляя свою деятельность «на облегчение ведения торговли в целом, а также на то, чтобы самому оставаться полезным и выгодным предприятием». Он предлагал заняться строительством новых и ремонтом существующих общественных дорог, понимая, что их хорошее состояние является залогом успешной коммерции, изменить законы о банкротях с тем, чтобы избежать разорения неплатящих в беду купцов, труд которых приносил большую прибыль в бюджет страны.

Хотя эти проекты и преследовали прежде всего интересы торгово-финансовой и промышленной буржуазии, но в конечном счете были направлены на укрепление экономической мощи всего государства, а значит и всех его граждан. Впрочем, Дефо внес и предложения, направленные на улучшение материального положения самых широких слоев населения. Он первым в мире поднял вопрос о необходимости создания системы пенсионного обеспечения лиц, потерявших трудоспособность, а также об устройстве обществ взаимопомощи на основе профессиональной принадлежности их членов. Выдвигая подобные проекты, Дефо полагал, что их воплощение в жизнь позволит «предотвратить всеобщую нищету и бедность человечества, избавит людей от поджожия приютских нищих, спасет бродяг от богоделен, позволит им не прибегать к унижительным просьбам о подавании»³⁴. •

Подобно всем просветителям Дефо одно из средств борьбы с негативными явлениями в обществе усматривал в распространении образования среди населения, подъеме его культурного уровня. Поэтому он предлагал открыть в стране образовательные академии, причем не только для молодых людей, но и для девушек. И хотя Дефо ратовал за предоставление образования лишь представительницам из средних и высших слоев общества, особо оговаривая, что обучать девушек следует всему тому, что соответствует их положению в обществе, тем не менее, его проект был необычайно смел и прогрессивен для своего времени.

В зарубежной и отечественной литературе еще нередко бытует мнение о том, что все просветители были утопистами. Однако реформы Дефо свидетельствуют об обратном. Практически все его проекты были реализованы — одни при жизни их автора (первый государственный банк Англии был открыт в 1694 г., спустя год после написания «Очерка о проектах»), но большинство много позже. Своими проектами Дефо предвосхитил появление многих требований профсоюзного и социалистического движения XIX—XX столетий. Он оказался настоящим реформатором английского общества.

И Свифт, и Дефо в силу своей принадлежности к просветителям подмечали и обличали те негативные явления, с которыми им доводилось сталкиваться в обществе. Свифт оказался более глубоким критиком, нежели Дефо, однако он не предлагал каких-либо мер, направленных на устранение

всего того, что критиковал. В противоположность ему Дефо представил конкретный план действий по улучшению и оздоровлению существующего общества. На позиции обоих писателей оказала влияние их политическая принадлежность. Свифт представлял классы, для которых лучшие времена безвозвратно ушли в прошлое, а Дефо выражал интересы тех, за кем было будущее страны. И потому в негласном поединке позиция «реформатора» Дефо оказалась исторически более прогрессивной, нежели у «консерватора» Свифта.

Примечания

1. Цит. по: ДОТТЕН П. Жизнь и приключения Даниеля Дефо автора Робинзона Крузо. М.-Л. 1926, с. 91.
2. ROSS J. F. Swift and Defoe. Berkeley, 1941, p. IX.
3. (Defoe D.) A Review of the State of the English Nation. (далее — «A Review»). Vol. 8. Lnd. 1711, p. 1.
4. The Novels and Miscellaneous Works of D. Defoe. Lnd. 1890, p. 545—546.
5. Defoe D./A True Collection of the Writings of the Author of the True — Born Englishman. Vol. 1. Lnd. 1703. (далее — A True Collection), p. 152.
6. ДЕФО Д. Протест фригольдеров против биржевых спекуляций на выборах в парламент. — «Англия в памфлете». М. 1987, с. 389—398.
7. DEFOE D. The Candidate... Lnd. 1715, p. 7—8.
8. СВИФТ Дж. Дневник для Стеллы. М. 1981, с. 337.
9. The Works of Jonathan Swift. Lnd. 1843. Vol. 1, p. 528.
10. SWIFT J. The Examiner and Other Picies Written in 1710—1711. Oxford. 1940 (далее — The Examiner), p. 79—80.
11. СВИФТ Дж. Дневник для Стеллы, с. 337.
12. СВИФТ Дж. Путешествия Гулливера. М. 1976, с. 307.
13. СВИФТ Дж. Дневник для Стеллы, с. 82, 191.
14. СВИФТ Дж. Путешествия Гулливера, с. 361.
15. СВИФТ Дж. Памфлеты. М. 1955, с. 65—66.
16. The Prose Works of Jonathan Swift. Vol. 7. Oxford, 1951, p. 89, 65.
17. СВИФТ Дж. Дневник для Стеллы, с. 262, 74.
18. СВИФТ. Эссе из журнала «Исследователь», — «Англия в памфлете», с. 225—226.
19. СВИФТ Дж. Путешествия Гулливера, с. 249—250, 345.
20. SWIFT J. Political Tracts. 1711—1713. Oxford. 1951, p. 7.
21. DEFOE D. A True Collection. Vol. 1. Lnd. 1703, p. 188—191.
22. DEFOE D. A True Collection. Vol. 1, p. 191—192.
23. SWIFT J. Political Tracts, p. 10—11.
24. The Examiner, p. 63.
25. СВИФТ Дж. Дневник для Стеллы, с. 244.
26. Selected Writings of Daniel Defoe. Cambridge, 1975, p. 39, 44, 50.
27. The Works of Jonathan Swift. Lnd. 1843. Vol. 2, p. 311.
28. The Examiner, p. 61.
29. (Defoe D.) A Review. Vol. 3. Lnd. 1706, p. 539, 602, 609, 613, 671; Vol. 6. Lnd. 1709, p. 174.
30. DEFOE D. The History of the Union of Great Britain. Edinburgh. 1709.
31. The Works of Jonathan Swift. Vol. 2. Lnd. 1768, p. 44—45.
32. СВИФТ Дж. Памфлеты, с. 134, 124.
33. СВИФТ Дж. Путешествия Гулливера, с. 196, 347.
34. An Essay upon Projectes by Daniel Defoe. Lnd. 1887, pp. 33, 48, 93.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Сергей Миронович Киров

Н. А. Ефимов

Звезда Кирова на партийном коммунистическом небосклоне стала подниматься после смерти В. И. Ленина, когда И. В. Сталин вплотную приступил к формированию собственной команды, которая помогла бы ему установить неограниченную диктатуру сначала в партии, а затем в стране. До конца верными соратниками его в этом деле стали А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, В. В. Куйбышев, А. И. Микоян, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе. В круг близких соратников Сталина вошел и Киров. В 1926 г. он был поставлен во главе Ленинградской партийной организации, тогда же, вместе с Кагановичем и Орджоникидзе, введен в состав Политбюро ЦК ВКП(б), сначала кандидатом в члены, а в 1930 г. — членом Политбюро. Благодаря видимой простоте в обращении с людьми, умению зажигательно выступать на собраниях, он приобрел определенную популярность в партийных кругах. Что касается официальной версии об «огромной любви трудящихся» к нему, то она была приписана Кирову посмертно, после убийства, совершенного менее чем через десять месяцев после XVII съезда ВКП(б), «съезда победителей», к которому, как утверждалось, «партия пришла сплоченной и монолитной».

Уже на следующий день после трагедии в Смольном в сообщении ЦК о смерти Кирова ему были присвоены черты прямо-таки святого: «Потеря товарища Кирова, любимого всей партией и всем рабочим классом СССР, кристально чистого и непоколебимо стойкого партийца, большевика-ленинца, отдавшего всю свою яркую славную жизнь делу рабочего класса, делу коммунизма, является самой тяжелой потерей для всей партии и Страны Советов за последние годы». Это, однако, не помешало Сталину одновременно устроить расправу со всеми, кто был близок к Кирову по работе. Киров же после смерти представлялся официальной пропагандой в качестве жертвы заговорщиков — Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Томского и других «врагов народа», «фашистских наймитов, проклятой белогвардейской сволочи»¹.

В потоке хлынувшей на прилавки магазинов литературы Киров рисовался только розовыми красками, как выдающийся политический деятель, человек высоких моральных устоев, действовавший в сплошном окружении врагов, агентов международного империализма². Целям прославления Кирова и воспитания ненависти к мнимым врагам коммунизма, которые его убили, служили и скоропалительные переименования в его честь городов, поселков, областей, районов и т. д.

Ефимов Николай Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент.

Сергей Миронович Киров (настоящая фамилия Костриков) родился 15(27) марта 1886 г. в уездном городе Уржуме Вятской губернии. Его отец мещанин Мирон Иванович спился и, продав по пьянке главное богатство жены — швейную машинку, — уехал на заработки то ли в Вятку, то ли на Урал, где бесследно исчез. Мать Екатерина Кузьминична, урожденная Казанцева, происходившая из крестьянской семьи, вскоре умерла от чахотки. Поэтому бабушка Сережи Меланья Авдеевна отдала восьмилетнего мальчика в приют («дом призрения»). Сестры — одиннадцатилетняя Анюта и пятилетняя Лиза — остались жить с бабушкой.

После окончания приходской школы Сережу осенью 1897 г. отдали учиться в Уржумское городское училище. Через год на деньги уржумских купцов для приюта, в котором жил Костриков, построили новый дом. Учился Сережа старательно. Когда он успешно окончил городское училище, было решено с согласия купцов-попечителей отправить его на их средства учиться в Казанском промышленном ремесленном училище. При поступлении в него в августе 1901 г. было представлено «Обязательство» такого содержания: «Означенного С. Кострикова я обязуюсь одевать по установленной форме, снабжать всеми учебными пособиями и своевременно вносить установленную плату за право учения. Жительство он будет иметь в квартире моей родственницы, дочери чиновника, девицы Людмилы Густавовны Сундстрем. Даю ручательство в правильном над Сергеем Костриковым домашнем надзоре и в предоставлении ему необходимого для учебных занятий удобства. Председатель совета Уржумского благотворительного общества Виктор Польнер»³. Впоследствии Сергей Миронович, кажется, ни разу не вспомнил своих благодетелей.

Попав в Казань, Сережа впервые оказался в губернском городе, крупном культурном центре, имевшем свой университет и массу студентов с радикальными взглядами. С некоторыми из них он завязал близкое знакомство. Под их влиянием пристрастился к чтению запретной литературы, которой они его снабжали. Ближе к окончанию училища у него нередко проскальзывали мысли о высшем образовании, особенно после того как поработал практикантом на мыловаренном заводе Крестовникова и познакомился с тяжелым трудом рабочих. Уже тогда его одолевала зависть к тому, как живут богатые, состоятельные люди.

В конце июня 1904 г. Сергей Костриков, окончив ремесленное училище, вернулся в Уржум к своей 92-летней бабушке. Но долго здесь юный «механик» не задержался. К огорчению Меланьи Авдеевны, которая много лет ждала «хозяина», вскоре он укатил в Сибирь, в Томск, навсегда покинув своих близких и родной Уржум. Почему в Томск? Об этом городе ему поведал один из ссыльных студентов-революционеров.

Томск был примечателен не только тем, что с его помощью возводились многие сибирские крепости-города и в нем снаряжались на Восток отряды русских землепроходцев, которые помогли изучению и освоению Сибири. В Томске в 1888 г. был основан первый в Сибири университет, а в 1900 г. — открылся Технологический институт, который долго был единственным техническим вузом Сибири. Вот в этот-то недавно открывшийся институт и вознамерился попасть Костриков. Чтоб получить нужный для поступления документ об образовании и подготовиться к вступительным экзаменам, он стал посещать вечерние общеобразовательные курсы, предварительно устроившись на работу чертежником в городскую управу.

Широкие образовательные планы, однако, не осуществились: помешали революционные дела. В конце 1904 г. Костриков вступил в ряды Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) и должен был заниматься выполнением ее заданий. Деятельность его на революционном поприще началась с распространения противоправительственных листовок и занятий в подпольном кружке⁴.

«Кровавое воскресенье» в Петербурге в январе 1905 г. вызвало повсеместное возмущение в стране. Ускорителем революционных событий стала также неудачная для России война с Японией. 18 января в Томске состоялась демонстрация под лозунгом «Долой самодержавие!», организованная

Томским комитетом РСДРП. В ней участвовало до трехсот рабочих, служащих, студентов. Среди демонстрантов находился и Костриков. Демонстранты открыли неожиданный огонь из револьверов по блюстителям порядка и вызвали в них замешательство. Появились казаки. Они пустили в ход нагайки и разогнали демонстрантов.

В феврале 1905 г. состоялся первый арест Кострикова, в январе 1906-го — второй. Третий арест последовал в июле 1906 года. Пребывание в заключении на этот раз было более длительным: с учетом предварительного заключения он пробыл за решеткой около двух лет⁵. Тогда же в Уржуме, на Полстоваловской улице, в доме, где жили его сестры, полиция произвела неожиданный для них обыск. К протоколу обыска были приобщены обнаруженные письма Сергея из Томска вместе с антиправительственными листовками. Последствия не заставили себя ждать: весной 1908 г. из Уржумской гимназии была исключена ученица 7-го класса Елизавета Кострикова. Значит, полицейские власти Томска не только хорошо знали Кострикова, но и имели достаточно сведений об его родственниках в Уржуме.

После выхода из тюрьмы Костриков решил замести свои следы и покинул Томск. В открытке сестрам он кратко сообщил: «Дорогие Анюта и Лиза! Пишу с дороги, еду в Иркутск (1500 в. от Томска). Пишите по адресу: Иркутск, до востребования. С. К.». Но в Иркутске он прожил недолго. Здесь он скоро попал под наблюдение местного охранного отделения. Заметив слежку за собой, решил немедленно скрыться. Местом нового пребывания избрал Северный Кавказ, подальше от Сибири, где начались уже розыски «мещанина города Уржума Сергея Миронова Кострикова». Это было связано с обнаружением весной 1909 г. в Томске нелегальной типографии, в оборудовании которой подозревался Костриков⁶.

На Северном Кавказе он поселился во Владикавказе. С осени 1909 г. он стал работником редакции либеральной газеты «Терек» — сначала корректором, затем секретарем редакции и, наконец, сотрудником отдела критики. Здесь он и нашел спутницу жизни — Марию Львовну Маркус, происходившую из семьи владельца небольшой часовой мастерской. Она работала в редакции кассиром и конторщицей и стала гражданской женой Кострикова. Брат ее Яков имел высшее юридическое образование, заведовал русско-еврейской школой в Дербенте, затем — во Владикавказе. В 1917 г. он был депутатом совета от большевиков, гласным Владикавказской городской думы, членом управы. В 1918 г. в Терском совнаркоме занимал пост наркома просвещения. Яков Львович, да и вся семья Маркусов оказали несомненное влияние на Кострикова. Старшая сестра его жены Софья была членом социал-демократической партии с 1904 г., во время появления Кострикова во Владикавказе находилась на нелегальном положении в Петербурге. Она иногда наезжала во Владикавказ и, естественно, встречалась с Сергеем. Работа в редакции благоприятствовала совершенствованию интеллекта молодого человека, увлекавшегося к тому же политической и художественной литературой.

Между тем объявленный по всей России розыск Кострикова привел в конце концов к его аресту во Владикавказе, где он проживал под своей настоящей фамилией. Доставленный под конвоем в Томск Костриков был, однако, на состоявшемся суде оправдан, так как обвинение не смогло представить достаточно веских доказательств его участия в создании подпольной типографии.

Освобожденный из-под стражи, он вернулся в апреле 1912 г. во Владикавказ, где, как и прежде, стал работать в газете «Терек». Его «руководящая подпольная революционная деятельность» в это время описывалась в литературе больше общими фразами, главным образом на основе воспоминаний, которым не всегда можно верить. Фактически он не занимал каких-либо постов ни в большевистской партии, ни в советах. Более достоверным представляется сотрудничество в газете. После возвращения из Томска у него появился вместо прежнего «С. Миронов» новый псевдоним «С. Киров» — производный от имени Кир (греч. «господин», «владыка»)⁷.

Со временем Киров стал видным политическим обозревателем газеты, часто выступая в ней со статьями, очерками, памфлетами. Очевидно, не случайностью является тот факт, что из дооктябрьского периода в сборнике избранных статей и речей Кирова была опубликована лишь одна статья — «Простота нравов», критикующая депутатов IV Государственной думы за хамелеонство, за оторванность от населения⁸.

Ростовский историк А. И. Козлов обратил внимание на некоторые моменты журналистского прошлого Кирова в этот период, в частности на то, что весной 1917 г. он был поклонником Временного правительства. В статье в «Тереке» от 8 марта 1917 г. Киров заявлял: «Мы должны определенно похоронить старый строй, зарыть его в глубокую могилу истории... И пусть день похорон его послужит для нас днем исторического рождения. Именно так смотрит на дело Временное правительство». Через несколько дней, приветствуя программу этого правительства, он писал: «...Каждый из нас должен сделать эту программу своим гражданским евангелием и неустанно идти по пути ее осуществления теми приемами и способами, которые преподаются Временным революционным правительством совместно с Петроградским советом рабочих депутатов».

В последующих статьях («По пути к свободе», «В ногу с революцией»), считая власть Временного правительства и его органов «нашей», «народной» властью, Киров звал к единству действий, к поддержке Временного правительства⁹. Он полагал, что свободы, проводимые в жизнь Временным правительством, — «это те самые реформы, которые написаны на знаменах революции». «Пока правительство твердо идет по этому пути, идет в ногу с революцией, — заявлял он, — рабочим слоям нет оснований роптать на тех, в чьих руках теперь власть». Включение в состав правительства (после отставки октябриста А. И. Гучкова и кадета П. Н. Милюкова в результате Апрельского кризиса) шести министров-социалистов Киров расценил как «блестяще прошедший первый акт русской революции», который открывает собою огромное поле для укрепления завоеванных позиций». Гарантию тому он видел в деятельности Керенского¹⁰. Эти высказывания Кирова никак не вяжутся с тем, что говорил о Временном правительстве Ленин, который выдвинул лозунг: «Никакой поддержки Временному правительству» и требовал его разоблачения как правительства капиталистов, а когда оно стало коалиционным, квалифицировал его как «соглашение социалистов с капиталистами», как «удушение революции»¹¹.

Сравнение оценок Ленина с высказываниями Кирова дает полное основание усомниться в справедливости утверждения, долгое время муссированного в советской печати, что Киров был безупречным ленинцем и никогда не сходил с ленинского пути. Этим, очевидно, и объясняется тот факт, что статьи Кирова периода марта — июля 1917 г. не публиковались в советское время, а ссылки на них были просто запрещены¹². Есть основания также считать, что до Февральской революции он вел обычную жизнь преуспевающего журналиста-публициста газеты кадетского толка и мало занимался активной подпольной революционной работой. Да и большевиков-то, которых во Владикавказе насчитывалось всего несколько человек, не было тогда слышно. Побочным увлечением Кирова в то время была вовсе не подпольная работа, а природа Кавказа.

В политическую борьбу со страниц газеты «Терек» Киров по-настоящему включился при Временном правительстве. Он вошел в состав Владикавказского парткомитета, объединявшего большевиков и меньшевиков, которые численно в нем преобладали. В октябре 1917 г. Владикавказский совет направил Кирова на II Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. В анкете съезда указано, что Владикавказский совет избран в начале сентября и что во время выборов совета большевистской организации во Владикавказе не существовало, была лишь объединенная социал-демократическая организация. Официальное отношение совета, который представлял на съезде Киров, к вопросу о власти выражено словами: «Вся власть демократии!»¹³. А это было требование эсеров и меньшевиков.

На съезде Киров, утя новую обстановку, начал менять ориентацию.

Вернувшись на Кавказ, он сделал доклад о событиях в Петрограде во Владикавказском совете 4(17) ноября. При этом им было сказано немало напыщенных фраз, грешивших против исторической правды, в частности менявших его оценки свергнутого Временного правительства и восхвалявших действия Военно-революционного комитета¹⁴. На Терке Киров вошел в «социалистический блок», объединивший на время большевиков, меньшевиков, эсеров, народных социалистов, а также керменистов — членов организации осетинской крестьянской бедноты, названной по имени крестьянина Чермена (по-дигорски Кермен), боровшегося в начале XIX в. против помещиков.

Выступая от имени этого блока на I съезде народов Терской области в конце января 1918 г., Киров отстаивал необходимость общедемократического фронта и «истинного народовластия». «Не советы, которые от нас сейчас далеко, — говорил он, — а сама демократия, только сам народ может вывести нас из полосы анархии...»¹⁵. В резолюции, предложенной им на II съезде народов Терка после доклада о текущем политическом моменте и принятой съездом, указывалось, что единственным выходом из создавшегося в Терской области положения является «объединение всей революционной демократии без различия национальностей вокруг лозунга борьбы за республику рабочих, солдат, крестьян, трудовых казаков и горцев»¹⁶. Можно сказать, что большевистское политическое лицо Кирова к этому времени отчетливо еще не проявилось.

В марте 1918 г. II съездом народов Терской области была провозглашена Терская народная советская республика, правительство которой — Терский областной совет народных комиссаров — возглавил коммунист С. Г. Буачидзе. Киров не был членом этого правительства. Не входил он и в состав большевистского комитета, организованного тогда же во Владикавказе. В связи с этим представляет интерес свидетельство члена большевистской партии с 1902 г. Ю. П. Бутягина, хорошо знавшего партийных работников Северного Кавказа с дореволюционных времен. В июле 1921 г. Бутягин сообщал в ЦК РКП(б), что партбилет Киров получил в Астрахани в 1919 г. при перерегистрации, что до этого его знали на Кавказе как меньшевика, что особой активности в партийной работе он не проявлял, зато после прибытия из Сибири сотрудничал в буржуазных газетах Кавказа. Вместе с тем Бутягин отмечал: «Гов. Киров, как оратор, пользуется в массах известной популярностью, но за ним нет почти никакого стажа практической партийной и советской работы, которую он или не может вести или осторожно уклоняется от нее, ограничиваясь главным образом выступлениями на заводах и широких собраниях. До [19]18 г. состоял в рядах меньшевиков... Долго колебался и лавировал. Официально в партию вступил только в 1919 г.»¹⁷.

В конце апреля 1918 г. Терский совнарком направил Кирова в Москву за помощью. Он получал в Москве деньги и военные грузы. Дело это было хлопотное, требовало много времени. Но Киров проводил его не без пользы для себя, пристрастившись к посещению театров. В отсутствие его в Екатеринодаре в начале июля 1918 г. состоялся I съезд коммунистов Северного Кавказа, на котором был избран Северокавказский краевой комитет РКП(б). Вслед за этим там же прошел I съезд советов Северного Кавказа, провозгласивший образование Северокавказской ССР. На II чрезвычайном съезде советов Северного Кавказа, состоявшемся в станице Невинномысской в конце октября, был избран новый ЦИК Северокавказской ССР¹⁸. Утверждение С. С. Синельникова, что Киров готовил II чрезвычайный съезд советов в Невинномысской¹⁹, не соответствует действительности. Киров никогда не являлся членом ЦИКа и прямого отношения ни к созыву съезда, ни к его работе не имел. Вновь избранный ЦИК советов Северного Кавказа на первом же заседании 30 октября принял решение именоваться впредь Северокавказским краевым исполнительным комитетом советов. Этим решением, следовательно, упразднилась Северокавказская ССР, а ее ЦИК, как таковой, прекращал существование.

В свете этих фактов странным представляется и фигурирующее

в литературе обращение Кирова и О. М. Лещинского в декабре 1918 г. от имени якобы партийных организаций Терека в президиум ВЦИК с докладной запиской «О реконструкции органов власти на Северном Кавказе» о необходимости перехода от демократической системы власти на Терек к советской власти. Об этом обращении в протоколе заседания президиума ВЦИК от 11 января 1919 г. говорится, что была заслушана «Докладная записка представителей Терской области (фамилии их не названы — *Н. Е.*) об упразднении ЦИК Северо-Кавказской Республики»²⁰.

В литературе неоднократно утверждалось, что всю работу по организации борьбы с белым движением на Северном Кавказе и в Прикаспии с начала ноября 1918 г. возглавлял Киров и чрезвычайный комиссар Орджоникидзе. На самом деле эту роль осуществлял Реввоенсовет Каспийско-Кавказского отдела Южного фронта, преобразованного в начале декабря в самостоятельный Каспийско-Кавказский фронт, в состав которого входили 11-я и 12-я армии и Астраханско-Каспийская военная флотилия. Председателем этого Реввоенсовета был член первого советского правительства, член ВЦИК А. Г. Шляпников. Он ведал всеми вопросами, связанными с организацией вооруженной обороны Северного Кавказа и района Астрахани, включая подбор руководящих военных кадров и снабжение войск²¹.

С января 1919 г. Киров находился постоянно в Астрахани. В феврале Реввоенсовет направил его и Е. А. Эшбу в распоряжение Политотдела штаба фронта, и они стали сотрудниками этого органа²². К этому времени 11-я армия, потерпев тяжелое поражение, отступила под натиском денкинских войск с Северного Кавказа в район Астрахани. При отступлении через полупустынные калмыцкие степи в условиях зимы и разыгравшейся снежно-песчаной бури армия понесла огромные потери. Кстати, неправ Синельников, который полагал, что помощником Кирова был Лещинский и что благодаря Кирову было приостановлено отступление 11-й армии. Это, конечно, вымысел писателя. Остатки отступившей 11-й армии были включены в состав 12-й армии.

В середине февраля в Астрахань приехал на пост председателя РВС фронта К. А. Мехоношин. Он сменил Шляпникова, обвиненного в отсутствии у него качеств диктатора, без чего, по мнению одного из чекистов, выказанному в письме Ф. Э. Дзержинскому, «навряд ли здесь можно обойтись». Вскоре в городе организовали Временный военно-революционный комитет Астраханского края во главе с Кировым, подчиненный Реввоенсовету фронта. Этот фактически карательный орган действовал около месяца и прекратил существование вместе с упразднением Каспийско-Кавказского фронта. Его создание было обусловлено обострением политической обстановки в губернии. Политкомиссар разведотдела штаба фронта К. Я. Грасис отмечал «недовольство существующей властью местного, особенно калмыцкого и киргизского [казахского — *Н. Е.*] населения, порожденное неслыханными насилиями и издевательствами над ними наших комиссаров»²³.

Скудость снабжения, недостаток продуктов питания, прежде всего хлеба²⁴, вызывали озлобление городского населения. Рабочих возмущали, как указывалось в одном из документов, «своеволие комиссаров, их постоянные угрозы револьвером», волокита с выдачей заработанных денег в течение трех и более месяцев, что породило лозунг: «Долой комиссаров!». Рабочие пригрозили забастовкой и избрали стачечный комитет, а 45-й стрелковый полк вынес резолюцию: захватить вокзал, не выпускать советских работников, комиссаров.

Чтобы разрядить обстановку, были организованы митинги, собрания, лекции. Ораторы, среди которых был и Киров, объясняли связь продовольственного кризиса с империалистической и классовой войнами. Но в условиях, когда продовольственные карточки часто не отоваривались, успокоить население агитацией в пользу классовой борьбы и мировой пролетарской революции не удалось. Так, рабочие на одном из больших митингов приняли резолюцию, предупреждавшую, что в случае невыдачи пайка, 10 марта начнется забастовка. Так оно и случилось. По гудку с утра

10 марта забастовали тысячи рабочих. На военном заводе рабочие разогнали коммунистов. Движением под лозунгом «Долой коммунистов и комиссаров!» был охвачен и ряд сел в окрестностях Астрахани. На сторону бастовавших перешла значительная часть красноармейцев из 45-го стрелкового полка, саперная рота и рота, предназначенная для отправки на фронт²⁵.

Перепуганные власти Астрахани мобилизовали максимум военных сил для подавления «контрреволюционной крамолы». Приказом Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта и Временного военно-революционного комитета, подписанным К. Мехоношиным, С. Кировым и С. Саксом, город Астрахань был объявлен на осадном положении, вышедшие на улицы рабочие и красноармейцы объявлялись бандитами. Приказ строго предписывал всех «сопротивляющихся советской власти расстреливать на месте... У всех, отказавшихся работать, немедленно отобрать продовольственные карточки... Желающие есть должны... встать немедленно на работу. Особому отделу немедленно произвести самое строгое расследование и всех виновников предать суду военно-полевого революционного трибунала». Киров в отдельном приказе требовал «беспощадно уничтожить белогвардейскую сволочь»²⁶. В действительности рабочие скорее митинговали и оказывали лишь преимущественно пассивное сопротивление карателям.

Вот как описывает начало забастовки и действия властей известный историк С. П. Мельгунов, приводя свидетельства очевидцев: «Десятитысячный митинг мирно обшурдавших свое тяжелое материальное положение рабочих был оцеплен пулеметчиками — матросами и гранатчиками. После отказа рабочих разойтись был дан залп из винтовок. Затем затрещали пулеметы, направленные в плотную массу участников митинга, и с оглушительным треском начали рваться ручные гранаты. Митинг дрогнул, прилег и жутко затих. За пулеметной трескотней не было слышно ни стона раненых, ни предсмертных криков убитых насмерть...»²⁷.

11 марта сопротивление рабочих было сломлено. В ночь на 12 марта начались облавы на всех «подозрительных». В них активно участвовали прежде всего коммунисты. Из заградительного отряда на имя военкома П. Чугунова передали: «Сообщаю из Ревкома (очевидно, из ВРК, которым руководил Киров, — *Н. Е.*), что, если нужны Вам для обыска люди, они в городе: в районном комитете (находятся) до ста коммунистов». 12 марта был опубликован совместный приказ Мехоношина, Кирова и Сакса «О ликвидации белогвардейского мятежа», где говорилось о «белогвардейцах и шкурниках», якобы «вдохновленных золотом английских империалистов», мечтавших «создать благополучие для остатков буржуазии, мародеров и гнусных предателей революции». В приказе в обычном кировском стиле (пригодился его опыт газетного работника) заявлялось: «И, конечно; не жалким проискам шкурников, прикрывшихся почетной блузой пролетарской, покушаться на непобедимую мощь социалистической России, на которую сейчас с трепетными сердцами смотрят пролетарии всего мира».

Тем же приказом устанавливалась немедленно строгая регистрация всех рабочих и служащих комиссарами и фабрично-заводскими комитетами. Не явившиеся на регистрацию лишались продовольственного снабжения и направлялись «на общественные работы, как то: по уборке города, устройству канализации, вывозу нечистот и проч.»²⁸. Расправа над участниками волнений, как и требовал Киров, была действительно беспощадной. Расстрелу подверглись до 1500 забастовщиков. Большинство расстрелянных рабочих были семейными людьми в возрасте от 25 до 42 лет, среди них — несколько членов местного правления профсоюза рабочих-металлистов, в том числе — председатель правления член РКП(б) Митинев. Его обвинили в подготовке восстания на том основании, что ранее он состоял в партии левых эсеров. Между тем, накануне забастовки Митинев на общем собрании металлистов призывал рабочих «не нарушать продуктивность работы и не допускать сепаратных выступлений»²⁹.

В духе приказов и указаний Кирова действовал Особый отдел во главе с Г. А. Атарбековым, проявлявшим необычную изощренность в из-

девательствах над арестованными, подозреваемыми как в участии в восстании, так и в малейшем нелояльном отношении к советской власти. Места заключений были переполнены. К началу апреля называли уже 4 тыс. жертв кровавой расправы. Расстрелы производились нередко лично Атарбековым без всякого следствия и суда. Страх и ужас охватывали людей там, где он появлялся.

Астрахань обезлюдела: одни бежали, другие попрятались. Свирепость Атарбекова, который заявлял, что он подчиняется только Кирову, казалось, не знала границ³⁰. Это была не первая «боевая акция» опытного в расправах особиста-чекиста. Тот же Атарбеков, проводивший красный террор, ранее отличился тем, что по его приказу, как председателя Чрезвычайной комиссии, осенью 1918 г. были расстреляны и зарублены в Пятигорске без следствия и суда свыше ста заложников, в числе которых были бывшие министры Н. А. Добровольский и С. В. Рухлов, князя Урусовы, Шаховские, около 50 генералов и полковников³¹. Среди погибших почти 30 генералов находились Радко-Дмитриев и Н. В. Рузский, которые готовы были руководить советскими войсками в боях против германских захватчиков, но отказались участвовать в гражданской войне³². Именно в Пятигорске состоялось близкое знакомство Кирова с Атарбековым.

Поведение последнего в Астрахани приобрело столь скандальный характер, что его арестовали и отправили в Москву. Дело дошло до ЦК РКП(б) и долго разбиралось. Факты были таковы, что и Кирову пришлось признать преступность своего бывшего подопечного. Но за Атарбекова не замедлил в решающий момент поручиться член Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) Сталин. По его просьбе «немедленно откомандировать в его распоряжение и на его ответственность» Атарбекова последовало решение Оргбюро освободить чекиста от всякой ответственности за содеянное. Все было забыто, и в дальнейшем Атарбеков действовал привычными для него методами в течение всего периода гражданской войны, да и после нее³³.

В конце марта 1919 г. на базе войск расформированного Каспийско-Кавказского фронта была воссоздана 11-я армия. Председателем ее Реввоенсовета стал тогда же Мехоношин. Армия несколько раз преобразовывалась, подчинялась непосредственно главному, находилась в оперативном подчинении штаба Южного фронта, расформировывалась и вновь воссоздавалась, действовала в составе Туркестанского, Юго-Восточного и, наконец, Кавказского фронтов. Киров был назначен членом РВС 11-й армии 7 мая 1919 г. и оставался им в течение последних месяцев 1919 г. и нескольких месяцев 1920 года.

Реввоенсовет и штаб 11-й армии до весны 1920 г. все время находился в Астрахани. Положение в этом районе продолжало оставаться сложным. Значительная часть астраханского крестьянства и казачества была недовольна произволом советских военных властей, реквизициями всякого рода, сопровождавшимися злоупотреблениями и расстрелами. Признав, что местное население поддерживает противника, Киров грозил: «Если мы установим, что такая-то волость или поселок помогает белогвардейцам, то мы просто поступим с ними, как с врагами рабочего класса. Мы будем брать из контрреволюционных сел заложников»³⁴. В вопросе о массовом красном терроре, о системе заложничества Киров действовал в духе ленинских требований³⁵.

В феврале-марте 1920 г. шло наступление войск 11-й армии под командованием М. И. Василенко на Северном Кавказе. 31 марта они вступили во Владикавказ, более года находившийся под властью деникинцев и оставленный ими 22 марта. После почти двухлетней разлуки Киров здесь вновь встретил свою жену, которая не покидала Владикавказа.

Вместе с Орджоникидзе, Микояном и другими кавказскими большевиками Киров в 1920—1921 гг. был одним из организаторов вступления 11-й армии «по просьбе трудящихся масс» Закавказья в Азербайджан и Армению, свержения существовавших там правительств и замены их правительствами из коммунистов. Призывая «безропотно и смело» идти под красное знамя, Киров указывал: «И если оно позовет вас сегодня пролить еще новые

потоки крови врагов рабочего класса, то сделайте это!». Практическим воплощением в действительность этого призыва служило подавление антисоветских восстаний местного населения, в частности восстания в Елисаветполе (Гяндже), где от рук большевиков в 1920 г. погибли многие тысячи повстанцев³⁶, а сам город, очевидно, за особые заслуги Кирова в подавлении этого восстания в 1935 г. был переименован в Кировабад.

В июне — сентябре 1920 г. Киров был полпредом РСФСР в Грузии, а в начале января 1921 г. он вместе с Орджоникидзе в докладе, направленном членам ЦК РКП(б), обосновывал необходимость «оказания помощи трудящимся Грузии в установлении советской власти». И такая помощь не замедлила. В феврале части 11-й армии при активной поддержке грузинских повстанцев, руководимых большевиками, вошли в Тифлис, после чего во всей Грузии была установлена советская власть.

Одним из примеров преувеличения роли Кирова может служить утверждение, что он возглавлял делегацию РСФСР на переговорах о мирном договоре с Польшей осенью 1920 года³⁷. На самом деле главой — председателем указанной делегации все время, вплоть до подписания мирного договора, был А. А. Иоффе, имя которого в советской литературе не было принято упоминать, Киров же являлся только — и то на очень короткое время — членом делегации (наряду с Д. З. Мануильским и Л. Л. Оболенским)³⁸.

На X-м съезде РКП(б) Кирова при содействии Орджоникидзе и Сталина избрали кандидатом в члены ЦК партии. Во время работы съезда произошло поддержанное населением выступление матросов в Кронштадте, направленное против экономической политики большевиков и их произвола. Оно было подавлено Красной армией с участием делегатов съезда³⁹. Выступая в апреле 1921 г. в Тифлисе с докладом «О X съезде РКП(б) и кронштадтских событиях», Киров всячески оправдывал жестокости в отношении кронштадтских матросов. При этом он выразил уверенность, что скоро «в правительстве Соединенных Штатов Америки будут уже сидеть коммунисты»⁴⁰.

О «торжестве коммунизма не только у нас, но и там, на Западе», Киров говорил и на I съезде Советов СССР. Ему принадлежит предложение, внесенное на этом съезде, о строительстве для будущих съездов специального величественного здания «нового дворца рабочих и трудящихся крестьян» для доказательства, что «мы... способны украшать грешную землю такими памятниками, которые нашим врагам и не снились..., чтобы европейский пролетариат..., все еще сомневающийся в правильности тактики Коммунистической партии ...при виде этого волшебного дворца рабочих и крестьян почувствовал, что мы пришли всерьез, навсегда, что идеи Советской власти, идеи коммунизма проникли так же глубоко, как сверла бакинских рабочих вонзаются в землю». Киров обещал «тряхнуть проклятую капиталистическую землю так, чтобы... все было... сброшено в бездну истории»⁴¹.

В соответствии с предложением Кирова, принятым съездом, впоследствии был разработан проект строительства Дворца советов, который по высоте должен был превосходить все небоскребы мира и по проекту должен был быть увенчан стометровой фигурой Ленина. Практическое строительство Дворца советов на месте взорванного в 1931 г. Храма Христа Спасителя началось уже после смерти Кирова.

Пятилетие после гражданской войны Киров провел в Баку, будучи с июля 1921 г. секретарем ЦК Компартии Азербайджана. Видное место в его деятельности в эти годы, естественно, занимала «борьба за нефть». В условиях восточного чинопочитания и лести Мария Львовна чувствовала себя в Баку, как обожаемая супруга всевластного заместителя центра.

Настоящим взлетом в политической карьере Кирова стал ленинградский период его жизни (1929—1934 гг.). В Ленинграде он появился в качестве первого секретаря губкома ВКП(б) после склочного, судя по стенограмме, XIV съезда партии, на котором был учинен погром прежнего ленинградского руководства, возглавлявшегося Г. Е. Зиновьевым.

XIV съезд ВКП(б) явился трамплином для Сталина к единовластию в партии и в стране. С этого съезда началось по-настоящему прославление Сталина, как вождя, усиливавшееся из года в год. Особое подобострастие на съезде продемонстрировал председатель ЦКК-РКИ В. В. Куйбышев, всячески восхвалявший генерального секретаря. В отличие от него Киров на XIV съезде еще не выступал с обнаженным пресмыкательством, но он напомнил, имея в виду «борьбу за нефть» в Баку, что недаром ест хлеб: «верно тов. Сталин сказал, что у кого нефть, тот и господствует». Поддержав линию на сталинское «единство партии», Киров призвал «прекратить то, что делается в первой советской столице, на родине коммунистической партии, в Ленинграде», то есть выступил против Зиновьева и его приверженцев, выразивших сомнение в возможности построения социализма в «отдельно взятой стране»⁴².

С первых шагов в Ленинграде Киров делает все, чтобы завоевать авторитет в рабочей массе, бывает на заводах и фабриках, часто выступает с докладами и речами (в течение года он произнес 180 речей против оппозиции), обещаая скорую победу социализма у нас в стране и затем во всем мире. Его показной демократизм и простота, в отличие от барственного перед снятием поведения Зиновьева⁴³, занимавшего пост председателя Ленсовета и являвшегося председателем Исполкома Коминтерна, сыграли свою роль. Киров ставил на руководящие посты в партийных, комсомольских, профсоюзных и советских органах Ленинграда своих людей, убирая сторонников прежнего руководства, благодаря чему создал вполне преданное себе окружение, заявив в 1927 г.: «Ленинград мы очистили от оппозиции»⁴⁴. Это был результат работы, проведенной под руководством Кирова при полной поддержке сталинского ЦК, если учесть, что в 1925 г. до 90% Ленинградской партийной организации поддерживали линию Зиновьева.

Достижением пролетарской власти Киров считал то, что пришлось разрушить половину того, что досталось нам от капиталистов. «Нам пришлось, — заявлял он, — разрушить целый ряд предприятий, железных дорог». Он приветствовал тот факт, что «заставили замолчать» инакомыслящих — «уклонистов» и безоговорочно одобрял решительную борьбу «с неверием в социалистическое строительство, с уклонами кулацко-дурацкими и другими». Именно Киров в октябре 1926 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в угоду Сталину предложил вывести Троцкого и Каменева из состава Политбюро и об освобождении Зиновьева от работы в Коминтерне, чем впоследствии особо похвалялся⁴⁵.

На состоявшемся в конце 1927 г. XV съезде ВКП(б) был устроен настоящий суд без права защиты над «троцкистской оппозицией», в которую скопом зачислили всех недовольных методами сталинского руководства. Грубо затыкали рот тем, кто был не согласен с ужесточившимся произволом, прерывали оскорбительными выкриками, не давали вообще говорить, лишали слова⁴⁶. Оппозиционеров, отвергавших навешивание на них огульных обвинений и ярлыка «троцкистов», протестовавших против незаконных арестов, исключили из партии. Среди активистов расправы был и входивший в состав специальной комиссии Киров, выступление которого на съезде носило откровенно издевательский характер, граничивший с плоским зубоскальством в отношении, например, Х. Г. Раковского⁴⁷ или И. Т. Смилги, к которому в годы гражданской войны он относился с подчеркнутым почтением. Киров разделял полностью требование Сталина к оппозиции: «Или полная капитуляция, или вон из партии». Он с пафосом говорил о необходимости «продолжать великую работу укрепления внутрипартийной, внутрисоюзной и внутрисоветской демократии» и в то же время, ссылаясь на Сталина, требовал «отсесть самым решительным, самым твердым и самым беспощадным образом» всех, не согласных с устремлениями сталинского руководства⁴⁸.

После разгрома «троцкистской оппозиции» Сталин с целью дальнейшего укрепления своей власти стал подспудно готовить новый удар — теперь уже по своим бывшим «друзьям» — союзникам по борьбе с «троцкистами» — Н. И. Бухарину, А. И. Рыкову, М. П. Томскому и их едино-

мышленникам, считавшим ошибочным чрезмерное форсирование индустриализации и коллективизации. Так как признанным теоретиком партии считался Бухарин, его и было решено развенчать «теоретически». Из недочувшихся слушателей Института красной профессуры по заданию Сталина была сформирована в строгом секрете специальная «бригада», командированная ЦК в Ленинград. Здесь она работала под непосредственным руководством Кирова и Б. П. Позерна. Она подготовила лично для Сталина до десятка антибухаринских статей и полный список «сочинений Бухарина с указателем к произведениям Маркса, Энгельса, Ленина для сравнения их суждений с тем, что писал или когда-либо говорил по тому или иному вопросу Бухарин»⁴⁹.

Бухарина и его сторонников обвинили в «правом уклоне», в том, что они отрицали вообще необходимость индустриализации и коллективизации, в стремлении реставрировать в городе и деревне капиталистические порядки. Сталинский аппарат ЦК сумел организовать по всей стране собрания «партийных активов» с докладами от ЦК о «правой опасности» с осуждением «ошибок т. Бухарина», с требованием вывести Бухарина, Рыкова, Томского из Политбюро⁵⁰. Киров безоговорочно поддержал Сталина. Выступая с докладом на II-й областной партконференции в Ленинграде 9 марта 1929 г., он указал: «Работу по разъяснению опасности

правого уклона и примиренчества мы ни коим образом ослабить не должны». И тут же провозгласил: «Мы пойдем неуклонно к тому моменту, когда мы с вами, в союзе с пролетариями всех стран, в союзе с угнетенными всего мира украсим все государства серпом и молотом и зажжем над землей новое, свободное, все оживляющее коммунистическое солнце»⁵¹.

Киров вообще был мастером произносить эффектные фразы, мало связанные с реальной действительностью. А действительность была такова, что политика коммунистической партии во главе со Сталиным была синонимом грубого насилия над населением, прежде всего над крестьянством. Вопреки принятой XV съездом партии по докладу Рыкова установке на постепенный переход к коллективным формам хозяйствования с учетом того, что индивидуальное собственническое хозяйство «еще значительное время будет базой всего сельского хозяйства»⁵², сталинским руководством был провозглашен курс на сплошную коллективизацию в кратчайший срок и ликвидацию кулачества «как класса». Крестьян под угрозой «раскулачивания» насильственно загоняли в колхозы. Раскулачивание проводилось форсированными темпами.

На Северо-Западе СССР политика и практика насильственной коллективизации и раскулачивания проводилась под энергичным руководством первого секретаря Северо-Западного бюро ЦК и секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Кирова. Критикуя папу римского, поднявшего голос «в защиту ликвидируемого кулака», Киров одновременно ополчился против защитников крестьянства внутри СССР, назвав их «контрреволюционной сворой»⁵³. Вместе со Сталиным, Ворошиловым, Ждановым, Микояном и другими Киров был членом Комиссии, занимавшейся вопросами коллективизации, положения колхозов и единоличников, налогов на крестьян⁵⁴. Следовательно, Киров несет личную ответственность за насилия над крестьянством. Хваленые же «победы социализма» в деревне обернулись разрушением основных производительных сил, дезорганизацией и упадком сельскохозяйственного производства, массовой гибелью основных производителей продовольствия, что привело к страшному голоду 1932—1933 гг. и гибели миллионов людей на Северном Кавказе, Дону, на Украине, в Казахстане и в других регионах страны.

В 1929 г. XVI партконференция приняла резолюцию о пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1928/29—1932/33 гг. в «оптимальном варианте», которым предусматривался «огромный объем капитальных вложений», «более чем утроение довоенных размеров промышленной продукции» и «превышение довоенных размеров сельскохозяйственной продукции более чем в полтора раза»⁵⁵. Но реальностью «большой скачок» не стал. Если обратиться к статистическим данным, которые обычно фальсифицировались в сторону преувеличения, то станет ясно, что, несмотря на напряженный труд граждан СССР, пятилетний план не был выполнен по важнейшим видам продукции. Следовательно, сталинское («не бюрократическое») планирование было авантюристическим ибо Сталин и его команда, в которую входил Киров, не считались с реальной жизнью и возможностями страны. Тем не менее утверждалось, что первая пятилетка якобы была успешно выполнена за четыре года и три месяца. Киров все это представлял в своих выступлениях в виде колоссальных достижений социализма в СССР, великой революции сверху, достигнутых в борьбе с кулаками и контрреволюционными элементами в партии. Более того, он предрекал даже выполнение пятилетки не в четыре, а в три года⁵⁶.

Не без ведома Кирова был осуществлен погром ученых Академии наук, находившейся тогда в Ленинграде (до ее перевода в 1934 г. в Москву), по сфабрикованному, в частности, «делу академика Платонова». Кроме С. Ф. Платонова, крупного историка, репрессиям подверглись свыше ста ленинградских и московских историков. Им приписали вредительство, создание контрреволюционной организации, имевшей якобы целью свержение советской власти и установление в стране конституционно-монархического строя. При этом Платонова клеймили как «германофила», а Е. В. Тарле — как «агента антантовского империализма». Всего же жертвами «Академи-

ческого дела» стали 525 сотрудников Академии наук⁵⁷. Киров утверждал, что «программа правых является родственной по духу, по идеологии, по крови, кругу идей этих Платоновых, Устряловых и иже с ними»⁵⁸. Руководствуясь указаниями Кирова, ленинградские газеты открыли шумный «крестовый поход» против специалистов и людей науки, обвиняя их в попытках организации вооруженного восстания против советской власти, опираясь на поддержку кулачества, на остатки буржуазии, на поддержку международных контрреволюционных сил. Выступление президента Академии наук, ученого с мировым именем А. П. Карпинского против огульных обвинений, в защиту опальных ученых рептильная печать заклеила как «контрреволюционную вылазку»⁵⁹.

Действуя привычными способами «в интересах пролетариев», Киров «оперативно» решал все проблемы. Чтобы решить, например, жилищный вопрос в связи с ростом численности рабочих на новых стройках в ходе «социалистической индустриализации», он приказал выселить в одночасье из Ленинграда остатки «недобитых классово чуждых элементов». В. Успенский писал об этом: «Сергей Миронович решил разрубить гордиев узел одним ударом: выселить десятки тысяч лиц непролетарского происхождения не только из квартир, но и вообще из города, отправить их в административном порядке в те отдаленные холодные края, где пресловутый Макар не пас своих столь же пресловутых телят. Что и было выполнено с присутствующей Сергею Мироновичу энергией. Пострадали не только старухи и старики, бывшие сановники и чиновники..., но в основном пострадала интеллигенция: музыканты и врачи, адвокаты и инженеры, научные работники, искусствоведы... Сколько их поумирало в пути, в необжитых местах!»⁶⁰. Между тем местная печать, опекаемая Кировым, оправдывая репрессии, яростно «разоблачала» выходцев из дворян, купечества и других «враждебных элементов», призывала: «Выше большевистскую бдительность!»⁶¹.

Непримиримым противником сталинской преступной диктатуры выступил на рубеже 20-30-х годов член партии с 1914 г. М. Н. Рютин (1890—1937). Он разработал платформу «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», настаивая на отстранении Сталина от руководства партией, доказывая, что Сталин стал подлинным предателем партии, отбросившим партийную порядочность и честность, все подчинив интересам своего честолюбия и властолюбия, справедливо отмечая, что Сталин, не терпя около себя людей независимых, теоретически подготовленных, опираясь на парт-аппарат и ГПУ, вышиб этих людей с руководящих постов и на место опороченных им руководителей поставил людей ограниченных в теоретическом отношении, беспринципных, но ручных, покорных холуев и льстецов⁶². Указав на поощрение Сталиным своих верных слуг, ограждение их от критики, Рютин писал: «Всем известно, чем кончилась попытка ленинградцев разоблачить Кирова, как бывшего кадета и редактора кадетской газеты во Владикавказе. Им дали «по морде» и заставили замолчать. Сталин руководствуется правилом умершего американского босса Пенроза и решительно «защищает своих собственных мерзавцев»⁶³.

Киров в это время действительно заслужил доверие вождя своей безоглядной поддержкой политики «выкорчевывания» тех товарищей по партии, которые недостаточно усердно «разоблачали» «враждебные теории», благодаря чему попал в ареопаг «верных соратников товарища Сталина». В «Письме старого большевика», составленном в 50-х годах Б. И. Николаевским главным образом на основе его бесед с Бухариным во время командировки последнего за рубеж в начале 1936 г., отмечается, что «Киров был одним из тех, кто стоял во главе партии в период первой пятилетки, т. е. тех, кто вдохновил и провел недоброй памяти походы на деревню, раскулачивание; в его непосредственном ведении находилось Кемское побережье и Мурман, с их Беломорлагом; ему было подведомственно строительство Балтийско-Беломорского канала. Этого достаточно, чтобы понять, что в излишней щепетильности в обращении с человеческими жизнями его обвинять ни в коем случае нельзя»⁶⁵.

В 1934 г. (26 января — 10 февраля) состоялся XVII съезд ВКП(б).

В отчетном докладе от имени ЦК Сталин говорил об огромных успехах социалистического строительства, о достижении безраздельного господства в народном хозяйстве социалистического сектора. Казалось, так оно и есть. Бывшие вожди оппозиции полностью капитулировали и в речах на съезде до тошноты прославляли Сталина. С большой речью выступил Киров, который не упустил возможности потешиться над поверженными противниками-оппозиционерами. Появление Кирова на трибуне было встречено вставанием и овацией, начатой ленинградской делегацией и поддержанной всем съездом. В стенограмме съезда отмечено также, что с трибуны по окончании речи Кирова проводили бурными, долго не смолкавшими аплодисментами, горячей овацией всего зала, всеобщим вставанием.

Это, по мнению случайно уцелевших в живых и вернувшихся из тюрем и лагерей участников съезда, объяснялось тем, что среди части делегатов созрело желание видеть на посту генерального секретаря ЦК вместо Сталина нового человека, именно Кирова, популярность которого в партии быстро росла. Эти делегаты считали, что настало время выполнить предсмертную волю Ленина о замене Сталина, который сосредоточил в своих руках необъятную власть и недопустимо груб, человеком более терпимым, более лояльным, внимательным к товарищам по партии и менее капризным.

Предварительные переговоры с Кировым на этот счет от имени группы делегатов — «стариков», по версии Н. С. Хрущева, основанной на материалах Комиссии Президиума ЦК КПСС, расследовавшей убийство Кирова, вел член ЦК, секретарь Азово-Черноморского крайкома партии Б. П. Шеболдаев, близко знавший Кирова по гражданской войне на Кавказе. Об этом разговоре Киров рассказал Сталину, очевидно, надеясь на укрепление доверия к себе со стороны вождя. Сталин будто бы ответил Кирову: «Спасибо, я тебе этого не забуду»⁶⁶.

Зная поведение Кирова, до, во время и после XVII съезда ВКП(б), нетрудно догадаться, что ответ его на предложение Шеболдаева мог быть только отрицательным. Шеболдаев же за свою дерзость вскоре был ошельмован как «гнусный изменник родины», «старый матерый троцкист и шпион», связанный якобы с зарубежными белогвардейскими организациями. Его обвинили даже в сколачивании повстанческого ядра из контрреволюционных элементов и расстреляли в 1937 году.

В речи на съезде Киров не пожалел словословий по адресу Сталина. Его доклад он оценил как «самый яркий документ», как «программу всей нашей работы», а самого Сталина назвал «лучшим кормчим нашей великой социалистической стройки», «великим стратегом освобождения трудящихся нашей страны и всего мира». Нельзя расценить иначе, чем как откровенный подхалимаж, предложение Кирова не ломать напрасно голову над резолюцией по докладу Сталина, а... «принять к исполнению, как партийный закон, все положения и выводы отчетного доклада товарища Сталина».

Похвалился Киров в своей речи подведомственным ему, как секретарю Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), Беломорско-Балтийским каналом, построенным, по его словам, «по инициативе товарища Сталина». При этом он отдал должное «заслугам», «героической работе» чекистов, «которые руководили этим делом, которые буквально чудеса сделали». Умолчал Киров лишь о скрытой от мира стороне этих «чудес», о том, сколько людских жизней загубили чекисты на данной «социалистической» стройке. Наконец, он снова заявил, что «наша партия, как никогда, едина, монолитна, тверда и сплочена вокруг своего ЦК и вождя товарища Сталина»⁶⁷.

И вот состоялись выборы нового состава Центрального комитета партии. Член Комитета партийного контроля при ЦК в прошлом и бывший член Комиссии, созданной президиумом ЦК КПСС в 1960 г. для расследования убийства Кирова, О. Г. Шатуновская утверждала, что при выборах ЦК на съезде фамилия Сталина была зачеркнута в 292 бюллетенях. Но по указанию Сталина, когда ему об этом доложили при активном участии Л. М. Кагановича, надзиравшего от имени ЦКК за работой счетной комиссии, результаты голосования были сфальсифицированы, 289 бюллетеней

голосования сожжены и в лживом протоколе счетной комиссии, объявленном съезду, говорилось, что против Сталина, как и против Кирова, было подано всего три голоса. Хрущев в своих воспоминаниях привел несколько иные цифры. Он утверждал, что на съезде было объявлено о шести голосах против Сталина, а фактически, по рассказам оставшихся в живых бывших членов счетной комиссии (из 63 членов 60 были потом расстреляны), против Сталина голосовали «260 или 160» делегатов съезда⁶⁸.

На состоявшемся пленуме ЦК Кирова избрали членом Оргбюро ЦК ВКП(б) и одним из секретарей ЦК, переизбрав его также в члены Политбюро ЦК партии. Одновременно он оставался первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). Сталин был избран в состав секретариата, о должности же генерального секретаря ничего не говорилось.

После XVII съезда ВКП(б) поведение Кирова и его верность Сталину не поколебались. Выступая на совещании инструкторов сельских райкомов Ленинградской области в ноябре, он говорил: «В ближайшие два-три года... развернутся в нашей великой стране и особенно в сельском хозяйстве такие гигантские новые производительные силы, которых еще никогда не видел мир». В другой своей речи (на пленуме Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Киров вещал: «Так как мы с вами выросли и воспитались в той партии, которой руководит величайший из ленинцев — товарищ Сталин, мы сумеем теорию марксизма-ленинизма использовать для того, чтобы добиться победы коммунизма во всем мире»⁶⁹.

И все-таки, несмотря на все подобное рода подобострастные высказывания Кирова и других соратников вождя, Сталин понимал, что в партии, особенно у старой «ленинской гвардии» сохраняется недовольство и скрытое стремление к ограничению его личной власти, с чем он абсолютно не мог примириться. Прежние чистки в рядах партии и «выкорчевывания «левых» и «правых» казались ему явно недостаточными. Чтобы окончательно достичь абсолютной власти в партии путем беспощадного удара по старым партийным кадрам, а затем — задушить любое недовольство в народе, Сталин решил немедленно воспользоваться в качестве выгодного предлога для расправ убийством Кирова в Смольном 1 декабря 1934 г., распорядившись «искать убийц среди зиновьевцев». Указанный повод Сталину был просто необходим, учитывая падение авторитета партийно-государственного руководства в стране.

Уже в день убийства Сталин продиктовал от имени ЦИК СССР постановление, вводившее упрощенную систему судопроизводства, по существу узаконившее беззаконие при расследовании и рассмотрении «дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти». Постановлением предписывалось: следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней; обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде; дела слушать без участия сторон; кассационные обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать; приговор к вышей мере наказания приводить в исполнение немедленно по его вынесении⁷⁰.

15 декабря на собрании «актива» Ленинградской парторганизации новый первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданов заявил, что убийство Кирова — дело рук Зиновьева и его сторонников. То же самое утверждал на собрании московского партактива Каганович. По всей стране была развернута шумная кампания против Зиновьева, Каменева и других под призывом «беспощадно выкорчевывать остатки разгромленных врагов».

Начавшийся после убийства Кирова «большой террор» достиг своего апогея в 1937—1938 гг., когда в причастности к убийству Кирова и терроризму обвиняли, кроме Троцкого, Зиновьева, Каменева и их «подручных» — якобы прямых агентов фашистской охранки, также Шляпникова, Бухарина, Рыкова, Томского и многих других, на которых были навешаны столь же лживые ярлыки. Утверждалось, что Киров был убит по постановлению «право-троцкистского блока», в котором будто бы активное участие принимали и Бухарин, и Рыков⁷¹. Ныне все такого рода обвинения в адрес

многих сотен тысяч репрессированных признаны абсолютно несостоятельными.

К настоящему времени выкристаллизовались две основных точки зрения на убийство Кирова. Одна из них говорит о причастности к убийству самого Сталина, давшего негласное указание руководству НКВД в лице Г. Г. Ягоды организовать это убийство. Убийца Кирова Л. В. Николаев, по этой версии, стал пешкой в руках чекистов, действовавших в соответствии с волей «вождя народов». Не случайно Сталин сразу же после полученной им вести об убийстве выехал в Ленинград, чтобы немедленно взять следствие под свой личный неослабный контроль и направить его в нужное и выгодное ему русло. Он сам допрашивал Николаева, разговаривал с ним благожелательно и даже, видимо, обещал ему сохранение жизни в случае признания связи с зиновьевцами. Нельзя обойти вниманием истошный крик Николаева на суде, когда ему был объявлен смертный приговор: «Обманули! Обманули!»

Не случаен и расстрел подавляющего большинства делегатов XVII съезда ВКП(б) и 70% членов и кандидатов в члены ЦК, как и расстрел почти абсолютно всех лиц, которые могли быть нежелательными свидетелями убийства, включая целый слой чекистов, партийных и советских работников Ленинграда. Ведь даже противники указанной точки зрения Н. Михайлов и Ю. Мурин, выступившие с «юбилейной» статьей в газете «Вечерний клуб» 1 декабря 1994 г., признают, что в одном только Ленинграде и области после убийства Кирова были репрессированы с 1935 по 1938 г. 90 тысяч человек. А разве случайно физическое уничтожение почти всех членов счетной комиссии, включая ее председателя В. П. Затонского, после XVII съезда ВКП(б), который потом назвали «съездом расстрелянных»?

Версии о причастности Сталина к убийству Кирова придерживался не только Хрущев, воспоминания которого в общем-то можно считать честными, но и ряд серьезных исследователей. А. Г. Авторханов прямо указывал, что Сталин убил Кирова руками чекистов во главе с Ягодой, а они Сталиным же «были расстреляны, чтобы скрыть следы собственных преступлений»⁷². Д. А. Волкогонов отмечал: «Зная сегодня Сталина, его исключительную жестокость, коварство и вероломство, вполне возможно предположить, что это его рук дело. Одно из косвенных свидетельств — устранение двух-трех «слоев» потенциальных свидетелей. А это уже «почерк» Сталина... Убийство Кирова явилось хорошим предлогом для ужесточения всего внутривластного курса в стране. Он не мог забыть, что четвертая часть делегатов XVII съезда голосовала против него»⁷³. Эту версию с некоторыми модификациями и новыми фактами поддержали М. Руденко и Я. Ракитянский⁷⁴.

Вторую точку зрения выразили Н. Михайлов и Ю. Мурин, а также Л. Коренев, которые напротив, отрицают всякую причастность Сталина к трагедии в Смольном, ссылаясь на его личную дружбу с Кировым, отмечая, в частности, что они вместе парились в бане. Но стоит ли при этом упускать из виду коварство Сталина, в частности, во время его дружбы с Каменевым, Зиновьевым, затем — с Бухариным, Рыковым и другими, когда она служила его интересам в борьбе против Троцкого? Однако «дружба» не помешала Сталину впоследствии уничтожить их и выбрать новых друзей вроде Берии. Известно также, что старого большевика-«друга» А. А. Солнца, с которым он когда-то, в годы подполья, спал на одной койке, Сталин заточил в психушку, где он и скончался, а своего приятеля Орджоникидзе довел до самоубийства.

В поддержку версии о непричастности Сталина к убийству Кирова высказался и П. Судоплатов.

Он все объясняет личной ревностью Л. Николаева к любвеобильному Кирову, который имел интимные связи с его женой Мильдой Драуле и со многими балеринами не только в Ленинграде, но якобы и в Москве⁷⁵. Неравнодушие Кирова к молодым балеринам Мариинского театра в Ленинграде, названного потом Кировским, для многих не было большим

секретом и ранее. А. Г. Авторханов писал: «членов ЦК мало занимало искусство, хотя некоторые из них весьма увлекались артистками. Многие знали о похождениях в Ленинграде Кирова... С ним в Москве успешно конкурировал Ворошилов, натываясь на этом поприще то на Луначарского, то на Буденного (его жена была неграмотной крестьянкой с Кубани, но став маршалом, он бросил ее, детей своих отдал в приют, а сам ушел «на сцену»). У Кирова детей не было и жену свою прихварывавшую Марию Маркус, которая, очевидно, вынуждена была мириться с его увлечениями, он не бросал. При жизни мужа, по сообщению заведующей музеем С. М. Кирова в Ленинграде-Петербурге Т. А. Сухарниковой, хозяйственными делами в доме в основном занималась не Мария Львовна, а приходящие домработницы, находившиеся в ведении Управления делами обкома партии. Мария Маркус пережила мужа на десять лет. Похоронена она на Волковом кладбище в Ленинграде в январе 1945 г. (вскоре после возвращения из эвакуации).

Не вызывает возражений убеждение Судоплатова, что убийство было «максимально использовано Сталиным для ликвидации своих противников и развязывания кампании террора». «Так называемый заговор троцкистов, жертвой которого якобы пал Киров, — признает он, — с самого начала был сфабрикован самим Сталиным... Киров сам был беспощаден к оппозиционерам и ничем в этом отношении не отличался от других приближенных соратников Сталина»⁷⁶.

Разумеется, не существует документов, подтверждающих причастность Сталина или аппарата НКВД к убийству Кирова, будто жестокий тиран и гениально хитрый интриган мог позволить оставить письменные следы своего преступления в отношении члена Политбюро, считавшегося к тому же его другом... Разве существует письменный приказ Сталина кому-либо из чекистов об организации убийства Троцкого и его близких родственников? Ведь такого рода террористические акты советской печатью всегда начисто отрицались. И все же на вопрос, был ли Сталин вдохновителем убийства Кирова, судя по всему, мы едва ли сможем дать однозначный ответ, как не дал на этот вопрос четкого ответа А. Н. Яковлев, председатель Комиссии, изучавшей материалы репрессий 30-х — начала 50-х годов, который, однако, оценил Сталина и его окружение словами: «мерзавцы первой степени и все в крови»⁷⁷. А Киров, как известно, был составной частью этого окружения, близким и верным соратником Сталина. Тем не менее не приходится сомневаться в способности Сталина пойти на убийство любого человека, не исключая и Кирова.

Касаясь жизненного пути Кирова, человека не без способностей, умевшего лавировать, можно в заключение сказать, что он искусно приспособивался к складывавшейся в советское время политической обстановке, всегда был вместе с большинством партии, ради службы Сталину клеймил всех его противников, не щадя при этом близких ему в прошлом людей. Действуя всегда в русле предначертаний Сталина, Киров в сталинской системе власти фактически не играл сколько-нибудь самостоятельной роли, был сталинским рупором и с этой точки зрения, по оценке А. И. Солженицына, являлся «незначительной личностью»⁷⁸.

Примечания

1. Астраханский фронт и С. М. Киров. Сталинград. 1937, с. 12—13.
2. См., например, РАЗГОН И. М. С. М. Киров — великий патриот нашей родины. М. 1944; СИНЕЛЬНИКОВ С. С. Киров. М. 1964; НАГАЕВ Г. Д. Ради счастья. М. 1974; ХОЛОПОВ Г. Грозный год — 1919-й. Л. 1986; ПОМПЕЕВ Ю. А. Хочется жить и жить. М. 1987 и др.
3. ГОЛУБЕВА А. Г. Мальчик из Уржума. Л. 1984, с. 110.
4. ГОЛУБЕВА А. Рассказы о Сергее Кострикове. Л. 1966, с. 50, 51, 54—57.
5. КОСТРИКОВА А. М. КОСТРИКОВА Е. М. Это было в Уржуме. В кн.: О Сергее Кирове:

- Воспоминания, очерки, статьи современников. М. 1985, с. 21. В Советской исторической энциклопедии (СИЭ) (т. 7, с. 289) сказано, что Киров в 1907 г. был осужден к 1 году и 4 месяцам заключения в крепости.
6. О Сергее Кирове, с. 21-22, 34; ДОЛУНЦ Г. К. Киров на Северном Кавказе. М. 1973, с. 14—15.
  7. См. УСПЕНСКИЙ Лев. Слово о словах. Ты и твое имя. Лениздат, 1962, с. 616.
  8. КИРОВ С. М. Избранные статьи и речи (1912—1934). М. 1957, с. 3—5.
  9. Цит. по: КОЗЛОВ А. И. Сталин: борьба за власть. Ростов-на-Дону. 1991, с. 159—160.
  10. Терек, 16, 24. III; 6, 7. V. 1917.
  11. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 106, 114; т. 32, с. 22—25, 62, 67.
  12. КОЗЛОВ А. И. Ук. соч., с. 159.
  13. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сб. док. М. 1957, с. 251, 252.
  14. См. КИРОВ С. М. Ук. соч., с. 6, 7, 10, 11.
  15. Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Сб. док. и м-лов. Орджоникидзе. 1972, с. 98—100.
  16. Съезды народов Терека. 1918 г. Сб. док. и м-лов. Орджоникидзе. 1977, т. 1, с. 119.
  17. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 84, д. 196. лл. 4—6.
  18. Полный список членов этого ЦИК опубликован мною. См. Ученые записки Московского гос. пединститута (МГПИ) им. Ленина. М. 1970, № 359, с. 99—100.
  19. СИНЕЛЬНИКОВ С. С. Ук. соч., с. 179.
  20. Получается, что председатели Терской области, включая Кирова, не знали в полной мере, что происходит на Северном Кавказе, а поэтому ходатайствовали об упразднении органа власти, который официально прекратил существование еще 30 октября 1918 года.
  21. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 108, оп. 1, д. 3, л. 27, д. 14, лл. 1, 4, 70, д. 97, л. 6, д. 105, л. 14.
  22. Там же, д. 97, л. 9 об.
  23. Там же, ф. 108, оп. 2, д. 43, л. 70; ф. 194, оп. 1, д. 4, л. 98; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 66, д. 66, л. 44.
  24. Своим первым приказом Временный ВРК за подписью Кирова 27 февраля предписал сократить хлебный паек первой категории населения до фунта (400 грамм), второй категории — до полфунта и третьей категории — до четверти фунта (Астраханский Дом-музей С. М. Кирова, экспозиция).
  25. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5469, оп. 3, д. 63, лл. 42—44; РГВА, ф. 108, оп. 2, д. 42, л. 135, д. 38, л. 4.
  26. Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917—1920 гг.). Док. и м-лы. Часть 2. Астрахань. 1960, с. 155, 156.
  27. МЕЛЬГУНОВ С. П. Красный террор в России. М. 1990, с. 50.
  28. Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Часть 2, с. 169, 176, 179, 180; КИРОВ С. М. Статьи, речи, документы. М. 1936, с. 134.
  29. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 66, д. 42, л. 63; ГАРФ, ф. 5469, оп. 3, д. 63, лл. 37, 43.
  30. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 66, д. 73, лл. 27, 42, 67; Мельгунов С. П. Ук. соч., с. 51.
  31. РЦХИДНИ, ф. 70, оп. 3, д. 469, лл. 40, 43.
  32. ГАРФ, ф. 393, оп. 4, д. 29, л. 210; ф. 1235, оп. 81, д. 2, л. 192; РГВА, ф. 1, оп. 1, д. 173, л. 55.
  33. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 112, д. 7, лл. 41, 44; Известия Кубанско-Черноморского областного отдела Управления, 26.IX.1920; МЕЛЬГУНОВ С. П. Ук. соч., с. 63, 64, 144.
  34. РГВА, ф. 108, оп. 2, д. 41, лл. 219, 221, д. 43, л. 70, д. 53, л. 1; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 66, д. 66, л. 127 об.
  35. См. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 214, 215, т. 39, с. 152, т. 50, с. 142—144, 149, 152, 168.
  36. МЕЛЬГУНОВ С. П. Ук. соч., с. 95.
  37. СИЭ, т. 7, с. 290; О Сергее Кирове, с. 5; Известия ЦК КПСС, 1991, № 5, с. 153.
  38. Документы внешней политики СССР. Т. 3. М. 1959, с. 159, 166, 618, 642, 651, 652, 654.
  39. Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М. 1963, с. 402, 726.
  40. КИРОВ С. М. Избранные статьи и речи, сс. 138, 139, 143, 144.
  41. Там же, с. 150—152; Съезды Советов СССР. Сб. док. 1922—1936, Т. III. М. 1960, с. 13, 22; I съезд Советов СССР. Стеногр. отчет. М. 1923, с. 8, 15, 18.
  42. XIV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М.-Л. 1926, с. 367—368.
  43. К. И. Чуковский отмечал в своем дневнике: «Я помню то время, когда Зин/овьев/

- не удостоивал меня даже кивка головы, когда б/ыл/ жирен, одуловат...» (Знамя, 1992, № 11, с. 158),
44. Цит. по ФЕЛЬШТИНСКИЙ Ю. Г. Разговоры с Бухариным. М. 1993. с. 111.
  45. КИРОВ С. М. Избранные статьи и речи, с. 168, 171, 178, 345.
  46. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр, отчет. М. 1961, с. 168.
  47. По оценке английского историка Э. Карра, Раковский был «самым великим из советских дипломатов двадцатых годов» (CARR E. Socialism in one Country.— L. 1965. Vol. III. P. 35 — Note 4). Подробнее см.: КОНТ Ф. Революция и дипломатия. X. Раковский. М. 1991.
  48. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр, отчет, с. 262—270.
  49. АВТОРХАНОВ А. Г. Технология власти.— Вопросы истории, 1991, № 2—3, с. 129.
  50. Подробнее об этом см.: Вопросы истории, 1991, № 4—5, с. 111—113, № 7—8, с. 103—104.
  51. КИРОВ С. М. На путях социалистического строительства. Доклад Ленинградского областного комитета ВКП(б). Л. 1929, с. 53—54, 71.
  52. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. М. 1953, с. 352.
  53. КИРОВ С. М. Избранные статьи и речи, с. 637.
  54. Отечественная история, 1993, № 3, с. 39.
  55. КПСС в резолюциях. Ч. II, с. 499.
  56. КИРОВ С. М. Избранные статьи и речи, с. 501, 501, 525, 531.
  57. БРАЧЕВ В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова.— Вопросы истории, 1989, № 5.
  58. КИРОВ С. М. Избранные статьи и речи, с. 492—493. Платонов скончался в январе 1933 г. в Самаре, куда был выслан после 19-месячного тюремного заключения, Устрялов расстрелян в 1938 году.
  59. Красная звезда, 4.II. 1931; Ленинградская правда, 16.II.1931.
  60. УСПЕНСКИЙ В. Тайный советник вождя. М. 1993, т. 1, с. 197.
  61. Ленинградская правда, 6.I.1932.
  62. Известия ЦК КПСС, 1990, № 8, с. 201, № 12, с. 180.
  63. Известия ЦК КПСС, 1990, № 12, с. 183—184.
  65. ФЕЛЬШТИНСКИЙ Ю. Г. Ук. соч., с. 112.
  66. ХРУЩЕВ Н. С. Мемуары.— Вопросы истории, 1990, № 3, с. 77.
  67. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). М. 1934, с. 251, 259.
  68. ШАТУНОВСКАЯ О. Воспоминания ветерана партии.— Аргументы и факты, 2—8. VI. 1990, с. 6; Хрушев Н. С. Ук. соч., с. 78.
  69. КИРОВ С. М. Избранные статьи и речи. М. 1939, с. 659, 695.
  70. Правда, 5.I.1934.
  71. Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2—13 марта 1938 г. М. 1938, с. 597—598.
  72. АВТОРХАНОВ А. Г. Ук. соч.— Вопросы истории, 1992, № 1, с. 6.; см. также БЕЛАДИ Л., КРАУТ Т. Сталин. М. 1989, с. 182—183; КОНКВЕСТ Р. Большой террор.— Нева, 1989, № 9, с. 128—136, № 10, с. 142, и др.
  73. ВОЛКОГОНОВ Д. А. Триумф и трагедия. М. 1989, кн. 1, ч. 2, с. 17.
  74. РУДЕНКО М. Револьверный дуэлет в Смольном?— Московская правда, 27.V.1994; РАКИТЯНСКИЙ Я. Нежелательный свидетель.— Независимая газета, I.XII.1994.
  75. АВТОРХАНОВ А. Г. Ук. соч.— Вопросы истории, 1991, № 1, с. 138.
  76. СУДОПЛАТОВ П. Нежелательный свидетель.— Огонек, 1994, № 42—43, с. 24—25.
  77. ЯКОВЛЕВ А. О декабрьской трагедии 1934 года.— Правда, 28.I.1991; см. также: РОСЛЯКОВ М. В. Убийство Кирова. Л. 1991, с. 1, 20, 48.
  78. Новый мир, 1991, № 6, с. 30.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки

(с древнейших времен до наших дней)

Глава XIII. Древний Иран

Название «Иран» произошло от древнего самоназвания большой группы индоевропейских народов, именовавших себя ариями, буквально — знатными. В эпосе этих народов существовало предание об Арийана Вайджа — прародине арийских народов, находившихся где-то между современным Ираном и Хорезмом, но, возможно, и севернее. Арии еще во II тыс. до н. э. разделились на две большие группы, одна из которых ушла через горные хребты в Индию (см. главу XII), другая продвинулась на территорию современного Ирана или осталась в местах прежнего пребывания. В земли нынешнего Ирана эти племена проникали двумя путями: из Средней Азии и через Кавказ. Здесь они нашли другие народы, разного происхождения¹. Уже доказано, что Западный Иран в древности населяли этносы, говорившие на языках, родственных современному дагестанским и вайнахским, а также ныне исчезнувшим урартам и хурритам. На юге Ирана обитали племена, возможно близкие дравидам Индии.

И до прихода иранцев на этой территории существовали государства. Известнейшим из них был Элам, возникший еще в IV тыс. до н. э. Эламиты имели разного рода сношения с древнейшими государствами Месопотамии. Эламский язык связывают с дравидскими языками Индии. У эламитов существовала письменность, родственная аккадо-шумерской. Древние персы называли Элам — Худжа (отсюда нынешний Хузистан). Эламиты-худжичи в раннем средневековье были ассимилированы, в основном арабами.

Расселившиеся на Иранском нагорье арии сохранили свое название (в древнеперсидских надписях так называют себя Ахемениды), хотя источники фиксируют и отдельные группы иранских племен (мидийцев, персов, парфян, саков и т. д.). Название страны ариев сохранялось в наименовании одной из восточных областей Ирана (Ариана). В парфянскую эпоху это название как бы оживает. Страбон, живший на рубеже нашей эры, отмечал, что Ариана охватывает часть Персии, Мидии и областей бактрийцев и согдийцев². Очевидно тогда и оформилось понятие «Эран-шатра» — Иранской страны (Эран-шахр — сасанидского времени). Постепенно в него включались не только области, населенные иранцами, но и ряд неиранских, прежде всего Месопотамия, где с парфянских времен находилась столица

Продолжение. См. Вопросы истории, 1995, №№ 1—3, 5—6, 10.

Автор XIII главы — Новосельцев Анатолий Петрович

Ирана Ктесифон (Тизбон). Арабские географы, использовавшие сасанидскую традицию, производили название Эрак от Эран, рассматривая нижнюю Месопотамию, как «сердце Эраншахра»³. В средние века существовали два Ирака: один арабский (эрак-е араб), другой персидский (эрак-е аджам). Последний занимал северо-западную часть современного Ирана.

Границы государства Иран менялись, хотя основная его территория оставалась стабильной. Ареал влияния древней иранской культуры охватывал значительно более широкую территорию, чем собственно Ирана, отчего ученые давно пришли к выводу о существовании т. наз. Внешнего Ирана, пределы которого также не были стабильны и определяются в зависимости от роли и воздействия там иранской культуры. Эта культура была неоднородна и создавалась различными иранскими (и неиранскими) народами.

Сведения о древнейших иранцах историки черпают в основном из «Авесты», религиозной книги иранцев-зороастрийцев, составленной по преданию Заратустрой (Зороастром), пророком, жившим в восточном Иране в первой половине I тыс. до н. э.

Иранцы, расселившись на Иранском нагорье, были уже знакомы с земледелием и, ассимилируя местное население, приобретали его навыки в ведении оседлого хозяйства. Вместе с тем с севера на Иран постоянно напирала волна кочевников, а потому в Авесте и иранском эпосе фигурирует борьба Ирана (земледельцев) и Турана (кочевников). Впрочем древнейшие туранцы были также иранцами, только номадами.

1. Мидия и Персия. Из всех иранских племен древности наиболее известны мидяне, персы и парфяне. Мидяне населяли большую часть северного Ирана, персы — южного, а парфяне — северо-восточного. Раньше всего возникло Мидийское государство. В его центре находилась столица — город Хамадан (древн. — Экбатаны). Государство мидян (VII в. до н. э.) сначала зависело от Ассирии, а затем боролось с ней. Именно мидяне и их союзники в 612 г. до н. э. овладели ассирийской столицей Ниневией и разрушили ее. После этого Мидия подчинила большую часть Ирана, а также земли, расположенные к западу от него.

Апогеем мидийского могущества стало заключение мира с Лидией в 585 г. до н. э., по которому границей двух государств стала река Галис (соврем. Кызыл-Ирмак в центральной Турции). Власть мидийских царей распространилась на весь Иран, а, возможно, и на часть Средней Азии и Афганистана. Мидийское государство не было централизованным. Известно, что в Персиде правили собственные цари из рода Ахеменидов, подвластные мидийским. Нечто подобное было и в других районах Мидии. Мидянам были подчинены Урарту и часть Ассирии.

О внутреннем строе Мидийского государства известно немного, однако ряд его институтов был потом сохранен в персидской державе⁴, например, деление на сатрапии (греческая форма названия, имеющего мидийское происхождение). И в Мидии, и в раннем Ахеменидском государстве большую роль играли маги (иранские жрецы).

Внутренняя непрочность Мидии стала одной из причин ее падения. Это произошло из-за восстания персов, чей правитель Кир II из рода Ахеменидов около 558 г. до н. э. сверг своего деда по матери, мидийского царя Астиага. Кир легко подчинил все мидийские владения, а затем в течение почти 30 лет покорил большую часть Малой Азии, захватил Вавилон и ряд других стран. Он погиб во время похода против массагетов (иранские племена, ветвь саков на территории Средней Азии) в 530 г. до н. э. Сын Кира Камбиз завоевал Египет.

После смерти Камбиза в Иране и подвластных странах началась полоса восстаний, во главе которых стояли либо маги, либо представители местной знати. Эти восстания (522—521 гг. до н. э.) были подавлены представителем младшей линии Ахеменидов Дарием I, который запечатлел память об этих событиях в громадной надписи, высеченной на неприступной Бехистунской скале недалеко от Керманшаха. Эта надпись, составленная на трех языках (персидском, аккадском и эламском), была скопирована и расшифрована Г. Раулинсоном еще в 30—40 годы XIX в., но правильно

прочитана относительно недавно. Ее дополняет рассказ Геродота о тех же событиях. Эти сведения говорят о том, что повстанцы действовали разрозненно, а у Дария оказалось много сторонников даже в подчиненных странах.

С именем Дария I (552—486 г. до н. э.) связан кульминационный период Ахеменидского государства. Главным городом его стал Персеполь в Персиде, однако роль центров державы сохранили Сузы, где располагалась главная государственная администрация, а также Экбатаны и Вавилон. Первые Ахемениды не только признавали богов покоренных народов, но даже по традиции сами становились живым воплощением этих богов (например Камбиз в Египте).

После страшных жестокостей ассирийских царей политика Ахеменидов выглядела весьма мягкой, что дало повод некоторым историкам противопоставлять арийцев-иранцев жестоким семитам-ассирийцам. Кир проводил в отношении покоренных народов весьма расчетливую политику. Захватив Вавилон, он позволил иудеям вернуться на родину и даже разрешил восстановить храм Соломона. В Малой Азии Кир помиловал лидийского царя Креза и вел себя очень лояльно по отношению к малоазиатским греческим городам. Однако в Бехистунской надписи Дария I говорилось: «Я следовал справедливости. Человека, который старался для моего дома, я благодетельствовал, того, кто вредил, я строго наказывал»⁵ (в той же надписи упоминаются и виды наказаний — сажание на кол, распятие и другие).

Ахеменидская монархия⁶, в которой первоначально власть царя была полупатриархальной и зависела от традиционных семи знатнейших родов Персии, постепенно эволюционировала в типичную древневосточную деспотию, формы которой были унаследованы ею от ряда предшествующих государств (Ассирии и др.). Применялась и древняя практика переселения масс людей из одной покоренной страны в другую, хотя и не столь интенсивно, как в Ассирии или Вавилонии. Представители семи знатнейших родов помогли Дарию I победить смуту и утвердиться на троне. Затем власть царей передавалась по наследству, а в случае отсутствия прямого наследника переходила к другому представителю рода Ахеменидов. Но уже при преемниках Дария все большее значение приобретала придворная знать, а также евнухи царского гарема.

Именно при Дарии I древнеперсидское государство стало крупнейшей из до того известных держав древности. Вскоре после подавления «восстания магов» он совершил поход в Индию и покорил ее северо-западные округа, а в 514 г. до н. э. его армии перешли р. Истр (Дунай) и неудачно пытались покорить европейских скифов. В обоих случаях сухопутной армии помогал флот. По приказу Дария был прорыт канал через Суэцкий перешеек.

Все государство делилось на сатрапии, главы которых (сатрапы) могли быть представителями местной знати или даже местными правителями. Иногда сатрапами являлись и отпрыски рода Ахеменидов. Последний Ахеменид Дарий III Кодоман до восшествия на трон был сатрапом Армении. Само число сатрапий не оставалось неизменным: а надписях фигурируют 24 сатрапии, тогда как Геродот называет всего 20. Каждая из сатрапий по сути дела прежде была самостоятельным государством (Вавилония, Хорезм, Египет и т. д.). Армения, во времена Геродота составлявшая одну сатрапию, затем разделилась на две (Западную и Восточную), причем в первой из них правил род Оронтидов (Ервандидов), по преданию, потомков одного из семи знатных персов, возведших на престол Дария I. Для контроля над сатрапами имелись специальные чиновники, которых называли «око царя». Они обладали широкими полномочиями, будучи наделены доверием царя.

Отдельные области Ахеменидской державы находились на разных уровнях экономического развития. Наиболее богатыми были сатрапии, где издавна существовали развитые общества (Вавилония, Египет и др.). Они-то и платили в царскую казну самые большие подати. Эти подати постав-

лялись в драгоценных металлах, преимущественно в золоте. Так как товарно-денежные отношения были в ту пору (особенно на периферии Ахеменидской державы) еще слабо развитыми, это золото в слитках хранилось в центральной казне, как правило, без применения. И так продолжалось вплоть до македонского завоевания. В Ахеменидском государстве была введена золотая монета дарик, по образцу лидийской (там в VII веке впервые стали чеканить монеты). Персеполь был украшен роскошными дворцами. От Персеполя на запад через Вавилон до побережья Эгейского моря была проложена «царская» дорога, по которой мчались гонцы, сменявшие лошадей на промежуточных станциях.

По описанию Геродота, древние персы вели весьма патриархальную жизнь. Все они были лично свободны и составляли народ-войско (др. перс. «кара»), т. е. основная часть населения обязана была защищать страну и участвовать в войнах, которые вели ее правители. Поскольку в раннем ахеменидском Иране привилегированное положение занимали персы и мидийцы, они-то и составляли народ-войско. Позже ситуация изменилась; уже в период греко-персидских войн собирались ополчения из подвластных стран (Бактрии, Армении и т. д.). При этом воины тех или иных сатрапий снаряжались по местным обычаям и входили в состав определенных частей армии. Постепенно персидская пехота, некогда бывшая лучшей частью ахеменидского войска, утратила свою боеспособность, и в конце V—IV вв. до н. э. цари стали больше полагаться на греческих наемников.

Дарий I поставил перед собой задачу полностью подчинить малоазиатские греческие города (Милет и др.). Последовало их восстание, участники которого обратились за помощью к городам-государствам собственно Греции. Начались длительные и изнурительные греко-персидские войны. Персы высадились в Европе, где они уже до этого подчинили Фракию и Македонию. Однако в борьбе с союзом эллинских городов-государств скроенная из разнородных кусков персидская монархия оказалась неспособной одержать победу, несмотря на огромные людские резервы. Небольшая афинская армия одержала победу при Марафоне (490 г. до н. э.). Неудача персов вызвала волнения в покоренных ими странах, прежде всего в Египте. В разгаре этого восстания Дарий I умер. Его преемник Ксеркс продолжал борьбу, двинув против греков армию (по явно преувеличенным сообщениям источников, состоявшую из более чем 1,5 млн. человек). Тем не менее персы потерпели ряд поражений как на море (при Саламине), так и на суше (при Платеях). Война продолжалась и после убийства Ксеркса заговорщиками (465 г. до н. э.), и только в 449 г. был заключен мир, по которому малоазиатские города получили независимость.

2. Падение Ахеменидов и эллинизм. Поражения в войнах с греками показали всю непрочность древнеперсидской державы. Одно за другим вспыхивали восстания в покоренных странах (Египте, Малой Азии и др.). Особенно трудно было справиться с Египтом, который был окончательно подчинен только в 342 г. до н. э. Несмотря на заключение мира с греками, конфликты с ними не прекращались. Греческие наемники активно поддерживали соперника Артаксеркса II, его брата Кира Младшего (405—401 гг.), а Спарта и сама затем выступила против Персии, в результате чего началась новая война (396—386 гг.). Эти смуты и конфликты приблизили конец Ахеменидской державы.

Македонский царь Александр при поддержке почти всех греческих полисов в 334 г. начал войну с Персией. Его войско переправилось в Малую Азию и при р. Граник нанесло первое поражение местным персидским сатрапам. Через год последовало новое сражение у Исса (Киликия). Армия, которой командовал Дарий III, была разбита. В этих сражениях выявилась слабость персидских ополчений, не способных выдержать натиск македонских фаланг. Решающее сражение произошло в северной Месопотамии 1 октября 331 г. до н. э. при Гавгамелах. Дарий едва избежал плена и после разгрома своего войска бежал на восток, где был убит бактрийским сатрапом Бессом. Александр овладел столицами Ахеменидской державы: Вавилоном, Сузами и Персеполем. Роскошный дворец (ападана) в Персеполе был сожжен.

Труднее было покорить восточные сатрапии Ахеменидской державы. Местное население (бактрийцы, согдийцы и др.) оказало завоевателям упорное сопротивление. Александр достаточно жестко подавлял его и спешно основывал на востоке иранского мира укрепленные полисы, населенные греческими колонистами. Одновременно он старался сблизить македонскую и иранскую знать. Многие его военачальники женились на знатных иранках. Сам Александр справил пышную свадьбу с дочерью местного сатрапа Роксаной.

Вавилон стал столицей новой огромной империи. Вернувшись из похода на Индию, Александр начал готовиться к походу на Аравийский полуостров. Особым его указом иранцы были включены в состав македонской армии. В разгаре этих приготовлений летом 323 г. до н. э. Александр Македонский умер. Его империя распалась. Началась длительная полоса войн за наследство великого завоевателя. В конце концов восточные области попали под власть одного из его полководцев Селевка.

Образ Александра Македонского дал материал для создания циклов легенд, сказаний, даже романов. Само имя его (среднеперсидская форма Алакандр, измененная на Искандер) стало символом непобедимого воителя, которому позже приписывались разного рода фантастические деяния, вроде войн с русами или сооружения стены «Яджуджа и Маджуджа» (Гога и Магога), за которой были заперты страшные народы.

Реальное значение Александра Македонского в истории Востока и, в частности, Ирана было также велико. Начав с войны против персов, он затем пришел к идее не только примирения с ними, но и своеобразного слияния цивилизаций Востока и Запада. Политическое объединение ряда восточных стран совместно с созданием цепи греческих поселений — от Сирии до Средней Азии — привело к возникновению системы так называемого эллинизма с присущим ему синтезом политических институтов и особенно культуры. Ростки этого синтеза можно обнаружить еще в Ахеменидском Иране, но лишь с возникновением на развалинах империи Александра эллинистических государств они проявили себя в полной мере. Центрами эллинистической культуры стали многочисленные полисы, носившие характерные названия: Александрия, Селевкия, Антиохия и т. д. Их было особенно много в Сирии, отдельных частях Ирана, в Средней Азии.

Синтез греческой и восточной культур ярче всего проявился в искусстве и религиозных верованиях. В самых отдаленных районах Ирана и Средней Азии уцелели образцы скульптуры, созданные под явным воздействием классической греческой. Повсеместным стало употребление и греческого языка, который (на разное время) становится и языком государственного делопроизводства и монетного дела. Старые местные божества нередко получали имена своих греческих аналогов. Полисы в Иране и Средней Азии первоначально заселялись греками, но не имели самоуправления; над городским магистратом стоял уполномоченный селевкидского царя (эпистат). Городу была подчинена определенная территория, где обитало в основном коренное население. Постепенно шел и процесс его смешения и слияния с новопоселенцами, в ходе которого последние теряли и свой этнический облик. Этот процесс затянулся на многие поколения.

Синкретизм религий в эпоху эллинизма проявился в обожествлении селевкидских и других правителей. В то же время внутренняя сущность зороастризма и других иранских культов мало изменилась. С востока интенсивно проникало индийское влияние, преимущественно в форме буддизма. Однако в Иране он почти не получил распространения.

Первоначально Иран и Средняя Азия, а также Закавказье и другие страны, являлись частью Селевкидского государства⁷, центр которого находился в Сирии. Однако и эта держава, пределы которой простирались сначала до Индии, оказалась неустойчивой и стала распадаться. Уже при преемнике Селевка I Антиохе I (280—261 гг. до н. э.) фактически независимым стало Понтийское царство (северная Малая Азия), правители которого, возводившие свою родословную к Ахеменидам, покровительствовали иранским традициям. Своя династия утвердилась и в Каппадокии (иранское

название, этимологически означающее «страна хеттов»), а также в Малой Армении (верховья Ефрата). Большая часть армянских земель (в том числе и так называемая Великая или Большая Армения) были подвластны Селевкидам. Согласно грузинской исторической традиции, именно после смерти Александра Македонского возникло Картлийское (Восточногрузинское) царство. На востоке Закавказья (будущая Кавказская Албания) появились несколько местных политических образований.

Последний правитель Мидийской сатрапии Атропат после гибели Дария III перешел на сторону македонян и получил в управление северо-западную часть Мидии (приблизительно — территорию современного иранского Азербайджана). От его имени это государственное объединение стало называться Атропатенской Мидией или по-ирански Атурпатакан, отчего в средние века через посредство сирийцев и арабов возникла форма Азербайджан. Одно время (на рубеже III и II вв. до н. э.) цари Атропаты претендовали и на ряд соседних областей вплоть до Черного моря.

Селевкидский царь Антиох III (113—187 гг. до н. э.) был последним сильным правителем этой династии. В своих походах на восток он дошел до Индии, а на юг — до Аравии. Однако в 190 г. до н. э. римляне победили Антиоха в сражении при Магнезии, что означало и крах его планов восстановления державы Александра, конец могущества селевкидов. Сразу после этого сатрап Армении Артаксий (Арташес) провозгласил свою самостоятельность. То же самое случилось с Атропатеной и Большой (или Великой) Мидией, а также Персидой, где утвердилась местная династия, правители которой уже со II в. до н. э. имели титул шахов и чеканили монету.

3. Парфянская держава. Главным соперником Селевкидов были парфянские цари. Парфяне — одно из иранских племен, издавна населявшее соседние районы современных Ирана и Туркменской республики. В Ахеменидском государстве они входили в состав одной сатрапии вместе с хорезмийцами, согдийцами и ариями, и вместе с ними были завоеваны Александром Македонским. Область, ими занимаемая, была первоначально, по словам Страбона, невелика. Воинственные племена парфян подняли восстание против Селевкидского государства. Возглавил его знатный род Аршакидов, принадлежавший к племени даев или апарнов (что означает «верхние»; возможно, это часть парфян, сохранявшая в III в. до н. э. кочевой образ жизни).

Глава апарнов Аршак около 247 г. до н. э. подчинил себе всю Парфию. Он и считался основателем Парфянского государства. Имя Аршак стало нарицательным в роду парфянских царей, и его носили все они, прибавляя и второе имя (Артабан, Фраат и т. д.). В борьбе с Селевкидами парфянские цари опирались на другие кочевые иранские племена. Борьба эта была длительной и упорной. Селевк II (246—225 гг. до н. э.) и Антиох III добивались в ней определенных успехов, однако окончательно покорить парфян не сумели.

Парфянский царь Митридат I (170—139 гг. до н. э.), воспользовавшись поражением Селевкидов в войне с Римом и рядом других неблагоприятных для них обстоятельств, подчинил почти всю территорию Ирана и принял титул «великий царь». Он захватил эллинистический центр город Селевкию на р. Тигре, а затем одолел довольно сильную коалицию, в которую помимо селевкидского царя Деметрия II входил ряд иранских правителей (Персиды, Элемаиды, Бактрии). Борьба парфян с Селевкидами продолжалась и позже с переменным успехом, пока не погиб селевкидский правитель Антиох VII (138—129 гг. до н. э.).

В ту же пору парфяне испытывали натиск иранских кочевников из Средней Азии. Это было время пока еще не совсем объясненного учеными мощного движения кочевых иранских племен. В Восточной Европе сарматы потеснили родственных им скифов и устремились на юг, основав две области: одну на востоке Ирана (Сакастан или Сеистан, страна саков), другую (Сакасена или Шакашена), на территории современной Азербайджанской республики). В этом районе скифы (саки) проживали и прежде, еще со времен нашествия их на Закавказье в VII в. до н. э.

К началу I в. до н. э. парфянским царям удалось урегулировать отношения с саками и даже включить их ополчения в состав своего войска. Однако успехам парфян временно помешало ставшее независимым после поражения Антиоха III в войне с Римом, Армянское царство, усилившееся в правление Тиграна II (95—56 гг. до н. э.) Будучи родственником и союзником Митридата VI Евпатора, царя понтийского, Тигран разделил с ним сферы влияния. Митридат получал преобладание в пределах Малой Азии и западной Грузии, тогда как армянский царь расширил свои владения, подчинив Сирию и Палестину, а затем отняв у парфян часть Атропатены. Тигран и Митридат Евпатор потерпели поражение в конфликте с Римом, чем воспользовались парфяне, вернув захваченные у них Тиграном земли. С этой поры именно Парфия становится главным соперником Рима на востоке.

К этому времени (II—I вв. до н. э.) относятся подробные сведения о Парфянском государстве, восходящие к греческому историку Посидонию из Апамеи (Сирия). Главой Парфянского государства был Аршакид, носивший титул великого царя, однако он не обладал абсолютной властью. Власть его была ограничена так называемой сунгенейей (термин греческий, переводимый как «совет»), которая состояла из двух частей: в одну входили представители рода Аршакидов (и, как полагают, еще семи знатных родов), в другую — так называемые мудрецы и маги, т. е. представители иранского жречества. Состав совета говорит о том, что Аршакиды опирались на иранскую знать, а также на зороастрийское духовенство, что было им необходимо в борьбе с Селевкидами. По словам Посидония, совет выбирал царей из рода Аршакидов, т. е., строго говоря, наследственной власти в Парфии II—I вв. до н. э. не было.

Ранние центры Парфии были расположены на ее коренной территории: Ниса (Туркменская республика) и Гекатомпил (Хорасан). В I в. до н. э. зимней резиденцией парфянских владык стал Ктесифон (Тизбон), расположенный рядом с Селевкией на Тигре. Оба эти города затем практически слились в один, отчего арабы именовали их Мадаин (города). Летом цари обычно находились в Экбатанах или на «летовках» в Гургане.

Парфянское государство делилось на полусамостоятельные царства и подчиненные центру сатрапии. Число и тех и других не было постоянным. Плиний Старший (середина I в. н. э.) пишет о 18 подвластных парфянским «царям царей» царствах⁸. Ранние арабские авторы называли их владык «мулук ат-тавайиф» (правителями уделов). Их число и степень их независимости от парфянского центра не известны. В Парфянском государстве существовали Гахнамаки (Степенные книги), где фиксировалось место этих правителей в его системе. Согласно Тациту (конец I в. н. э.), на первом месте среди них после «царя царей» стоял правитель Антропатенской Мидии, на втором — царь Армении⁹.

Римско-парфянское соперничество, начавшееся после поражения Тиграна II в войне с Римом, велось за обладание Закавказьем и Сирией. Римский полководец Марк Красс предпринял поход против парфян, но при Каррах (53 г. до н. э.) потерпел поражение и погиб. Голова его была отправлена армянскому царю Артавазду, который в ту пору колебался между Римом и Парфией. Плутарх рассказывает, как привезенная в столицу Армении Арташат голова Красса была затем брошена на арену театра, где ставилась одна из греческих трагедий.

Длительный конфликт Рима и Парфии временно завершился Рандейским договором 66 г. н. э., по которому царем Армении стал брат парфянского царя Тиридат, но коронован он был императором Нероном в Риме. С той поры и сложилась практика как бы двойного подданства Армении (Риму и Парфии), при котором царем этой страны становился один из Аршакидов, признававший и римскую власть. Такая же «двойная опека» в I в. н. э. установилась и для Картли (Грузии) и Кавказской Албании, хотя по крайней мере в Грузии сохранились прежняя династия. Очевидно в середине I в. н. э. определился и порядок старшинства местных царей, о котором писал Тацит.

Проблемы общественного строя Парфии в определенной степени прояснились совсем недавно¹⁰. До последнего времени господствовала точка зрения, что в Парфии существовало рабовладельческое общество. Это мнение опиралось на сообщение римского источника — Помпея Трога, в котором все парфянское общество делилось на свободных и рабов. На самом деле речь шла о наличии в Парфии широкого слоя так называемых азатов (буквально свободных), из которых формировалась знаменитая парфянская конница. Все прочее население рассматривалось как зависимое (от царя, его рода, знатных родов, местных правителей и т. д.).

Основой парфянского общества были агнатические (объединяющие родственников по отцу) группы, причем эти группы занимали в нем неодинаковое положение, зависевшее от принадлежности к самим парфянам, другим знатым иранским (а возможно и неиранским) родам. Эти-то агнатические группы и именуется в античных источниках родами (генос, генс). Категория эта свойственна многим раннеклассовым обществам, как-вым можно в целом назвать и парфянское, если иметь в виду господствующую форму отношений, существовавших у самых парфян и во многом определявших общую государственную структуру.

Помимо таких областей как Месопотамия, где наряду с традиционными местными обществами существовали и греческие полисы, постепенно утрачивавшие при парфянах свой статус, в составе Парфии были и области с весьма неразвитыми общественными связями. Это прикаспийские районы, населенные гелами и тапурами, предками современных гилянцев и мазендеранцев, и также обширные области нынешнего восточного Ирана. Известны и многочисленные кочевые племена, которые в Парфии и затем в сасанидском Иране назывались курдами (буквально — кочевниками; позже так стали именовать часть иранских кочевников, собственно курдов). Эти курды, известные и в горах Загроса, и в Закавказье, были полусамостоятельны и, очевидно, их правители также включались в число подвластных Парфии «царей».

Такая пестрота социальных связей в Парфянской державе была в ту пору свойственна не только ей. По сути дела подобной являлась ситуация в Римском государстве. Но там доминировал принцип гражданства (свободного). Сословие римских граждан, начиная с реформ Мария (начало I в. до н. э.), непрерывно расширялось, пока в результате указа императора Каракаллы (212 г. н. э.) все свободное население Римской империи не получило права римского гражданства. Антиподом его были статусы раба и различных переходных групп. Ситуация в Парфии была сходной, но не идентичной, хотя бы потому, что под «гражданами» там понимались не люди одного общественного уровня (как римские граждане), а представители разных сословных групп. В принципе и там и там существовали понятия свободы и несвободы рядом с переходных ступеней. В Парфии происходило формирование иранских сословий, которые определялись «профессией» (пешак) их членов (воины, жрецы, земледельцы, позже ремесленники и т. д.), и в этом плане они имели то же происхождение, что и индийские касты, хотя последние пошли в своем развитии по иному пути, тогда как в Иране в результате реформ VI в. н. э., а затем утверждения ислама, такие сословия исчезли. Конкретно об иранских сословиях речь пойдет в следующем разделе.

По-видимому в Парфии I-начала III вв. делались попытки державной стабилизации, частью которой и было утверждение в качестве местных правителей членов дома Аршакидов. В Армении этот процесс привел к наследственной власти Аршакидов, в других местах этого не случилось. Но в целом власть местных правителей сохранялась, и, следовательно, консервировался своеобразный «конфедеративный» строй Парфянской державы. Длительные войны с Римом возобновились со времени императора Траяна (98—117 гг.).

На востоке Парфия воевала с державой кушан¹¹. Кушаны-иранцы пришли из Центральной Азии и основали свою империю на территории нынешних Афганистана, части северо-западной Индии и Средней Азии.

Держава кушан, в которой господствовал буддизм, существовала по крайней мере с I в. до н. э. до IV века н. э. Найдено много кушанских монет. Известно, что у кушан была своя система летоисчисления (эра Канишки), но до сих пор не ясна основная хронологическая канва кушанской истории. Значительна роль кушан, живших на востоке иранского мира, как связующего звена между иранской и индийской цивилизациями.

Кушаны были столь же грозными противниками Парфии на востоке, как Рим на западе. В свою очередь и сами они находились в сложных отношениях с ханьским Китаем. Борьба (в том числе и войны) шла с ним за спорные территории (Кашгар) и в особенности за контроль над Великим шелковым путем.

4. *Древнеиранская культура.* Древнеиранские языки были очень близки между собой и могут рассматриваться как постепенно расходящиеся диалекты. Самый известный из них — язык Авесты, отражает какие-то северо-восточные наречия. Однако состоявшие из трех главных книг (Ясны, Яшты, Вендидада) тексты Авесты были записаны поздно, не ранее первых веков нашей эры. Древнеперсидский язык основан на наречиях древнего Парса (Персиды). Письменность на нем возникла в VI в. до н. э., для чего использовалась особая система клинописи, связанная с аккадской и эламской. На древнеперсидском языке сделаны надписи, из которых самая большая — Бехистунская. Этот язык использовался скорее всего лишь как государственный, наряду с эламским и аккадским (затем арамейским). Очевидно после падения Ахеменидов он вообще перестал употребляться.

Еще один древнеиранский язык — мидийский — письменным не был. Он был ближе к парфянскому, чем древнеперсидский. Парфянский язык стал письменным в собственно Парфии. При раскопках ее древней столицы Нисы найдены многочисленные хозяйственные документы на парфянском языке (преимущественно I в. до н. э.). Сохранились и парфянские варианты ранних сасанидских надписей, а также манихейские (о нем см. следующий раздел) тексты с особой системой письма на этом языке (с III в. н. э.). Из других древнеиранских языков письменными стали согдийский и хорезмийский. Согдийский язык уже в первые века нашей эры приобретает значение средства международного общения в связи с функционированием Великого шелкового пути и ролью богатых купцов из Согда, основавших свои фактории в разных странах Востока вплоть до Маньчжурии. Позднее этот язык сохранился в согдийских колониях, тогда как в самом Согде он исчез. На древнехорезмийском языке сохранились хозяйственные тексты.

В древности и раннем средневековье существовал огромный устный иранский эпос, в котором излагалась легендарная история иранцев. После арабского завоевания он уцелел преимущественно в восточных районах Ирана и был обработан рядом арабских и раннеперсидских ученых и поэтов (прежде всего Фирдоуси). И те и другие пользовались и письменными записями сасанидского времени (так называемые «Хватайнамак» — «Книги царей»).

Некоторые древние сказания иранцев были записаны греческими авторами. Примерами могут служить сказание о Зариадре, записанное современником Александра Македонского Харетом Митиленским, или предания, зафиксированные Ктесием и Ксенофонтom (V—IV вв. до н. э.). По данным Библии в ахеменидском Иране существовали и какие-то исторические хроники.

В период эллинизма широкое распространение в Иране получил греческий язык. Писатели многих народностей использовали его для разных целей. Армянский царь Артавазд II (55—34 гг. до н. э.) писал на греческом языке исторические сочинения. Сохранились названия ряда трудов (на греческом языке) о Парфии и Персии. Страбон упоминает некоего Батона из Синопы (современная Турция), автора «Персики» и Аполлодора, написавшего «Историю Парфии».

Иранские народы и их культура еще в древности оказали немалое влияние на соседние народы и страны. Следы его сохранились во многих языках, особенно в армянском. Еще Ксенофонт писал о близости персид-

ского и армянского языков, хотя и преувеличивал их сходство. В то же время именно в армянском языке имеется огромное число заимствований, относящихся к парфянскому времени, прежде всего в области государственного устройства, военного дела, религиозного культа и т. д. Именно древнеармянский язык дал возможность восстановить парфянскую лексику, поскольку собственно парфянских памятников сохранилось немного.

Основой верований древних иранцев было противопоставление добра злу и главных божеств, олицетворявших эти антиподы — Ахурамазда и Ахримана. Главным божеством добра был Ахурамазда. Именно он выглядит таковым при Ахеменидах, которые в своих надписях всегда называют своим покровителем Ахурамазду. У мидян и персов VI в. до н. э. видную роль играли жрецы — маги, причем у первых существовало даже особое племя магов.

Ахемениды не были ортодоксальными зороастрийцами¹². О самом Зороастре известно немного, и даже время его жизни не установлено. Не определено и точное место деятельности пророка. Поскольку он связывается с «жави» (правителем) Виштаспой, а отец Дария I был Гистасп (Виштаспа) и одно время правил восточноиранскими областями, есть мнение, что основатель зороастризма жил во второй половине VI в. до н. э. В то же время вся географическая номенклатура Авесты связана с восточным Ираном и Средней Азией, что говорит о появлении пророка именно там. Однако согласно поздней зороастрийской традиции местом деятельности Зороастра был Азербайджан, что очевидно связано с какими-то обстоятельствами, относящимися к парфянскому и сасанидскому временам.

Ныне многие ученые признают, что Зороастр жил в первой половине VI в. до н. э. на востоке Ирана, а Ахемениды либо не знали о нем, либо его не признавали. Известно, что погребения Ахеменидов — это скальные гробницы (возле Персеполя), тогда как зороастризм предписывал оставлять покойников на открытых местах, доступных птицам, поедавшим трупы.

При Ахеменидах проводились религиозные реформы. Одной из них и было уменьшение роли магов после восстания 522—521 гг. до н. э. О другой упоминает надпись Ксеркса I, в которой речь идет о запрещении поклонения дайвам (дивам). Дайвы — древние арийские божества, культ которых перешел и к другим народам, в частности к древним славянам. Див, упоминаемый в «Слове о полку Игореве», — отголосок таких культов. Судя по надписи, Ксеркс выступил против почитания дайвов, которые были объявлены злыми божествами.

Зороастризм стал утверждаться в Иране с парфянского времени и был по сути дела идеологическим знаменем иранцев в борьбе с греками и вообще Западом. Именно к парфянскому времени относятся первые упоминания о поклонении священной огню-очистителю от влияния Ахримана. В Сеистане на горе Кух-е Хаджа (гора хозяина или господина) обнаружены руины самого древнего храма огня. Гора находится неподалеку от Озера Хамун, где, согласно верованиям, должны были родиться зороастрийские мессии (сайошианты). Описания храмов огня имеются у Страбона, Исидора Харакского и других античных авторов. Самые почитаемые священные огни существовали в ведущих областях Парфянской державы (Хорасане, Персиде, Атурпатакане и Сеистане), хотя подобные им были и в других местах Ирана. В парфянском языке они назывались атрошаны (буквально «места горящего огня»), слово это сохранилось в армянском языке).

С выдвиганием на первый план Ахурамазды (отсюда и другое название зороастризма маздеизм) прочие божества не исчезли, хотя и стали играть второстепенную роль. Более того, их культ распространился за пределы Ирана. Например, богиня Анахит (Анаит) весьма почиталась в Армении и Каппадокии. Поклонялись и Митре, богу солнца, и именно культ Митры (митраизм) в начале нашей эры в числе других восточных культов получил широкое распространение в Римской империи. Полагают, что при Аршакидах были сделаны первые попытки записи Авесты и кодификации ее текстов.

Наука в древнем Иране, как и вообще на Востоке, была тесно связана

с религией. Можно полагать, что в древний Иран научные знания пришли по-преимуществу из Вавилонии. Одновременно в архивах ахеменидских царей должны были храниться своеобразные отчеты о разного рода экспедициях и работах, предпринятых по их распоряжению (сооружение канала на Суэцком перешейке, плавание Скилака в Индийском океане или Сатаспа в Атлантическом и др.). Эти отчеты до нас не дошли, но были в той или иной форме известны греческой науке.

С Вавилонией было связано и развитие астрономических знаний в древнем Иране. Конкретно об этом известно немного, тем более, что в Иране делались и попытки собственного осмысления таких знаний, что было связано с системами летоисчисления. Эти системы были многообразны. Существовала, например, эра Заратуштры, начало которой можно условно определить в связи с временем жизни этого пророка. После македонского завоевания использовалась в Иране и других восточных странах селевидская эра (началом ее был 312 г. до н. э.). В парфянское время существовала аршакидская эра (с 247 г. до н. э.).

В целом древнеиранская культура оставила глубокий след в истории Передней Азии.

Примечания

1. См. ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М. 1970.
2. СТРАБОН. География, XV, II, 8.
3. ИБН ХОРДАДБЕХ. Книга ал-масалик ва-л-мамалик. Лейден. 1889, с. 5 (на араб. яз.).
4. См. ДЬЯКОНОВ И. М. История Мидии. М.-Л. 1956.
5. Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 2. М. 1980, с. 30.
6. Об Иране этой эпохи см: ДАНДАМАЕВ М. А., ЛУКОНИН В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М. 1980.
7. О нем см. БИКЕРМАН Э. Государство Селевкидов. М. 1985.
8. ПЛИНИЙ. Естественная история. Кн. VI, XXIX.
9. ТАЦИТ. Анналы. Кн. XV, 2.
10. ПЕРИХАНЫН А. Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М. 1983.
11. О кушанах см. СТАВИСКИЙ Б. Я. Кушанская Бактрия. М. 1977.
12. О зороастризме см. БОЙС М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М. 1987.

Глава XIV. Древняя Месопотамия

Термин «Месопотамия» греческого происхождения и означает Междуречье Тигра и Евфрата в их среднем и нижнем течении (иногда этот регион называют Двуречьем). История возникшей здесь в глубокой древности цивилизации насчитывает многие тысячелетия, на протяжении которых создавались различные государственные образования, приходили и исчезали многие племена и народы.

1. *Природа и население.* Самые древние государственные образования возникли в южной, равнинной части Месопотамии. Впадавшие в древности в Персидский залив двумя отдельными руслами Тигр и Евфрат и их многочисленные притоки весной и летом широко разливались по всей Месопотамской равнине, оставляя обильные наносы плодородного ила. Возделывание земли — основное занятие местных жителей — требовало от них неустанных, круглогодичных забот об ирригации, мелиорации и дренаже почвы. Развитая ирригационная система являлась основой земледелия. В одном из сохранившихся шумерских литературных памятников III тыс. до н. э., содержащем поучение опытного земледельца своему сыну, подро-

но говорится о том, как поддерживать плодородие почвы, в какой последовательности должны идти сезонные полевые работы. Существовало в Месопотамии и развитое животноводство.

Климат Двуречья жаркий и сухой, дожди выпадают в основном в осеннюю пору. Из соседних пустынь дуют сильные ветры, приносящие массу песка. Северная — гористая — часть Месопотамии отличается резко континентальным климатом. Юг Месопотамии изобиловал глиной и природным асфальтом, а север и восток строительным камнем, встречались здесь и месторождения руд — свинца, железа, олова. На юге в строительных целях широко использовался, наряду с глиной, тростник, заросли которого были здесь неисчерпаемы. Многие материалы, необходимые для ремесла и строительства (камень, лес, металлы и т. п.), привозились из других стран, иногда таких далеких как Индия.

Основу древнейшей цивилизации в Месопотамии заложили шумеры, составлявшие в IV тыс. до н. э. основное население Двуречья. К концу этого тысячелетия здесь появляются пришедшие с севера семитские племена. В III тыс. до н. э. из сирийских степей проникают сюда семиты — скотоводы. Язык этой группы племен получил в дальнейшем название аккадского (вавилонско-аккадского). По-видимому, в III тыс. до н. э. произошло окончательное смешение местных и пришлых этнических групп.

На севере Месопотамии жили хурритские племена, которые создали в III тыс. до н. э. одно из крупнейших государств на Ближнем Востоке — Миттани. По языку хурриты были близки родственным соседним урартским племенам, проживавшим на Армянском нагорье. На территории современного Азербайджана и Курдистана жили кутии (гутии) и лулубеи. На востоке располагались эламиты. Мощные миграционные потоки — амореев, финикийцев, ханаанян, сирийцев — проходят в разное время через всю территорию Месопотамии.

2. *Шумер.* В начале III тысячелетия до н. э. на юге Двуречья сложилось множество городов-государств. Среди них особенно заметную роль играли Эриду, Ур, Ларса, Урук, Лагаш, Умма, Шуруппак, Иссин, Ниппур, Киш. Население каждого из них не превышало сорока-пятидесяти тысяч человек. Города, как правило, строились на холмах и были окружены стенами. В центре города располагался храм главного местного божества. Основную массу городского населения составляли свободные общинники, занятые обслуживанием ирригационных систем, обширного храмового или царского хозяйства. В пригородах селились ремесленники: гончары, стеклодувы, строители, ткачи, ювелиры. Население пригородов обладало меньшими правами по сравнению с жителями центральных кварталов. Документы, относящиеся к хозяйственной деятельности, фиксируют наличие в Шумере рабов и рабынь.

Во главе городов-государств стояли правители, носившие титулы лугаль и энси. Лугалем («большим человеком») обычно называли царя, энси («возглавляющим народ жрецом») именовали самостоятельного правителя города и его округа, руководившим строительством ирригационных и культовых сооружений, отправлением общинного культа, сбором налогов, а иногда и отрядами воинов. Первоначально представитель государственной власти был также главой жречества. Совет старейшин и народное собрание, состоявшее из полноправных общинников-воинов, избирали (из числа членов совета или определенного рода) или низлагали очередного правителя города-государства, а также осуществляли контроль за его деятельностью, выполняли функции совещательных органов при правителях, принимали в общину новых членов, творили (на основе обычного права) суд, следили за поддержанием внутреннего порядка в городе и управлением общественным имуществом. Можно предположить, что по своему строю шумерские города-государства были олигархическими республиками.

Между городами шла постоянная борьба за преобладание в Шумере и за господство на торговых путях. Глинянные документы сохранили свидетельства об этих конфликтах. Самые древние из них относятся к XXVII в. до н. э. Они описывают подвиги царя Урука Гильгамеша

(впоследствии героя одноименного эпоса), который вел особенно упорную борьбу со своим главным соперником Аккой, царем Киша. Во второй половине III тыс. до н. э. на роль главного города стал претендовать Лагаш, сокрушивший своего постоянного врага город Умму.

Население Лагаша очень страдало от притеснений своего правителя. В борьбе за свои экономические и политические права народ объединился вокруг Уруинимгина (Уруагины), захватившего пост энси, и свергнувшего прежнего правителя. Уруинимгин (2318—2312 гг. до н. э.) преследовал чиновников-взяточников, боролся с разграблением общинных земель, вернул общинникам отобранное, уменьшил подати и восстановил общинников и воинов в их правах. Начата была судебная реформа. Новый правитель Уммы Лугальзагеси, поддержанный Уруком, захватил Лагаш, убил и пленил многих общинников, отменил реформы Уруинимгина, а затем распространил свое господство на весь Шумер, превратив Урук в его столицу.

3. *Господство Аккада и Ура.* Аккад, самый древний из основанных семитами городов Месопотамии, стал столицей царства, основанного Саргоном Древним (по аккадски — Шаррумкен, т. е. «истинен царь») (2316—2261 гг. до н. э.). Он основал династию, правившую страной в течение полутора веков. Саргон подчинил себе города Шумера и северной Месопотамии. Сформировав хорошо обученное и вооруженное, первое в истории постоянное профессиональное войско, он совершил удачные походы в Сирию, в район горного массива Тавра, победил царя Элама. Власть Саргона была деспотической, а его персона обожествлена. В конце III тыс. до н. э. в огромных размерах возросло царское хозяйство, постепенно подчинившее себе храмовое.

«Царство Шумера и Аккада» было первым в истории Месопотамии централизованным государством. В нем существовала налаженная оросительная система, единая система мер и весов. Однако при этом сохранялось и прежнее территориальное деление, как и все связанные с этим традиции: поклонение местным богам и власть правителей городов. Так что заявление Саргона о том, что «от Нижнего моря до Верхнего моря сыновья Аккада исполняли должности энси», было не вполне обоснованным. Тем не менее держава Саргона Древнего может считаться первой великой державой на Ближнем Востоке (второй после Египта).

Торговые связи Аккада с разными странами древнего Востока подтверждаются источниками: договорами, перепиской, глиняными печатями (на территории Месопотамии были обнаружены и индийские печати). Сохранился договор между «царем четырех стран света» Нарам-Суэном — внуком Саргона и царем Элама, содержащий формулу: «Враг Нарам-Суэна — мой враг, друг Нарам-Суэна — мой друг»¹.

Конец царствования Саргона был омрачен мятежами и междуусобными войнами. И хотя при Нарам-Суэне держава снова окрепла и даже на короткий срок достигла наивысшего могущества, распри царедворцев и мятежи вскоре подорвали силу государства, чем воспользовались амореи и кутии.

В конце XXII в. до н. э. владычество над Южной Месопотамией перешло к Уру. Власть III династии Ура (2112—2003 гг. до н. э.) была деспотической. Царь был одновременно и верховным судьей и главой сильного централизованного государственного аппарата, состоявшего из множества писцов и чиновников. Личность его обожествлялась, его изваяниям в храмах приносили жертвы. При сыне основателя этой династии Урнамму Шульге (2093—2046 гг. до н. э.) были изданы законы — древнейшие из известных правовых актов. В этих законах предусматривалось денежное возмещение пострадавшему за членовредительство, а также за привод беглого раба его хозяину. При преемниках Шульги армия Ура стала терпеть поражения в войнах с арамейскими племенами и эламитами. В 2003 г. до н. э. династия была свергнута. Царь был пленен, храмы подверглись разграблению. В Уре был оставлен эламский гарнизон.

4. *Вавилонская держава.* Географическое положение Вавилона («врата Бога») было весьма удобным. Здесь сходились сухопутные и водные ком-

муникации, что делало Вавилон одним из наиболее важных торговых центров Древнего Востока. Отсюда начиналась ирригационная система всей Южной Месопотамии.

Вавилонское царство сложилось после падения Шумера и Аккада и длительной междоусобной борьбы городов-государств. Здесь утвердилась I Вавилонская (Аморитская) династия. Время ее правления называют Старовавилонским периодом (1894—1595 гг. до н. э.). Шестым царем этой династии был Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.), который сумел создать сильное централизованное государство, объединившее вокруг Вавилона всю Месопотамию.

Столица новой державы была не только политическим, но и торговым и религиозным центром страны. Представление о величии Вавилона дают результаты раскопок, осуществленных в начале XX века. В городе, раскинувшимся по обоим берегам Евфрата, было 53 храма и 384 уличных алтаря. «Царю царей богов»² Мардуку был посвящен храм Эсагила («дом, в котором поднимают голову»). В нем находилась золотая статуя судящего Мардука, золотые стол, стул и скамеечка. Мраморные стены были украшены золотом и лазуритом, листовым золотом был покрыт потолок из кедрового дерева. Знаменитая Вавилонская башня, описанная Геродотом, располагалась в северной части храмового комплекса. Вавилон окружали две стены: внутренняя — «Великая» и внешняя более низкая. Стены города опоясывал ров, соединявшийся с Евфратом. Парадные ворота богини Иштар (главные в городе) были облицованы глазурованным кирпичом: по синему фону чередовались изображения быков и драконов. Перед воротами, по обе стороны от них, высились два зámка, стены которых также были облицованы глазурованным кирпичом: львы на бирюзовом фоне. Дорога для торжественных процессий была вымощена розовыми плитами из горной породы — брекчии, а обочины выложены белым ливанским известняком.

Вавилон был хорошо спланирован: восемь широких проспектов, пересекая весь город, вели к городским воротам. К ним примыкали узкие улицы, застроенные жилыми домами. Вавилонский принцип градостроительства был воспринят греками и римлянами, а впоследствии и европейскими архитекторами. Жилые дома выходили на улицу глухими стенами, во внутреннем дворике у богатых домовладельцев имелись сад и фонтан. Основные жилые помещения располагались внизу, прислуга и хозяйственные службы — на верхнем этаже. Преобладали дома из тростника и глины. Кедр, дуб, кипарис использовались при строительстве храмов, дворцов, особняков вельмож.

Вавилонские ремесленные изделия считались эталоном моды и качества. Из тростника изготовлялась легкая изящная мебель, из дерева — дорогая полированная, инкрустированная золотом, серебром и драгоценным камнем. Славилась вавилонские изделия из кожи: обувь, предметы военной амуниции — колчаны, шлемы, щиты, бурдюки. Очень высокого уровня достигло мастерство гончаров.

Наивысшего процветания Вавилонское государство достигло при Хаммурапи. Разгромив государства Мари и Элам, он упрочил структуру деспотической царской власти. Упорядочена и строго централизована была административная система. Все нити управления, в том числе и хозяйственного, сходились в руках царя. Храмы, ранее пользовавшиеся большой самостоятельностью, теперь лишились ее и были также подчинены царю. Хаммурапи осуществил ряд реформ. Было установлено единообразие в ведении судопроизводства. Во все большие города назначались судьи, подчинявшиеся непосредственно царю. Была запрещена частная международная торговля, на внешних рынках купцы выступали как чиновники царя. Почти полностью запрещалась торговля землей. Этими мерами государство стремилось предотвратить дальнейшее разорение и обезземеливание общинников.

О внимании к правотворчеству в Вавилоне свидетельствуют законы Эшнунны (нач. XX в. до н. э.) и Липит-Иштара (втор. пол. XX в. до н. э.),

регулирувшие различные вопросы хозяйственного, семейного и уголовного права и статус рабов. Но самым выдающимся памятником правовой мысли древнего Востока являются «Законы Хаммурапи», которые, по мнению В. В. Струве, были составлены на 30-м году правления этого царя. Стела с текстом этих законов была обнаружена в 1901 г. в г. Сузы. Существуют разные точки зрения на кодекс Хаммурапи. Одни считают его результатом кодификации действующего права. Другие видят в нем скорее собрание благих пожеланий, коллекцию моральных предписаний и наставлений. По мнению третьих, это был отчет Хаммурапи богам о своей деятельности.

Построенные по строгой системе, охватывающей основные отрасли права, законы Хаммурапи в полной мере отвечали потребностям своего времени, как реально действующий правовой документ. Первый переводчик законов Хаммурапи разбил их на 282 статьи. Весь текст можно разделить на следующие части: основные принципы правосудия (ст. 1—5); охрана частной собственности (ст. 6—25); охрана имущества воина и правила выкупа его из плена (ст. 26—41); правила торговли и правовые нарушения, с нею связанные (ст. 50—126); нормы семейного права (ст. 127—195); умышленные и неумышленные телесные повреждения (ст. 196—214); операции с движимым и недвижимым имуществом (ст. 215—282).

Законы Хаммурапи позволяют представить социальную структуру вавилонского общества, состоявшего из полноправных граждан, свободных общинников (авилум), свободных, но ограниченных в правах «царских людей» (мушкенум) и рабов (вардум). Законы устанавливали чрезвычайно суровые наказания за посягательство на частную собственность. Большинство таких преступлений каралось смертной казнью. В кодексе Хаммурапи различаются понятия «вина» и «злая воля», предусматриваются различные по степени наказания за предумышленное и нечаянное убийство. Законодатель пытался ограничить ростовщичество, установив максимальный процент по займам (20%), а также определив максимальный срок долговой кабалы (3 года). Подобных статей не было ни в одном из древневосточных сводов законов.

Женщины в Вавилонском царстве занимали почетное и достаточно защищенное положение: они, по законам Хаммурапи, имели право на развод, обеспечены были их имущественные права в случае смерти мужа. Рабыня-наложница и ее дети после смерти хозяина получали свободу, а если тот при жизни назвал этих детей своими (ст. 182), они могли участвовать и в наследовании имущества усопшего.

Реформаторская и законодательная деятельность Хаммурапи надолго сохранялась в памяти потомков. После его смерти, в результате обострения внутренних противоречий, связанных, в первую очередь с разорением общинников, воинов, налогоплательщиков, Вавилонское царство постепенно слабело и распадалось. Последний царь I Вавилонской династии был в 1595 г. до н. э. свергнут Мурсили I, предводителем вторгшихся в страну хеттов. Это был конец Старовавилонского и начало Средневавилонского (Касситского) периода. В Вавилоне утвердилась касситская династия, правившая страной до 1155 г. до н. э..

Кратковременный подъем переживает Вавилонское царство при IV династии, особенно при царе Навуходоносоре I (1126—1105 гг.), который с успехом воевал с Ассирией и Эламом. Держава Навуходоносора I охватывала помимо Двуречья и долину реки Дияла с ее притоками и простиралась от границ Ассирии до Персидского залива. При Навуходоносоре I население было обложено многочисленными налогами и повинностями. Большие участки земли раздавались чиновникам. Крупнейшими землевладельцами становятся храмы. Некоторые крупные города, такие как Ниппур, были фактически независимы от центральной власти и даже обладали собственными войсками.

Возобновившаяся борьба за вавилонский престол и возросшая самостоятельность городов привели к новому ослаблению царской власти. В конце XII в. до н. э. Вавилония потерпела поражение от ассирийского

царя Тиглатпаласара I. В начале I тысячелетия до н. э. на окраинах Вавилонии появляются выходцы из Восточной Аравии, халдеи. Внутреннее положение Вавилонии все более усложняется — слабеет царская власть, усиливаются центробежные тенденции, города все энергичнее борются за полную независимость. Страна становится объектом постоянных вторжений эламитов и ассирийцев.

5. *Ассирия.* Город Ашшур был основан еще в первой половине III тыс. до н. э. Во II тыс. до н. э. в среднем течении Тигра складывается государственное образование семитских племен — Ассирия. Выгодно расположенная на пересечении торговых путей она вскоре стала играть важную роль в Передней Азии.

Есть основания полагать, что в древнем Ашшуре земля составляла общинную собственность, власть принадлежала совету старейшин, один из членов которого — лимму ведал казной и ежегодно переизбирался. Текущий год носил его имя. Городской правитель — ишшакум (царь города) не обладал верховной властью. По-видимому можно считать Ашшур олигархической республикой.

С ослаблением Вавилона и упадком III династии Ура приобрел особую актуальность вопрос о безопасности торговых путей, пролежавших через этот регион. Власть в Ашшуре захватил Шамши-Адад I (1813—1781 гг. до н. э.), объявивший себя «царем множеств» и стремившийся к установлению деспотии. Он создал сильную армию и подчинил Северную Месопотамию и Мари, где посадил царем своего сына. На западе владения Шамши-Адада достигли берегов Средиземного моря. Однако удержать завоеванную территорию правителя Ашшура не смогли.

Особенно тяжелое поражение Ассирии нанес Хаммурапи. Даже после него Ассирия не смогла подняться. Она была вынуждена признать верховенство государства Митанни. Только после ослабления Митанни началось новое возвышение Ассирии. Как мировая держава она сложилась в II тыс. до н. э. и вскоре стала грозой для своих соседей. После крушения Вавилонской и Хеттской держав и ослабления Египта Ассирия уже не имела серьезных противников.

Расцвет Ассирии приходится на время правления пришедшего к власти в 745 г. до н. э. Тиглатпаласара III и его преемников. При этом царе были разукрупнены наместничества, а функции наместников ограничены сбором податей, руководством военными отрядами, организацией работ, выполнявшихся в порядке повинностей. Предметом особой заботы царя, как и у многих других восточных правителей, была постоянная армия, находившаяся на полном государственном обеспечении. Завоевательная политика предшественников Тиглатпаласара III обычно сводилась к невероятным жестокостям, разнуданному грабежу, обращению завоеванных в рабство. Особенно этим прославились Ашшурбанапал II (883—859 гг.) и Салманасар II (859—824 гг. до н. э.). В основе же завоевательной политики Тиглатпаласара III лежало переселение покоренных им народов на новые места.

Ассирийская держава охватывала все страны «от Верхнего моря, где садится солнце, до Нижнего моря, где солнце поднимается», т. е. от Средиземного моря до Персидского залива. В 735 г. до н. э. Ассирия подчинила государство Урарту, в 732 г. был захвачен центр антиассирийской коалиции Дамаск, в 729 г. был присоединен Вавилон. Приток материальных и людских ресурсов из завоеванных стран способствовал процветанию Ассирии. Столица ее — Ниневия украсилась величественными дворцами и храмами.

Однако авторитет Вавилона был еще очень велик и не случайно, что Тиглатпаласар III провозгласил себя царем Вавилонии, постоянно подчеркивая, что Вавилон не завоеван, а присоединен к Ассирии, а также, что ассирийцы и вавилоняне — братья. Но вавилоняне не внимали этим декларациям. В 703 г. они подняли восстание против завоевателей. Осада мятежного города продолжалась 14 лет. Ассирийцам удалось овладеть городом, когда царь Синахериб (705—681 гг. до н. э.) взял его штурмом и, открыв шлюзы на Евфрате, затопил непокорный Вавилон.

В середине VII в. до н. э. Ассирийскую державу поразил глубокий

кризис. Восстали покоренные народы. Во главе их стал Вавилон, поддержанный Эламом, халдейско-арамейскими и арабскими княжествами, Сирией и Финикией, а также, Лидией, Египтом, Мидией и рядом других государств.

К этому периоду относится правление Ашшурбанапала (669 — ок. 626 гг. до н. э.). При нем в 652 г. Вавилон был снова осажден ассирийскими войсками и разрушен. Ашшурбанапал был весьма противоречивой личностью. Ему предстояло стать жрецом и он получил хорошее образование, сохранив на всю жизнь любовь к литературе. Невероятно жестокий к побежденным он способен был рыдать над разбитой глиняной табличкой с записью эпизода из эпоса о Гильгамеше. По его приказу в Ниневии была создана гигантская по тем временам библиотека, насчитывавшая более 20 000 глиняных табличек и даже имевшая каталог. Все величайшие творения древневосточной литературы были собраны здесь. Особое место среди них занимала ассирийская редакция эпоса о Гильгамеше на 12 глиняных табличках. Хранились здесь тексты других произведений: «Диалог господина и раба», запись мифа о боге Мардуке и его сражении с чудовищем Тиамат и передаче Мардуку власти всех пяти главных богов, после чего он и был назван «царем царей богов».

Еще при жизни Ашшурбанапала — с конца 40-х годов VII в. до н. э. — вновь начинается ослабление Ассирийской державы. В 615 г. до н. э. мидийские войска появились у стен Ниневии. В 614 г. до н. э. Мидия и Вавилон осадили и разрушили Ашшур, а в 612 г. — Ниневию. Ассирия еще некоторое время сопротивлялась, опираясь на поддержку Египта, но в 605 г. до н. э. остатки армии последнего ассирийского царя были разгромлены.

В результате падения Ассирийской державы сколько-нибудь значительных этнических перемен в Месопотамии не произошло. Истреблена была лишь верхушка ассирийского общества — знать и частично горожане. Сельское население осталось на своих местах. Их потомки населяют Северный Ирак до сих пор (утратив, конечно, аккадский язык). Культурные и военные традиции Ассирии были во многом восприняты ее преемниками.

6. *Нововавилонское царство (605—538 гг. до н. э.)*. Этот период был отмечен столкновениями Вавилона с Египтом из-за Палестины и восстаниями в самом Вавилоне (в 595—594 гг. до н. э.). Навуходоносор II, провозглашенный царем в 605 г. до н. э., изгнал из Финикии и Палестины египтян и в 587 г. до н. э. после долгой осады овладел столицей Иудейского царства Иерусалимом, тысячи жителей которого были уведены в вавилонский плен. При Навуходоносоре II Вавилония процветает. Вавилон вновь стал центром международной торговли. Были построены новые дворцы и создан знаменитый «висячий сад» (легендарные сады Семирамиды). Ситуация резко изменилась при Набониде (556—539 гг. до н. э.), сменившем Навуходоносора. Он не сумел решить ни внутренних, ни внешних проблем. Положение его было крайне непрочным. Началось ослабление Вавилона. Тем временем на востоке крепла новая военная держава — Персия. Персы завоевали Мидию, Лидию и другие страны до индийских границ, блокировали Вавилон. По библейской легенде, в ночь накануне взятия Вавилона персами, во время пира Валтасара (сына Набонида) таинственная рука начертала на стене загадочные слова: «Мене, мене, текел, упарсин» (исчислен, взвешен, разделен). Эта надпись предвещала гибель и Валтасару, и Вавилону. 29 октября 539 г. до н. э. персидский царь Кир II вступил в Вавилон. Ему была устроена торжественная встреча. Вавилонское царство утратило свою независимость.

Народы, покоренные Вавилоном, с воодушевлением встречавшие персов, вскоре обнаружили, что новые завоеватели еще более жестоки, чем ассирийцы. При Дарии I (521—486 гг. до н. э.) Вавилония, ставшая одной из персидских сатрапий, платила ему огромную дань. И хотя в Вавилоне располагался многочисленный персидский гарнизон, местное население неоднократно поднимало восстания. Вавилон сохранял свое значение одного из величайших городов тогдашнего мира. Не случайно Александр Македонский, в 331 г. до н. э. вступивший в Вавилон, рассчитывал превратить его,

наряду с египетской Александрией, в одну из столиц своей империи. После его смерти в 323 г. до н. э. и многолетней борьбы за власть Вавилония стала частью государства Селевкидов, куда входили также Сирия и Финикия.

7. *Культура древней Месопотамии.* Древнейшими народами Месопотамии шумерами и аккадцами была создана высокая культура, унаследованная Вавилоном, ставшая основой ее достижений, оказавших сильнейшее влияние на культуру других народов Азии и даже Египта, а позднее и древних греков.

В мировоззрении шумеров, а затем аккадцев, вавилонян и ассирийцев важную роль играло обожествление сил природы, особенно тех, что имели прямое отношение к их основному занятию — земледелию: неба, земли и воды. Эти силы олицетворялись в образах трех основных богов — Ану, Эллиль и Энки. Во всех городах-государствах чтили бога мудрости и справедливости, бога Солнца — Шамаша и бога Луны — Сина.

Первоначально шумерские общины не знали жречества как особого сословия, эти функции выполняли храмовые писцы. Правители городов-государств почитались как потомки богов. В шумерских мифах подчеркивалась тщетность попыток человека достигнуть бессмертия, которое является уделом богов. Вера в загробную жизнь и посмертное вознаграждение человеку за его земные страдания не получила развития в Двуречье.

Менталитет древних вавилонян нашел отражение в храмовой архитектуре. Центральное святилище нельзя было куда-нибудь переносить, поздние пристройки включали в себя прежние строения. Центральный храм располагался на высокой искусственной платформе. К нему с двух сторон вели лестничные марши, перемежавшиеся платформами. Ступенчатое храмовое сооружение — зиккурат было непременным украшением каждого месопотамского города. Возможно, шумеры на своей древней прародине молились своим богам на вершинах гор и переселившись в Двуречье остались верными этой традиции, которую у них восприняли вавилоняне и ассирийцы. Стены храмов, как и ведущих к нему платформ было пышно украшены выступами и мозаикой.

Величайшим достижением месопотамской цивилизации явилось создание народами Междуречья письменности. Зачатки ее в виде пиктографических знаков и надписей обнаруживаются у шумеров еще в середине IV тыс. до н. э. Дальнейшее развитие письменности связано с усложнением государственных структур, нуждавшихся в упорядоченном и регулярном делопроизводстве. Происходит отбор и унификация пиктографических знаков. Их число сокращается, начертание упрощается, становится все более условным. Письмо претерпевает процесс фонетизации, знаки становятся слоговыми, усложняются грамматические формы. Форма древней письменности была во многом продиктована материалом и орудиями для письма. К середине III тыс. до н. э. получает развитие и широкое распространение клинопись³.

Нужды храмовой отчетности, развитие строительного искусства и ирригационные работы обусловили развитие математических и астрономических знаний. В шумерских текстах встречаются различные математические термины. Вавилонские математики изобрели позиционную систему чисел. Вавилонская математика была основана на шестидесятиричной системе, что сохранилось до наших дней в делении часа и минуты на 60 частей, а окружности на 360 градусов. Вавилонские писцы решали сложные геометрические задачи. Им были известны свойства прямоугольных треугольников, зависимость между параметрами усеченной пирамиды. Они умели решать уравнения с тремя неизвестными, извлекать не только квадратные, но и кубические корни. Вавилонские астрономы создали основу звездной карты. На изготовленной ими карте Вавилон изображался как центр Вселенной. Получили развитие зоология и ботаника. Были составлены списки растений и животных.

Из гуманитарных наук, получивших развитие в Вавилонии выделяется в первую очередь сравнительное языкознание. Интерес жрецов к этой отрасли знания объясняется тем, что священные тексты писались на

шумерском языке. Вавилонским жрецам приходилось проводить сравнительно-грамматическое изучение шумерского и аккадского языков.

Исторические знания вавилонян получили свое отражение в царских списках, хрониках и анналах. В эллинистическую эпоху особенно были известны сочинения вавилонского ученого Бероса, посвятившего свою «Бавилонику» селевкидскому царю Антиоху I. Идея смены царств, воспринятая христианской историософией, уходит своими истоками в культуру древней Месопотамии.

Пластическое искусство Шумера и последующих государств получило особенно яркое воплощение в искусстве резьбы на драгоценных и полудрагоценных камнях — глиптике. Печати-амулеты в форме животных в дописьменный период соединяли в себе глиптику, рельеф и скульптуру. Рельефные изображения были предназначены для того, чтобы оттискивать их на глине. Характерно было стремление точно воспроизвести натуру. Животные, их движения переданы живо, выразительно и вместе с тем лаконично. Рельефное изображение на цилиндрической печати обычно представляло собой некое повествование.

В более поздний — аккадский — период получает распространение идеализированный портрет обожествляемого царя. Весьма распространенным было изображение Саргона I в виде Гильгамеша, борющегося со львом. Нередко царь изображался во главе войска, одержавшего победу.

С самого начала месопотамское искусство отражало пробуждение личности, энергии и творческих возможностей человека, попытку его осмыслить свое положение в окружающем мире, понять этот мир. И этот интерес к человеку усиливается от одной эпохи к другой.

Литература древнего Шумера представлена значительным числом сохранившихся памятников — записями мифов, сказаний, псалмов, свадебных и любовных песен, плачами, гимнами-песнопениями во славу царей. Широко представлены и сочинения дидактического характера: поучения, диалоги, басни, учебные тексты. Больше всего сохранилось гимнов, посвященных богам. Из плачей — древнейший «О разрушении города Лагаша царем Лугальзагеси», в котором подробно перечислены и описаны разрушения и потери и содержатся страстные проклятия виновнику этого бедствия. К культовым сочинениям относятся и поэмы-песнопения: «Хождение Инанны в преисподнюю» и «Смерть Думузи». В этих произведениях развивается традиционный для древнего Востока мифологический сюжет об умирающем и воскресающем боге и его возлюбленной. Устройство жизни на земле, установление на ней порядка и благоденствия едва ли не главная тема повествований о сотворении божеств Энки и Эллиля.

Произведения шумерской литературы многообразны по форме. Многие из них могут быть отнесены к шедеврам мировой литературы, сопоставимыми, например, с библейской «Песнею песней». Некоторые мифологические сюжеты, встречающиеся в произведениях шумерской эпохи (например, о сотворении мира и всемирном потопе), получили свое развитие в мифологии других народов, в частности, у древних евреев, и в измененном виде сохраняются и в религиозных воззрениях современных христиан.

Среди дошедших до нас литературных памятников, созданных народами древней Месопотамии исключительное место занимает эпос о Гильгамеше, царе Урука. В древнейшей его — шумерской — редакции Гильгамеш — сын смертного и богини Нинсун. Шумерские сказания о борьбе Гильгамеша с Аккой, царем Куша были переработаны в позднейшее время. Запись этого уже в полном смысле эпоса была обнаружена на аккадском языке и в переводах. Более ста фрагментов этого эпоса хранилось в библиотеке Ашшурбанапала в Нивевии. Ниневийская версия повествует о том как могучий царь Урука — «буйный муж», — не находя применения своим силам, всячески угнетал свой народ. Услышав моления жителей Урука, боги сотворили из глины Энкиду, ставшего другом Гильгамешу. Он-то и направил его энергию и силы на совершение дел и подвигов, угодных богам и полезных людям. Друзья убивают чудовище Хумбабу, хранителя кедрового леса и овладевают ливанским кедром, столь ценным в Месопота-

мии. В дальнейшем Гильгамеш отвергает любовь богини Иштар, которая насылает на друзей гигантского быка. В битве с ним погибает Энкиду. Преодолев множество препятствий и совершив великие подвиги, Гильгамеш находит траву бессмертия, которую во время его сна похищает змея. Герой возвращается в родной Урук, осознав, что бессмертны только боги, а люди обречены на смерть.

В ряде других литературных произведений получили отражение философские взгляды древних месопотамцев. Автор «Поэмы о невинном страдальце» ставит вопрос о причинах земных страданий человека и отвечает, что постижение этих причин недоступно человеку. «Кто постигнет замыслы богов на небесах?» — задает он риторический вопрос. «Диалог господина и раба» в чем-то перекликается с диалогами Платона. Древних жителей Месопотамии, как и последующие поколения людей, волновал вопрос о смысле жизни. «Поднимись на холмы разрушенных городов и посмотри на черепа людей живших до и после: кто из них был владыкой зла и кто из них владыкой добра, всех уравнила смерть». Мысль о скоротечности человеческой жизни и неотвратимой смерти, терзает и Гильгамеша.

Система образования в Месопотамии была представлена эдуббами (домами табличек), где обучали письму, счету и литературе. Школьные таблички с краткими литературными текстами — бесценный источник по шумерскому фольклору.

Цивилизация древней Месопотамии была создана многими народами в процессе их интенсивного культурного и производственного взаимодействия. Контакты с народами других регионов обогащали эту цивилизацию и она в свою очередь благотворно влияла на их культурное развитие. Ареал воздействия этой цивилизации — афро-азиатский и европейский древний мир.

Суждения о кризисе месопотамской цивилизации после греческого завоевания опровергаются фактами о продолжавшемся взаимовлиянии культур, о котором великий русский исследователь Б. А. Тураев писал еще 100 лет тому назад⁴. Конечно, эллинизм на Востоке с IV вв. до н. э. доминировал и в политике и в культуре, но по словам Тураева, эллинистические тенденции сами испытывали сильное восточное воздействие, так что этот процесс был двойственным⁵. И в эпоху Селевкидов месопотамская цивилизация сохраняла свою самобытность.

Примечания

1. Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М. 1987, с. 17.
2. КРАМЕР С. Мифологии древнего мира. М. 1977, с. 147.
3. ИОГАНЕСС Ф. История письма. М. 1993.
4. ТУРАЕВ Б. А. Очерки истории финикийских древностей, СПб. 1893, с. 7.
5. ТУРАЕВ Б. А. История древнего Востока. Т. II. М.-Л. 1935, с. 319—321.

ВОСПОМИНАНИЯ

Листопад

В. К. Иков

VI. Взгляд в прошлое

На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник
(Пушкин).

Боже! Какая скучища! Опять тюрьма и ссылка. Опять тюремно-ссылочные воспоминания — сказал бы взыскательный читатель, если бы он у меня нашелся. Опять все то же, приевшееся, неаппетитное и непитательное, как разогретый обед на ж. д. станциях. Опять в тысячный раз тот же быт, те же нравы, тот же ужас, ставший ручным и непугающим. И то же пресловутое: «дверь камеры с глухим стуком захлопнулась за мной, и я остался один». Успокойтесь! Ничего этого не будет или, во всяком случае, эти старенькие, заигранные, потрепанные кадры сведены здесь к минимуму. Вполне понимаю Ваше негодование и сам еще подавляю зевоту. Но, ей Богу, совсем без этих атрибутов обойтись я никак не могу, хоть убейте.

* * *

Покойный Д. А. Клеменц рассказывал как-то при мне: на одном этнографическом съезде при Академии наук провинциальный профессор, давно не бывший в столице, с любопытством озирается вокруг и, видя много незнакомых лиц, обращается все время к академику Н. С. Тихонравову за разъяснениями: «А это кто? А это кто?». Тихонравов каждый раз спокойно отвечает: «Это ссыльный», «это тоже ссыльный», «и это ссыльный». Бедный захолустный коллега не выдержал и завопил на весь зал: «Да что мы, на дворе пересыльной тюрьмы находимся, что ли?». Это звучит анекдотом, но Клеменц, тогда хранитель этнографического отдела при Русском музее, клялся и божился, будто это вовсе не шутка, на которые он был такой мастер. Да ведь и то правда: достаточно вспомнить, что археология, этнография, геология и пр. Сибири по меньшей мере на 50% созданы ссыльными, чтобы отпал всякий анекдотический привкус у эпизода на съезде.

Или вот такой сущий факт. В Иркутске родители моих помянутых выше приятельниц Сони Доллер и Веры Фриденсон жаловались неоднократно, что вот, мол, наши дети и слышать не хотят о политике, уши затыкают при наших разговорах. Вы, мол, поговорили бы с ними, усоветили бы их малость. Раз как-то Соня разоткровенничалась на эту тему и привела в объяснение своих настроений несокрушимые, по моему разумению, аргументы. «Подумайте, — говорила она, — я с детских лет только

и слышу на каждом шагу, в любом знакомом доме, от всякого к нам приходящего всегда одно и то же: «Такой-то отравился», «этого повесили», «трех высекли», «Х. сослан», «а у нас на Каре что было!», «а вот в Нерчинске однажды», и т. д., и т. п. без конца. С тех пор, как я себя помню, других бесед и рассказов я не знала. Я родилась на каторге, и мне кажется, что я никогда и не выходила оттуда. Мне хочется хоть немного других впечатлений, иного воздуха, новых лиц. Разве это незаконно с моей стороны? А мама не понимает».

Что я мог возразить ей тогда? Вероятно, смог бы сказать какой-нибудь ультраромантический вздор, какую-нибудь инфракрасную революционную банальность. Понять ее, как следует, я в ту пору еще не был способен. Но не посочувствовать этим милым карим очам, взволнованным и опечаленным, я тоже, конечно, не был в состоянии. Теперь, когда за спиной у меня свой солидный груз аналогичных переживаний и впечатлений, я не только глубоко сочувствую Соне Доллер, но и вполне ее понимаю. Но, к сожалению, бесплодно это знание, и, пародируя Минского, я могу сказать самому себе: «Слишком поздно ты, друг, научился» (его стихотворение «Поэту»: «Слишком поздно, поэт, ты родился»).

Да, понимаю, сочувствую, но ничем помочь не могу. Я говорю ей сейчас: «Сонечка, подите-ка сюда поскорее. Я могу показать Вам новые сборники Клоделя и Поля Валери. Хотите, перечтем сонеты Эредиа? А то поговорим о недавно вышедших письмах Гейне. Или пойдемте-ка на выставку современной графики либо, если Вы предпочитаете, старых мастеров (Тициан, Рубенс, Снайдерс, Питер де Хоох). Может быть, Вам хочется музыки? Вот Онеггер, Прокофьев, Шостакович. А может быть, Вас интересует великолепный Вельфлин или последняя работа Вилламовиц? О Сонечка, мне тоже страшно надоело былое, которое никак не может стать давно прошедшим. Меня коробит от минувших годов, которые ни за что не хотят минут совсем. Я с тоской и ужасом смотрю на красные, черные, белые и прочих цветов архивы».

Вотще. Сонечка молчит. Может, ее и в живых-то давно нет? Да и она, как я слышал, хлебнула-таки, к несказанной радости матери, тюремной баланды. А, главное, она мне не верит. Не верит, будто я сохранил прежний живой интерес ко всем впечатлениям бытия, что я не разучился грамоте и будто я сейчас, в 1933 г., как и 30 лет назад, с тем же энтузиазмом и подъемом способен восхищаться Клоделями и Вельфлинами. Да и Клодель-то, увы, не пишет что-то своих чудесных тончайших стихов. Он сменил курульное кресло великого мэтра французской литературы на пост дипломатического авгура при дворе Уолл-Стрита. Он пишет лишь донесения на Кэ д'Орсэ и сочиняет вместо углубленных мистерий, подобных «Благовещению», отточенно-изящные вербальные ноты Белому дому.

Мне и самому кажется, что я высох, сморщился, пожелтел, стал пресен, бесцветен и безвкусен, что я ни о чем не умею ни думать, ни говорить, кроме как о тюрьме и ссылке, что я потерял чутье ко всему, что когда-то жгло, радовало, пленяло меня, и что если я начинаю о чем-либо рассказывать, непременно съеду на это знаменитое: «дверь камеры с глухим стуком захлопнулась за мной, и я остался один». Порой мне вся русская жизнь в исторической ретроспективе и в наличной данности представляется огромным, нескладным тюремным двором, как этнографический съезд — собеседнику Клеменца. Пустырь, где с нетерпением ждут конца редкие чахлые деревца, подобно фановским кладбищенским ивам, что «тощи и горбаты, семью грустной расцвели». Я не знаю, есть ли оазисы на этом пустыре. Может быть и есть, но, право, и там вряд ли слаще.

Относительно говоря, мне везло: тюрьма и ссылка отняли у меня всего восемь лет. При 35 годах, прожитых мною к 1917 г., это не так уж много. Могло уйти вдвое больше. Вообще у многих бывало гораздо хуже с материальной, так сказать, стороны. И это, кажется, единственное, но, безусловно, неплохое и довольно действенное утешение. Но странное дело: я явно обтерпелся. И не испытываю ярко окрашенного нерасположения, острого недовольства при мысли об этих, столь плотно вошедших в мою судьбу

попутчиках. Было бы неблагородно, несправедливо и мелко с моей стороны не найти сейчас, задним числом, да еще в привычной тюремной обстановке, перед лицом параша и баланды, нескольких унций благодарности и нескольких граммов теплой симпатии и для них. Ведь и терпентин на что-нибудь пригоден. Кошунственно заменяя одно слово в прекрасном стихотворении Н. П. Огарева, я мог бы, пожалуй, сказать: «Не все, не все, о Боже, нет, // Не все в душе тюрьма сгубила: // На дне ее есть тихий свет, // На дне ее есть есть сила».

Возможно, это скучная, дешевая, убогая подделка под настоящую жизнь (как бывают памятники под мрамор, stuc по-французски, т. е. штукатурка), эти анабиотические антракты между естественными жизнеотправлениями — все это отчасти и помешало погаснуть совсем тихому свету? Задержало наступление неизбежного мрака? Спасло силу от окончательной растраты? Странники в пустыне, что мы знаем?

* * *

Но, в сущности, в чем коренное различие между естественным и искусственным? Не кажется ли вам, что тюрьма к своей выгоде отличается от так наз. вольного мира большей упорядоченностью функций, меньшей грязью, предельной отчетливостью отношений, а следовательно, и ограниченностью, если не отсутствием, поводов к разочарованию? В этом крохотном микрокосме, в этом принудительно очерченном кругу, на этой примитивной сценической площадке разворачивается, в несколько условно стилизованном виде, целая, да позволено мне будет так выразиться, мистерия. В ней элементы трагического выделяются рельефнее в силу простоты декоративного и прочего оформления и резкости светотени, а моменты сатирические перерастают, как у Гоголя, в жуткий, кричащий гротеск. И нигде не чувствуешь себя до такой степени в когтях рока, случая, как здесь.

Ну, а на воле? Разве вообще-то лапы жизни менее сильны и беспощадны? И разве в пустыне жизни, так часто весьма похожей на общие камеры, мы меньше затеряны и обречены, чем в любом ДПЗ или в селе Монастырском? При таких условиях, о мой строгий читатель, как же Вы хотите, чтобы я совсем избежал набивших оскомину тюремных встреч и впечатлений, не отдал дани жанру, всецело сложившемуся и выпестованному на нашей дорогой 1/6 части земного шара с незапамятных времен?

Я не разделяю обычных оптимистических заверений многочисленных мемуаристов о тюрьме-ссылке как об университетах. Я считаю, что они никогда не подымались и до уровня хорошо поставленной средней школы. Имею в виду общее правило. Отдельные лица, преимущественно исключительно одаренные, волевые либо в силу сочетания неведомых факторов, становились широко образованными людьми или настоящими специалистами в той или иной отрасли. Пример: некоторые шлиссельбуржцы; покойный В. Л. Лихтенштадт, автор интересной книги о Гёте, бывший максималист, отбывавший каторгу в Шлиссельбурге (1907—1917 гг.), потом коммунист, погибший на фронте в дни наступления Юденича; или И. П. Вороницын, который отбывал каторгу там же в 1905—1917 гг. по делу черноморского Шмидтовского восстания, меньшевик, автор трехтомной «Истории атеизма», написанной в тюрьме. Указание на декабристов и народников ничего не доказывает: там люди стояли на плечах мощной культуры и от нее двигались вперед. Но ведь этих праведников легко, не сбившись со счета, пересчитать по пальцам. Их так мало, что ради них, пожалуй, не пощадил бы нечестивых городов разгневанный Иегова. В массе же университет этот выпускал поверхностных дилетантов, лжеэрудитов, привыкших хватать вершки, со свободно подвешенным языком и привычкой решать все вопросы с самоуверенной простотой, но без находчивости Александра Македонского.

Говорят еще, что величайший учитель и лучший университет — жизнь. Верно! Но это обычно медленный и чересчур уж своеобразный путь обучения. Не всем так везло, как Горькому, написавшему превосходную книгу

о своих «университетах». Зачастую происходит совсем иначе: потолкавшись по рытвинам и ухабам этого пути, многому научишься и ляжешь в гроб с твердым, но редко кого удовлетворяющим убеждением, что и учиться-то не стоило: с собой не унесешь, а применять знания поздновато, ни времени, ни возможности уже не осталось.

Так что, идя на уступки, скажем так: тюрьма-ссылка отчасти, с крупицей соли, играла при некоторых условиях (правильнее: могла играть) роль своего рода краткосрочных курсов ускоренной подготовки, где опыт и знания преподносят в сильно концентрированном растворе. Так готовят зауряд-врачей в годы военных потрясений или кадры технических специалистов при повышенном спросе на них и нищенской их наличности. Вот так и старая тюрьма-ссылка выпускала зауряд-деятели, лиц, наспех, в ударном порядке подготовленных к житейской борьбе и творчеству. Это суррогат, конечно. Это дорогостоящий, не окупающий расходов, однобокий, всецело российский педагогический метод. Но мы всегда «учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь». Это даже на воле, на свободе. Почему же требовать большего от людей, не проходивших никакой другой ступени, кроме этих клубно-самообразовательных институтов, этих, так сказать, ланкастерских школ взаимного обучения, но тюремно-ссылочного образца?

Что же, по-Вашему? Да здравствуют тюрьма и ссылка? По обстоятельствам. Но, во всяком случае, чем я-то могу помочь? Такова жизнь.

* * *

«Да ты, брат, в лопухах родился!» — воскликнул в 1914 г. в Красноярской тюрьме один старый каторжанин, узнав, что меня определили в Минусинский уезд. Это, действительно, большая удача, так как первоначально мне определили Туруханск. И надо признать, что вообще у меня нет повода жаловаться на чрезмерную остроту падавших на меня за мою практику, до 1917 г., репрессий. За 16 лет очень (смею сказать) энергичной партийной работы, наполовину на нелегальном положении, я имел три ссылки: две в Сибирь, но в очень недурных условиях, и одну — в Вологодской губернии, но в лучшем ее уездном городе Великом Устюге. А между тем знаю товарищей, плативших каторгой за гораздо менее активную и инициативную деятельность. Я никаких претензий не предъявляю: ну, не получил ни каторги, ни лишения прав, ничего не напишешь, не плакать же об этом? Во всяком случае, я сделал все, чтобы заработать их: сделал, что мог, пусть кто может, сделает лучше, как говорится у древнего Квинта Горация Флакка.

Но эта легкость расчетов, наряду с частыми, но не долгими тюремными сидками, не могла воспитать во мне того мрачно трагического восприятия тюремно-ссылочного быта, коим обычно окрашены соответствующие мемуары. Непосредственного личного переживания разных ужасов (Орла и Олгачей, Тобольска и Пскова, и т. п.) у меня нет. Ну, а к пешим этапам, к столыпинским предохранительным связкам и прочему я всегда относился равнодушно, как и в голодовке, обструкции, побоям, которые пришлось претерпеть в бытность свою на линии огня. То ли бывало у других?

Вот поэтому-то у меня удержались в памяти прежде всего комические черточки прошлого уклада, его изнаночная, смешная сторона. Разумеется, я слишком хорошо знаю (не даром же столько лет, кроме всего прочего, изучаю еще и по литературе историю нашей борьбы и репрессий властей) всю тeneвую, драматическую, лицевую сторону государственных тюрем и ссылок. Но я пишу только о том, что составляет содержание моего опыта, а не историю моего времени. И я считаю, что подмеченные мною случайные, беглые черточки юмористического, так сказать, рисунка имеют свою ценность и могут пригодиться, как материал второстепенный и частный, для характеристики минувших лет. Эти мелкие черточки довольно наглядно говорят о пустоте и мертвости старого режима, об отсутствии у него своей покоряющей правды и притягательных сил. Но разрешу себе тут небольшое вводно-пояснительное отступление.

Доброе старое время, особенно до 1905—1906 г., представляется мне замечательным, между прочим, и чисто русским смешением грубости и хамства, жестокости и разгильдяйства с непостижимой простотой нравов и известным, тоже российским, добродушием, коему, однако, пальца в рот не клади! Говорю это в применении ко всем ступеням социальной лестницы. Летом 1912 г. меня везли парохомом в ссылку в Устюг. До Тотьмы шла довольно крупная партия, здесь же ее сдали всю целиком, в том числе и моего товарища по камере московского пекаря Борисова. Я остался один с дюжиной конвойных. Едва пароход отчалил от пристани, как все мое воинство, кроме одного дежурного часового, первым делом поскидало с себя оружие и амуницию. И затем весь путь до Устюга я почти и не видел их, проводя время то на носу, то на корме, то на верхней палубе парохода, словно знатный иностранец, вояжирующий в чужой стране. Они и не интересовались мною нимало. Наоборот, заметив как-то мое сугубое внимание к одной случайной попутчице, старшей конфиденциально предложил мне: «Не угодно ли прогуляться с барышней на остановке?».

Я уже сказывал, что сибирский пеший этап показался мне раем после тюрем Екатеринбурга, Омска и т. д. Это я имею в виду низший начальственный персонал, с которым нетрудно было найти общий язык. Но можно отметить десятки случаев такого же «полуспустя рукава», получеловеческого отношения со стороны и высших чинов, иногда высокопоставленных. Это лишь после разгрома революции 1905 г., при Столыпине и его спутниках, резко обнажился оскал зверства, злобы, надругательства над личностью арестованного, вылезла наружу маска победителя, скрывавшая его животный страх перед пленным и связанным врагом.

Раньше, даже и на средних ступенях тюремной лестницы (я имею в виду прежде всего эту среду, ее мораль и нравы), в кругах начальников и помощников не было, как правило, отчетливой, оформленной, осознанной до конца классовой, групповой, лично карьерной ненависти к революционерам, политикам. Когда несколько улеглись волны испуга, нагнанного народолюбцами, и поостыла порожденная ими мстительная злоба больших и малых юпитеров и юпитерят, люди бюрократического фасона стали опять просто служить, отбывать наложенную на них случаем повинность, не очень-то задумываясь и скорбя над политическим и этическим смыслом своей профессии. Во всяком случае, их служебное, предсудительное в либеральных глазах, положение не было и для них самих знаменем, которым гордятся и стоять под которым вменяют себе в честь. Все это, и многое другое, пришло потом.

Вражды к нам как к опасному, ненавистному личному, сословному, классовому врагу тюремщики в массе своей проявляли так же мало, во всяком разе не больше, чем акцизные, податные, контрольные и иные чиновники. Пафоса борьбы и истребления неприятеля еще не родилось. А к тому же весь строй, сверху до низу, еще со времен Рюрика, так пропитался небрежностью, нерадением, попустительством, казенным формализмом, равнодушием, взяточничеством и прочим, что при некоторой ловкости и умелости, а особенно мзде, всегда можно было прорвать блокаду циркуляров, инструкций, предписаний и прочих канцелярских измышлений. Часто это и труда не составляло, ибо режим расползлся, как сношенная шинель гоголевского Акакия Акакиевича. Даже позже, после всех перелицовок и латаний этой перепрелой ткани, уживались в рамках единой системы нравы Рижской тюрьмы и Зерентуя с совершенно иными порядками и обычаями.

Иногда это покупалось весьма недешево, ценой человеческих жизней (правда, это самый недорогой товар на Земле). Когда меня зимой 1914 г. завезли в Мариинск и доставили глубокой ночью в тюрьму, я сразу почувствовал какие-то необычные для тюремной атмосферы флюиды благорастворения воздуха. И хотя я был зело огорчен обнаруженной на пути с вокзала в тюрьму пропажей новехоньких ботинок (операция спутников!), в конторе я как-то сразу отошел и решил про себя, что сегодня уж бить не будет. Заметив в комнате книжный шкаф, я поинтересовался у чина, можно

ли рассчитывать на получение книг, и с удовольствием услышал любезное: «Пожалуйста! Выбирайте, что хотите сами, вот ключ». «Да,— думал я,— идя по двору в корпус, — пожалуй, и завтра обойдется все сносно». Прожил я здесь трое суток. «Какой обед нам подавали! Какой лапшой нас угощали!». Да я и дома-то не ел так вкусно, жирно и много. Утром проснулся я от громкой беседы в коридоре. Слышу странные речи: «Что же это ты, братец мой, как ведешь себя дурно? Неужели все еще не можешь своего положения понять?». Спрашиваю сокамерников: «Кто это там распекает и кого?». «Смотритель надзирателя». Ничего не понимаю! Смотритель — мента? Невероятно! В присутствии арестантов? Трижды невероятно! Слушаю дальше: «Надо входить в положение арестанта, не раздражать его, ему и без того несладко», и т. д. Бред какой-то наяву!

Потом взошли к нам. Мужчина не первой молодости, типа застарелой гарнизы, вежливо и отменно предупредительно поговорил со мной, а на мой вопрос о прогулке и ее продолжительности не без удивления ответил: «Да хоть весь день гуляйте!». И верно: я уходил со двора, когда надоедало одному. Спрашиваю уголовных: что за чудесия, мосьпане? Смеются. Оказывается, что месяца за два перед тем во время бунта на почве плохого питания (вернее: непитания) и жестокого обращения прежнего смотрителя, садиста и хапугу, бросили в котел с кипящей баландой. Вызывались солдаты, постреляли кое-кого. Но после этого «недоразумения» в тюрьме наступил золотой век: сменена была вся администрация, уцелевшая от разгрома, и почти вся стража. Надолго ли установилась эта идиллия, не знаю. Золотые века вообще быстротечны. Но после гнуснейшей обстановки Омска с его грязью, бранью, голодом, издевательствам; после Санкт-Петербургской пересыльной и каторжной тюрьмы, где хорошо кормили, но еще лучше лупцевали арестантов и ругались круглые сутки, три дня в Мариинске были на самом деле лучшими в мертво-домовой эпопее.

* * *

В 1910 г. водворили меня в Таганку. Через пять минут уголовный служитель принес записочку и карандаш с просьбой поскорее приготовить ответ. Староста коридора запрашивал от меня анкетных сведений и указания, вступаю ли я в полную коммуну или полукоммуну? Тогда царствовал тюремный инспектор Захаров, превративший Бутырскую каторгу в форменный застенок. Сильно «подвинтили» и Таганку, но все же здесь была благодать. Гуляли мы, следственные, группой в восемь чел. Помню Н. Н. Попова, ныне секретаря Украинской компартии, а тогда меньшевика из молодых; Н. А. Гаврилова, погибшего на Д. Востоке; Степ. Ионов. На другом этаже и крыле сидел Д. Ф. Сверчков, приезжавший в 1910 г. агентом редакции «Голоса Социал-Демократа» и арестованный в редакции «Возрождения», но еще не раскрытый. Мне надо было поговорить с ним. И вот коридорные, без всякой мзды, по сговору с выводным Сафронычем, выпустили Д. Ф. на нашу прогулку, и мы вдоволь наговорились за этот час.

А за мзду? Старший помощник Яков Иванович за четвертную переводил осужденных на камерное заключение на крепостной режим (*custodia honesta*), с рядом льгот и преимуществ. Когда приезжало высшее начальство, мнимых крепостников обращали в первобытное состояние; рассеется буря, глядишь, они снова гордо крепостничают. В Сузевском полицейском доме смотритель, князек из бывших гвардейских офицеров, оставивший полк и скатившийся до полиции, возможно в силу нелепого обращения с полковыми суммами, совершенно серьезно предлагал нам в 1902 г. выпустить всех нас, 20 человек, за 20 тысяч рублей. Несомненно, поторговался и уступил бы, но мы отнеслись недостаточно солидно к проекту, чем, видимо, весьма его озадачили.

Деньги — великая сила во все эпохи и при всех порядках. В Петербурге в 1912 г. меня доставили после ареста на дому в участок для отправки в охранку. Утром пристав, тоже из князей (Вадбольский), говорит мне: «Вот Вы и подвели свою супругу. За проживание у нее на квартире заведомого

нелегального ей придется или уплатить 500 руб. штрафа, или отсидеть три месяца». «Как так?». «Есть такое постановление градоначальника». «Что же делать?». «Это постановление имеет силу лишь на территории градоначальства. Если Ваша супруга выедет хотя бы в Шувалово, платить ей не придется». «Но как мне дать ей знать?». «А это уж Вы сами устраивайтесь, но поскорее».

То была совершенно бесплатная, архилюбезная консультация, воистину картина, достойная кисти Айвазовского: частный пристав обучает нелегально взятого революционера, как объегорить высшее начальство. Я к городовому: «Братцы, выручайте, сбегайте с запиской домой ко мне!». Нашлась добрая душа, равнодушная к целковому, и, сменившись в 9 часов, слетала ко мне. Жена успела, конечно, после этого уклониться от кары господина градоначальника. То же и в Таганке. Надо было отправить письмо «по воле». Я уломал надзирателя (и фамилия-то такая славная: Остросаблин), и он за 50 коп. спутешествовал по адресу. А деньги я достал так... Ну, а вот этого не скажу!

Кажется, трудно найти было ментов, гнуснее омских. Да и весь персонал там сверху-доницу отличался исключительной гнусностью. Здорово мы с Б. И. Николаевским натерпелись там всякой всячины. А уж о наших сокамерниках, каторжанах, и говорить нечего: вспоминать через 20 лет и то тяжело. Но вот однажды мент свел меня с арестантом из так наз. дворянского отделения, которому требовалось написать куда-то кляузу. Я быстро исполнил заказ, за ним сразу посыпались другие, и у нас появилась махорка, булки и деньги. Уже в ходе этой операции мент, явно состоявший на кормлении у «дворян», совершенно изменил тон и манеры. А когда я предложил ему полтинник за отправку вольного письма, он расцвел пышным цветом и стал моим закадычным другом. Но пожить у меня ему не пришлось, так как вскоре прибыла новая партия политиков (с А. С. Енукидзе во главе), и нас с Б. И. отправили дальше.

В упомянутой уже Сущевке, но уже в 1910—1911 г., помощник смотрителя, знаменитый Петров, разрешал за 1-2-3 руб. свидания кому угодно и с кем угодно, пропускал в передаче запрещенные вещи, как, например, коньяк и т. п. Но это был явно гомерический тип, неоднократно попадавший на гауптвахту за пьянство и negliжирование правилами.

Помню и другие любопытные эпизоды. Меня арестовали летом 1910 г. в редакции «Возрождения» и через охранку доставили в Арбатский полицейский дом. Здесь я примерно за полторы недели перед тем был на свидании у нашего редактора, отбывавшего трехмесячный срок, П. С. Месхи. Смотритель, приняв меня за охранника, говорит мне: «А я ведь Вас знаю». Что за черт, думаю, неужели запомнил со свидания? «Как так?», — спрашиваю. «Да Вы жили в Зоологическом саду, на казенной квартире, а я был околоточным этого участка». Я легко убедил его, что он знал моего отца, и тут же на правах старого знакомства попросил его позвонить ко мне на дом, сообщить о моей судьбе и о доставке мне вещей. «Ну, вот этого никак уж не могу», — вздохнул он, открывая мне дверь в камеру, где дулись в карты Месхи, Яшка Богомазов и Л. Органов, встретившие меня радостным воем. «Так не забудьте же номер мой», — кричу я на прощание смотрителю; он, улыбаясь, отрицательно качает головой.

Через полчаса смотрим: подъезжает к участку Конкордия Цедербаум с вещами. Позвонил-таки! Легко можно представить себе, что за порядки были у этого Льва Александровича. Мы жили, как у Христа за пазухой. Ежедневно с утра свежие газеты; на свиданиях — нелегальщина; на допросы водят мушкетеры пешком, заходят в пивнушки, в гости. В коридоре верхнем три или четыре камеры. Менты до того увлекались картами, что раскрывали все двери, чтобы не отвлекаться пустяками, или отдавали ключи сидельцу посолднее: «Некогда, мол, нам возиться с таким вздором, пускай там сами», и усаживались вплотную за игру. Особенно популярна была игра в козла. Как-то поздно вечером и заигрались мы так после проверки, а часть публики (вспоминаю еще А. С. Бубнова) разбрелась по своему усмотрению к соседям: кто поет, кто в шахматы играет, словом,

дым коромыслом. И вдруг появился Модль, помощник градоначальника, в самый разгар карнавала в арестном доме. Разумеется, были взыскания, но в основном все осталось по-прежнему.

Рассказывала мне в 1903 г. одна эсерка из Тамбова. Сидела она в Козлове, мелкоуездном городке, в качестве единственной политической («секретной» на старом жаргоне). Режим был приличный, но боялись ее, как огня, и на ночь смотритель отбирал у нее самолично письменные принадлежности и собственноручно запирали ее на ключ, унося с собой чуть ли не на дом. Как-то под Новый год ей не спалось, и она со скуки и тоски решила заняться литературным трудом. Говорит надзирателю: принесите мне от смотрителя бумагу и чернила, я хочу писать. Тот поглядел на нее очумелыми глазами и вызвал старшего. Он выслушал, тоже посмотрел на преступницу диким взором и пообещал «сию минуту доложить Его Благородию». Минут через 15 приходит смотритель в парадной форме, при орденах, и начинает что-то мямлить о вечеринке, неудобстве, извиняется. Та даже сердиться начала: «В чем дело? Что незаконного вы находите в моей просьбе?». Смотритель в отчаянии машет рукой и говорит: «Ну, ладно, пойдемте, коли так. Беру на свою ответственность». «Куда пойдемте?». «Да ведь Вы же просили позвать Вас на вечеринку поплясать? Пожалуйста, авось сойдет с рук». Похохотала моя приятельница вдоволь. А старик, узнав истину, совсем повеселел и стал уже с доброй душой приглашать ее на вечер, где будут «все свои, простые люди». И это в той самой Тамбовской губернии, где через два-три года свирепствовал Луженовский, звучали выстрелы Маруси Спиридоновой и где зверски надругались над ней садисты Аврамов и К^о.

Ибо, к несчастью, прав Дмитрий Федорович Карамазов: «Широк русский человек».

* * *

Можно бы умножить число таких или подобных примеров. Но если в высших чинах так прорывался вдруг, через все мундирные и ведомственные препоны, простой отзывчивый человек, то в низах не в редкость было найти прямое сочувствие нам, однако в известных пределах. Границей здесь служили боязнь ответственности, страх потери места, наконец более или менее прочно усвоенная пресловутая дисциплина, превращавшая человека в механического исполнителя велений ближайшего начальства.

Напротив Арбатского полицейского дома — пожарная часть, а на углу — пост городского. Окна выходят на двор, но из крайней камеры нам виден противоположный тротуар. И сюда приходят на летучее свидание родные. Упитанные пожарные лодыри торчат на улице, посиживая на лавочках и полузвонкая семечки. Они самые лютые враги политиков, и в их присутствии сношения с волей затруднены. Городовые же совершенно равнодушны к нарушению устава и сквозь пальцы смотрят на наши мимические и словесные переговоры. А один молодой паренек вел себя просто трогательно. Началось с того, что он стал, выходя на дежурство, здороваться с нами, становясь во фронт и отдавая честь. Потом он как-то улучил минутку, подошел ближе и попросил нас не здороваться с ним, ежели есть на дворе или улице посторонние. Так вот, когда приходила моя жена, он или уходил в противоположный конец переулочка, или упорно смотрел в другую сторону. В день моих именин, 15 июля, она подошла к окну с цветами, но ведь через забор-то не дотянешься. И вот он сам взял у нее букет и переслал мне через подследственных нижнего этажа. Чтобы оценить в должной мере это подлинно товарищеское отношение, надо вспомнить, что он рисковал службой и свободой, в сущности из-за пустяка. При увозе меня в Таганку он с такой подчеркнутой демонстративностью сочувствия вытянулся во фронт и откозырял мне, что я даже обеспокоился за него: охранник-то мог донести. Днем пришла жена, и этот неизвестный мне даже по имени милый друг сообщил ей, что я увезен в одиночную камеру. И было это в глухое время лета 1910 г., когда столыпинщина еще не дала трещин и еще не начинался подъем общественного настроения.

Зимой 1910—1911 гг. в Сушевке скопилось изрядное количество заключенных. Вспоминаю среди этой компании в 35—40 человек покойных Н. Н. Яковлева, Мандельштама (Одиссея), Жилина, Щербакова, печатника Романова (Пелагею), расстрелянного как злостного провокатора в 1918 г.; совсем тогда юного студента Н. И. Бухарина; студентов: юриста Минского, петровцев Смирнова и Морозова, медика Замуховского; печатников Солдатову (умер в Харькове в 1912 г.) и Яшу Богомазова. На нашем коридоре дежурство несли городовые, 12 человек. У соседей в одиночном корпусе — особые служители, так наз. мушкетеры, в Сушевке как раз тогда довольно подловатые. Не то было с городовыми. Из всей команды только один старик с 25-летним стажем службы, вроде бы герой кордегардии, никак не шел ни на какие послабления, тем более услуги, и отказывался брать у нас что-либо. Мы один раз поучили его, как следует, и с ним произошел моральный переворот: стал любезен, услужлив. А остальные безотказно носили газеты, отправляли письма, ходили с поручениями (даже в Разумовское ездили), таскали водку и т. д. Кстати, очень по вкусу пришлось им наше неизменно вежливое обращение с ними и величание их по имени-отчеству. Это было заведено студентами, отбывавшими здесь сроки за участие в толстовских манифестациях, а по наследству перешло к нам. Момент даяния играл здесь очень подчиненную роль.

Однажды на свидание ко мне приходила тетка, жена весьма крупного жел. дор. инженера, начальника движения одной из главнейших наших магистралей. Помощник смотрителя Гронский, быв. служащий этой дороги, уволенный за забастовку 1905 г., узнал ее и разболтал в своем кругу об этом ее визите. И вот с утра на другой же день началось ко мне паломничество городовых: дайте записочку к дядюшке, чтобы устроил у себя на жел. дороге. К великому нашему обоюдному огорчению я был бесполезен: дядюшка с трудом пускал меня к себе на порог, а их прямо отправил бы в участок.

Но какова же привлекательность строя, если его вооруженная сила и опора спала и видела, как бы ей сбросить с себя это почетное бремя защиты государства от внутренних врагов? Однако опыт показал мне, что увлекаться их сочувствием было бы легкомысленно. 9 января мы вышли на прогулку с заранее обдуманном намерением отметить великий траурный день какой-нибудь манифестацией. Чем же кроме пения могли мы проявить себя, загнанные для прогулки в небольшой внутренний двор? Составился очень недурной хор. Дежурство нес в этот день Гронский, яро ненавидевший всех нас. Только что мы закончили похоронный марш, как он ворвался во двор с криком «Прекратить пение!». Ну, разумеется, мы нуль внимания: запели «Варшавянку». Дальше — больше: Гронский кричит, начинает грозить нам, его поддерживают мушкетеры, атмосфера сгущается. Я оглядел цепь наших коридорных городовых: они стояли молча, как истуканы, опустив глаза, бледные и явно не в себе. А тут уж начинает смыкаться круг, слышатся прямые призывы к битью нас и, главное, в воротах накапливаются пожарные: их же хлебом не корми, дай студентов поучить. За забором, как рассказывали потом, народ собрался: шутка ли! Хор в 30—35 голосов орет во всю мочь днем революционные песни. В этот момент прибежал смотритель, старик не злой и тактичный, и сумел как-то поладить с нами и увести со двора. Я спрашиваю потом одного из самых преданных нам городовых: «Скажите, Михаил Михайлович, откровенно: стали бы Вы и все Ваши бить нас, если бы Гронский начал драку?». «Стали бы, В. К.», — с грустью, вполне искренно и правдиво признался он. Вот и предел! То, что веками всасывалось с молоком матери, все эти рабско-государственные инстинкты не так-то легко и просто поддаются выветриванию.

Но все же в итоге многолетних наблюдений я убедился, что при такой неустойчивости и неуверенности государственного аппарата проводить ему последовательно и неуклонно, без сбоев, террористическую политику невозможно.

Это к счастью, конечно! «Умом Россию не понять». В русских условиях и при национальных нравах в тюрьмах нельзя было бы вздохнуть, не то что

жить, не будь всех этих отдушин и маленьких недостатков большого механизма... Но я совсем забыл, что меня ждет Красноярск, куда я вернулся из Иркутска! Ничего: там вскоре тоже пойдут дни тюремного досуга. Попал я в ту категорию зачинщиков, которой скинули треть срока, то есть оставался мне примерно год с небольшим надзору. Стоял выбор: или ехать в Нижний, который я указал в Иркутске и куда отослали все мои бумаги, или отбыть остаток срока в Красноярске. Раз уж судьбе было угодно, чтобы я склонился по природному легкомыслию к Красноярску, оставалось одно: сразу войти в партийную работу, что я немедленно и сделал. Но так как наши с департаментом интересы расходились, то меня стали усиленно выживать из города. Пришлось лавировать, сочинять всякие поводы для оттяжки, представлять справки о болезни и т. п. Важно было утвердиться в праве проживания в Красноярске. В конце концов терпение и труд... И я своего добился.

Я не сумел в течение своего невольного досуга ознакомиться, как следует, ни с жизнью этого большого богатого края, ни с разнообразной, интересной, местами прямо величественной природой района. Мне неловко. И если не в оправдание, то в объяснение приведу некоторые, отчасти извиняющие меня, соображения. Коренной москвич, мало знакомый с деревней и принципиальный урбанист, я плохо ориентируюсь в новой обстановке и туго воспринимаю особую окраску и прелесть незнакомых мест. А кроме того, я слишком свыкся со своей среднерусской полосой, только ее и чувствую, цену и осязаю по-настоящему. Я неоднократно бывал в разных уголках Московской, Тульской, Орловской, Владимирской, Калужской губерний. И эти родные, серенькие, блеклые, простенькие акварельные мещечки мне дороже, ближе всех других красот земли. Только море могло стать их соперником. Любовь к этой русской природе, к ее прозрачным пейзажам, к ее тихой нежности и робким краскам и полутонам стала частью моего «я», неотъемлемым слагаемым моего внутреннего мира. В них, в этих тяге и симпатии, есть, может быть, кое-что головное, от литературы и искусства. И неслучайно скромные и неясные виды какого-нибудь Подтарусья или Нового Иерусалима всегда ассоциируются у меня с Левитаном и Борисовым-Мусатовым, Нестеровым и Чеховым, Тургеневым и Чайковским. Эта привязанность, каковы бы ни были ее корни, прочна, звучит во мне всегда и всюду, куда ни заносили бы меня игра случая и веление рока. И когда я, после всех шатаний и странствий по свету, попал в 1928 г. летом на заре на милую, спокойную, подернутую предрассветным туманом Оку, я готов был плакать и смеяться от радости, умиления и щемящей грусти, как на заброшенной, забытой могиле Борисова-Мусатова в Тарусе.

А Сибирь? Чужедальная сторонushка, и настоящей близости к ней так никогда у меня и не установилось. Ранее номинально партийную жизнь в Сибири направлял идейный и организационный центр, так наз. Сибирский с.-д. союз. Говорю — номинально, потому что, поскольку позволяет мне судить мой опыт, руководство это было донельзя слабое, чтобы не сказать фиктивное. По крайней мере, Красноярск держал себя с непринужденной автономностью. Не берусь, разумеется, судить о партийных делах в целом. Дистанция эта огромного размера. Такие отдаленные районы, как Омск, Томск, Чита и пр., были недоступны моему взору. В поле моих личных наблюдений состоял преимущественно Красноярск, отчасти Иркутск.

Говорить о сибирском пролетариате, рабочем движении Сибири 30 лет назад следует с большой осторожностью. В сплошной крепко-крестьянский массив колоссальной с/х территории кое-где были вкраплены небольшие промышленные гнезда вроде каменноугольных копей под Томском и Иркутском, жел. дор. мастерские и депо, мелкие заводчики, фабрички и т. д. Как прочно и широко пустила корни с.-д.-кратия даже в наиболее крупных из этих рабочих центриков, сказать не берусь. Но, если судить по Красноярску, база партии не отличалась ни массовостью, ни размерами. Опорой организации служили единицы, в лучшем случае кружки из железнодорожников, ремесленников, служащих и наконец (а вернее, в первую очередь) из учащихся. Именно в этой среде и вращался я все время в Красноярске.

Я много тратил времени и сил на свою работу. И никогда не оставляло меня лично глухое, отгоняемое от себя, ощущение известной эфемерности и шаткости наших приобретений и завоеваний. Даже, если хотите, больше: бывали мысли и об органической бесплодности и неоправданности нашего величьего бега в колесе с точки зрения организационно-партийных с.-д. задач. Конечно, я никогда не признался бы в этом вслух и выцарапал бы глаза тому, кто посмел бы утверждать такую ересь. Но сейчас, спустя 30 лет, можно.

В Красноярске никогда не было такого скопления ссыльного народа, как в Иркутске, где гораздо легче устраивались с заработком. Материальное наше положение вообще не могло быть предметом зависти. Перебивались кое-как, жили коммунами, где складочный капитал составлялся прежде всего из восьмирублевого казенного пособия. И этот-то нищенский паек был установлен для всех только Святополк-Мирским. До него такое «богатство» являлось достоянием лишь лиц, пришедших в Енисейскую губернию по жандармским дознаниям (следственно, по «высочайшему» утверждению приговора). Осужденные в порядке так наз. охранной переписки (то есть приговор коим выносился «Особым совещанием» при Министерстве внутренних дел) довольствовались помощью от казны не свыше трех-четырех рублей. Князь Святополк-Мирский признал равенство всех перед лицом физиологического минимума, в деревнях восьми руб. хватало на сносную жизнь, в городах требовался приварок. Мы и выкручивались, как умели и как могли.

В Иркутске выручали в начале века жел. дор. управление, газета И. И. Попова «Восточное обозрение», уроки, торговые фирмы и пр. В Красноярске все эти возможности были ограничены. Легче всего устраивался медицинский персонал — врачи, фельдшерицы, зубные врачи, фармацевты, ибо нужда в нем была острейшая. Некоторые перебивались уроками, другие — разными ремеслами. С грехом пополам существовали. Порой было трудновато, зачастую голодновато. Но все это — материальные невзгоды, всевозможные лишения, хроническая безработица, постоянный пассивный денежный баланс — переносилось по юности лет сравнительно легко. А главное, нас несла, поддерживала, подстегивала революционная волна. Наши помыслы и внимание прикованы были к задачам политической борьбы и партийной жизни. Это искреннее и целиком заполнявшее нас настроение создавало как бы заслон против всех ударов и шипов неприглядного личного быта.

Я не гонюсь на этих страницах за широкими картинами сибирской обывательской общественной жизни, за анализом, социологическими раскопками, характеристикой среды. Я слишком далек был от этого мира, хотя в Красноярске имелось у нас всех и, в частности, у меня много знакомств и связей в местных интеллигентских кругах. Но это были прежде всего именно связи в нашем старом подпольном словоупотреблении, то есть преимущественно деловые встречи на почве оказания ими нам бесчисленных и неоценимых услуг. Вот роковое, порочное наше место. Человек сам по себе не имел, согласно обстоятельствам нашего быта, угла зрения и уклона занятий, сколько-нибудь самостоятельной ценности, автономного значения, если он не представлял из себя легальной возможности, прикрытия для наших нелегальных дел. Преобладала, так сказать, точка зрения потребительской ценности, полезности человека в профиле революционных нужд.

Вот почему с широкой толщей местной интеллигенции близких отношений у нас не складывалось. С отдельными же представителями ее устанавливалась порой даже тесная дружба. Оговариваюсь: я имею в виду именно наше, молодое поколение с.-д. ссылки. В значительной мере это объясняется тем, что в описываемое мною время ссыльная публика стремилась поскорее, при первом удобном случае, бежать из Сибири на работу или за границу. Иное дело — старики, застрявшие здесь на десятилетия и, естественно, обросшие знакомствами, связями и пр. Возможно, что в силу разных причин им удавалось и легче находить общий язык с обществом,

чем нам. Я, естественно, лишен возможности помянуть здесь всех тех, с кем я встречался тогда в Сибири. Отношения с публикой у меня все время держались на дружеском уровне. Ни крупных ссор, ни нудных мелких дрызг память моя не сохранила. А в сердце моем оживает нежная теплота каждый раз, когда мысль воскрешает то исчезнувшее бесповоротно, как Атлантида, время.

Состав ссылки отличался значительной пестротой. Колония включала и людей высокой духовной и моральной культуры, и лиц массового образца, малограмотных во всех отношениях. Нас отделяла от всех, и в первую очередь от обывательского мира, наша товарищеская спайка, а затем именно то, что наши взоры были обращены в сторону общего: народа, государства, Интернационала, а не к личной судьбе и карьере. Не скажу, чтобы наша жизнь всегда была образцом полноты и производительности. Нет, это далеко не так. Как всегда и везде, и в ссылке, как и в эмиграции, учились, занимались, много читали только единицы. Были железные характеры, особенно среди русских рабочих, которые настойчиво и методично вытравляли свою неграмотность, начиная нередко буквально с азов, садясь в зрелом возрасте за грамматику и начальную арифметику. Большинство такой настоятельной потребности в расширении своего кругозора не испытывало.

В нашем тогдашнем окружении весьма заметное место занимала совсем особая категория людей, рожденная недоброй памяти антисемитской политикой властей. Мучительная черта оседлости с ее бесправием и исключительным, осадным положением для евреев создала своеобразный контингент лиц, я сказал бы — культурно-исторический тип так наз. экстернов. Дабы выбиться в сословие фармацевтов, зубных врачей и т. п. и получить право жительства вне гетто XX в., они сдавали экзамены за 4—6 классов гимназии, перебиваясь с хлеба на воду, терпя неслыханные лишения, снося голод, холод, зверскую нужду. Попадая одновременно в сферу притяжения Бунда, они часто не добирались до обетованной земли, оставаясь на всю жизнь с этим, в дорогую цену обошедшимся дипломом, порой и без него. Так складывалась целая армия полуинтеллигенции, резко отличной от дипломированной перворазрядной русской интеллигенции и вместе с тем оторвавшейся и от социально близкой ей среды ремесленничества и разночинства. Отсюда вербовали Бунд и все нелегальные партии своих adeptов на роли пропагандистов, агитаторов, районщиков, техников. Городской в основе своей слой, экстерны вносили в революционное движение и в ссылку жизнь присущую им живость и подвижность политического темперамента, являясь бродильным началом, порой организующим и мобилизующим центром.

Но вместе с тем они как-то останавливались, застывали в умственном росте. Диплом 4—6 классов гимназии освобождал от надобности зубрить учебники Смирновского и Киселева и вместе с тем нередко порождал aberrацию якобы достижения ими высот культуры. Да, спорить по любому вопросу и на любую тему они были мастера и охотно предавались бы тому 24 часа в сутки. Серьезных же занятий, если исключить чтение нелегальщины, я не видел почти ни у кого. В большом ходу были собеседования, дискуссии на темы дня, по вопросам, поставленным партийной печатью, например программа партии. Иногда — рефераты на общетеоретические темы. Так как нашим собраниям препятствий не чинилось, то на вечер сходилось до 40—50 человек. И проходили они, во всяком случае, шумно и оживленно, если не всегда плодотворно. Бесспорно только одно: в самую первую ссылку я там нигде не видал никаких других напитков, кроме чая. Совсем иная картина раскрылась в следующие годы, в дальнейшие мои ссылки, что в высокой степени показательно и для людей, и для эпохи.

* * *

В годы гражданской войны я с удивлением и некоторой обидой прочел в какой-то газете сообщение о расстреле на юге «деникинца», сотрудника ОСВАГ'а ростовчанина Ивана Петровича Брагина. Я вспомнил Женеву

1904 г., встречи и беседы с Брагиным. Прошло тогда всего 15 лет, но словно столетия пролегли между вчера и сегодня. «Много званных, мало избранных». Брагин, безусловно, причислял себя к последним. Но и другие, старшие, склонны были согласиться с ним. Очевидно, ни мы, сверстники Брагина, ни его пестуны и покровители не владели в 1904 г. избирательным чутьем для безошибочного отделения «званных» от «избранных».

Один из героев ростовских-на-дону событий 1902 г., Брагин к моему приезду за границу уже приелся эмигрантскому обществу и как-то повыводился. На некоторые натуры такое остывание интереса к ним действует очень плохо. «Суд глупца и смех толпы холодной» — это еще куда ни шло. Но вот молчания, равнодушия, незамечания их особы они перенести не в силах. Брагин заскучал и занервничал. Позади, в прошлом — митинги, опьяняющий шум стачки, успех. Он в роли с.-д.-ского Гракха или Спартака. Потом — заграница. Он пикантная новинка, с ним носятся, его заласкивают. Постепенно интерес к нему пропадает. И вместо бурного ростовского Темерника с грозными людскими волнами — тихая заводь бернско-женевских *places et guelles* (площадей и улочек), а тысячи восставших рабочих уступили место двум-трем сотням эмигрантов и студентов.

Стороннему глазу эмигрантская жизнь и деяния могли порой казаться повестью о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Будни, партийный гоголевский «гусак» томили Брагина. Видимо, надо было иметь более тесную, внутреннюю связь с партией, чтобы, не смущаясь миргородской лужей, уловить в этих спорах, ссорах и дрязгах нечто значительное и исторически важное. Следовало бы почитать, поучиться, что не составило бы труда при хороших способностях этого, по общему признанию, талантливого молодого человека. Но он не умел эффективно наполнить двухлетние досуги. В вожди он не годился, рядовых перерос, быть слушателем и учеником мешали честолюбие и эгоцентризм.

Мы встретились вновь в Москве в 1906—1907 гг., в дни горького и горестного похмелья, сменившего энтузиазм, веру, пыл революции 1905 года. Разлагающемуся воздействию реакции легко поддавались натуры брагинского стиля, эти яркие индивидуалисты, шальным и слепым вихрем истории втянутые в чуждое им движение масс. Брагин тускнел, опускался, мельчал. Места ему не нашлось, места видного, почетного, в красном углу революции и партии! Кто он такой? Один из сотен с.-д. агитаторов! Помню, как тогда поразило меня его признание о близости ему мирозерцания Метерлинка, этого тончайшего мистика, визионера, пансихиста. Поразило, может быть, потому, что я обнаружил какое-то внутреннее сродство наших душ в этом отношении.

Летом 1907 г. его арестовали на массовке в Сокольниках, куда и идти ему не хотелось, и куда он ушел-то из моей квартиры, по моему настоянию, ушел с ощущением обреченности и ненужности своего выступления. Тут и конец его политического, во всяком случае с.-д.-ского пути. Его выслали в Нижний. Наездом он бывал в Москве, носился с разными несуразно авантюрными прожектами, свидетельствовавшими о нем, как о вполне отрезанном ломте. А в 1917 г. процесс линяния и метаморфозы окончился. Он затащил как-то меня к себе обедать. О, где прежний Брагин, богема, обшарпанный, обтрепанный, немножко чужак и фантаст, с беспокойными, ищущими глазами? Нет его! За пышной трапезой сидел лощенный, упитанный, сыто самоуверенный мещанин. Он успокоился. Подвыпив, он стал проклинать интеллигенцию, партии, революцию, главное — виновников всех бед: «жидов»! Это был предел падения. Я ушел до конца пиршества, и больше мы не встречались.

*Зима 1932/33 г.,
Верхнеуральский политизолятор — 50-е годы.*

Хельсинки — 1975. Детали истории

Ю. В. Дубинин

Двадцать лет назад в Хельсинки был подписан Заключительный акт Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе. Название документа было навеяно историей. Вдохновения искали в масштабных дипломатических событиях, наложивших печать на ход международных дел. Было обращено внимание на то, что знаменитый Венский конгресс, закрепивший соотношение сил, сложившееся в мире к концу наполеоновских войн, закончился в 1815 г. принятием Заключительного генерального акта. Прецедент показался интересным тем более, что, по оценке руководства Советского Союза, Сопещение по безопасности и сотрудничеству подводило политический итог второй мировой войны в Европе.

В Москве демонстрировали удовлетворение. В США были обеспокоены; весьма влиятельные там силы усмотрели в итогах Сопещения дипломатическое поражение Запада, новое издание Мюнхена.

Двадцати лет хватило с лихвой, чтобы воочию увидеть, как глубоко могут заблуждаться в своих оценках современники крупных свершений, насколько не властны бывают творцы над содеянным ими. Для этого достаточно бросить взгляд на политическую карту сегодняшней Евразии, сравнив ее с той, что была в 1975 году. Конечно, уже тогда были и другие точки зрения, иные измерения, и, быть может, найдутся государственные деятели, дипломаты или политологи, которые будут утверждать, что все развивалось так, как они задумывали или прогнозировали. Быть может. Хотя доказывать это будет и трудно и, пожалуй, рискованно. В подкрепление сомнений можно было бы вообразить другую карту тех же географических пространств с обозначением на ней локальных конфликтов, числа связанных с ними жертв, количества беженцев и т. д.

Споры вокруг Заключительного акта, общеевропейского процесса, которому он дал мощный импульс, продолжают и по сей день. Не стремясь втягиваться в них, мне представляется обоснованным предупредить наиболее рьяных участников дискуссий: будьте взвешенными и осмотрительными, не спешите с выводами, история идет вперед, и как часть ее живет и развивается Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе — детище Хельсинки. Хельсинкский Заключительный акт исключительно богат по содержанию. Провозглашенные в нем принципы взаимоотношений между государствами — своего рода десять заповедей, равно как и многие

Дубинин Юрий Владимирович — кандидат исторических наук, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации.

другие его положения, при неизбежном своем несовершенстве обогнали свое время, явились новым словом в демократизации международных отношений. В июле 1994 г. президенту США Б. Клинтону был задан вопрос, может ли он предвидеть какой-либо вариант демократического и законного воссоединения некоторых из бывших советских республик — ныне независимых государств. Президент ответил: «Это зависит от того, насколько подобное решение будет сделано воистину добровольно и будет волей большинства наций»¹. Что же, такой взгляд представляется созвучным основной посылке хельсинкского Заключительного акта, ставящего во главу угла верховенство народов.

И по сей день Хельсинкские договоренности являются точкой опоры в общении между государствами, народами, а порою — и людьми, в поисках как можно более устойчивых основ международных отношений. И еще. Как непосредственный участник событий двадцатилетней давности, я имею в виду прежде всего подготовку проекта Заключительного акта, считаю вправе засвидетельствовать и утверждать, что в те времена каждый из причастных к ним, будь то государство или отдельно взятый дипломат, стремился — при всей разности идеалов — к наилучшему результату, и всех объединяло убеждение, что они приобщены к поиску путей в новую эпоху международной жизни.

Переговоры по разработке Заключительного акта отличались высокой напряженностью, порой принимали драматический оборот. Моя цель — проиллюстрировать это на ряде эпизодов заключительной фазы этой работы.

Итак, июнь 1975 года. В Москве на самом вершине нарастало беспокойство. Импульсы оттуда передавались Министерству иностранных дел и затем, во все более настоятельных формах, доходили и до нашей делегации в Женеве. В самом деле Общеευропейское совещание, или Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, продолжалось, казалось, чересчур долго.

Его решили проводить в три этапа. Первый — на уровне министров иностранных дел государств-участников — прошел в Хельсинки в начале июля 1973 года. На нем были приняты «Заключительные рекомендации консультаций в Хельсинки», в обиходе Совещания этот документ называли по цвету его обложки Синей книгой. В ней на трех десятках страниц были определены правила процедуры Совещания, исходившие из фундаментального принципа — решения принимаются на основе консенсуса, то есть при отсутствии какого бы то ни было возражения, высказываемого каким-либо государством-участником. В этом документе был изложен и своего рода план-задание, по которому следовало составить конкретные и детализированные проекты заключительных документов Совещания на втором этапе.

Этот второй, определяющий для существа дела, этап начался в Женеве еще в середине сентября 1973 г. и надолго затянулся. Конечно, в истории дипломатии, вероятно, есть примеры, когда международные форумы длились и дольше. Но особенность переговоров в Женеве состояла в том, что за ними внимательно следили — и чем дальше, тем больше — и в самых высоких сферах, и в общественных кругах, особенно в СССР. В частности потому, что третий, заключительный, этап Совещания, этап торжественного утверждения всего того, что оно нарабатывает, мог состояться только в случае успеха всей предыдущей работы. Уровень представительства государств на третьем этапе должен был быть определен в ходе работы Совещания до завершения второго этапа.

Третий этап мог превратиться не просто в апофеоз многотрудных дипломатических усилий, но и открыть новую страницу в отношениях между европейскими государствами или, более того, положить начало новой эпохе в международной жизни, и не только в Европе. Ощущение того, что может свершиться и свершается что-то неординарное, по-настоящему значительное для будущего, не только имело место, но и усиливалось. Но шел уже июнь 1975 г., а конца этому дипломатическому марафону все не было видно. Делегации в Женеве (их там по числу государств-участников

было 35, а если сосчитать всех дипломатов, то человек 450—500) все спорили, писали длинные замысловатые тексты, ставили перед своими столицами нескончаемые вопросы-проблемы, требовали все новых инструкций...

Я входил в делегацию СССР, которую возглавлял заместитель министра иностранных дел А. Г. Ковалев. По неписанному, но установленному правилу был заместителем руководителя делегации. Имелась у меня и область непосредственной ответственности — гуманитарные проблемы, или, как прочно вошло в терминологию Совещания, пресловутая третья корзина.

Историки убедительно доказали, что «европейская идея», «идея Европы» живет едва ли не с глубокой древности. К ней обращались в различные периоды развития Европы, стремясь найти практические пути реализации концепции сближения европейских государств, обретения этим континентом своего единства. Особенно в современную эпоху. Общеввропейское совещание было порождение этой тенденции. И поскольку идея не нова, казалось бы, нет ничего удивительного в том, что она вновь оказалась на поверхности дипломатической жизни. Однако необходим какой-то изначальный толчок, чтобы идея, пусть даже с большой историей и потенциальностью превратилась в действие, в данном случае — в дипломатическую инициативу Советского Союза, которой суждено было — это случалось крайне редко с начинаниями, исходившими от него, — быть принятой теми, кому она адресовалась, превратиться в форум, ставший центром международной жизни.

Исследователи, вероятно, точно установят, где, когда и как случилось это первоначальное действие, откуда все это началось. Я же хочу поделиться тем, как это виделось мне, каким образом это начало возникло для того круга лиц, с которыми я работал.

Год 1965. Советский Союз и Франция — Франция де Голля — уже длительное время и все более пристально присматриваются друг к другу, как бы выбирая момент, когда можно будет дать старт к взаимному сближению, которое помогло бы изменить к лучшему ход международных дел. Одна попытка сделать это уже была предпринята, когда весной 1960 г. во Франции побывал Хрущев. Казалось, успех этого визита открывал широкие горизонты. Но несколько недель спустя два супергиганта — СССР и США — снова рассорились. Самолет Пауэрса сбита тогда с советского неба ракета, а «выяснение отношений» между Н. Хрущевым и Д. Эйзенхауэром состоялось не где-нибудь, а именно в Париже. Потом были финал алжирской войны и многое другое, включая кубинский кризис. Миру с трудом давались хорошие дела. Какое уж тут сближение!

Франция принадлежит к разряду великих держав и способна сыграть крупную роль, но при условии, что все правильно рассчитает и не попадет под жернова международных событий, вращающиеся помимо ее воли и контроля. И вот весной 1965 г. Париж решается. Передано приглашение А. А. Громыко посетить Францию. Ответ быстрый и положительный. В апреле визит состоялся. Удачный. Теперь очередь за французами. Осенью министр иностранных дел Франции М. Кув де Мюрвиль посещает Советский Союз. Полный успех. Затем последует визит де Голля в СССР — поворот в отношениях, начало целой полосы в международной жизни — полосы разрядки.

За всем этим — творческие терзания, дипломатические поиски, стремление нащупать ответы на множество вопросов. Нами двигала убежденность, что интересы Советского Союза и Франции во многом совпадают. Мы хотели, чтобы советско-французское взаимодействие стало динамичным фактором международной жизни. Настал момент, когда все это представляется возможным. Но как это реализовать, в каких делах выразить, в какие формы облечь? Дипломатической амуниции явно недоставало. Новая политика требовала реалистично сформулированных задач и соответствующего инструментария. Прежде всего в европейских делах. Это стало очевидным.

Я работал в то время в советском посольстве в Париже. Был первым советником, точнее, советником, занимавшимся политическими вопросами. На мне лежала, в частности, разработка предложений для Москвы. Своими заботами я поделился с послом. Им был В. А. Зорин. Он согласился со всеми моими рассуждениями, спросил, что можно было бы сделать в этом направлении. Я предложил провести одну-две встречи в неофициальной обстановке с руководящими работниками Кэ д'Орсе с тем, чтобы прикинуть совместимость идей и соображений, выдвигаемых в прежние годы с советской стороны, с новыми взглядами, все более смело излагавшимися де Голлем. Наше внимание привлекло в этом плане сделанное французским президентом незадолго до этого заявление относительно германского урегулирования. «Речь идет о том, — подчеркнул тогда де Голль, — чтобы было признано, и прежде всего Германией, что урегулирование, предметом которого она могла бы стать, обязательно включало бы урегулирование вопроса о ее границах, о ее вооружениях путем соглашения со всеми ее соседями как на востоке, так и на западе»². Кстати, перечитывая эту формулировку сейчас, невольно приходишь к мысли о том, что это были пророческие слова.

Зорин согласился с моим предложением. Поскольку формально мы никаких вопросов перед французскими властями ставить не собирались, решили действовать без запроса центра. Однако предварительно поделились в общем плане своим замыслом с Кув де Мюрвилем, который его одобрил. Тем самым был открыт путь к обстоятельному разговору с обычным моим собеседником на Кэ д'Орсе — директором европейского департамента Ф. Пюо. За завтраком, чтобы подчеркнуть неформальный характер беседы. 7 июля. Но, увы, примерка множества советских инициатив к французской политике положительного результата не давала. Ни отлично зажаренное филе под романтическим названием «шатобриан а ля бярнез», ни доброе бордосское вино не помогали.

За первой встречей последовала вторая, 15 июля, но ситуация повторялась. Существует поверье, будто дипломаты не говорят «нет». Не верьте. «Нет», правда, мягкое, с пояснениями, но все-таки «нет», звучало с французской стороны стола до самого десерта. Особенно досадно было то, что оба мы чувствовали, что по существу, во всяком случае, в том, что касается геополитики, интересы и позиции Советского Союза и Франции были весьма близки, а может быть, и совпадали. Наконец, я выкладываю последнюю из моих «домашних заготовок». Спрашиваю: «А как относится французская сторона, дорогой коллега, к вопросу о созыве конференции европейских государств?»

Мой вопрос неслучаен. Еще в 1954 г. Советский Союз выступал с таким предложением и проектом общеевропейского договора. Идея была припасена мною на конец разговора, поскольку мне представлялось, что конференция как форма могла быть удобна для того, о чем думали не только в Москве, но, вероятно, и в Париже, — о закреплении территориального статуса в Европе, как он сложился в результате войны и послевоенного развития. Пюо задумался. Что это значит? Согласие? О согласии он не говорит. Но вместо «нет» произносит нечто другое: «До сих пор никто перед Францией этого вопроса не ставил». Потом, после паузы добавляет: «Мы изучим этот вопрос, и ответ я дам на следующей встрече». Мы расстанемся. Значит — может быть!

Ответа не последовало. Не было сказано «да», но не прозвучало и «нет». Видимо, высказанная с советской стороны идея лежала в русле французской политики, но в Париже, поразмыслив над нашим разговором, сочли, что еще не пришло время занимать в отношении этой идеи четкую позицию. Однако довольно скоро Франция скажет «да». Так что не доверяйте присказкам насчет того, что «может быть» в устах дипломата равнозначно отрицанию. Нужно только проявить выдержку и пора поработать. Но ведь это верно не только в отношении дипломатов. Во всяком случае, в тот момент, в июле 1965 г., в советском посольстве стало ясно, что идея конференции или совещания — принципиальной разницы здесь нет — жива.

Мы решили, что называется, зацепиться за нее и привлечь к ней внимание Москвы.

Подробную запись беседы мы отправили в Москву. На нее сразу же обратил внимание Ковалев, тогда заведующий Первым европейским отделом МИД. Он написал на полях: «...Надо послать на ознакомление министру». Тот, кто знаком с мидовской кухней, знает, что министру докладывают далеко не все отчеты о беседах послов, пусть даже посланные шифрсвязью. Случай же доклада ему пришедшей диппочтой записи беседы советника посольства — явление крайне редкое. В архивном экземпляре, с которым я ознакомился, обратил на себя внимание синий карандаш, выделивший слова о «конференции европейских государств»...

Но вернемся в Женеву, в июнь 1975 года. Совещание — теперь уже реальность. Оно работает в напряженном ритме. И беспокойство в Москве на самом верху — это беспокойство тогдашнего руководителя Советского Союза Л. И. Брежнева. То, что его отношение к Общеввропейскому совещанию особое, подчеркнуто заинтересованное, было широко известно. Я имел возможность убедиться в этом лично, будучи на известной по многим описаниям даче в Завидове. Нет, я не принадлежал к кругу близких знакомых руководителя Советского Союза, которые могли рассчитывать на приглашение на охоту в те заповедные леса. Не входил я и в команду заготовителей всякого рода партийных и государственных документов — речей или проектов постановлений, которые бывали завсегдатями загородных особняков. В Завидово я оказался в связи с подготовкой первого визита Брежнева во Францию осенью 1971 года. Визит был призван стать крупным событием в советской внешней политике. Готовились к нему серьезно и тщательно. Взвешивались, не без колебаний и споров, самые различные обстоятельства. Приглашен я был для участия в этой работе как специалист по Франции, незадолго до этого назначенный заведовать Первым Европейским отделом МИД, можно сказать, французским отделом по значимости Франции в работе этого подразделения Министерства иностранных дел.

В течение всего моего пребывания в Завидово был там и Брежнев. Примерный план нашей работы согласовывался совместно, затем либо вдвоем-втроем, либо каждый в отдельности (нас было совсем немного) мы готовили проекты тех или иных бумаг. Результаты такого творчества обсуждались вместе с Брежневым. Разговоры продолжались и за столом, поскольку все трапезы, включая и завтрак, были общими. Не вдаваясь в подробности, хочу отметить, что имеет непосредственное отношение к сюжету: многократное возвращение Брежнева к теме мира в Европе. Помню, что ему не понравился первый вариант европейского раздела материалов к поездке во Францию, написанный изысканной дипломатической вязью округлых фраз и профессиональных терминов. У самого Брежнева формулировок взамен не было. Но он говорил о масштабности и драматизме европейской истории, о Европе как о континенте, где рождались всемирно значимые цивилизации, где возникали и рушились империи, перемещались гигантские людские массы, проносились смерчи насилия и войн. Все это сочеталось у него с воспоминаниями о войне, через которую прошел он сам, и выливалось в повторяемую на разные лады мысль о том, что этой Европе надо, наконец, дать мир и спокойствие, которые она и выстрадала и заслужила.

«Вот мы на фронте мечтали,— пояснял он,— о том дне, когда смолкнет канонада, можно будет ехать в Париж, подняться на Эйфелеву башню, возвестить оттуда так, чтобы было слышно везде и повсюду,— все это кончилось, кончилось навсегда!.. Надо вот так, как-то ярко написать про это. И не просто написать и сказать, а сделать...» Я далек от того, чтобы рисовать или даже дорисовывать, дополнять портрет этого человека, претендовать на то, чтобы давать ему какие-либо характеристики. Мне хотелось лишь подчеркнуть, что желание сделать что-то большое, масштабное для Европы глубоко укоренилось в сознании этого деятеля, оказавшегося волею судеб во главе такого могущественного государства, как Советский Союз.

Ко времени того визита во Францию, который мы готовили в Завидово, Совещание еще не началось. Но советская внешняя политика во все большей степени концентрировалась на этом мероприятии как на одном из важнейших звеньев ее усилий. Шла активная работа, нацеленная на то, чтобы убедить всех возможных участников в необходимости Совещания. Неудивительно, что в Завидово, а позже уже во Франции, во время самого визита главное внимание было отведено именно ему. И не только с точки зрения организационных вопросов, но под углом зрения возможного содержания работы Совещания, его результатов.

Подписанные в итоге визита во Францию «Принципы сотрудничества между СССР и Францией» — документ новаторский для того времени — стали прообразом сердцевины Заключительного акта. Большим достижением визита считалось заявление Советского Союза и Франции в том, что Совещание сможет «состояться в 1972 году». Заметьте: состояться. То есть начаться и кончиться. И в 1972 году!

А сейчас, в июне 1975 г., к нам в Женеву специально заехал С. В. Червоненко. Он — посол во Франции, а главное — вхож к Брежневу. Был в Москве. И здесь, в Женеве, на пути из Москвы к месту своей работы он по специальному заданию. Он ведет с Ковалевым и со мною продолжительную беседу, смысл которой состоит в том, чтобы в дополнение ко всем другим письменным и устным указаниям передать пожелание Брежнева по возможности скорее идти к окончанию встречи, заверить, что в Москве со вниманием будут относиться ко всем предложениям делегации о действиях, в том числе и через столицы, которые могли бы этому способствовать. Для нас это не новость, но тот факт, что перед нами личный эмиссар Брежнева, делает картину настроений в Москве особенно рельефной.

Справедливости ради следует отметить, что работа к тому времени, о котором идет речь, была проделана огромная. И, разумеется, не только делегациями. Совещанием занимались все дипломатические канцелярии и руководители участвовавших в нем государств. Прежде всего был найден тот баланс интересов между Советским Союзом и странами Восточной Европы, с одной стороны, и странами Запада, с другой, который сообщил мощную силу взаимному тяготению. Этот беспрецедентный дипломатический раут ни одна из сторон не хотела ни прекращать, ни покидать, несмотря ни на какие сложности или кризисы, будь то в рамках Совещания или вне его. Суть этого баланса сводилась к достаточно простому уравнению. Если Восток стремился утвердить нерушимость границ в том виде, как они сложились после войны, то Запад, соглашаясь на это, ставил задачу сделать эти границы открытыми для движения идей и контактов, обеспечить прозрачность военной сферы. Борьба на международной арене и в идеологической и в политической сферах, особенно с учетом того, что различие в социальных системах сохранялось, призвана была в итоге переместиться в новую плоскость, приобрести новые формы, главным достоинством которых должен был стать отказ от применения силы.

Но одно дело принять правила игры в принципе, другое — определить конкретные параметры этого баланса. Тем более, что речь шла о больших и деликатных интересах многих государств, в частности, Советского Союза. Борьба вокруг этого развернулась жестокая. К концу июня была проделана большая часть работы по формулированию принципов взаимоотношений между государствами, раздела, который по праву был призван стать одним из основополагающих в Заключительном акте Совещания. Близились к концу работа по важнейшей третьей корзине. Более того, эта, казалось бы, наиболее конфликтная, комиссия первой завершила к 4 июля редактирование порученного ей раздела Заключительного акта. Сложнее обстояло дело с разработкой мер доверия и стабильности (военная область), и вокруг этой проблемы все больше концентрировалось внимание и делегаций, и правительств.

Но, помимо этих главных, силовых линий Совещания, были и другие, которые имели специальное значение для какой-то группы государств,

скажем, Кипра, Греции и Турции в связи с кипрской проблемой или Мальты в силу особенности ее политики. Эти проблемы для большинства других участников Совещания были как бы побочными. В самых высоких канцеляриях осознали, что поставить одну или две запятые в формулировке принципа нерушимости границ — это, как говорится, две большие разницы. Права человека — это тоже важно. Что же до предложений Мальты, о сути которых будет сказано ниже, то они казались по меньшей мере экстравагантными, и от них хотелось просто отмахнуться так же, как и от других.

К июню 1975 г. удалось в принципиальном плане решить и такой важный для исхода Совещания вопрос, как уровень представительства на третьем, заключительном его этапе. Советский Союз с самого начала имел в виду, что финалом Совещания должна стать встреча руководителей участвовавших в нем государств. Не знаю, каковы были внутренни, скрытые от мира позиции на этот счет в других государствах. Но известно другое. Кто в дипломатических переговорах произносит первое слово, кто берет на себя инициативу предложить что-либо другим, а значит, обратиться к ним с просьбой сказать «да» его предложению, пусть даже не менее выгодному для них, чем для него самого, тот в глазах партнеров неизбежно становится просителем. И поскольку «это» для чего-то ему нужно, заявитель должен «заплатить» за согласие с ним. Так получилось и с советской идеей завершить Совещание на высшем уровне.

Западные партнеры СССР пустились в затяжные дипломатические маневры, мотивируя это тем, что вопрос об уровне третьего этапа будет зависеть от результатов Совещания, к тому же нужно взвесить, стоит ли высоким лицам утруждать себя дополнительным перемещением. В общем-то и в Москве думали примерно так же. Только под результатами на Западе, естественно, понимались прежде всего подвижки со стороны Советского Союза в тех вопросах, которым его партнеры придавали специальное значение. Эта тактика, а может быть, и больше, чем тактика, настолько увлекла делегации многих стран и дипломатические ведомства, руководившие ими, что стала напоминать азартную игру. Во всяком случае, к концу 1974 г. стало очевидным: ни на уровне делегаций, ни на уровне министров иностранных дел положительного решения не добиться.

Брешь в этой глухой стене удалось пробить с помощью Франции. Точнее, при содействии ее тогдашнего президента Жискара д'Эстена. Он раньше всех других западных лидеров увидел, что ставшие к концу 1974 г. достаточно ясными возможные политические результаты Совещания и их значимость для будущего неизмеримо важнее, чем какие-то отдельные дополнительные уступки со стороны Советского Союза, за которые продолжали вести яростный бой делегации западных стран, в Женеве. Жискара д'Эстен склонялся к тому, чтобы прекратить торг с Москвой насчет уровня проведения третьего этапа Совещания, пойти навстречу Советскому Союзу. В этом французский президент кардинально разошелся со своим собственным министром иностранных дел Ж. Сованьяром, с Кэ д'Орсе в целом и, конечно, с французской делегацией на Совещании, увлекавшейся всякого рода тактическими увязками и комбинациями.

Произошел этот прорыв при следующих обстоятельствах. На начало декабря 1974 г. был запланирован визит Брежнева в Париж — первая встреча советского лидера с этим президентом Франции. В Москве чувствовали, что Жискара де'Эстен готов сделать какой-то политический жест в отношении Брежнева, предполагали, что этот жест мог касаться Совещания. В этой связи в советскую концепцию визита — меня вызвали в Москву для его подготовки — была заложена в качестве главной цели задача добиться от французского президента согласия на проведение третьего этапа Совещания на высшем уровне.

Что касается французской дипломатии, то она, будучи лучше нас осведомленной о настроениях собственного президента, постаралась сделать все возможное, чтобы помешать его задумке. Ситуация, прямо скажем, неординарная. Заградительный огонь развернула и французская печать. Жискара д'Эстену публично давались советы не уступать в вопросе об

уровне завершающего этапа Совещания. Так, газета «Le Quotidien de Paris» писала: «Жискар д'Эстен явно хочет внести новизну в этот вопрос, отклоняясь от линии Запада, подобно тому, как поступил де Голль по поводу НАТО. Этот жест, если президент его сделает, повлечет меньшие последствия. Но достаточно вспомнить о препятствиях, создававшихся со стороны Ж. Помпиду ходу Совещания, чтобы понять, какое удовольствие глава государства, быть может, намеревается доставить господину Брежневу»³.

Оригинальный маневр с целью «обезвреживания» надвигавшейся угрозы был предпринят и Кэ д'Орсе. Накануне визита со стороны французского министерства последовало приглашение мне прибыть в Париж, чтобы заранее согласовать текст заключительного коммюнике. Москва, разумеется, откликнулась положительно, и вот я в кабинете хорошо знакомого мне директора европейского департамента К. Арно. Он сама любезность. Текст проекта коммюнике легко и быстро стелется по бумаге. Вместе с тем обращает на себя внимание особый интерес моих французских партнеров гладко и округло написать раздел коммюнике, посвященный Совещанию. Я вчитываюсь в предлагаемую формулировку. Она полна изящных слов, одно лучше другого. Витиевато говорится и о заключительном этапе Совещания. Все мило, но только общие слова. При других обстоятельствах можно было бы сходу согласиться. Однако перед нами задача добиться прорыва, четко записать в коммюнике, что третий этап Совещания будет этапом высшего уровня. Но именно этого-то и нет в предложениях моих французских коллег. Я уверен, что бесполезно вступать в спор. Предлагаю этим разделом коммюнике не заниматься вообще и оставить его самим руководителям. Следуют уговоры, новые аргументы, предлагаются еще более утонченные формулировки, которыми готовы заменить свои же собственные. Звучат упреки, опасения, что за проект коммюнике с такой недоработкой начальство по головке не погладит.

Расчет моих французских коллег прост: пойти далеко навстречу, не уступая в главном, чтобы затем представить собственному президенту проект как удовлетворяющий Москву, в силу чего никакого другого движения в сторону Советского Союза якобы не требуется. В общем-то шито белыми нитками, но оборону держать приходится против такого сложного вида дипломатического натиска, как натиск улыбок и учтивости. И все-таки ко времени начала бесед Брежнева и Жискар д'Эстена проект блистал великолепным пробелом на месте, предназначенном для Совещания.

Переговоры состоялись в замке Рамбуйе. Название этого замка так часто мелькает и в печати, и в литературе, что, видимо, все знают, что речь идет о загородной резиденции французских президентов. Не помню всех деталей программы, но для данного сюжета важно то, что Жискар д'Эстен предложил Брежневу уединиться, захватив с собой министров иностранных дел, Арно и меня, а также переводчиков — с нашей стороны им был Н. Афанасьевский, с французской — князь Андроников.

Мы перешли в небольшой салон. Его стены покрыты деревянными панелями с изображениями охотничьих сцен. Большие кресла. Кофе, чай. Французский президент заводит разговор о Совещании. Он прямо ставит вопрос о том, каким видится Брежневу раздел коммюнике по этой теме. Разговор между лидерами двух стран, долгий разговор двух людей совершенно различного воспитания и жизненного пути, а главное — различного мышления. Брежнев хорошо знал, чего хотел, но оперировал определениями общего характера, которые не втиснешь в каноны дипломатического коммюнике. Жискар д'Эстен держался свободно, внимательно вслушивался в перевод, ждал точных формулировок. Время же, заполнявшееся русской речью, использовал для того, чтобы любоваться резьбой на стенах. Громыко проявлял фантастическую выдержку. В разговор он включался короткими репликами только тогда, когда к нему прямо обращался Брежнев или когда Сованьярг пытался подбросить что-нибудь совсем несносное. Его спокойствие и невозмутимость поражали.

У меня не было больше чем достаточно времени для того, чтобы с учетом услышанного обдумать формулировку, которая, казалось, могла

решить проблему. Я написал ее по-французски. Улучив момент, я попросил разрешения у Громыко предложить ее французам. Тот согласился. Брежнев промолчал. Я зачитал совсем короткий текст. Едва я умолк, как в разговор вклинулся князь Андроников. «Не знаю, как по существу,— небрежно произносит он,— но фраза не годится с точки зрения французского языка». Но президент, повернувшись в сторону Андроникова, не спеша произнес: «А по-моему, это хороший французский язык, и вообще формулировка подходящая».

Лидеры кивнули друг другу. Пробел в коммюнике заполнили словами: «созданы хорошие предпосылки для завершения Совещания в кратчайший срок, для проведения его третьего этапа и подписания заключительных документов на высшем уровне».

Выходим к другим членам делегаций. Те — и наши, и французы — спешат за новостями. Жискар д'Эстен прощается. Проходя мимо меня, он роняет: «Если что, дайте знать». Легкой походкой он спускается по лестнице. Садится за штурвал стоявшего на внутренней лужайке замка вертолета и через пару минут взмывает вверх, удаляясь в сторону Елисейского дворца. У оставшихся чувства, что называется, смешанные. У хозяев, а большинство их с Кэ д'Орсе, улыбки, вырубленные в камне. Их можно понять. У нас — понимание масштабного дипломатического успеха, но об этом и заикаться неловко. Перед ужином Сованьяргу сделалось плохо. Французского врача не оказалось. К счастью, акад. Е. И. Чазов был, как всегда, наготове и во всеоружии.

Вскоре примеру Жискар д'Эстена последовали президент США Дж. Форд, затем В. Брандт, Г. Вильсон и др. — рубеж был взят.

Теперь загвоздкой стало определение срока завершения Совещания. Еще большее число делегаций, чем в случае с определением уровня его третьего этапа, увязывало решение этого вопроса с прогрессом в той или иной интересующей их области. Вместе с тем в Москве исходили из того, что динамизм работы по существу должен сочетаться с динамизмом организационного плана. Быстрейшее завершение Совещания диктовалось политической целесообразностью. К тому же наступало лето, и было очевидно даже с чисто житейской точки зрения, что лидерам надо было успеть собраться до разъезда на каникулы. Потом съехаться всем вместе будет намного труднее. Наконец, было условлено, что третий этап Совещания должен состояться в Хельсинки, и Финляндия как страна-хозяйка настаивала по причинам, весьма прагматическим, чтобы ей заблаговременно, хотя бы за две-три недели, был дан четкий ориентир, когда ждать гостей. Надо было определяться.

В конце марта 1975 г. Брежнев обратился с посланиями к руководителям США, Франции, ФРГ, Англии, Италии с предложением определить в качестве даты завершения Совещания 30 июня. Последовал вежливый отказ, сопровождавшийся замечанием о том, что скорее всего Совещание удастся завершить во второй половине июля. Определенностью ответы не отличались. В середине июня Брежнев вновь обращается к лидерам ведущих стран Запада с письмами, в которых подчеркивается важность скорейшего окончания Совещания. Советское правительство обращается одновременно с посланиями аналогичного содержания к правительствам всех остальных государств-участников.

Активная работа за определение сроков третьего этапа развернулась на Совещании. 27 июня делегация Канады предложила 28 июля в качестве ориентировочной даты начала заключительного этапа Совещания. Вокруг этого разгорелась напряженная борьба.

Все сказанное здесь до сих пор — никак не попытка воссоздать историю Общеευропейского совещания, пусть даже и отдельными штрихами. Это всего лишь некоторые составные части фона, на котором разыгрались две драматические ситуации, тесно увязанные с окончанием второго, женевского, этапа Совещания, а значит, и всего Совещания в целом. Одна из этих ситуаций возникла вокруг предложений Мальты по Средиземноморью. Другая — из конфликта, связанного с вопросом о представительстве Кипра на третьем этапе Совещания.

Приблизительно в середине сентября 1974 г. делегация Мальты внесла на рассмотрение Совещания серию предложений по вопросам, относящимся к безопасности в Европе. Центральное место в них отводилось налаживанию органического сотрудничества между участниками Совещания, всеми другими государствами Средиземноморья, а также Ираном и государствами Персидского залива. В этих целях предполагалось создание специального направляющего комитета. Завершались эти предложения указанием на то, что с развитием этого «нового суверенного, независимого органа» США и СССР «постепенно выведут свои вооруженные силы из этого района». При этом из доверительных источников стало известно, что документ внесен по прямому указанию премьер-министра Мальты Д. Минтоффа, а делегации Мальты предписано любой ценой, вплоть до блокирования всей работы Совещания, добиваться обсуждения и принятия мальтийского предложения.

Среди делегаций появление мальтийских предложений вызвало недоумение и беспокойство. Было очевидно, что по своему содержанию они не укладываются в те параметры, которые предусмотрены Синей книгой, и по этой причине будто-бы без труда могли быть отведены. Однако на Совещании уже был известен напористый стиль Минтоффа в ведении дел, и поэтому можно было предвидеть возникновение сложных коллизий. Так и получилось.

В течение многих месяцев предложения Мальты старались «замотать», избегали серьезного их обсуждения. Но и Мальта ждала своего часа. В конце мая 1975 г., когда была почти закончена работа по согласованию документа общего характера по средиземноморским проблемам, Мальта внесла к этому документу свои дополнения, повторявшие основные идеи своего первоначального предложения. Все это вызвало резко негативную реакцию стран НАТО, в первую очередь США. Их особенно задевала прямая угроза пребыванию в Средиземном море их Шестого флота. Что касается Советского Союза, то, с точки зрения широких политических целей, мог бы быть приемлем и совместный с американцами вывод вооруженных сил из районов Средиземного моря. Но в Москве понимали, что задача эта нереалистична и что все это способно лишь осложнить завершение Совещания. Советская делегация получила указание постараться нейтрализовать остроту ситуации за счет включения в документ по Средиземноморью текста общего, ни к чему не обязывающего характера.

Обстановка на Совещании осложнилась еще и тем, что для защиты позиции Мальты в Женеву прибыл из Ла Валеты личный секретарь Минтоффа посол Гудвилл. Среди делегаций быстро распространилась молва, что только он один — ни делегация Мальты или кто-нибудь иной, а посол Гудвилл — располагает прямыми ему одному известными указаниями своего премьер-министра, как вести себя при обсуждении поднятого Мальтой вопроса. И вел дело Гудвилл с предельно твердых бескомпромиссных позиций. Согласие Мальты на завершение Совещания он ставил в прямую зависимость от отношения к ее предложениям. И когда в начале июля на заседании координационного комитета — своего рода высшего органа Совещания — в который раз дебатировался вопрос о дате завершения Совещания, со стороны мальтийского представителя последовало жесткое заявление: «Мои власти не определили ни дня, ни месяца, ни года проведения третьего этапа Совещания». Яснее не скажешь. В сочетании с правилом консенсуса это означало полный тупик.

В бесплодных поисках компромиссных формулировок, какого-то выхода из положения уходили день за днем. Совещание гудело, как улей. Казалось, что все другие вопросы если не забыты, то отодвинуты на второй план. Весь интеллектуальный потенциал Совещания был мобилизован на поиски какой-нибудь логичной формулы договоренности. Бесполезно. Для американцев Шестой флот — священная корова. С ними все натовцы. Для Мальты — ни шагу в сторону от сути представленных ею предложений. Пускались в ход резкие слова насчет шантажа, злоупотребления правилом консенсуса. Изодранные умы искали лазейки для того, чтобы обойти

правило консенсуса. Но это были не более чем эмоции, способные лишь накалить атмосферу, поскольку изменение правил процедуры само требовало консенсуса, то есть согласия Мальты, а действовать без нее значило бы взорвать Совещание. К тому же правилом консенсуса дорожила не только Мальта.

Пробовали через столицы обращаться в Министерство иностранных дел Мальты, но там подтвердили: операцию проводят двое: сам Минтофф и Гудвилл. Что касается Минтоффа, то он отправился в путешествие на яхте по Средиземному морю, и, якобы, с ним нет никакой связи. Оставался только Гудвилл.

9—10 июля проходила серия почти непрерывных заседаний координационного комитета Совещания. Работали и днем и ночью. Дебаты велись насчет даты окончания Совещания. Поскольку было ясно, что точно ее определить будет невозможно, ставилась цель договориться хотя бы о так называемый «целевой», то есть ориентировочной, дате. Канада предложила в качестве такой даты 30 июля, имея в виду, что по этой дате в дальнейшем потребуется еще финальное, утверждающее ее решение, когда будет достигнуто общее согласие по оставшимся нерешенным вопросам. В ночь с 10 на 11 июля за принятие предложения Канады высказалось 30 делегаций. Но положение вновь обострилось из-за Мальты, выдвинувшей в качестве условия своего согласия принятие ее предложений. Ответом стран НАТО было категорическое «нет». Кризис был полным.

В разгар этих перепетий в Женеве должна была состояться встреча Громыко с госсекретарем США Киссинджером. Громыко прилетал накануне. В Женеве, где проходило сразу несколько конференций, собралось в этой время немало мидовского начальства. Помню, долго обсуждался вопрос, кому встречать министра в аэропорту. Так как большое число встречающих не поощрялось, для поездки в аэропорт тщательно отбиралось несколько человек. В результате у трапа оказалось два заместителя министра, посол из Берна, постоянный представитель в Женеве, еще два-три дипломата высокого ранга. Не было только... переводчика с французским языком. А как раз такой работник и понадобился министру, как только он сошел с трапа. На его вопрос, кто бы помог с переводом его приветственного обращения к швейцарцам, в столь представительной шеренге советских дипломатов возникло замешательство. Один из замов министра обратился ко мне, не мог бы я помочь. Я, конечно ответил, что готов. Тот бросился к министру со словами: «А вот Дубинин...» Но услышал сердитое: «Послы не должны выступать переводчиками». Кончилось тем, что Швейцария — страна французского, немецкого и итальянского языков — услышала приветствие Громыко в переводе на английский, поскольку такого переводчика Громыко захватил из Москвы для переговоров с американцами.

Доклад министру о положении дел на Совещании был кратким, а главное — неутешительным: все на мертвой точке. Что же касается соображений насчет того, как можно было бы выйти из положения, или хотя бы, как ставить вопрос о Совещании на следующий день в переговорах с Киссинджером, то их вообще не последовало, поскольку самые изощренные умы уже иссякли. Вместе с тем вопрос о завершении Совещания, и завершении скорейшем, был в тот момент основным для Москвы вообще и для встречи с госсекретарем США, в частности. Я на разговоре с Громыко на эту тему не присутствовал. Его вел Ковалев, но могу представить, что это был разговор не из приятных.

Поздно вечером Ковалев попросил меня зайти к нему и заговорил о мальтийской проблеме. Я был, разумеется, в курсе всех ее деталей, хотя непосредственно этот вопрос не вел. С Гудвиллом я познакомился в кулуарах Совещания скорее из любопытства, и так как мне не приходилось ему ничего доказывать и вообще разговаривать по острому для него вопросу, отношения между нами установились неплохие. Ковалев был немногословен: «Завтра в 10 час. утра Громыко встречается с Киссинджером. Вы знаете Гудвилла. Поезжайте в здание, где проходит Совещание. Пораньше. Может быть, Вам удастся с ним повидаться. Поговорите. Если вдруг будет что-нибудь интересное, расскажем министру».

Гудвилл предпочитал разговор на английском языке. С английским я тогда еще был не в ладах. Поэтому я попросил отправиться со мной в здание Совещания В. Ф. Петровского, который был ответственным секретарем советской делегации, с тем, чтобы в случае необходимости он помог мне объясниться с мальтийским послом. Он охотно согласился.

Совещание начинало работу тоже в 10 час. утра, но дипломаты, особенно в те дни, начинали собираться раньше. Во всяком случае, мы с Петровским были в здании сразу после 9 часов. Я расположился в одном из дальних уголков зала, попросив Петровского быть поближе ко входу и в случае, если Гудвилл появится, пригласить его для краткого разговора со мной. Все это выглядело необычно. Свидание не назначалось. Специально. Чтобы не придавать возможной встрече официального характера. Никакой уверенности, что Гудвилл собирался быть на Совещании, а тем более с утра, у меня не было. Но я вдруг с радостью увидел, как с дальнего конца зала ко мне направляется не кто иной, как мальтийский посол в сопровождении Петровского.

Мы усаживаемся, обмениваемся любезностями. Я решаю идти к цели самым прямым путем. «Через пятнадцать-двадцать минут,— говорю я,— начнется встреча Громыко и Киссинджера. Совсем рядом — в отеле «Континенталь». Это уникальный случай. Может быть, последняя возможность для того, чтобы решить интересующую Мальту проблему. Мы готовы помочь этому. Если Вы, господин посол, сообщите мне сейчас вашу запасную позицию по спорному вопросу; я обещаю, что через несколько минут она станет предметом обсуждения Громыко и Киссинджера со всеми вытекающими из этого последствиями».

Знал ли я, что у Гудвилла имеется запасная позиция? Нет, конечно. Но должна же она была быть! Или, во всяком случае, только при наличии запасной позиции и запасной позиции разумной, был возможен компромисс, без которого в проигрыше остались бы все, но в том числе и Мальта. Напряженно жду реакции Гудвилла. Вместо ответа он достает бумажник, раскрывает его, вынимает тонкую полоску бумаги, напоминающую телеграфную ленту. На ней — несколько от руки написанных слов. «Записывайте», — говорит и диктует короткую формулировку. Мы записываем: «...С целью способствовать миру, сокращению вооруженных сил в этом районе...» Сразу видно — это решение проблемы. Здесь нет ни Ирана, ни стран Персидского залива. Но главное, в этих словах нет требования к США выводить их вооруженные силы, их Шестой флот из Средиземного моря!

Но не мое дело втягиваться в разговор, к тому же дорога каждая минута. Я благодарю Гудвилла, прощаюсь. Стрелка часов подходит к десяти. В машине переводим формулировку на русский язык. Вот и «Континенталь». Пропусков у нас нет, но удается пройти через все заслоны. Мы оказываемся в зале встречи, когда ее участники рассаживаются за столом переговоров. Говорю пару слов Ковалеву. Вместе передаем Громыко формулировку. Без лишних пояснений. Министр бросает взгляд на протянутый ему лист бумаги и воспринимает все с таким невозмутимым видом, что невольно мелькает вопрос, не требуется ли что-либо пояснить.

Расселись. Я тоже устроился в конце стола. Пара шуток перед стартом. Затем Громыко размеренно произносит: «Предлагаю начать с вопроса об Общеввропейском совещании, вернее, с мальтийского вопроса». Эти слова не вызывают у Киссинджера никакого энтузиазма. С кислой миной он отвечает: «Я не возражаю, конечно, но говорить-то не о чем. На Совещании полный тупик. Что же мы будем обсуждать?» «Есть новое мальтийское предложение», — бесстрастно произносит Громыко.

Киссинджер озадачен. Посерьезнел. Вместо ответа он наклоняется к соседу справа, затем к соседу слева. С дальнего конца к нему спешит глава американской делегации на переговорах, еще кто-то из сопровождающих. Шепчутся. Теперь Киссинджер не просто озадачен, но явно смущен. «О каких новых предположениях вы говорите? — спрашивает он. — У нас ничего нет. Мы даже ничего не слышали». — «Да и мы их получили совсем

недавно», — поясняет Громыко. «Но я надеюсь, — замечает Киссинджер с недоверием, — что в новой формулировке нет намек на Шестой флот». — «Об этом там ничего не говорится», — отвечает Громыко.

Громыко предлагает Киссинджеру прервать заседание и поговорить один-на-один. Оба они уединяются в дальнем конце небольшого зала, где идет встреча. Их беседа совсем непродолжительна — всего несколько минут. Возвращаются к столу довольные. Объявляют: «Мы договорились. Формулировка подходит. Теперь нашим делегациям следует провести ее через своих союзников. Сделать это надо аккуратно. Операция деликатная. Она ни в коем случае не должна сорваться. В то же время ни у кого не должно возникнуть подозрения, что мы действуем в каком-то сговоре. Тем более, что никакого сговора в точном смысле этого слова и нет». И переговоры переходят на другую тему. Мне больше нечего делать на советско-американской встрече.

Остальное с мальтийским кризисом — уже техника. Хотя и непростая. Потребовалось еще несколько дней для того, чтобы в развороченном муравейнике Совещания слова с ленты, вынутой Гудвиллом из бумажника, были всеми признаны формулировкой проекта Заключительного акта. Группа НАТО заседала не только в Женеве, но и в штаб-квартире в Брюсселе, совещались и делегации Варшавского договора, велась работа с нейтралами. Надо было не только убедить в достоинствах аккуратно предлагавшейся формулировки, но и мягко отвести «еще лучшие» предложения, уговорить колеблющихся, дать возможность сомневающимся дожидаться инструкций из своих столиц. Следует отметить, что для придания пущей достоверности всей этой операции руководитель советской делегации никого из команды наших дипломатов, проводивших ее, не поставил в известность об истинном происхождении нового предложения.

Наконец, формулировка принята, одобрен и весь текст дополнения. Вот он: «Для содействия целям, изложенным выше (в части документа Совещания по проблеме Средиземноморья. — Ю. Д.), государства-участники также заявляют о своем намерении поддерживать и расширять контакты и диалог, начатые Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе, с неучастствующими средиземноморскими государствами, включая все государства Средиземного моря, с целью способствовать миру, сокращению вооруженных сил в этом районе, укреплению безопасности, ослаблению в этом районе напряженности и расширению сферы сотрудничества — задачам, в которых все совместно заинтересованы, а также с целью определения дальнейших совместных задач; государства-участники будут стремиться в рамках их многосторонних усилий содействовать прогрессу и соответствующим инициативам, а также осуществлять обмен мнениями в отношении достижения изложенных выше задач».

Я выделил курсивом лишь несколько слов. Те, которые позволили развязать мальтийский узел. Конечно, в таком виде они ни у кого не могли вызывать страхов. Но и Мальта получала удовлетворение. Без ее усилий в Заключительном акте вообще не появилось бы этого пассажа, а он в дальнейшем пригодится средиземноморским странам.

Перевал был взят. 14 июля дата 30 июля была определена в качестве даты начала третьего этапа Совещания. Однако только в качестве «целевой», предположительной даты! Теперь необходимо было ее превратить в дату окончательную. Ведь было уже 14 июля, наступил цейтнот, а проблем оставалось много. Особенно в военной области. Решено было, что, помимо еще работавших комиссий, координационный комитет будет заседать ежедневно, проводя, кроме дневных, и ночные заседания, с тем чтобы не позднее 18 июля определить окончательную дату.

Советская делегация обращается с призывом отказаться от попыток добиться под занавес односторонних уступок и преимуществ. Увы, это — глас вопиющего в пустыне. Именно в эти дни на поверхность вышла еще одна конфликтная ситуация, на этот раз связанная с Кипром.

Еще в конце марта 1975 г. делегация Турции выразила сомнение по поводу правомочности кипрской делегации представлять Республику Кипр

на Совещании. Свою позицию Турция аргументировала тем, что эта делегация представляет не государство Кипр, а только греческую общину. Из такой посылки делался вывод о том, что нельзя обойти молчанием серьезную проблему возможного незаконного участия руководителей греческой кипрской общины или их представителей в третьем этапе Совещания. «Если не в самое ближайшее время, то, по крайней мере, до окончания второго этапа,— считала делегация Турции,— должны быть приняты во внимание в интересах успешного завершения нашей работы серьезные осложнения, созданные этой проблемой».

Речь шла о том, что Турция будет возражать против участия архиепископа Макариоса в работе третьего этапа Совещания, и этот вопрос она предлагает рассмотреть до окончания женевского этапа. В мае последовало уточнение: Турция хотела бы, чтобы делегацию Кипра на третьем этапе возглавил какой-либо иной представитель Кипра, а содержание высказываний, которые будут там сделаны от имени Кипра, было бы согласовано между представителями турецкой и греческой общины.

Делегация Кипра отклонила турецкие условия, подчеркнув, что она никому не даст возможности вмешиваться в вопрос о представительстве Кипра на третьем этапе Совещания. У Кипра к тому же был свой счет к Турции. Глава кипрской делегации А. Мавроматис говорил, что одобрение Кипром решений Совещания совместно с Турцией, то есть участие Кипра в консенсусе вместе со страной, нарушившей в ходе Совещания те принципы, которые им вырабатываются, представляет определенную проблему для правительства Кипра и его общественного мнения. Для того, чтобы решить эту проблему, считал он, важно было бы, чтобы Совещание отвергло попытки Турции вмешиваться во внутренние дела Кипра. Макариос твердо решил участвовать в работе заключительного этапа лично. Делегация Греции со всей энергией поддерживала позицию Кипра.

Совещание оказалось в деликатном положении. С середины июня конфликт превратился в открытый и постоянный. Без жарких схваток по этой проблеме не обходилось ни одно серьезное обсуждение, связанное с окончанием Совещания. Причем каждая из сторон стремилась к принятию Совещанием решения в ее пользу, но ни одна из попыток сформулировать какое-либо решение не удавалась.

Советская делегация исходила из принципиальной позиции территориальной целостности и независимости Кипра, поддержки его законного правительства. Вопрос о представительстве Кипра она считала искусственным, полагая, что его должно было решать его правительство. Позицию свою мы не скрывали, но стоило нам сказать хоть слово в этих дискуссиях, как число участвовавших в них незамедлительно расширялось за счет представителей какой-нибудь из натовских стран, что было делом привычным по тем временам. Развязки это не давало.

Совещание между тем привлекало все большее внимание не только руководства стран, в нем участвовавших, но и все большего числа других государств. В фойе постоянно дежурило множество журналистов в ожидании новостей о его окончании. 18 июля струна, казалось, натянулась до предела, но прошли и день, и ночь, а конца второго этапа Совещания не наступило. Даже терпению репортеров приходил конец. 20 июля Ковалев получил предписание срочно прибыть в Москву. Вылет был намечен на утро 21 июля.

Весь день 20 июля, как обычно, шла напряженная работа координационного комитета. Вся советская делегация была в зале заседаний. Председательствовал глава делегации Турции. Это обстоятельство имело для нас существенное значение. Дело в том, что в соответствии с правилами процедуры Совещания председательство на нем осуществлялось поочередно всеми делегациями в течение одних суток в порядке французского алфавита, причем председательствование переходило к следующей делегации в полночь. Советский Союз следовал при этом сразу за Турцией, а это означало, что в полночь председательское кресло должно было перейти от Турции к СССР. Дискуссия в зале шла жаркая, и чем ближе стрелки часов

приближались к 12 час. ночи, тем очевиднее становилось, что заседание будет продолжено и заполночь с коротким перерывом для смсны председателя.

Несмотря на ранний отлет в Москву на следующий день Ковалев оставался на заседании до полуночного перерыва. Однако затем, посоветовавшись с членами делегации, он все-таки решил передохнуть перед дорогой и отправился домой. Руководство делегацией, а следовательно, и председательствование на Совещании, было поручено мне. В начале первого часа ночи я объявил об открытии нового заседания, которое по сути дела было продолжением предыдущего, а точнее — длинной череды непрерывных бдений. Мы условились в делегации, что в случае необходимости выступления от имени Советского Союза по существу обсуждаемых вопросов это будет делать Л. И. Менделевич — член делегации и один из опытейших советских дипломатов. Это была общепринятая на Совещании практика.

Повестка дня включала много разновеликих вопросов, все еще стоявших на пути завершения женеvского этапа Совещания. С самого начала я постарался задать максимально динамичный темп работы. Сама по себе это задача деликатная. Дело в том, что председательствующий не располагает никакими властными полномочиями. Оставаясь во всех отношениях равным со всеми остальными руководителями делегаций, он лишь как бы отдает себя в их распоряжение для того, чтобы, действуя в рамках правил процедуры и сложившихся традиций, сообщать необходимый порядок ходу заседания. При этом неэтично ни проявление какого-то политического или иного пристрастия с его стороны, ни навязывание Совещанию или каким бы то ни было делегациям своего мнения.

Однако и при этих условиях возможности влияния на ход заседания у председателя имеются, и немалые. Умелым ведением дискуссии он может избавить его от процедурных осложнений, в его руках немало средств способствовать деловому тону работы, во-время остудить страсти, если они возникнут. Наконец, в его руках право — и это даже больше, чем право, — этого ждут от него — предлагать коллегам решения по обсуждаемому вопросу, выводить заседание из трудных ситуаций. Мерило его действий — реакция аудитории. Малейшие недочеты или оплошности в действиях председателя незамедлительно становятся предметом замечаний из зала. На любом форуме находятся дипломаты, которые на знании нюансов процедуры делают себе реноме, и председательствующий постоянно находится под надзором их немеркнущего ока.

Но в ту ночь, с 20 на 21 июля, я с удовлетворением отмечаю, что коллеги мои не только не протестуют, но и охотно втягиваются в энергичный ритм работы. Мы решаем один вопрос, другой, третий — много, в том числе и определение Белграда в качестве места первой после Совещания встречи представителей государств-участников. Наконец, мы оказываемся лицом к лицу с кипрским вопросом. Время — далеко за полночь. Усталость делегаций очевидна. Но дискуссия вокруг этой проблемы вспыхивает с той же силой, как и много раз до этого.

Представитель Турции... Представитель Кипра... Представитель Греции... Кто-то еще. Значит, говорить и представителю СССР. Выступает Менделевич. Не может, не должно быть даже попыток приостановить эту столь обычную перепалку. Любая такая попытка председателя вызовет удар по нему со стороны той делегации, которая сочтет себя ущемленной. Я ограничиваюсь стандартными фразами: «Слово предоставляется уважаемому представителю...», «Благодарю уважаемого представителя...» и т. д. В то же время внутри у меня нарастает напряжение: рано или поздно все желающие выговорятся. Но где выход из тупика, блокирующего окончание работы? Хорошо, если кто-нибудь предложит проект решения, с которым согласятся конфликтующие стороны. Но почему это должно случиться в эту ночь, если не случилось в течение многих предшествующих недель работы? Надежды никакой.

Скорее всего, в той тишине, которая последует за схваткой, взоры всех

устремится на председателя, ожидая, что, может быть, избавление придет от него. Но у меня нет никаких заготовок. И не потому, что еще каких-то три-четыре часа назад я и не помышлял, что окажусь в председательском кресле перед таким испытанием. Ничего не заготовлено потому, что ни советская делегация, ни кто другой не придумали ничего, что давало бы выход из этого положения. Я внимательно вслушиваюсь в перебранку делегатов в расчете уловить хоть какой-то новый вопреки мысли, какой-то сигнал, ухватившись за который можно было бы составить какой-нибудь текст, способный получить консенсус. Но ничего подобного из зала не доносится. Прежние непримиримые позиции. Все тот же набор аргументов.

И вот наступает тишина. Оглядываю зал. Никто больше не просит слова. Предложений тоже нет. Объявить перерыв минут на тридцать? Но на часах начало четвертого утра. Делать такое предложение в этих условиях было бы обоснованно только тогда, когда есть надежда, что перерыв что-то принесет. Нет, лучше постараться разругать узел сходу. Пусть даже необычным способом. Пододвигаю микрофон. Говорю: «Уважаемые коллеги. Все вы слышали все, что здесь только что было сказано». Пауза. Кто же с этим не согласится? Продолжаю: «Предлагаю перейти к следующему пункту повестки дня». Председательский молоток уже занесен на виду у всех. Я опускаю его через несколько секунд, необходимых для того, чтобы мои слова были переведены синхронным переводчиком на остальные пять рабочих языков Совещания.

Полная тишина в зале сменяется нарастающим шумом. Застывшие было делегаты приходят в движение. Я еще в напряжении. Нет ли поднятой руки с протестом против такого решения, вернее, против такой развязки остро конфликтной ситуации, не оспаривает ли кто тот факт, что консенсус был? Но нет, я вижу по лицам, что это гул удовлетворения. Это дает мне право предложить перейти к следующему пункту повестки дня — предпоследнему пункту: одобрение проекта заключительного акта Общеευропейского совещания со всеми самыми последними к нему дополнениями.

Этот документ — теперь его знает весь мир, — только накануне сведенный вчерне воедино в толстый, многостраничный кирпич в мягкой обложке, принесен представителем исполнительного секретариата. Я показываю многим десяткам дипломатов, сидящим в зале, плод их многолетнего труда, результат усилий министерств иностранных дел, правительств, руководителей 35 стран Европы и Северной Америки, усилий народов этих стран. Его обложка зеленого цвета — это зеленый свет третьему этапу.

«Нет ли возражений против принятия нами этого проекта и представления его на утверждение на высшем уровне в Хельсинки?» Одобрительные голоса. Удар молотка! Очень сильный! Как выдержал стол?! Второй этап Общеевропейского совещания завершен. На пути в Хельсинки больше нет никаких препятствий.

Последний пункт повестки дня я предлагаю снять. Он предполагал торжественную церемонию закрытия второго этапа Совещания. Для чего она, эта церемония? Торжество будет в столице Финляндии, в Европе и больше, чем в Европе. Все соглашались со мной.

В вышедшей в Италии книге «Дневники переговоров (Хельсинки — Женева — Хельсинки, 1972—75)» про финал нашей работы будет написано: «Ввиду позднего времени не было поздравительных речей, за исключением выступления представителя Святого престола. То, что было, однако, у всех на уме, это то, что после 22 месяцев работы переговоры в Женеве завершились наилучшим образом. Воды Женевского озера еще не успокоились, однако было ощущение, что хорошо, что все разногласия во всем объеме вышли наружу именно на втором этапе СБСЕ: ведь в ходе его запальный шнур был разведен ради мирного завершения Совещания в Хельсинки, на котором действительно сосредоточилось бы внимание всего мира»⁴. Правильно будет написано.

А пока мы все еще в Женеве. Выходим из зала заседаний в фойе. То самое, где в течение стольких дней и ночей нас поджидали многочисленные журналисты. Там пусто. Совсем разуверились. Потеряли надежду. Даже

самые стойкие и прозорливые не думали, что эта ночь может стать последней в столь длительном и изнурительном дипломатическом марафоне. Но нет! Вот кто-то появляется из дальнего конца фойе. Протирая глаза, приближается ко мне: «Ну как, Юрий Владимирович, когда следующее заседание?» Это — наш! Женевский корреспондент агентства ТАСС. Самый упорный в мире! Какой молодец! «Все кончилось. Теперь надо ехать в Хельсинки». Не верит. Неуверенно уточняет: «И об этом можно сообщить?» — «Конечно, сообщайте. Я еду писать телеграмму в Москву». Журналист исчезает.

Итак, Телеграфное агентство СССР оказалось не только первым, но и единственным обладателем информации, которая интересовала весь мир. В этой связи мне рассказали позже следующее. Мы уже знаем: в Москве вестей из Женевы ждали с нетерпением. Высшее руководство. Поэтому как только тассовское сообщение поступило в столицу, его немедленно доложили руководителю ТАСС с вопросом, как им распорядиться. Это означало прежде всего — как доложить Брежневу ну и, конечно, передавать ли новость на весь мир. Последовал вопрос: что сообщают другие агентства? Проверили. Оказалось — ничего. Случай показался столь необычным, что последовало указание: проверить в МИД правильность информации. Действовать только после этого. Но это так, к слову. Женевский корреспондент ТАСС был награжден орденом.

Вернемся, однако, в Женеву. Быстро попрощавшись с коллегами, спешим в представительство. Шифровальщик обычно ждал возвращения делегации. Я написал краткую телеграмму: 21 июля в 3 часа 45 минут второй этап Общеευропейского совещания завершил свою работу под председательством делегации СССР. Поставил подпись: Ковалев. Сказал, чтобы отправили немедленно.

Утром нам предстояло провожать Ковалева в аэропорту, и мы отправились к себе передохнуть несколько часов. Захваченный с заседания молоток остался лежать на моем рабочем столе. За завтраком я рассказал Ковалеву о напряженной ночи.

Из аэропорта все мы — члены советской делегации — заехали в представительство. Нам оставалось сделать в Женеве совсем немного: отправить телеграмму с кратким изложением последних событий, собраться, дождаться спецсамолета, который должен был прибыть за нами и, как говорится, снять лагерь. По дороге из аэропорта мы обратили внимание на то, что, оказывается, стояла превосходная летняя погода.

Однако едва члены делегации расселись за столом, как заговорил Менделевич. О прошедшей ночи и баталии вокруг кипрского вопроса. «Чем больше я думаю, — сказал он, обращая ко мне, — тем больше утверждаюсь во мнении, что в итоге вчерашнего обсуждения можно было найти и провести решение, в большей степени благоприятствующее позиции Кипра». Женевский этап Совещания закрыт. В столицах — несомненное удовлетворение. Об этом через час-другой зашумит вся печать мира. Делегации собирают чемоданы. И вдруг такое заявление! Фактически поставлен вопрос о том, что мы не все сделали для государства, позиция которого была нам понятна.

Как быть? Мои коллеги опустили головы. Отвечать надлежит мне. Председателем был я и за главу делегации остался я, деваться некуда. Но что ответить? Можно сказать, что успех Совещания даст столь положительный эффект, что это поможет решению всех проблем, в том числе и кипрской. Или сказать, что мы же были там вместе. Чего же махать кулаками после драки! Однако Лев Исакович — дипломат огромного опыта. В Женеве он вынес на своих плечах основную тяжесть разработки принципов взаимоотношений между государствами-участниками Совещания. И, наконец, он был ответственным за кипрский вопрос. Все эти варианты ответа не годятся.

«Хорошо, — говорю я. — Заседание позади, и Совещание закрыто. Но одна зацепка для продолжения действий здесь, в Женеве, все-таки еще остается. Она в том, что я как председатель заседания еще не подписал его

протокол». Действительно, практика предусматривала такую формальность, как подписание председателем протокола заседания. Это была именно формальность, так как в протокол вносился минимум сведений о заседании и его решениях и, насколько я помню, никогда никаких проблем с этой операцией на Совещании не возникало. Но в то же время, говоря строго юридически, до тех пор, пока протокол не подписан, председатель мог ставить вопрос о том, что заседание не закрыто, и поднимать вопрос о его возобновлении до истечения срока своих полномочий, то есть до полуночи.

«Так вот,— говорю я,— опираясь на эту формальность, я могу постараться возобновить заседание во второй половине дня, но для этого надо иметь хоть какую-то минимальную уверенность, что подобная экстравагантность может быть оправдана». Я вижу, что этот разговор явно рассеял усталость моих коллег. Продолжаю, обращаясь к Менделевичу: «Я предлагаю вам срочно встретиться с главой кипрской делегации. Один на один. Выясните, чего бы он хотел добиться. Дайте обещание, что советская делегация сделает все, чтобы помочь достичь того, чего он пожелает в сложившейся ситуации. Я же назначу на несколько более поздний час встречу с главой делегации Турции, послан Бенлером (я хорошо знал его) с тем, чтобы еще до заседания обсудить возможные варианты».

Я предложил членам делегации высказаться по предложенному плану. Все его одобрили. Мы разошлись в ожидании новостей после разговора Менделевича с Мавроматисом. Заключительную телеграмму, следовательно, писать было рановато. Прошла пара часов. Наконец, поступил сигнал: Мавроматис, приехавший к нам в представительство, уехал. Мы снова все вместе в кабинете. Внимательно слушаем Льва Исаковича: «Мы говорили откровенно, с разных сторон анализировали обстановку. Говорили долго. Мавроматис сказал в завершение: исход вчерашнего заседания — наилучший из всех вариантов для Кипра и ничего другого делать больше не следует».

Мудрый человек Мавроматис! Я даю отбой встрече с посланом Турции. Мы отправляем телеграмму в Москву, не отягощая ее подробностями. Расходимся. Время запаковать и памятный председателский молоток. Но куда он запропастился? Не могу найти. Спрашиваю нашего ответственного секретаря, не видел ли он его. Тот смутившись, приносит молоток из своего кабинета, объясняет, что у него были свои планы насчет этого сувенира. Все бывает. Самолет уносит нас на Родину.

Минуло пять лет. В Мадриде начала работу вторая встреча государств — участников Общевропейского совещания. Я был посланом в Испании и руководителем советской делегации на подготовительной части встречи. В испанскую столицу съехалось много ветеранов женевских баталий. Встречи, воспоминания. Здесь и член мальтийской делегации на женевских переговорах, тоже мой старый знакомый. Нет, не посол Гудвилл, что был тогда личным представителем премьер-министра Мальты Минтоффа. Он стоял выше того, кто постоянно руководил в Женеве мальтийской делегацией. Мне было интересно узнать, что стало с Гудвиллом, и такой вопрос я задал моему собеседнику. Тот помрачнел, услышав вопрос. «Я знаю вашу историю с посланом Гудвиллом,— услышал я в ответ.— Она кончилась для него плохо». — «Но в чем же дело? Ведь он так много сделал не только для успеха Совещания, но и для Мальты? И к тому же Гудвилл поделился со мной позицией, которая исходила от самого Минтоффа». — «Это вы так считаете. Минтофф же рассудил иначе. Дело в том, что Гудвилл отдал вам в тот день действительно последнюю запасную позицию Мальты. Да, она была апробирована самим Минтоффом, но рассматривалась премьер-министром как крайняя уступка в надежде на то, что Мальте удастся добиться чего-то большего. Одним словом, Минтофф был раздосадован до предела и уволил Гудвилла не только из Министерства иностранных дел, но и с государственной службы вообще».

Мне стало грустно. Я призывал собеседника в свидетели того, что полученное тогда Мальтой было максимумом возможного. Не пойдя Гудвилл на смелый шаг, не было бы ничего, ни для Мальты, ни для всей Европы.

Я остался под сильным впечатлением от услышанного, не раз мысленно возвращался к тому, что случилось с Гудвиллом, старался представить себе его чувства. Он действовал разумно в тех условиях, в которых оказался, и был за это наказан. Как оценить такой парадокс? Недостаточной осторожностью, психологическим просчетом или, может быть, издержками дипломатической профессии — профессии, которая порой обрекает человека на роль заложника всемогущих обстоятельств или воли капризного начальника?

При всей остроте дипломатических схваток и драматичности ситуаций в ходе Совещания превалировала вера в его успех. Может быть, с этим была связана и забота о том, чтобы загодя собрать кинематографический материал, имея в виду создание в дальнейшем о Совещании документального фильма. Не знаю, где родилась такая идея — в Москве или у руководителя советской делегации Ковалева, — но ближе к концу второго этапа Совещания в Женеву на длительное время приехал один из наших известных кинорежиссеров с тем, чтобы запечатлеть ход дел в их развитии. Как водится, при разработке сценария кто-то тщательно рассчитывал, на кого из участников, в каких обстоятельствах и сколько киноплёнки использовать, кому сколько отмерить экрана, кого показать крупным планом, кого мелким.

Кинорежиссер был оформлен как сотрудник делегации, что ставило его в привилегированное положение перед собратьями по профессии, позволяя присутствовать на заседаниях, куда кинорепортеры и журналисты не допускались. В то памятное ночное заседание, которому было суждено стать последним перед встречей в Хельсинки, кинорежиссер находился в зале, что я случайно обнаружил во время заседания. Документальный фильм о Совещании был сработан в кратчайшие сроки. В нем трудно было обойтись без того финального эпизода с одобрением Заключительного акта, о котором шла речь выше. Эта проблема была решена «творчески». На экране мелькнула чья-то рука с председательским молотком, опустившая этот молоток в заключительном ударе. Рука была безымянной, безликой, ее лишили даже государственной принадлежности. Видимо, заранее задуманный сценарий предусматривал какой-то иной вариант концовки женевского марафона. В жизни все случилось иначе. «Ну и что же из этого? — решил кто-то. — Пусть будет хуже для фактов». Это — еще один штрих к профессии дипломата.

Примечания

1. Известия, 5.VII.1994.
2. CHARLES DE GAULLE. Discours et messages. Roul l'effort. Aout 1962 - Decembre 1965, p. 340.
3. Le Quotidien de Paris, 7—8.XII.1974.
4. Дневники переговоров (Хельсинки — Женева — Хельсинки, 1972—75), с. 581- 582.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина

1911 год

Москва — деревня Переделки

1.VI.

Весь день — мелкие хлопоты: канцелярия Градоначальника (свид[етельство] о благонадежности, тьма просителей, жалобы на волокиту), зуболечение (у Веры Н.), у Ашиновых (Коле остается один экзамен; Соня предложила мне заниматься по-русски, по-латыни и по Зак[ону], — я согласился), магазины, покупки. Переезд на дачу, торопливый и спешный. Опасения за удачный ход уроков на даче. Холод!

2.VI.

Первый «вступит[ельный]» урок с М. Ал. прошел с подъемом, удачей. Торопливая поездка в Москву. (Зуболечение). Последнее прости Люб. Ивановне! Вечером, — в городе: расписание летних работ и учебники. Получил письмо от своих с выражением полного сочувствия моим планам — нет преград Фил[ологическому] фак[ультету].

Впереди — напряженная однотонная летняя работа. Как мало времени для сочинения!

3.VI.

Утром — первый удачный урок с Пол. Ал.; прошел одушевленно, лекционное вступление по истории вышло несколько расплывчато и отвлеченно; в опытной разработке истор[ических] вопросов чувствовалось в конце утомление (3,5 час.). Уроки увлекают.

Затем — поездка в город (по дороге в лесу — красивая страшная гроза с ливнем). Последний визит к Вере Никол. Неудачная поездка на «авиацию» (полет опять не состоялся!), неудачное посещение Над. Дм. (не застал, оставил записку). Вечером бродил по Москве: музыка на Тверском бульваре (фантазия из Вагнеровского Тангейзера осталась даже здесь прекрасной!), молочное сафё, кинематограф... бродил, жадно приглядывался к лицам, к позам, словам, ловил отрывки разговоров, и в сознании складывалась лента пестрых, но однородных впечатлений: в столице вечером.

4.VI.

Утром — у Софьи Ал.; и она, и Коля любезны и предупредительны ко мне. Занял у С. А. 3 р. (дорогое лечение зубов!) и вместе с 6 р., занятыми вчера у Н., отнес к Вере Ник. Весть о смерти новорожденного Вал. Арт. отозвалась во мне шемящею болью; в ее жизни это большое горе!

В Канц[елярии] град[оначальника] — обычная волокита: ответ на прошение до понедельника. В Румянц[евской] читальне начал чтение Методики арифм[етики] Шохор-Троцкого; мне по душе его принципы (конкретного преподавания), самодет-

тельности учащихся), много нового, интересного. У Ашиновых условился с Соней о занятиях, поздравил с аттестатом Колю Изензе, беседовал с ним о его будущем (он вновь бредит военной службой), убеждал идти в Межевой или в Университет. Коля Ашин. — тоже с аттестатом (сколько напряжения было в этой 3-летней борьбе за аттестат!). Обратно — на дачу по грязи. На даче расстроился после сообщения М. А. о нерешенной задаче (мое «арифметическое маловерие!»), но после некоторых сомнений решил ее. День закончился подгот[овкой] к уроку след[ующего] дня.

Утомляют поездки в город и толчея там. Заниматься по сочинению еще не начинал.

5.VI.

Весь день — на даче. Обещал быть у Ал. Ник., но ехать не мог: хоть день, да посидеть дома! Холодно, сыро, неприветливо. Зато мои милые ученицы — необыкновенно ласковы и предупредительны. И в комнатах — разлита мягкая атмосфера семейного уюта.

Утром — урок с М. А., первый урок по теории арифметики. Прошел отлично: оживленно, содержательно, «культурно». Вечером, когда просияло солнышко, пошли гулять к имению знаменитых Самариных. Чудный лес! Сосна, ель попеременно с лиственными... гармония птичьих голосов, золотые лучи заходящего солнца, яркая зелень луга и поля. Хорошо! В промежутках между уроками, веселой болтовней и прогулкой составлял планы занятий — своих и Сониных.

6.VI.

Утром — урок с Мар. Алекс. (удачный), вечером — с Николаем (прошел оживленно и быстро), в промежутке — подготовка к уроку с Николаем, постановка вопросов по литературе и по истории. Вечером — один в квартире, в Москве. Холодно, тоскливо, за окном барабанит дождь.

7.VI.

Утром, в Рум[янцевской] читальне, с увлечением читал Методику арифмет[ики] Шохор-Троцкого и курс Кюрзена (чувствовал, что время не пропало даром!). Днем заходил в Кред[итное] о[бщест]во, видел П. С., взял у него 20 р. Купил «Contrat social» — хочу возобновить занятия французским яз[ыком], вернуться к начатой и прерванной книге. Вечером — урок с П. Ал. (как она неуверенна и застенчива!), ночью — составлял табличку по истории и конспекты завтрашних уроков.

8.VI.

Утром отправился в Москву, на урок с Соней, опоздал на час и не застал ее дома: решила, что меня не будет, и отправилась на процесс интендантов. Решил использовать свободные 2 часа и с увлечением просидел в Рум[янцевской] чит[альне] за курсом Кюрзена и новой методикой Алферова.

На даче — урок с Мар. Ал. оборвался через 1 1/2 ч.: она не желает заниматься дольше, видя в этом эксплуатацию меня. Разговоры — ни к чему. Вечером — прогулка в лес (какая красота!), после дождя, в туман и сырость и чтение Саводника (русская литер[атура] XIX в.). Чувствую себя все бодрее и сильнее.

9.VI.

Сегодня ездил в Москву специально для занятий в Читальне. 3 часа — за книгами и 4 часа на поездки! Время в Читальне не пропало даром: занимался напряженно и сосредоточенно. Простудировал по Кюрзену отдел об «арифм[етическом] дополнении», по методике Шохор-Троцкого — начало «алгебраического отдела»; начал «Введение в педагогику» Бауманна (чувствуется дух немецкой обстоятельности и консерватизма, но творческого переживания излагаемых учений и внутренней систематизации их — нет); начал «занятия по сочинению» книгой Горбунова (Методологич[еские] основы...) и в восхищении от основательности и построения его труда.

На даче, после обеда, урок с Мар. Ал. (теория сложения); опять — война из-за часов занятий. Вечером подготовка к завтрашнему уроку истории (чтение Иловайского и постановка вопросов).

10.VI.

Утром — подготовка к уроку истории и самый урок с Мар. Ал. Ее синтетические способности развиты слабо. Затем — подготовка к уроку с Ник. (постановка вопросов по литер[атуре] и по истории), поездка в Москву и самый урок. Но сегодняшний день неудачен: семья и служба мешают Николаю, и вместо 3-х предметов мы ограничились на сегодня одним, литературой, да и то говорил больше я... Застал Ал. Ник. и Маринушку — они мне обрадовались.

Вечер в Москве. В Екате[рининском] парке — толпа гуляющих, плохонький оркестрик, туча пыли и аромат «Синички», несущей беловатую жидкость под объединенными, обнаженными ветвями деревьев: городская «поэзия». Шумы и запахи столицы летнею ночью. Пришел домой, подготовился к завтрашнему уроку с Соней (по истории) и заснул за чтением Аксаковских воспоминаний.

11.VI.

Снялся в «Момент[альной] фотографии». Урок с Соней почти не состоялся: ездили в Округ выяснить вопрос о значении ее институтского диплома для предстоящего экзамена (оказывается, так ей сказали 2 дня назад, время окончания Института не имеет значения); приема нет — суббота. Немного занялись латынью: переводит отлично, но знание грамматики!..

Урок с Мар. Ал. прошел менее удачно, чем обыкновенно; ее ответ по теор[ии] арифм[етики] — слишком отрывист, не успевает решать задач. После веч[ернего] чая мы совершили длинную прогулку «по лесам и болотам!» Здесь так живописно! На пруду слушали пение. Я так устал, что не мог больше заниматься. Это — первые дни отдыха, с понедельника надо серьезнее заняться подготовкой к сочинению.

12.VI.

Воскресенье. Прелестное летнее утро — свежее, ясное, солнечное. Я выпил чаю — и в дорогу: надо выполнить свое обещание, побывать на даче у Ал. Николаевны. Солнце все выше и выше: печет нестерпимо и через пять минут умеренного шага я — в поту, умираю от зноя. Забежал к Кубацкому¹, занес ему программы госуд[арственных] экзаменов, едва-едва поспел на поезд и с большим трудом, с опозданием, попал на Клязьму. Александра Николаевна и Маринушка приняли меня очень радушно. Приехала ее сослуживица, и после чаю мы отправились гулять. Клязьма — специфически дачный подмосковный поселок, с кругом, с лаун-теннисом, с электр[ическим] театром, улицами и разряженными дамами. На всем лежит отпечаток внешней культуры, природы почти не осталось. Куда лучше 20-ая верста, с ржаным полем, с лесом и маленькими, редко населенными деревушками. Ночевал на Клязьме Ал. Ник. и Мар.

13.VI.

Прелестное летнее утро. Встал в 7 часов, но по собственной небрежности опоздал на смоленский поезд и дома был только к часу: день пропал! В ожидании продолжал чтение Аксакова, восхищался непосредственной простотой и глубоким чувством его изложения. Весь день прошел на подготовку и к урокам и на урок с М. Ал. (начали геометрию!). Два раза купался, но, кажется, пруд не слишком чист: после купанья у меня краснеют глаза. Вечером, после ужина, немного гулял: тихо, светло, над всем — мягкая дымка угасающего дня...

14.VI.

Жаркий день; в лесу и в поле как-то «прозрачно» ясно! Мы с Мар. Ал. шли на станцию и любовались яркостью красок и сочностью поднявшейся луговой травы. Начинают косить. В Москве целый час ушел на фотографию, очень недобросовестно отнесшуюся к выполнению заказа. Я взволновался и говорил резко — иначе ничего не поделаешь. Пришлось и ждать, и пересниматься.

В Читальне все время ушло на арифм[етику] и литературу (о Кольцове). На даче урок не состоялся — Пол. Ал. захворала, а М. Ал. решительно отказалась. 3 часа прошли за чаем, за болтовней.

Начал чтение Rousseau (с «Discours»): почти все слова знакомы, но сверяюсь со словарем на каждом шагу: не доверяю себе. Разбираюсь в тексте без труда и с большим удовлетворением вникаю в книгу: R[ousseau] пишет — беседует с читателями...

Вечером составлял консп[ект] по литературе (о Кольцове), читал Caesar'a. Устал.

15.VI.

Сегодня — день уроков. Выехал по Брянской, чтобы отыскать врача Пол. Алекс. Дорога — чудесная; поле утром — одно очарование. Но жарко, жарко... С меня ручьями льется пот, еле дышу.

Первый урок с Соней по литературе. Я прочел ей «вводный очерк» (часовую лекцию) о Кольцове. Говорил как по писаному — сам удивился. Но с повторениями — это мой недостаток. Кажется, произвел хорошее впечатление. Занимались и по латыни переводом и разбором. Я убеждаюсь, что Caesar — для меня совсем прост [...] С Пол. Ал. занимался по истории. Она по-прежнему держится неуверенно, синтезирует слабо (впрочем, много ли дает учебник?!). Читал Rousseau.

Купался, — и чувство свежей бодрости не пропадало весь вечер.

16.VI.

Первая половина дня — в Румянц[евской] читальне, за подготовкой по арифметике, за чтением Алферовской методики (замечательно симпатичное впечатление производит широкая подготовленность, глубокая убежденность и скромная простота автора), «Полицейского права» Дерюжинского (прочел методологическое введение и понял все преимущество ясного, точного, стройно-юридического изложения Елистратова), Горбунова (к сожалению, чтению Горбунова мне помешала внезапно охватившая сонливость, какая когда-то так мучила и мешала мне в умственных занятиях).

Урок с М. А. по арифметике (теория вычитания) и истории (общий очерк истории Востока) прошел удовлетворительно, М. А. и П. А. даже хвалили «красоту» моего изложения. Вечер был прелестный — тихий, задумчивый. Все небо в облачках, и облачка играют переливами цветов в сиянии уже исчезнувшего солнца. Мы трое отправились гулять в соседнюю деревеньку (Измайлово), бродили по полю, любовались лесными пейзажами и расцветшими небесами. После прогулки ужин (сколько я ем!) и чтение Rousseau. Смелая оригинальность идей привлекает в Discours.

17.VI.

Утром и днем я был под впечатлением ночного сна, который опять заставил сжаться сердце тоскующей болью: я видел Ш.; мне снилось, что мы сидим вдвоем, сплетая руки: в затаенной форме она задает мне вопрос, который два года я читаю в ее лучистых глазах, а я... я отвечаю: «нет»; я видел и слышал ее горе, в моей душе была привычная тоска, и с этой тоской я проснулся... Нежное любовное чувство зашевелилось во мне, знакомое — и нежное, и безнадежно-грустное — настроение охватило меня... Какой-то особый, мягкий и прекрасный колорит обвеял воспоминание о Ш., мечты о ней провожали меня всю дорогу. Недоговоренную, оборванную осталось наша немая речь...

Занятия в Рум[янцевской] чит[альне] были продуктивны: сосредоточенно, с конспектом, читал Горбунова; пробежал 15 страниц Баумановской педагогики (сухой перечень имен! никаких обобщений! ничего своего!), готовился по литературе (отрывки из Литературной хрестоматии; страницы Ист[ории] лит[ературы] Пыпина о Кольцове, тоже неоригинальные). Приезжаю домой — от Никол. его брат с сообщением, что урока не состоится (и грустно, и досадно!). Вернулся на дачу, освежился купаньем и — за дневник.

Сегодня я получил письма — от Н. И. Комаровского (симпатичное хорошее письмо), от Е. Петр. (бедная! у нее — горе: заболела Лиля), от Лины (она — в Геленджике).

18.VI.

Мои городские уроки — совсем непродуктивны: вчера не состоялся урок с Николаем, сегодня — почти не состоялся и [с] Соней (и так уже сколько времени). Соня по-прежнему отговаривается то домашней суетой, то мелкими делами, вчера — проводы Коли, сегодня выкуп в ломбарде и т. д.; уроков не готовит, книг не приобретает. Я с грустью начинаю убеждаться, что все эти объяснения — пустые надуманные отговорки; действительная причина плохих занятий — ее безволие, связанное, быть может, с переутомлением. Натура сказывается: после подъема, который длился несколько месяцев, — реакция, неумение овладеть собой, разъедающая неуверенность, врожденная и закрепленная воспитанием обломовщина. Едва ли по систематике идет лучше... Лето — последняя ставка. Осенью — или полный крах или поворот к лучшему.

Уроки с М. А. идут последовательно, но слишком уж «постепенно»: мы отстаем от программы, так как не успевали в 2—3 часа выполнить программу дня, да и М. А. не успевает готовить всех уроков. Мне это — удобнее, но ей — не улыбается: у меня подготовка к каждому отдельному уроку сокращается, но не в ее интересах растягивать собственную подготовку к экзамену; да и мне неприятно, что наши летние уроки останутся незаконченными. Сегодняшний урок — мои объяснения по изм[енению] суммы разности и по арифм[етическим] доп[олнениям]. В середине объяснения несколько спутался, и это объясняется недостатком моего математическ[ого] образования: объяснял новый для меня отдел и взял неудачный пример. Надо говорить менее напряженно, это слишком утомляет учащих. Вообще я говорю теперь свободнее и яснее — сказываются литературные чтения и особенно занятия юриспруденцией.

Я приучаю себя к точности и определенности в уроках: регулярно составляю расписания занятий со всеми учениками — недельные и дневные; на всю неделю определяю содержание собственных подготовительных занятий.

Уроки отнимают у меня много времени и сильно мешают моим научным занятиям; но в душе моей нет горечи; я чувствую себя спокойно и примиренно; сознание добросовестно выполненной работы, сознание своей честности — источник внутр[енней] радости. Я верю в свои силы и в возможность все-таки использовать время для сочинения. Умиротворяюще действует природа и ласка окружающих. Купаюсь, гуляю. Здесь — такие живописные места! Я шел сегодня со станции новой кружной дорогой и восхищался разнообразием красок и сочетанием форм. Вечером был дивный закат: все небо — в расплавленном золоте; а на фоне его — черные всклокоченные пирамиды елок. После прогулки тянет ко сну, не сядешь за книгу!

19.VI.

Воскресенье. Я весь день на даче, и сознание, что ехать в Москву не надо, делает меня счастливым. День пробегает незаметно: утром — расписания, подготовка к завтрашним урокам, после обеда — газета и урок с Пол. Алекс., купанье и болтовня. Вечером, после ужина — письмо Зинаиде. Написал ей теплые братские строки — о своем настоящем и предполагаемом будущем. Чтения, научных занятий — не было.

20.VI.

Опять с Соней — на одном месте: достала курс литературы — и не нашла там Кольцова. Истории почти не знала. Занимались чтением Caesar'я. Дорогой кончил «Воспоминания» Аксакова и невольно, при чтении, заражался его увлечением в описании бабочек и собирании их. Урок с М. А. прошел вяло: ей недостает уверенности и внутренней логической связи в изложении теории арифметики; слабее Полины Ал. синтезирует по истории. Вечером несколько страниц из Быкова.

21.VI.

Встал рано, до отъезда успел прочесть из Rousseau. В Рум[янцевской] чит[альне] 2 1/2 ч. читал по всем курсам и по методике отдел умножения; немного — из Горубнова. М. А. меня не радует: неуверенны ее ответы, медленна ее работа, слаба ее инициатива. Вообще интенсивность работы у всех моих учеников летом понизилась. Вечером, кроме подготовки к завтрашним урокам, успел прочесть несколько страниц из книги Быкова и начать составление таблицы «Охрана труда».

Купался в грозу — под дождем, в тумане водяных брызг, в блеске молнии, под громовыми раскатами.

22.VI.

Сегодняшние занятия с Соней были более продуктивны, хотя, по обыкновению, она не нашла «вопросника» и на вопросы не ответила... Все-таки время не пропало даром.

Урок с П. Ал. был «пестрым»: ее ответ по программе был удовлетворительным, но вопросы по всеобщ[ей] истории... Вечер ушел на конспект завтрашнего урока по арифметике.

Взял в библиотеке книгу Ветринского о Грановском — тянет к ней. Сегодня, в сумерках, мы с М. А. прошлись по Самаринскому парку. Знакомое очарование старинных барских имений, обвеянных воспоминаниями далекого прошлого... Запущенные аллеи, вековая раскидистая липа (скрепленная железными обручами), романтические уголки на берегах зеркального пруда, барский особняк в стиле XVIII века... Я думал: здесь, по этим дорожкам, бродили в горячих беседах Аксаковы и Киреевские; здесь кипела честная мысль за проектами освобождения...

23.VI.

Сегодня в читальне я пережил минуты душевного подъема — за чтением «Силуэтов» Айхенвальда: живо, увлекательно, тонко он рисует характерные черты художественной индивидуальности (я читал его очерк об Аксакове); его стиль — несколько вычурен, сладок; но образная красота а, главное, чуткое проникновение в интимную суть писателя захватывают несмотря на то, что ясно сознаешь ограниченность его критического субъективного метода. С неменьшим интересом прочел я очерк об Аксакове Милюкова; мне нравится его тонкое, несколько ироническое освещение социально-литературных явлений — всегда оригинальное, всегда проникнутое гражданским чувством. После чтения его истор[ической] диссертации, его финансовой рецензии, очерков культуры и литературных экскурсов я убедился,

насколько богата и глубока его индивидуальность; в нем — все черты последовательного цельного, и, конечно, широко образованного, политического мыслителя; но способен ли он к роли полит[ического] борца, партийного деятеля?.. Для деятеля недостаточно трезвого скептицизма образованного историка, сильной веры, твердого мировоззрения и крепкой воли, готовой на длительное самопожертвование. В борьбе деятель должен перевешивать мыслителя, его субъективное стремление должно быть сильнее и ярче просвещенного объективизма; а Милюков слишком просвещен, слишком объективен и в силу этого неизбежно склонен к средним решениям, к компромиссному соглашению противоречий. Это — психологический недостаток всех интеллигентских политиков, особенно из среды ученых... И половинчатая тактика к[рестьянско]-д[емократической] партии объясняется не столько ее буржуазностью, сколько влиянием этого недостатка, влиянием ее интеллигентского состава.

Именно этот созерцательный момент в моей собственной натуре навсегда лишает меня способности быть борцом, политическим деятелем. Во мне слишком много мягкости, душевного спокойствия и внутреннего консерватизма; я слишком, от природы, терпимоблагодарен и объективен. Я нахожу, что в условиях моего воспитания, в моем характере и даже в моих вкусах много сходного с С. Т. Аксаковым, о котором я читаю. Нет только врожденного и закрепленного впечатления детства любовного слияния с природой. (Мне кажется, что моя любовь к природе — поверхностная любовь усталого горожанина). И чувство общности у меня сильнее и резче — другое время, другие песни.

Дорогой я начал книгу Ветринского «Грановский и его время» и вновь пахнуло на меня родной и чистой атмосферой светлого идеализма. Знакомые прекрасные образы «Замечательного десятилетия»!

Урок с М. А. прошел совсем бледно: решение задач — туда-сюда, а ее ответ по истории вял, неуверен, слаб... Ко всему тому я слишком затянул свой исторический рассказ о Греции — и оба мы переутомились. Вечер прошел бесплодно — в прогулках в разговорах. Единственное яркое впечатление вечера — темно-огненные оттенки и отблески облаков во время заката. Каждый день — новые краски.

24. VI.

Думал заняться в течение дня фабричным законодательством — и не удалось: после Rousseau принялся за составление образцового плана к сочинению о Кольцове (для Сони) и потерял на это несколько часов. После обеда пришлось собираться в Москву, на урок с Ник., но сегодня он предупредил меня — приехал сам, и некстати: мы с М. А. проектировали побывать в Сокольниках, на симфон[ическом] концерте. После урока все же поехали. Николай производит тяжелое впечатление своим видом, своим настроением и рассказами о семейных несчастьях. Его желанная цель отодвигается все дальше... хватит ли желанья и сил на ее достижение?

Давно я не был на симфоническом концерте, сильное впечатление произвела на меня 5-я симфония и знакомая «Ромео и Джульетта». Обрато вернулись в 3 часа утра, под проливным дождем, по лужам, сквозь лесную чащу.

25. VI.

Ничего нового, интересного. Урок с Соней не состоялся, она больна, лежит (обрывается нить занятий, будто-будто наладившихся). Утро пропало! После вчерашней ночи — утомление, сонливость. Все-таки урок с М. А. прошел оживленно. После урока выкупался в холодной воде. Вечером читал Rousseau, немного — о Грановском.

26. VI.

Утром — подготовка к уроку истории, программа на предстоящую неделю. Потом — урок с П. А. (занимались сегодня дольше, 4 часа, утомились) и письма к Лине, и своим, и Виктору Исаковичу. Немного погуляли, но сумрачно и сыро — настоящая осень! Всюду грязь, слякоть. И на душе — тоскливо и серо...

27. VI.

Урок с Соней вышел опять половинчатым: плана заданного сочинения она не составила, и мы опять не занимались литературой. Соня передала мне письмо от Викт. Ис. — просит навести справки в Канц[елярском] техн[ическом] уч[илище]; получил письмо от своих. Дорогой, в вагоне, читал Грановского. Урок с М. А. прошел серенько. Но я доволен, что вечер не пропал даром, — читал Быкова, правда, немного, но все же это подвигает меня вперед.

У меня — здоровое самочувствие, ощущение внутренней бодрости, — вероятно, следствие деревенского воздуха и хорошего питания.

28.VI.

Сегодня ездил в Техническое — потратил на это полтора часа, и без успеха (справки не дали). В читальне штудировал Горбунова и прочел живую оригинальную главу из труда Алферова (о самостоятельном развитии литературного языка). Дорогой, в вагоне трамвая Ж[елезной] д[ороги] — книга Ветринского, учебник Платонова. Урок с М. А. прошел оживленно; по геометрии она отвечала хорошо. Потом — подготовка к урокам, чтение Быкова, Rousseau.

29.VI.

Я доволен, что сегодняшней урок с Соней прошел содержательно, без отсрочек. Занимались, чего, кажется, никогда не было, по всем 3 предметам. Урок М. А. прошел хуже обычного: виною мое утомление, которое я привез из Москвы. Вечером немного читал Быкова. На дворе — сумрачно, холодно...

30.VI.

Мои сегодняшние занятия в читальне были плодотворны: кончил Горбунова, взволнованно просматривал страницы о Л. фон Штейне и Еринге: какое сильное желание почувствовал я — прикоснуться к этим первоисточникам живой возбуждающей мысли! Просмотрел интересную главу из Альферовской методики. Урок с М. А. был краток, а моя роль — пассивною (слушал ее ответ). Вечером готовился к завтрашним урокам.

Сейчас — шумит ветер в листьях деревьев, и что-то таинственное, затаенное, страшное чувствуется вокруг, в холодном сумраке тревожной ветренной ночи... Тянет к огню, к людям, к ласковому привету.

1.VII.

Сегодня 5 часов я просидел в читальне — и все это время ушло на подготовку к урокам арифметики! Только в конце успел просмотреть стихи Державина и, вопреки обычному представлению о «льстивом царедворце Фемиды», открыл в нем честного и смелого сатирика, дипломатически облекающего свое сатирическое жало в непроницаемую броню похвал императрице. После напряженно безостановочного чтения арифм[етических] курсов почувствовал страшное утомление, до головной боли. Успел захватить к Н. Н. за иностр[анными] газетами и — на урок. Я недоволен сегодняшним уроком, недовольна собою: не мог скрыть досады на поверхностные (ведь поневоле!) занятия с Н., на его ожесточенность и отсутствие живого интереса к работе (ведь это так понятно — в условиях его жизни!), и это передавалось в тоне моих объяснений. Надо убивать эти чувства Николая противоположными, а не поддаваться им. И все-таки я не могу вполне оправдать его: его жизнь тяжела, нет слов, заниматься ему трудно, что и говорить; но надо иметь больше выдержки и силы воли — если внешние условия убивают самую жажду знания, — значит, невелика эта жажда!..

После урока я думал заняться подготовкой к завтрашним занятиям с Соней (введение об Аксакове) и с Мар. Ал. (по теории арифм[етики]); к сожалению, вся моя программа разбилась: по телефону сообщили о несчастье с братом Алекс. Ник., (упал с аэропланом), и я, уже ночью, поехал к ней на Клязьму передать это известие. Но она приняла его довольно безразлично и, кажется, больше всего была огорчена предстоящей потерей времени.

2.VII.

Сегодняшние уроки были непродуктивны — сказала моя неподготовка. Пришлось отложить введение об Аксакове и объяснение теории деления. Урок с Соней прошел с обычными «купюрами» — сочинения не написала, тетрадь с историч[ескими] вопросами потеряла, приготовила не то, что задано. После урока пришлось отправиться за покупками, в баню, к Николаю... на дачу попал поздно, и урок с М. А. прошел кое-как, формально. Вечером читал «Дискуссионный листок».

3.VII.

Воскресенье все сплошь ушло на уроки и подготовку к ним. Занимался с П. А., составлял вопросы по истор[ии] и конспекты завтрашних уроков. Эта безостановочная нить обязательных занятий обесцвечивает мою жизнь.

4.VII.

Сегодняшние уроки — неудачны во всех отношениях. Я потерял как будто уверенность в себе и умнее отвлеченно и красиво строить фразу, мешаюсь, пута-

юсь... Вероятно, это последствия моего утомления. Сегодня после трехчасовых занятий с Соней и двухчасовых с М. А. я чувствовал себя усталым... И, вопреки обычаю, не брался за учебники, не стал готовиться к завтрашним урокам и забыл о фабричном законодательстве. Начал читать Плутарха (Алекс[андр] Макед[онский]); по-видимому, сохранившиеся места — только фактическая канва для утерян-ной сравнит[ельной] характеристики; в них нет обобщений и ярких красок, они полны сказочных подробностей и странных, на наш взгляд, естественно-научных объяснений и языческих представлений. Но сохраняется тот благородно-строгий классический колорит, который так характерен для древних.

Сегодня я читал о Грановском, о дружеских кружках 40-х годов и невольно сопоставлял «женски-тихий нежный нрав» Огарева, Грановского, отчасти Герцена с своим собственным. Я нахожу, что в складе моей натуры много точек соприкосновения с их характерами.

Сегодня я восторгался репродукцией скульптур Инн[окентия] Жукова. Порази-тельная сила и тонкость выражения! При всем несовершенстве техники — какое «чувство жизни», какая непосредственность восприятия и верная передача! И какое разнообразие сюжетов и их трактовки! Невольно вспоминается другой стихийный талант с таким же непосредственным «чувством жизни» — Плевницкая². И оба они — совсем русские!

5.VII.

Сегодня я начал книгу Константина Алексеевича Пажитнова «Положение рабо-чего класса» и с увлечением прочел фактическую сводку многообразных данных о полож[ении] пролетариата 80-х годов. Поражающие факты — они напоминают факты, приведенные в книгах Энгельса и Маркса об англ[ийских] рабочих.

Урок с М. А. прошел сносно, а вечер весь заняла подготовка к завтрашнему уроку истории. Немного почитал Ветринского.

7.VII.

Сегодня, в читальне, пришлось употребить немало времени на подготовку к уроку арифм[етики]: завтра читальня заперта. Все-таки успел прочитать немного из Пажитнова — с тем же интересом, что раньше...

Я получил сегодня письмо от папы — оно удивило меня неожиданностью: наши высылают мне займы 25 р. для ускорения подачи университетского прошения. Это растрогало меня и навело на целый ряд дум о маме; несомненно, это ее мысль. Я не хочу приписывать эту мысль эгоистическим соображениям; наоборот, мне кажется, что здесь сказала та духовная чуткость, которая порой, в важные жизненные моменты, пробуждается в маме... Невольно вспоминается ее чуткое отношение к лининому горю, когда Лину не перевели на следующий курс Филармонии... Болезнь и жизненные страдания исказили ее характер, но ей нельзя отказать в культурности духа, в стремлении приблизиться к умственной жизни, в способности понимать и правильно оценивать значение умственных запросов. Это смягчает во мне и горечь воспоминаний о нерадостном детстве, и тяжелые впечатления послед-них лет...

Урок с М. А. почти не состоялся: мы занимались немного и скоро оборвали — у М. А. головокружение и слабость. Я боюсь, что начинается ее прежняя болезнь. Тогда занятия фактически — насмарку... Вечером — подготовка к уроку с Николаем и Белинский (в изд. Ив. Разумника). Я пришел в восхищение от изящества издания, не удержался — купил его.

8.VII.

Днем на даче: статьи Белинского, книга Быкова, письма. В Москве — урок с Николаем, засвидетельствовали подписи на карточках. Получил письма от Дуглас (милые наивные послания от Лели с Лилей), от Миши (рисует свою жизнь). Вернулся домой поздно ночью, шел во тьме таинственно-настороженного леса, в жуткой тишине и мраке.

6.VII.

С Соней — разбор сочинения (слабые потуги!), с П. Ал. — напряженное, с тру-дом поддающееся синтезирование истор[ических] фактов (она едва не разрыдалась на уроке, и мне пришлось с полчаса утешать ее, уверяя в неосновательности ее отчаяния). Вечером — Плутарх и книга Быкова.

9.VII.

Целый день — чувство страшного утомления, головная боль, неясное сознание.

На уроке с Соней голова, как в тумане. Урок с М. Ал. — неважный, ее ответ неуверен и слаб. К вечеру под влиянием свежего воздуха исчезла головная боль. Весь вечер переписывал копии своих документов; сегодня получил в Почтамте 25 р. и послезавтра отправляюсь в Университет подавать прошение. Нерадостные мысли о будущем.

10.VII.

Собирался ехать к Пузановым — и остался: надо ночевать дома, нет Нат. Вас. Утром — подготовка к уроку истории и арифметики. Затем — приход Леоновых. Весь день — прогулки, катанье на лодках, горелки, беганье наперегонки, шуточные баталии сеном, шутки и смех... Я чувствую себя освеженным и бодрым.

11.VII.

Сегодня — решающий день моей жизни: я подал в Университет прошение и бумаги; я — филолог! Странное чувство владело мной, когда я толкался в канцелярии, среди молодых первокурсников; воспоминания о прошлом, о «зеленой юности» первых университетских лет, о неповторяющемся чувстве первого увлечения научными лекциями. Я чувствовал себя «стариком среди собравшейся молодежи» — что-то исчезло, выветрилось в сердце; полоса тяжелых впечатлений смяла первый порыв, убила светлую непосредственность, с какой когда-то вступал я в эти стены.

Я взял программы, обзоры, расписания филологического факультета, стал их рассматривать, и меня подхватила волна возбуждения, моя любовь к истории и вообще гуманитарным наукам. Я начал изучать «обозрение», составлять планы будущего... Ряд интересных лекций: Виппер, Богословский, Челпанов, Покровский... Вечером, после урока, я составил примерный план зимних занятий — меня интересовал вопрос, совмещу ли я уроки, лекции и собственные научные занятия... Как будто — да... О, если бы!.. Если бы сбросить ярмо подневольного закабаляющего труда, освободить время и силы для увлекающей любимой научной работы!.. Разве впоследствии я не возместил бы этих освобожденных часов сторицей труда и напряжения?

12.VII.

За весь день — 1 1/2 часа научных занятий! Остальное — поездка в Технич[еское] Училище, составление писем (Бородулину и Викт. Ис.), подготовка к урокам, поиски книги, урок...

М. А. совсем плохо выглядит: у нее — хроническое головокружение, ослабленная восприимчивость, сквернейшее настроение. Атмосфера заметно становится тяжелой. Тупая усталость заставила меня лечь раньше обычного времени.

13.VII.

Плохо, плохо... Успехи моих учениц — слабее слабого. М. А. — совсем больна и в самом угнетенном состоянии; темп наших занятий совсем ослабел. П. Ал. хронически не успевает; ее сегодняшний ответ по истории был совсем мертвым. У Саши — несколько пустых уроков по литературе. У меня — застой в собственной работе, непрерывное напряжение уроков и подготовки к ним; усиливающееся утомление, а впереди — нерадостная перспектива: та же борьба за существование, заграждающая дорогу к науке.

Опять — нервы... Вчера, читая о перелете, я плакал, чуть не разрыдался... Сегодня был момент, когда я хотел только одного: уснуть, забыться, освободиться от всяких впечатлений...

14.VII.

Все — то же. В вагоне поезда и трамвая — «Детские годы» Аксакова, умиротворяюще действующие на меня своим здоровым спокойным духом. (Какое счастье расти в деревне, наедине с природой!). В Р[умянцевской] чит[альне] — подготовка к уроку арифм[етики] и Пажитновы. Ур[ок] с М. А. — лучше; кажется, опыт немедленного, на уроке закрепления выясненного отдела прошел удачно. Свободно и плавно текла моя характеристика греч[еских] республик. Вечером готовился к уроку с Николаем, читал «Бригадир» Фонвизина — и не мог удержаться от смеха — как остроумно-едка его сатира! Самочувствие лучше.

15.VII.

Сегодняшний урок с Ник. — удачнее обыкновенного (хотя сам он работает мало). Я готовился к уроку в читальне. Читал Пажитнова. Вечером готовился к завтрашнему дню — Caesar, Платонов.

16.VII.

Развертываю газету — и читаю об исключении всего Женского мед[ицинского] Инст[итута]. Что-то чудовищное! Думаю, что даром это не пройдет. Чувствую и возмущение и тревогу за будущие занятия. А так надеется, так верится и хочется работать на Филол[огическом] фак[ультете].

В Москве, у Сони, меня ждала теща Ал. Дм. Его жена опять больна и, кажется, очень. Бедняга, совсем ему не везет! Сониная работа — слаба по обыкновению: ее план построен неполно, нелогично. В сущности, план ей диктую я. С М. А. решали задачи, и только: у нее — болело горло. Вечером — программы и подготовка.

17.VII.

Сегодня после урока я отправился к Пузановым. Туманно и сумрачно. На Окружной дороге случайно попал в экскурсионный поезд о[бщества] «Славия» — увеселительная поездка вокруг Москвы; встретил знакомого студента, доехал до Ростокина, наблюдая на останках, с какою детскою радостью бросались экскурсанты, мученики города, к чахлым цветам жел[езнодорожного] полотна. Степановы и Пузановы произвели на меня какое-то серое впечатление: как будто еще беднее, еще обыденнее стала их жизнь; мне показалось, что в их доме царит атмосфера отчужденности, сухости... впрочем, и раньше я замечал это. Мы совершили прогулку в Свиблово, бывшее имение князей Хованских, — замечательно красивая местность: вековой парк, романтические зеленые обрывы над Яузой, широкий вид на заречье. У Пузановых был Г. Г. Черкезов с сестрой; он всегда оставляет во мне бодрое впечатление здоровой, живой, разумной силы. Достаточно послушать его живые рассказы и планы личного будущего, чтобы усумниться в возможности тех обобщений, которые делает Кускова в сегодняшнем фельетоне «Раненные». А все-таки этот фельетон заставляет сильно задуматься: «раненые — это современная молодежь, пережившая революционную бурю и переживающая теперь реакцию, не окрепшая в вере революционных отцов и не сумевшая от нее отрешиться». Невольно вспоминаются Misereere.

18.VII.

Серый туман стелется по земле, заползает в душу, убивает ее отравой апатии и тупой безнадежности. С такими чувствами ехал я сегодня с дачи Пузановых на урок, на дачу. Все окружающее — постыло, одно желание — забыть... По инерции даю уроки — Соне и Мар. Александровне; свободное время «забываюсь» за книгой, за легким интересным чтением философии истории (Кареев) и литер[атурной] критики (Е. Соловьев, Белинский). К вечеру — легче, бодрее... Получил письмо о болезни папы и его намерении приехать в Москву.

19.VII.

Самочувствие лучше: просияло солнце и освободило душу. В читальне почти окончил Пажитнова (несмотря на сводку поразительных фактов книга показалась мне одноцветной, серой, такими же серыми казались мне раньше устные выступления автора в качестве контрреферента). Вечером читал Быкова. В промежутках — уроки и подготовка к ним.

20.VII.

По-прежнему затягиваются наши занятия литературой с Соней, сочинения — еще нет. Во время уроков истории мы часто отклоняемся от темы — Соня засыпает меня вопросами... Сегодняшний урок с Пол. Ал. затянулся — кончили в 11 часу. Остаток дня я употребил на «легкое чтение».

21.VII.

Погода — ясная, солнечная. Воздух — ароматен, бодростью веет от природы. Не хочется уезжать в город.

В Москве пришлось потратить немало времени на разъезды: перемену книг в библиотеке, покупку книги-подарка для М. А. (историю музыки), поиски «Ист[ории] литературы» Пыпина.

В читальне, после конспекта по арифметике (теперь они не отнимают у меня много времени), я кончил Пажитнова и начал книгу Литвинова — Фалинского о фабричном законод[ательстве] (чувствуется умеренная благонадежная солидность образованного чиновника). Взял в библиотеке книги о Тургеневе.

В вагоне — встреча с одним из моих бывших учеников; теперь он юнкер, и всю дорогу рассказывал мне о своем юнкерском быте, о строевом учении, о дисциплине. Урок с М. А. оставил во мне и в ней неприятный осадок: неуверенность и слабость ее

ответа по истории нервировала меня, и в тоне моих слов сквозило недовольство (может быть, грубое?). Надо избегать этого! Вечером — за легким историческим и литературным чтением.

22.VII.

Сегодня — весь день на даче! Утро — чудесное, настоящее июльское. Времени много, работа движется быстро. Читаю Rousseau (перерыв дает себя чувствовать!), кончаю книгу Быкова, с увлечением прочитываю страницы по истории литер[атуры] (60-е годы).

Непрерывные занятия утомляют, голова в тумане. И все-таки после купанья и короткой прогулки я продуктивно занимаюсь весь вечер — готовлюсь к урокам, начинаю Овсяннико-Куликовского (о Тургеневе).

23.VII.

Сегодня я начал коллективную «историю литературы», статью Ив[ана] Раз[умника] о 60-х годах. Много мыслей проснулось во время чтения, и сильное желание — подвести итоги собственной внутренней работе. Книга Ов[сяннико]-Куликов[ского] производит на меня впечатление глубокого и тонкого труда. День, как всегда, прошел в уроках и в подготовке к ним.

24.VII.

Воскресенье — большая дневная прогулка (погода жаркая, июльская). Непосредственное соприкосновение с природой рождает во мне знакомое чувство мистического страха, и я начинаю понимать источники религиозных переживаний. Весь вечер писал конспект лекции о Тургеневе под свежим впечатлением глубокой интересной статьи Грузинского.

25.VII.

Уроком с Соней я недоволен: я говорил около 2-х часов, но речь моя была недостаточно стройной, полной, образной. Много скомкал, многое пропустил. На Соню, по-видимому, моя лекция произвела сильное впечатление. Но устал я страшно, еле-еле сидел в ж[елезно]д[орожном] вагоне, мало спал ночью, вероятно, поэтому. Вечером, после урока с М. А. смог 2 часа продуктивно заняться чтением П. Луи.

26.VII.

Торопливое чтение Тургенева — «к уроку». В читальне первый раз штудирую законодательные тексты. Усталость...

27.VII.

Утром в вагоне читал тургеневские «стихотворения в прозе» — их пессимизм произвел на меня сильное впечатление, которое я передал Соне, прочтя ей вслух несколько стихотворений... Получил письмо от папы: они приезжают и просят снять комнату. Моя жизнь последние годы была борьбой за существование, теперь, с приездом наших, она еще более осложнится и станет тяжелее... Впереди — все тот же одноцветный серый труд...

28.VII.

Сегодня — поиски комнаты для наших и очень немного времени — в читальне. Урок с М. А. оставил утомление (я долго говорил о Сократе и Ал[ексandre] Макед[онском], экспромтом, почти 2 часа) и чувство неудовлетворенности: она отчаялась в успехе дела, и трудно парализовать ее мнительность. Вечером — подготовка к уроку с Н.

29.VII.

Целая цепь тяжелых впечатлений: утром — несчастье в поезде (тяжело непосредственное соприкосновение со смертью, с кровью!), неизвестность по поводу приезда наших, неудача с устройством К. К., сознание медленности начатой работы и тяжелые перспективы будущего. Настроение — отчаянное; я еле сидел на уроке с Николаем. Вечером слегка рассеялся.

30.VII.

Утром встретил наших (у них совсем плохой вид!), устроил их пока в меб-лир[ованных] комнатах. Урок с Соней, с Пол. Ал. Утомление.

31.VII.

Я доволен, что мне удалось сегодня отвезти Ал. Ник. денежный долг, — он порядком-таки мучил меня! наших устраиваю у Сыромятникова. Урока утром не было, день пропал (в учебном и научном отношении); ночевал на Клязьме.

1.VIII.

Август — третий вакационный месяц. А сделано так мало!.. Сегодня не состоялся урок с Соней — все утро и часть дня ушли на устройство наших в доме Сыромятникова. Урок с М. Ал. — сносно. Чувствовал утомление.

2.VIII.

Самочувствие — бодрое. Днем в читальне и вечером, после урока — плодотворные занятия по сочинению. Урок с П. Ал. затянулся, но сделать всего мы все-таки не успели!

3.VIII.

Бодрость и сила... Удачные уроки с Соней и с М. А. Хлопоты по устройству наших. Вечером немного занимался.

4.VIII.

Сегодня рано утром отправился в город и полдня употребил на перевозку вещей с товарной станции. В читальне, конечно, не был и только вечером, после «скудного» урока с М. Ал. (одна арифметика! И все — решение задач!), прочел 20 страниц из П. Луи.

5.VIII.

День плодотворных занятий (с 11 до 4 ч. в читальне штудировал законодательные тексты и книгу Литвинова Фалинского) и оживившихся надежд на успешный ход работы. Врезаются в памяти основные моменты нашего фабричного законодательства, пробуждается живой интерес к теме, сказывается результат хотя и медленного, и мелочного, но систематического усвоения.

Урок с Николаем прошел бледно (одна история). Вечером, вернувшись на дачу, пробежал первые страницы книги Озерова (Политика) по рабочему вопросу).

6.VIII.

Отправился в Москву на урок с Соней — и безуспешно! Она больна, идет к доктору, урок отсрочили. Несколько часов в Москве прошли бесплодно. У Эрнста думал взять адрес Над Дмитриевны, зашел к нему в Художественный театр и случайно встретился с самой Н. Д. Ее недоверчиво-иронический тон обидел и взволновал меня — на целый день остался горький осадок. Можно ли быть такой эгоистичной, так требовательно относиться к другим, обнаруживая отчуждение и недовольство только за то, что ее не посещают... Могу ли я посещать своих знакомых?!..

Был у своих, они устраиваются. Конечно, и здесь у мамы не обходится без жалоб и недовольства: и то плохо, и это нехорошо... Не люблю я такой «житейской нетерпимости» — неумения и нежелания примирения с внешней обстановкою.

Пасмурно и дождливо... Урок с М. А. был короток: одна арифметика. После урока мы отправились на ярмарку, которою живет сегодня вся деревня и вся округа. «Ярмарка» — плохонькая: одни сласти да карусели. Прошли лучшие времена русских ярмарок: жел[езная] дорога убила их; остался пережиток старины, жалкое подобие прошлого. Дачники вперемешку с крестьянами бродят по луговине, грызут орехи и семечки, катаются на карусели; парни горланят песни, играют на гармошках, деревенские девушки, разряженные, «с прическами», ходят «русскую». Скучно, невесело, хотя шумно и пьяно, — жизнь отлетела от разнообразного когда-то торга... Прошлись немного по лесу и — домой. Наступает осень, начинает тянуть в город, к теплу.

7.VIII.

Сегодня я кончил книгу Луи (прочел все, относящееся к моей теме) и приступил на основании всего усвоенного до сих пор материала к составлению первоначального плана. Он растянулся — занял несколько страниц; в нем мало оригинального — построение, мне кажется, заимствованное. шаблонное. Но эта работа помогла мне многое оформить, поставить ряд очередных вопросов, внесла направляющую систему в мою дальнейшую работу. «Все-таки — движется!»...

8.VIII.

Утомительный урок с Соней, удачная лекция по истории Март. Алекс. («Как вы красиво кончили», — сказала П. А.), окончание вчерашнего урока по истории с П. А. М. А. недовольна своими занятиями по истории.

В вагоне с огромным интересом читал глубокие рассуждения Овсяннико-Куликовского о пессимизме как выражении консервативного склада мышления (Тургенев). Вечером — Озерова «Политику по рабочему вопросу». Какое богатство бытового материала и какая неряшливость в изложении и, как мне кажется,

в научном обобщении фактов! Читается с большим интересом — живая исповедь недавних дней.

9.VIII.

Малопроизводительный день! В читальне просидел совсем немного — всего 2 часа, да и те ушли на составление конспекта по арифметике; урок с М. А. длился только 1 час (она устала в поездке). Много времени ушло на портного (заказал себе пару в рассрочку) и посещение Над. Дм. (с А. И. ничего не вышло!). Встретил Варв. Ив. Сытову — она произвела на меня впечатление совсем молодой женщины, мы очень любезно беседовали с нею; она рассказывала о поездке Ал. Козм.³ и Сережи по Швейцарии. Над. Дм. смягчилась, и наш разговор снова был совсем дружеским. Вечером с прежним интересом читал Озерова; книга, несомненно, написана «с тенденцией» — чувствуется влияние 1905 г. и желание реабилитировать себя перед обществом. Краски сгущены, выводы резки, но не знаешь, насколько автор беспристрастен в подборе материала.

10.VIII.

Урок с Соней не состоялся: опять — ухо, отправилась к врачу. А я с пользой провел время в Румянцевской читальне: штудировал Литв. Фал. и параллельно — Устав о промыш[ленности] и комментарии к нему. Занятия фабричным законодательством все более вводят в своеобразную атмосферу «доконституционных годов», атмосферу растущего страха перед рабочим движением, которая руководила всеми фабричными реформами самодержавной бюрократии. Это впечатление усиливается при чтении Озеровской работы, с ее разоблачениями закулисных ходов бюрократической машины. Живая работа, но, кроме обычной озеровской неряшливости, чувствуется другой недостаток (тоже обычный): отсутствие принципов, «прогрессивная» расплывчатость, чрезвычайная приспособляемость. А в описании «зубатовщины» — много недоговоренного и (в лучшем случае) наивного.

По предложению Веры Иосифовны Доброгурской я ездил в Царицыно относительно нового урока в богатой семье, за хорошее вознаграждение (50 р. в месяц), по несложной программе (II класс гимназии). Но мальчик, как оказалось, больной, его мать насаждала мне о нем много отрицательного, и урок обещает быть беспокойным, нервирующим. Я задумался и попросил отсрочки для ответа. Надо подумать... Урок необходим, но я не хочу забивать себя, хочу сохранить свободу для занятий.

Поездки утомили меня. А погода чудесная. Вечер — такой яркий и ясный...

11.VIII.

Уж на гумнах стучат проворные цепи

И воздух полн и розана и меда...

Мне вспомнилось это стихотворение, когда я шел сегодня утром по осеребренному росой сжатому полю. Осень, осень всюду: холодные утренники; туманы над лугами; звучит ритмическая музыка цепов; в воздухе посвежело и запахло как-то особенно, по-осеннему; кой-где появились желтые листья. Но краски еще яркие и зеленые; солнечные лучи разрезают прозрачный воздух (тоже — осенняя примета) и придают всему жизнерадостный вид. Так весело на лесных опушках, в ясном сиянии золотого света... Нет летнего сгущенного жара, ленивого томления, изнуряющего зноя... Спокойная бодрость, уверенная сила пробуждаются и крепнут в душе. Еще далеко — поздняя осень, с тоской одиночества, бездорожья и серых туч. Но ее предвестницы — стаи ворон — уж начали кружиться над опустевшими полями широкими черными взмахами. Первые дни ранней осени.

Сегодня совершенно неожиданно ко мне приехал И. Н. Комаровский; Коля (хотя он не выдержал экзамена) принят на казенную стипендию в Симбирский кадетский корпус (связи!). И. Н. просил в течение 3 дней позаняться с Колей — вспомнить пройденное. Опять разбиваются мои личные занятия.

12.VIII.

Полдня пропало — в занятиях с Колей Комар., в ожидании, в обедах и пр. На дачу вернулся уже поздно — успел только закончить книгу Озерова. У Коли завтра переэкзаменовка.

13.VIII.

Сегодня утром 2 часа позанялся с Мар. Ал. и — в Москву! В 12 часов был в доме Кирхгоф и только в 2 часа начал занятия с Колей. К Соне опоздал — и она ушла, не став меня ждать. Вечер прошел как-то рассеянно, и сделал я очень мало.

Коля К. «выдержал» переэкзаменовку и получил 8. Какая несправедливость — его поступление в Корпус!

14.VIII.

Сегодня последний раз позанялся с Колей Комаровским — перед его отъездом в Симбирский корпус. На даче были уроки с М. Ал. и Пол.Ал. Читал только Белинского.

15.VIII.

С Соней — утр[енний] урок. На урок пришел Викт. Исак. — у него все по-прежнему, все неопределенно. Вечером, после теоретико-арифм[етического] урока с М. Ал., читал Белинского.

16.VIII.

Сегодня — хлопоты в Москве: баня, портной (костюм отвратителен, я совсем расстроен), докт[ор] Романович (мои визиты пока неудачны). Читал в Румянцевск[ой] Л. Фалинского; вечером — книгу Лили Браун о женск[ом] вопросе.

17.VIII.

Читал книгу Лили Браун. О женском вопросе. Несмотря на грубый перевод книга сохранила своеобразный стиль автора — его сжатость и колоритность (я помню его по Мемуарам). Но логика автора кажется иногда поверхностной, а избыток фактических деталей — мелочно-утомительным. Основная идея труда еще не выяснилась мне.

Был в городе в 7-й гимназии у д[окто]ра Романовича: дух казенной гимназии сквозит во всем — в фигурах педагогов, в обращении и тоне директора, в отрывочных беседах и замечаниях. Судя по отзыву д[октора] Романовича (он произвел на меня приятное впечатление), мальчик [Шура] Андрианов не настолько ненормален, чтобы занятия с ним были невозможны, и я решил взять урок.

Получил укоризненное письмо от Елиз. Петр. и ее удивленный вопрос — о поступлении Коли Ком. в Корпус.

18.VIII.

Сегодня я получил официальное извещение Университета о приеме меня в студенты-филологи. Много времени бесплодно ушло на московские хлопоты: книжные магазины (собираю буквари к уроку с Верочкой Степановой), на поездку к Андриановым и т. д.

Вечером — книга Е. Ланге о женск[ом] вопр[осе] и Белинский.

19.VIII.

Утренняя прогулка — впечатления надвигающейся осени, созерцательно-поэтическое настроение... Тревожные мысли о предстоящих зимних уроках, о выборе лучшего из возможных, о совмещении научных занятий с педагогикой.

Письмо Елиз. Петр., обстоятельное и дружеское. Чтение книг о женском вопросе — Елены Ланге (книга широко образованной и очень умной женщины, но женщины немецкого консервативного склада ума, с большою преданностью «культурным традициям») и Лили Браун.

20.VIII.

Хворают мои ученицы: Соня оборвала сегодняшний урок, П. Ал. не занималась по нездоровью. Мелкие хлопоты: у портного, у В. Ис. (об уроках), у Веры Ал., в библиотеке, в доме Кирхгоф.

Зашел к Степановым, любовался прелестной улыбкой на лице В. Я.

Последний раз позанялся с М. Ал. — арифметикой. Вечером не тянуло к научным книгам. С увлечением отдался Белинскому, его вдохновенной оценке пушкинской лирики.

21.VIII.

Утро — ясное, но холодное — осеннее. Я спешу в Москву — урок с Соней, переговоры о новом уроке. С Соней не клеится — отвечает она еле-еле, приходится «выжимать» не только мысли, но даже фразы (разбирали тургеневского Гамлета...), то же — с историей.

Еду на Плющиху беседовать об уроке с Шурую Андриановым, не застаю дома — рано. Что делать? Впереди сверкает на солнце Москва-река (дом стоит у самого берега). Вот — пристань, вот — пароходик; маленький, ветхий — он весь дрожит от стука паровой машины, вот-вот рассыплется! Беру билет на Воробьевы горы и с палубной скамейки любуюсь волнистыми переливами воды, которая, играя, искрится на солнце. Отчаливаем, все поминаю Волгу, и Москва-река мне

кажется Волгой: воды много, ни мелей, ни переходов... Быстро, плавно разрезает воду наш пароход: справа, слева плывут фабрики, заводы, пустыри, огороды... В воздухе — ясно, ясно; обвеивает струя прохладного ветра; приятно сидеть, чуть-чуть покачиваясь, и смотреть вдаль, в зеленые берега заречья. От воды, от солнца, от медленно выплывающих стен Новодевичьего монастыря (словно в сказке!) на душе спокойно и мягко. Делаем поворот, проезжаем под крепким мостом, минуем устье Сетуни и причаливаем к пристани Воробьевых гор.

Я бегу по утесам и обрывам — вверх, вверх... сердце бьется, дыханье спирается, хочется отдохнуть... Дальше! Вот — площадка водопровода, а с нее — вся Москва в панораме! Церквей, церквей!.. Длинные широкие тени ходят по городу; ярко сияет купол Христа Спасителя, но вот и он погас, и его покрыла мрачная темная полоса... Надвигаются тучи, каплет дождь...

Спешу вниз, успеваю сесть на проход; мы снова отчаливаем. Обрато! Сиверко, ветер дует пронзительно и прямо в лицо; солнце уже не греет, пассажиров мало, иллюзия волшебства исчезла, берега не манят, не ласкают взора. Подходим... стоп!... Мы — в городе.

С уроком почти покончил. Домой вернулся поздно, заниматься уж поздно... Написал историч[еские] вопросы и — спать!

22.VIII.

Потянулись в город последние дачники. Дождь — с утра и до вечера. В комнатах — разгром, уборка перед отъездом. Урок проходит кое-как, впопыхах, между делом. За окном — серое небо, мокрые деревья и бесчисленные лужи... На улице — ни души. Холодно, сыро, неприятно...

Мои зимние уроки определились окончательно: сегодня по телефону я получил утвердительный ответ от Андриановых (ежедневно 2—3 часа, от 4 ч. дня, 55 р. в месяц); это мой основной урок. Затем — Леля, Верочка. Все дети. Начал составлять предварительную программу, распределение зимнего времени. Опять все время занято, не будет ни одной свободной минутки!..

23.VIII.

Отвратительная холодная осенняя ночь — с шумным дождем, с завыванием ветра... Темно и дико. Я простудился, самочувствие неважное. На даче суетня, уборка вещей, сборы в Москву. Весь день сижу у себя в комнате и читаю статьи Белинского о Пушкине. Настроение какое-то «неопределенное», предъотъездное.

24.VIII.

Холодно, холодно!.. Утром — последнее прости деревне Переделкам! В Москве — урок с Соней, беготня по городу (покупка книг и пр.), Румянц[евская] читальня (читал Литв. Фал., хотя самочувствие из рук вон плохо, голова в тумане), а вечером — чтение крит[ической] ст[атьи] Ив[анова-]Разумника об Онегине (глубоко, умно, интересно!)

Был у Дуглас (Елиз. Петр. с детьми приехали) и Комаровских. Они очень приветливо меня встретили, а милая Елиз. Петр. стала лечить меня своими лечебными средствами. Опять — падение!..

25.VIII.

Утром — «домашние хлопоты» с комнатой, с вещами (неизбежное зло переездов). Днем — осмотр Социального музея (много интересных экспонатов!). Но все это можно или обозреть поверхностно (как сделал я), или изучать очень-очень детально. В общем заметна случайность подбора и новизна дела.

Открылась наша студенч[еская] столовая. Входя в нее, так же, как в Университет, я чувствую себя «ни павой, ни вороной»: странное у меня ощущение; Университет мне кажется чуждым, а я сам — запоздавшим цветком поздней осенью...

26.VIII.

Разбирался в книгах, бродил по городу (взял билеты на «Грозу» в Малый театр), давал урок Шуре Андр.; вечером был Николай — просил составить прошение Градонач[альнику] об освоб[ождении] Саши. Читал педагог[ическое] соч[инение].

27.VIII.

Урок с Соней — одно горе. Эрнст совещался со мной о своих занятиях (совместить Худ[ожественный] театр и Униве[рситет] — утопия!), был в библиотеке; урок с Шурой прошел хуже (он — нервировался). Был у наших. Вечером — брошюры.

28. VIII.

Читал тургеневского Рудина и с грустью находил в себе одну общую черту с героем романа: головную восторженность, отсутствие настоящего теплого чувства к людям.

Был в Педагогич[еском] музее — взял картины. Вместе с М. А. и М. А. посетил выставку аквариумов и растениеводства — в Зоол. саду; выставка очень интересная!

29. VIII.

Утром — урок с Соней; по обыкновению, она не сделала и половины. Ее сочинение значительно лучше прежних. Заниматься с Ал. Дм. она решительно отказалась. Урок с Шурой меня расстроил: во мне нет внутренней магнетизирующей силы, которая могла бы укротить его недисциплинированный ум и чувство. Педагогу недостаточно гуманности, терпения, любви к ребенку; он должен соединять внешнюю мягкость с внутренней силой, то парализующей, то возбуждающей. У меня ее нет; я создан больше для кафедры, для лекций (но также — не⁴ для научного исследования).

Вечером — разработка планов занятий с Верочкой, с Лелей, с Шурой. Был Виктор Исакович.

30. VIII.

Утром — урок с Пол. Ал., чисто-формальный. Потом отправился к Ал. Дм. и, кажется, своим сообщением о Соне совсем ее расстроил, хотя он не подал и виду, что его самолюбие жестоко страдает. Урок с Ш. меня утешил; мальчик, кажется, симпатизирует мне. И все-таки его приходится укрощать, как необъезженного коня.

31. VIII.

Сегодня в Р[умянцевском] музее я возобновил чтение книги по Методике (Алферова, Шохор-Троцкого). Переход на «зимнее положение», начало новых уроков, как всегда, передвинули мои интересы и занятия на педагогическую почву. Работа по сочинению прервана. Возвращаясь домой, сажусь за педагог[ические] брошюры «Свободного воспитания»; ум заполнен по преимуществу вопро...⁵

6. IX.

Я говорил с Ал. Козьм.; я чувствовал себя спокойно и равнодушно — ни проблеска чувства. Она стала как-то сосердоточенней, глубже, что-то в ней схоронилось, но не пропало. После урока с Шурой — урок с Николаем (составление плана вышло удачной педагогич[еской] импровизацией). В Университете — сыскная атмосфера, в душе темно и серо.

Встретил Сахновского; он делился со мной впечатлениями и планами своей истор[ической] работы.

7. IX.

Уроки с Лелей меня не радуют, хотя к его умственной неподатливости в отвлеченных работах я приспособился, она меня не раздражает. Ел. П. думает показать его «нервному» врачу.

Универс[итетские] лекции начинаются в пятницу. Не вызывает во мне Университет бодрого одушевления, как раньше, в первое поступление; много тяжелого связалось с мыслью об Университете (один прошлый год чего стоит!). Но я сильно надеюсь на влияние научной работы. Отречение, отречение — во имя будущей планомерной общественной работы — вот прошлое, настоящее и будущее моей университетской жизни.

Моя работа по сочинению совсем остановилась. Начало уроков заполнило все время педагогическими занятиями; новые впечатления (при всей их сравнительной узости они нарушают однообразно-спокойный уклад моей жизни) мешают умственной работе, развлекают во время чтения, не дают сосредоточиться. Пропало то, что было летом и что меня радовало: способность углубиться в изучение. Сегодня я почти окончил Л. Ф. А сочинение придется писать наспех, как в прошлом году — и остаться неудовлетворенным.

После ур. с Ш., я по письму отправился к К. К., ждал ее 2 часа; она думает основаться в Москве, просила меня о деньгах, я обещал достать с готовностью — новая работа.

Читал «Дв[орянское] гн[ездо]» Тургенева, и образ Лизы подействовал на меня сильнее и глубже, чем ранее.

9.IX.

Челпанов начал курс психологии вопросом об отношении психологии и философии. Он говорил глубоко и прочувствованно; слова, лившиеся красиво и стройно, казались выражением глубокого пережитого убеждения (речь шла о спорной проблеме). Иногда тон становился докторальным, но в общем вся лекция дышала настоящим научным одушевлением. Она сильно заинтересовала меня по существу. Лекции я записывал, и это давалось мне легко (особенно по истории). После 4 часов напряженного слушания немного утомления. В перерывах — отрывочные беседы с знакомыми студентами.

Я вышел из Университета с хорошим чувством несмотря на царящую среди собравшихся пришибленность и систему сыска.

В студ[енческой] столовой — толпа учащихся, красивые женские лица, шум и долгое ожидание. Урок с Шурой по обыкновению превратился в настойчивую борьбу с его рассеянностью.

После урока заехал в Рум[янцевскую] чит[альню] и успел там закончить Литв. Фал. и начать Сборник вопр[осов] Лунца (талантливо, живо, и беспощадно-резко!)

Из читальни — к Ашиновым. Там — шум и смех собравшейся молодежи: Сережа и Коля Изензе, Соня, Катя и Коля Ашиновы. В комнате — молодое непосредственное оживление, которое напомнило мне молодую сцену в эпилоге «Дв. Гн.» Среди своих бывших учеников я поднял рюмку вина — «за молодое будущее!» Коля Изензе горячо и образно рассказывал мне свои впечатления от 10 Юнкерского, Соня — о гимназии. Теперь все они — «на дороге».

Сейчас я дома. Сильно утомлен, но доволен: на душе бодро и впереди, как ни мрачна наша действительность, впереди все-таки виднеются огни!..

10.IX.

Уроки с Лелей и Верочкой меня не удовлетворили: чувствовал неподготовленность, недостаток системы (мало разработки общего плана, необходимо тщательное обдумывание каждого отдельного урока). Ответ Шуры по арифметике был совсем неважный!

Сегодня я начал занятия в Социальном музее: представился Александру Васильевичу Погожеву, передал ему карточку проф. Елистратова и выписал из библиотеки музея брошюры и книги по моему вопросу. Погожев произвел на меня впечатление очень доброго и очень любезного человека, готового итти навстречу каждому занимающемуся. Библиотека, кажется, случайна и небогата; русских изданий мало. Погожев показал мне газетные вырезки, но не придал им значения.

Вечером, после урока с Ш., успел побывать в Рум[янцевской] чит[альне] (книга Лунца; все-таки его рассуждения о ф[абричном] з[аконодательстве] в России кажутся мне несколько односторонними, прямолинейными, не учитывающими ряда факторов и условий).

После читальни все время с м. Б. ⁶ Вернулся домой в 1 час ночи и свалился в постель, как подкошенный.

11.IX.

Утром — урок с Николаем, неудачная поездка за учебными пособиями в Педаг[огический] музей; днем — поездка к м. Б., к нашим; вечером — у П. Ал. (опять во мне заговорила чувственность и, вероятно, она сказалась во взглядах, в выражении лица. Не любя женщину, смотреть на нее чувственным взором значит не уважать ее, унижать ее, не видеть в ней личности! Сознание этого роняет меня в собственных глазах). Пустой, мертвый день!

12.IX.

Уроки с Лелей и Верочкой (серо, шаблонно!) Занятия в Соц[иальном] музее. Урок с Шурой. Весь вечер — проводы м. Б. Я чувствую холодное равнодушие, когда сижу и беседую с нею. И ей, кажется, передается это чувство. Достал ей денег — на уроке.

13.IX.

Лекции в Университете продолжают интересовать меня. Когда я сижу в Аудитории и слежу за нитью лекции, во мне — спокойное, но твердое желание планомерной научной работы, сознание умственной самодисциплины. Читал Готье — он не блещет ярким талантом, излишне пространен, но чувствуется в нем солидное знание, его лекции для меня будут полезны. Лекции Челпанова — также интересны, но не всегда для меня понятны, необходимо предварительное чтение его курса

и обдумывание новых философских понятий: они так резко расходятся с популярным сознанием. Сразу их воспринимаешь и понимаешь, но внешне, надо сродниться, сжиться с ними.

Час урвал для занятий в Соц[альном] музее. Был с папой у д[окто]ра Маклакова, зрение его, оказывается, хорошо; не нужно ни операции, ни специального лечения.

Заехал в Р[умянцевскую] ч[итальню], а вечером (Ник. не пришел) занимался по женскому вопросу.

14.IX.

Утром — письмо М. А. с просьбой помочь юридическими советом П. А. (она разводится с мужем и, по-видимому, боится потерять материальное обеспечение). Урок с Лелей и с Шурой — борьба с их рассеянностью. Заезжал к Пол. Ал. — у нее в гостях Леоновы; поболтали. Вечером с увлечением читал воспоминания Янжула.

Каждый день отрывает у меня время на других — на взаимопомощь; но у меня нет на это досады (как раньше); в душе — хорошее чувство, сознание любовной связи с миром, с людьми.

Как-то темно вокруг... Один луч горит в моей жизни — Филологический факультет Университета. Откуда у меня явилась любовь к Университету и радостное ожидание лекций? Когда я вспоминаю, что завтра — лекция Новосадского, на душе становится светлее, лучше. И несмотря на мрачный фон теперешней университетской жизни общение с ней действует на меня примиряюще.

15.IX.

Был на первой лекции Новосадского. По-видимому, узкий специалист-классик. Его историческое введение в толкование Эсхина носило поверхностный характер: собрание справок фактического характера, изложенное в конспективной форме. В Университете встретил М. М. Паушкина и Барминцева⁷. В вагоне трамвая просматривал «Охрану материнства». В Соц[иальном] музее посидел всего час и позанимался мало. Вечером была Пол. Ал. — ее скрытое горе разрыва с мужем угнетающе действовало на меня. Заходила Дина.

16.IX.

На лекции Виппера чувствовал настоящее наслаждение: какие широкие горизонты, какая изящная отточенность мысли, какое глубокое прозрение в прошлое! Все слышанное (о микенско-эгейской культуре) звучало знакомым (когда-то, в 1904 г., содержание лекций по истории Греции было, кажется, одинаковым) и в то же время новым (иной — характер восприятия). Лекция Челпанова была, несомненно, интересна, но... он повторяется, слишком много полемизирует и чересчур самоуверенно третирует своих противников...

Урок с Ш. был мучительным. Вечер весь пропал для занятий: сидел у Дины и слушал ее рассказ об ее неудачных мытарствах по курортам. Холодно, холодно — у меня в душе, я не чувствую к ней сердечной теплоты.

17.IX.

День именин. Я не был у многих из своих знакомых; конечно, на меня обиделись: не вспомнил... На минутку забежал к Пузановым, В. Я. поздравил на улице. У мамы был вечером. Застал там Варв. Вас. и Фелицату. Было душно, шумно и напряженно-тяжело от разговоров о квартирах, о наследстве, о знакомых, намеки, взаимные шпильки, бестактность по отношению к гостям...

И чего я навязываюсь, предлагаю свои услуги: сегодня — Володе, третьего дня — Пол. Ал.? Вечер за вечером бегут чередом, а мои занятия сочинением?..

18.IX.

Праздник, уроков нет (если не считать — с Николаем), чувствую себя облегченно. Разбирался в своих гимназических тетрадях — сочинениях, поэтич[еских] картинках, литературных рассуждениях, протоколах собраний, — и на меня повеяло духом пробуждающейся чистой мысли... что-то целомудренное, непосредственно свежее... Читал Лекции по ист[ории] Греции Виппера, переводил Саллюстия.

19.IX.

Уроки, в промежутке, на час — Соц[иальный] музей, вечером, после Лины, воспоминания Янжула.

20.IX.

Сегодня я пропустил университетские лекции (Готье и Челпанова), пропустил урок с Шурой — с двенадцати до половины шестого провел в Художествен[ном]

театре, на генер[альной] репетиции «Живого труппа» Л. Н. Толстого (контрамарку принес мне Эрнст). Впечатление сильное, хотя не потрясающее. Пьеса глубокая и страшно сложная по замыслу, но эскизная по исполнению. Много недоговорено... многое захвачено вскользь. В исполнении Худ[ожественного] т[еатра] много красоты и мысли. Выходя из театра, я готов был разрыдаться.

Урок с Н. вечером прошел бледно, я чувствовал себя утомленным.

21.IX.

Новые лекции в Унив[ерситете] — Виппера (курс новейшей истории З[ападной] Европы) и Покровского (Саллюстий). На этот раз Виппер не произвел на меня сильного впечатления — вступит[ельная] лекция была посвящена поправкам к теории диал[ектического] материализма Маркса, которую он принимает за руководящ[ее] методологич[еское] основание; много недоумений осталось у меня, но были и «откровения». Покровский произвел на меня хорошее впечатление постановкой темы — широкое истор[иографическое] введение, проникновенное углубление в Эпоху.

В Р[умянцевской] ч[итальне] я — с трудом просматривал Лунца (клонило ко сну, — очевидно, утомление), вечером после урока с Ш. начал Н.

22.IX.

День труда. Лекция Новосадского (впечатл[ения] те же; он, кажется, намеревается поставить занятия на гимназическую почву; ну что ж, я не прочь для предварительного упражнения в языке засесть за грамматику и переводы). Урок с Вер. (я нашел верный, дружеский и не приторный, тон). Час — в Соц[иальном] музее. Урок с Ш. (сладу с ним нет!). Extra — урок с Вол. Пуз. ⁸ (вызвали по телефону; завтра ему отвечать по латыни; а я-то думал весь вечер всласть позаниматься на тему!). Весь день — ощущение бодрости и веры в будущее, желание поскорее покончить с юрид[ическим] факульт[етом] и отдаться истории.

23.IX.

Как всегда, изящная, ажурно-тонкая лекция Виппера, живая, интересная лекция Челпанова. Вечером, после урока с Шурой, почти окончил Янжула. Вот книга, в которой — сама трепещущая подлинная жизнь; воспоминания действительно — впечатления глубоко пережитого...

24.IX.

Между мной и Елиз. Петр. Дуглас (не только ею, но и другими знакомыми, которых я встречаю) легла какая-то тень отчужденности — неуловимая, но ясно ощущаемая. Быть может, меня больше уважают, но меньше любят, сомневаются в моей искренности... Как подумаешь, сколько знакомых во мне «разочаровалось»: очаровались внешней мягкостью, а внутри вместо любовного огня нашли холодное равнодушие. Светит, да не греет! А у меня чем дальше, тем более мыслей об общественной деятельности, об идейной общественной работе.

Первая лекция Богословского. Единственный оставшийся преемник Ключевского, один из немногих настоящих талантов на факультете. Аудитория полна (первая лекция посвящена воспоминаниям о Ключевском). Попытки аплодировать прерываются шиканьем (не слишком торжественно встречают нового профессора! Мелькают мысли: «Остался в Университете!» «Произведен в профессора — в такое время!» Да, мож[ет] быть, в этой намеренно холодной встрече — затаенный упрек студенчества). Лекция тонко и тщательно подготовлена; не торопясь, льется ясная умная речь; построение лекции шаблонно (вплоть до эпитетов и обычного заключения «о гражданском Служении») и не отличается проникновенной глубиной. Но много интересных мыслей, тепло чувства и что-то волнующее. Мое внимание больше всего захватили общий образ деятельной силы, готовность и способность к грандиозной черновой архивной работе и увлечение лат[инской] филологией.

Достал Aeschinis orationes, греч[еские] словари и грамматику, Саллюстия и чувствую, что пробуждается во мне способность к длительному волевому напряжению, к неутомимой работе, к преодолению трудностей, к достижению цели во чтобы то ни стало!

Мелькают мысли в связи с сочинением. Меня больше всего привлекает история законодательства. Думаю, что справлюсь с темой, что в процессе писания она разрастется и оживит меня.

Кажется, мною довольны на уроке у Андрианова. Сегодня получил свой месячный гонорар. Шура, кажется, менее рассеян. Вечером, за Ниселовичем, работа-

лось плохо. И стыдно сказать, отчего ... [...] неудовлетворенная потребность, влияние эротической литературы... взять себя в руки, вызвать благородные струны в душе. [...] а «неудержимость» влечения, переходящего в привычную страсть, можно побороть.

25.IX.

Весь день, за вычетом 4 часов (у наших; как они мне обрадовались! Я отвез им Вел[икую] реформу — пусть рассматривают картинки — и первый месячный взнос 20 р.), я сидел за классиками: греческий совсем-совсем позабыл, спряжения для меня настоящая terra incognita; за 2 часа перевел 8 строчек. Латинский — лучше; Саллюстий подвигается быстрее, и все введение к Conjug. Cat. и почти все:— к Bell. J. я перевел.

26.IX.

Уроки, уроки!.. Вечером — Ниселович, но недостаточно бодро. В Соц[иальном] музее быть не успел.

27.IX.

Лекция Готье не состоялась, и я воспользовался своб[одным] часом — отправился в Соц[иальный] музей и немного занялся. Урока с Ник. не было, он болен, а я вместо этого закончил Саллюстия и прочел 20 стр. из лекций Виппера. Вечером меня пристыдило и встревожило письмо м. Б. Лег с тяжелыми мыслями.

28.IX.

В Университете я вынес два разнородных впечатления: одно — светлое, глубокое, возбуждающее — от лекций Виппера по новейш[ей] истор[ии] Европы; другое — гнетущее — от встречи с З. Мих. Бер. Я подошел первый, она отнеслась ко мне оскорбительно-холодно, дав понять, что неохотно со мной разговаривает. Почему? Вероятно, потому, что я молчанием прошел ее замужество и ни разу у нее не был, ничем не выразил ей своего внимания и участия?.. Да, это моя вина, обычная вина по отношению ко всем моим знакомым. И снова [...] ?

4.IX.

Лекции, уроки, Универс[итетская] библиот[ека]. Я начинаю очень свободно говорить — я это почувствовал на ур[оке] с Ник.

Примечания

1. Гимназический товарищ Н. М. Дружинина.
2. Известная исполнительница русских песен.
3. Александра Козьминична Сытова (ранее упоминается под именем Шуры).
4. Так в оригинале.
5. Текст обрывается: отсутствует несколько страниц.
6. Непонятное сокращение.
7. Товарищи по революционной работе.
8. Володя Пузанов — родственник Н. М. Дружинина.
9. Отсутствует следующий лист, а затем сделана только одна запись до 1 января 1912 года.

Советские военнопленные в Германии в годы второй мировой войны

М. Е. Ерин

Вторая мировая война была беспрецедентной по размерам численности военнопленных. В целом в 1939—1945 гг. она составила — 35 млн. человек! Война сопровождалась чудовищными преступлениями национал-социализма в отношении пленных, особенно советских. С такими фактами человечество столкнулось впервые.

Долгое время эта тематика считалась запретной и у нас, и в ФРГ. Поэтому в отечественной науке судьба советских пленных изучена слабо. Правда, есть ряд работ, где эта тема так или иначе затрагивается¹. Имеются также воспоминания тех, кому удалось выжить в плену². К сожалению, военные архивы России, а также многие земельные архивы Германии, остаются пока мало доступны. Опубликованные же в 60—80-е годы документы Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками, об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР, материалы о преступлениях СС не до конца раскрывают трагическую судьбу советских солдат и офицеров, оказавшихся в плену.

Прорыв в плане изучения этой проблемы произошел в ФРГ в конце 70-х годов. С тех пор издаются документы, опубликован ряд фундаментальных работ, проходят публичные дискуссии. Ведь западногерманская общественность о трагической судьбе советских военнопленных тоже знала мало. В Бонне фонд Г. Белля был преобразован в рабочий кружок и в сотрудничестве с обществом «Мемориал» он поставил задачу исследовать судьбу советских перемещенных лиц во время и после второй мировой войны.

Первый, можно сказать классический, труд по этой теме принадлежит западногерманскому историку К. Штрайту³. Основанный на огромном архивном материале, он объективно и правдиво показывает, что советские военнопленные были «жертвой национал-социалистической войны на уничтожение». Книга эта нанесла ощутимый удар по тем, кто старался реабилитировать вермахт, раскрыть чудовищные злодеяния, творившиеся над пленными. Автор подчеркивает, что руководство войсками и солдаты вермахта без сопротивления выполняли расистско-идеологические приказы. Книга Штрайта послужила толчком для дальнейшего исследования этой наболевшей проблемы. В работах А. Штрайма, К. Хюзера, Р. Отто, У. Херберта, Х. Вайшера, Г.-А. Якобсена, Р. Фоссера, Г. Пфальмана, Р. Келлера на обширном архивном материале раскрывается преступная политика руководства гитлеровской Германии, вермахта, СС и гестапо в отношении советских военнопленных, дается глубокий анализ их трагического положения в многочисленных лагерях, разбросанных на территории Германии, показано нечеловеческое обхождение с ними.

Ерин Михаил Егорович — доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного университета.

Таким образом немецкие исследователи пошли гораздо дальше в разработке этой проблематики, чем наши историки. Ниже сделана попытка на основе немецких архивных источников и опубликованных документов и литературы показать размах и жестокость злодеяний в отношении советских военнопленных на территории третьего рейха и оккупированных им стран, осветить ранее неизвестные страницы их жизни и труда, в частности их положение в «шталагах» — основных лагерях для военнопленных.

Война против СССР рассматривалась фашистами как «расово-идеологическая война на уничтожение»⁴. Это «расовая война» — не раз говорил Гитлер. 16 июля 1941 г. на секретном совещании в ставке верховного командования он так определил задачи оккупационной политики в России: «Основной принцип заключается в том, чтобы освоить огромный пирог, дабы мы, во-первых, могли им владеть, во-вторых, им управлять и, в третьих, его эксплуатировать»⁵. Гитлер потребовал от руководства вермахта отказаться от общепринятых правил и обычаев ведения войны. На Востоке жестокость объявлялась главным средством обращения с противником.

Военнослужащие вермахта фактически освобождались от преследований за уголовные деяния в отношении советских граждан. Красноармеец рассматривался как идеологический враг и считался весьма опасным. Поэтому к пленным относились с беспощадной строгостью. Советский солдат терял всякое право претендовать на обращение с ним в соответствии с Женевской конвенцией 1929 года⁶. СССР, как известно, не подписал конвенцию об обращении с военнопленными, чем воспользовалось гитлеровское руководство, не раз заявлявшее, что Германия не будет распространять на советских военнопленных международный правовой режим.

В немецком плену оказалось 5,7 млн. советских солдат, офицеров и генералов из них 3,3 млн. умерло от голода, холода, болезней, истязаний, расстрелов и изнурительного труда, т. е. 57,8%⁷. В то же время из 232 тыс. английских и американских солдат, оказавшихся в плену у немцев, умерло только 8348 (или 3,5%) человек⁸. По немецким данным, в советский плен, в подавляющей части при капитуляции в 1945 г., попало 3,2 млн. немецких солдат, офицеров и генералов, из них 1 185 тыс. (37,5%) умерло в плену⁹. Огромными массами советские воины попадали в плен в первые месяцы войны. К концу 1941 г. вермахтом было пленено по различным данным от 2,5 млн. до 3,3 млн. красноармейцев и командиров. Из них к январю 1942 г. умерло 2 млн. человек¹⁰. Большинство акций по уничтожению их падает на август-декабрь 1941 года. Очень велико было число жертв среди советских военнопленных в конце войны. В основном советские солдаты попадали в плен в 1941—1942 гг., но случилось это и позднее, даже в феврале 1945 г. (в Венгрии — 100 тысяч)¹¹.

В плену оказалось 80 советских генералов. Из них 23 погибли. Бежали из плена 5, на сторону противника перешли 12, на Родину вернулось 37 генералов. Из них восстановлены в правах только 26. Все эти генералы попали в плен в 1941—1943 гг., в основном в 1941 году. Все они были заочно осуждены к расстрелу, а их жены и родители решением Особого совещания при НКВД СССР, как члены семей изменников Родины, осуждались на разные сроки исправительно-трудовых лагерей или ссылались в Сибирь.

Некоторые генералы встали на путь сотрудничества с нацистами. Известна судьба бывших генералов Красной Армии А. А. Власова, Ф. К. Трухина, В. Ф. Малышкина, Д. Е. Закутного, И. А. Благовещенского, бригадного комиссара Г. Н. Жиленкова, после пленения активно сотрудничавших с нацистами, создававших анти-советские воинские формирования. Власовым в 1944 г. был создан «Комитет для освобождения народов России», а его Русская освободительная армия к апрелю 1945 г. насчитывала около 50 тыс. человек¹². В годы войны германским командованием по национальному признаку формировались из числа военнопленных части (батальоны), которые использовались им в качестве вспомогательной силы для обслуживания тыла действующей армии. Таких формирований оказалось более 180, в том числе русских — 75¹³.

В конце 1941 г. гитлеровцы организовали в районе Варшавы центр по формированию частей из военнопленных. Здесь были сформированы: грузинский полк, «туркестанский легион», полки и батальоны из армян, азербайджанцев, русских, украинцев. Из военнопленных русской национальности формировались

так называемые русско-германские части. Один из пунктов их формирования находился в Люблине.

По поводу общей численности советских военнопленных до сих пор идут споры. Й. Хофман утверждает, что их насчитывалось 5,24 млн. человек. Таким образом, сокращается число умерших в плену до 2,8 млн. (46%). Американский историк А. Даллин и К. Штрайт называют цифру в 5,7 млн. А. Штрайт пишет, что в немецком плену умерло по меньшей мере 2,53 млн. человек, а Даллин считает, что всего было уничтожено 2,2 млн. русских пленных¹⁴. В последние годы немецкие историки твердо придерживаются цифры в 5,7 млн. советских военнопленных.

В публикациях наших историков приводятся другие данные. По расчетам В. И. Козлова к началу 1944 г. умерло 3,3 млн. советских военнопленных. Общее же число погибших, не дождавшихся освобождения, вероятно, считает он, намного превышает 4 млн. человек¹⁵. М. А. Гареев и В. В. Гуркин утверждают, что в немецком плену было около 4 млн. человек. Оба доказывают, что в плену погибло 600—673 тыс. человек, 1 836 999 вернулись на родину, 900 с лишним тысяч были призваны вторично в Красную Армию, 250 тыс. после войны остались в других странах. Оба считают, что всего за время войны пропало без вести и попало в плен 4,5 млн. советских военнослужащих¹⁶. Они не приемлют цифры 5,2—5,7 млн., считая их преувеличенными. Аналогичные данные повторяются и в недавно вышедшем статистическом исследовании «Гриф секретности снят»¹⁷. Правда, в нем цифра погибших в плену иная: 1 783 тыс. человек.

И все же трудно согласиться с доводами Гареева и Гуркина придерживающихся устаревших взглядов и методологией упомянутого выше статистического сборника. Получается замкнутый круг. Гуркин ссылается на результаты комиссии Министерства обороны СССР, созданной в 1988 г. и возглавляемой генералом армии Гареевым. В свою очередь Гареев пользуется результатами комиссии по выявлению количества советских военнопленных 1956 года. Книга «Гриф секретности снят» использует, как это ни странно, данные упомянутой комиссии Министерства обороны. Претендуя на объективность и исчерпывающее изучение документов, она тем не менее отвергает достижения других историков, игнорируя выводы ученых ФРГ и других стран. Составители книги почему-то считают, что западные историки создали «лживую картину» судеб попавших в плен советских военнопленных. В ней много запутанных понятий и противоречивого. Не совсем понятно, почему «пропавшие без вести» объединены с «пленными», а к безвозвратным потерям отнесены все «оказавшиеся в плену». Подсчет общего числа пленных и умерших весьма важен. Но эту проблему можно решить тогда, когда полностью будут открыты архивы. Принципиально следует все же исходить из того, что немецкая сторона была лучше информирована о численности и судьбе советских военнопленных и известна более совершенными системами учета.

Советские военнопленные были разбросаны не только по всей Германии, но и по странам Центральной, Восточной, Западной и Северной Европы. На территории Польши находилось в начале войны 361 710 пленных, из них к середине апреля 1942 г. умерло 307 816 человек, т. е. 85,1%¹⁸. По приказу Гитлера пленные участвовали в сооружении Атлантического вала. В 1942—1943 гг. сформированные «ост-батальоны» — русские, украинские, казахи, кавказские, туркестанские — были отправлены в Западную Европу. Во Франции, Голландии и Бельгии для обслуживания береговой обороны и создания укреплений на Атлантическом побережье находилось 60 «ост-батальонов». Всего же на Атлантическом побережье было примерно 30 тыс. советских военнопленных. После открытия второго фронта в июне 1944 г. многие из них попали в руки англичан и американцев. Их стали переправлять в Англию, США и Канаду. В Англию их было около 15 тыс. человек¹⁹. На 1 февраля 1942 г. 2597 советских военнопленных находилось в Норвегии²⁰. Тысячи пленных использовались в 1944 г. в бельгийских и северофранцузских угольных шахтах.

Имперский министр по делам оккупированных территорий А. Розенберг в письме В. Кейтелю от 28 февраля 1942 г. указывал, что судьба советских военнопленных в Германии является трагедией огромного масштаба. Из 3,6 млн. военнопленных в настоящее время только несколько сотен тысяч являются работоспособными. По канонам национал-социалистической идеологии они относились к представителям низшей расы, к славянским «недочеловекам», к «неарийцам». Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер говоря о славянах, называл их «человекоподобными животными»²¹.

Выполнение «приказа о комиссарах», «Указаний о поведении немецких войск в России», распоряжения немецкого верховного командования (ОКВ) о военной подсудности в районе операции «Барбаросса» и других директив, сотрудничество и координация действий ОКВ и имперской службы безопасности в реализации этих директив, приказов, различных инструкций и распоряжений, все это звенья системы беспощадных и энергичных мер против «большевистских подстрекателей», партизан, саботажников, евреев и полного искоренения любого сопротивления²². Немецким солдатам в 1941 г. приказами ОКВ и нацистской пропагандой внушалось убеждение, что жизнь советских военнопленных или гражданских лиц стоит очень немного.

В 1941—1942 гг. на оккупированной территории СССР немцами создавались лагеря для советских военнопленных. На всем протяжении фронта от Балтики до Черного моря позднее обнаруживались трупы убитых советских военнопленных. Их находили у немцев в блиндажах, дерево-земляных точках, а также в населенных пунктах. А сколько осталось убитых в канавах, на обочинах дорог, в оврагах, в лесу и неизвестных захоронений, трудно определить. В Пскове в «Шталаге 372» и лагере «Пески» на протяжении 1941—1944 гг. уничтожено от 50 до 60 тыс. пленных. В 1941 г. в лагере в Кировограде находилось одновременно по 6—8 тыс. пленных. Всего же там по сообщениям специальной комиссии уничтожено 72 тыс. военнопленных и гражданских лиц. В результате судебно-медицинского расследования областной комиссии Житомира было обнаружено 23 массовых захоронения вблизи кладбища Богуня. Общее количество убитых там военнопленных составляло 65 тысяч. Аналогичное расследование проводилось в Витебске. В итоге было найдено 400 массовых захоронений военнопленных и одно массовое захоронение гражданских лиц. Всего там было уничтожено 100 тыс. пленных и 50 тыс. гражданских²³. В начале июля 1941 г. в лагере для военнопленных в Минске было помещено 100 тыс. солдат и офицеров и 40 тыс. гражданских лиц. Военнопленные в этом лагере жили по 6—8 дней без пищи. Они едва могли шевелиться и вынуждены были отпирать естественные потребности там, где стояли²⁴.

На оккупированной территории СССР гражданскому населению запрещалось под угрозой смерти передавать продукты или оказывать помощь заключенным, что обрекало пленных на голодную смерть. Не разрешалось гражданскому населению также передавать продовольствие пленным и на их пути в лагерь. Во многих случаях, когда пленные не могли на марше идти вследствие истощения, их расстреливали, а тела их оставались брошенными. Во многих лагерях пленные лежали под открытым небом во время дождя и снегопада. Им даже не давали инструменты, чтобы вырыть ямы и пещеры. Систематической санитарной обработки военнопленных и лагерей вообще не предусматривалось.

Огромные лагеря уничтожения советских военнопленных были организованы на территории Прибалтийских республик. В «Шталаге 340» в Даугавпилсе (Латвия) во время транспортировки пленные либо умирали, либо их убивали. Их истребляли в пути с вокзала в лагерь, к месту работ и в ходе их. Люди массами погибали от жажды и голода, летом задыхались от духоты, зимой замерзали. Зимой 1942 г. ежедневно убивали больных тифом по 400 человек. Ежедневно погибали в этом лагере 400—800 человек. Всего в «Шталаге 340» было уничтожено: октябрь 1941 — октябрь 1942 г. — 90 тыс., октябрь 1942 — октябрь 1943 г. — 30 тыс., октябрь 1943 — апрель 1944 г. 40 тыс. военнопленных. Всего на территории Латвии было истреблено 327 тыс. военнопленных. В печально известном «Шталаге 350» в Риге и в его отделениях фашисты замучили и расстреляли более 130 тыс. советских пленных. Тысячи пленных погибли в концлагере в Саласпилсе, в Панцерских казармах²⁵.

В Каунасе, в форте № 6, находился лагерь № 336 для советских военнопленных. Только с сентября 1941 г. по июль 1942 г. в лагерьном лазарете умерло 13 936 пленных. А всего здесь похоронено около 35 тыс. человек. В том же городе в районе аэродрома был еще один лагерь. На основании раскопок было установлено, что здесь замучено и погребено около 10 тыс. советских пленных. В лагере № 133 близ г. Алитус погибло от расстрелов, голода и сыпного тифа не менее 35 тыс. человек. Во всех лагерях на территории Литвы гитлеровцы уничтожили 165 тыс. человек²⁶.

В «Шталаге 357» в г. Славута и его окрестностях убито и умерло от голода и эпидемий 140 тыс. военнопленных²⁷. В Тильзитском лагере из 24

тыс. военнопленных осенью и зимой 1941 г. погибло 18—19 тысяч. В Ченстоховском лагере из 90 тыс. бывших бойцов и офицеров Красной Армии к весне 1942 г. в живых осталось только 3 тысячи. В лагере № 126 в Смоленске (1941 г.) ежедневно погибало 150—200 человек от истощения, эпидемий тифа и дизентерии, замерзания и расстрелов. Всего нацисты истребили в лагере свыше 60 тыс. военнопленных и мирных граждан²⁸. В оккупированной Польше до 20 октября 1941 г. всего умерло 54 тыс. советских военнопленных. В последующие 10 дней умерло еще 35 690 человек, или каждый день по 4600 пленных. Пленные использовались германским командованием в целях очистки минных полей и других опасных для жизни работ²⁹. Известны случаи, когда пленных красноармейцев во время атак гитлеровцы гнали впереди своих наступающих колонн.

Директиву расстреливать советских военнопленных Гитлер дал еще до войны (12 мая 1941 г.), указав, что для этой цели будут созданы особые группы и за армией последует СД. В тылу войск создавались специальные команды (эйнзатцкоманды) полиции безопасности. Последующая инструкция германского командования об обращении с советскими пленными для выявления среди них лиц, подлежащих уничтожению под № 1/3058 содержала следующие наставления: «Против малейших признаков непослушания действовать энергично и прямо, оружием пользоваться беспощадно». Мягкотелость, даже в отношении послушных и трудолюбивых пленных, доказывает лишь слабость и не должна иметь места. Но и это казалось недостаточным и изданный от имени Гитлера приказ ОКВ от 14 января 1942 г. гласил: «Всякое снисхождение, человечность по отношению к военнопленному строго порицаются. Германский солдат всегда должен давать чувствовать пленному свое превосходство. Всякая задержка в применении оружия против пленного — опасна»³⁰. Снабжение питанием мирных жителей и военнопленных считалось ненужной гуманностью³¹.

Нацисты применяли разные способы для быстрого уничтожения больших масс людей. Методы и масштабы убийства менялись. Изобретались разнообразные инструменты для умерщвления. Многие советские военнопленные, наряду с узниками концлагерей, использовались в медицинских экспериментах: их подолгу держали голыми на снегу или в ледяной воде, травили ипритом и ядовитыми пулями. В концлагерях Освенцим, Дахау, Трешлинка были организованы фабрики смерти. В Заксенхаузене на печально знаменитой «станции Ц» находилось сооружение для расстрела пленных выстрелами в затылок, отравления газами и сжигания в крематории. На месте расстрела совершались массовые экзекуции. Днем и ночью стоял дым над трубой крематория. Надзиратель из концлагеря Заксенхаузен В. Шуберт на процессе после войны заявил, что с сентября по ноябрь 1941 г. убил собственноручно 636 русских пленных. И далее он показал: насколько я знаю, в 1941 г. в этом лагере были расстреляны 13 тыс. советских военнопленных³².

В Маутхаузене было убито и замучено 4 тыс. советских военнопленных во время постройки восьми блоков лазарета в этом концлагере. В лагере были казнены все советские офицеры, комиссары и член ВКП(б). А всего в Маутхаузене самым жестоким образом было убито 32 180 советских пленных и гражданских лиц. В концлагере Майданек было уничтожено около 2 млн. советских военнопленных, польских граждан и евреев. В Дахау почти все умершие от истощения были советскими военнопленными (свыше 7 тысяч). Часть пленных была умерщвлена впрыскиванием бензина. В концлагере Бухенвальд уничтожено до 9500 пленных, в Освенциме (Аушвиц) 20 тысяч³³. В начале сентября 1941 г. заместитель коменданта лагеря Освенцим Фритц испытал на 600 советских пленных и затем еще на 250 отравляющий газ «Циклон Б». Испытания отравляющего газа продолжались здесь и в дальнейшем.

Концлагерь в Освенциме был единственным местом, где была введена татуировка для нумерации заключенных. Впервые ее применили и испробовали на нескольких тысячах советских военнопленных осенью 1941 года. Их накалывали с помощью специального металлического штемпеля, в который вкладывали заменяемые цифры, составленные из иголок длиной около 1 сантиметра. При помощи этого приспособления можно было сразу вытатуировать весь номер, прижимая его со всей силой к телу над левой грудью и втирая тушь в кровотокающие ранки. При очень высокой смертности среди заключенных, это облегчало их опознание.

Концентрационный лагерь в Бжезинке (Биркенау) был фактически построен

зимой 1941—1942 гг. советскими военнопленными. Из свыше 10 тыс. пленных к лету 1942 г. в живых осталось всего несколько сот. Остальные погибли от голода и неимоверно тяжелой работы. Каждый вечер возили отсюда на телегах трупы в освенцимский крематорий. Полуживые, не в состоянии больше вынести неопишываемые муки, некоторые узники сами влезали в эти телеги и их добивали, как животных. Тысячи пленных были расстреляны в лесу под Бжезинской и закопаны в общих могилах длиной в 50—60 метров, глубиной в 4 метра и приблизительно такой же ширины. Лагерное начальство было довольно таким решением «русской проблемы»³⁴.

Одной из причин высокой смертности военнопленных стал сам порядок их размещения в неподготовленных для этого местах. Практически подготовка к их приему там ограничивалась подвозом колючей проволоки, хлорной извести и примитивных инструментов. Предусматривалась организация лагерей на полигонах (на каждом от 20 до 50 тысяч человек). Расходы по их размещению были сведены до минимума. Во многих лагерях, в частности в Штукенброке, Берген-Бельзене, Ламбиновице (Ламсдорфе), Фалингбостеле, Вицендорфе, Зандбостеле и других, первые пленные размещались под открытым небом, в поле, обнесенном колючей проволокой и вышками по углам и в центре. Жили пленные в норах, ямах, в старых печах-духовках, землянках, шалашах и хранилищах для золы³⁵.

Первые бараки стали строиться самими пленными лишь поздней осенью 1941 года. Каждый барак был рассчитан на 140, а размещали в нем по 400—500 или 800 человек. Царили страшные теснота и скученность. Недостаток воды для мытья и необходимого санитарного оборудования, завшивленность, грязные одежда и белье стали одной из причин распространения эпидемий и заразных болезней. Порой пленные не могли уснуть, поскольку лежащий рядом на нарах человек был уже мертв³⁶. Пленным разрешалось иметь только одеяла из дерюги. Такие условия размещения и жилья пленных подстегивали их смертность. Хоронили их раздетыми, завернутыми в оберточную бумагу без гробов, в общей могиле. С наступлением зимы, перед которой пленные оказались почти беззащитными, смертность их становилась массовой.

Питание советских пленных являлось худшим, чем пленных из других стран, как по качеству, так и по количеству выдаваемых продуктов. Французские, английские, американские военнопленные питались лучше и с ними обращались значительно гуманнее. Установленные нормы питания обрекали советских пленных на голодную смерть. Многие пленные ели кору деревьев, листву или траву, пили грязную воду. Свирепствовала дизентерия. На всем протяжении войны голод преследовал пленных. Его пик падает на зиму 1941—1942 гг. и на весну 1945 года. В августе 1941 г. распоряжением верховного командования вермахта устанавливался для советских военнопленных единый рацион. Работающий пленный должен был получать 2200 калорий в день, неработающий — 2040 калорий, на 28 дней каждому из них полагалось 6 кг хлеба, 400 г мяса, 440 г жиров и 600 г сахара. В хлебе могло быть только 50% муки, остальное — разные добавки, лишённые какой-либо калорийности; мясо только конское, а жиры — искусственные.

В октябре 1941 г. рацион был снижен. Прежде всего это касалось неработающих пленных, тех, кто уже ослаб. Они должны были получать менее 1500 калорий в день³⁷. Нормы питания напрямую связывались с трудовыми показателями. На совещании в Министерстве снабжения Германии 24 ноября 1941 г., где обсуждался вопрос о снабжении советских военнопленных, отмечалось: попытки изготовить для них специальный хлеб показали, что наиболее выгодная смесь получается при 50% ржаных отрубей, 20% отжимок сахарной свеклы, 20% целлюлозной муки и 10% муки, изготовленной из соломы или листьев. Естественно, что при таком хлебе очень скоро случаи людоедства оказались не редкостью. Люди убивали друг друга, поедая умерших. Пленные, чтобы оставаться в живых, прибегали к «стратегии выживания», требующей а) без разбора брать все, что может утолить голод или жажду; б) строго и солидарно распределять лагерную еду; в) кражи съедобного; г) добровольной помощи продуктами через третьих лиц; д) меновой торговли; е) интенсивного труда³⁸.

На территории Германии имелись десятки «Штаммлагерей» — основных, «Офлагов» — офицерских лагерей. «Шталаги» нумеровались римскими или арабскими цифрами и находились в ведении военных властей. «Штаммлагерь 326(VIK) Зенн»

находился внутри замка Хольте-Штукенброк. В лагере был особый режим, нацеленный на быстрое уничтожение советских пленных. За четыре года через лагерь прошло около 2 млн. человек. Их жизнь ценилась мало, их смерть идеологически оправдывалась. Летом 1941 г. в этом лагере не было ни одной полевой кухни. Пленные должны были сами заботиться о горячей пище. Столовая посуда и приборы не предусматривались, так что они становились ценнейшей собственностью, потеря которой вела к смертельному исходу. Ложки и ножи пленные готовили сами и носили всегда с собой в нагрудном кармане гимнастерки. Ежедневным рационом для людей, исполнявших тяжелую и изнурительную работу, были 150—200 г хлеба с большим количеством древесной муки и сырой брюквы и пол-литра суррогата кофе³⁹. Суп «баланду» они вынуждены были есть через силу, чтобы не умереть с голоду. Варился он в основном из брюквы и картошки или только из брюквы. Ежедневно такое питание давало 700—800 калорий.

В большинстве «Шталагов» медицинское обеспечение находилось исключительно в руках пленных врачей, студентов-медиков, аптекарей. Эпидемии свирепствовали среди пленных. В ноябре 1941 г. по сообщению имперской службы безопасности в лагере Вицендорф ежедневно от сыпного тифа умирало 300—400 человек. Он назывался «Seuchenlager», т. е. лагерь эпидемии. Это вызывало серьезную опасность распространения этой болезни среди местного населения. Аналогичной была ситуация в лагерях Берген-Бельзен, Фаллингбостель и Еркке, расположенных в Люнебургской пустоши. Поэтому вскоре они, как и Вицендорф, были закрыты. С ноября 1941 г. по февраль 1942 г. в этих лагерях умерло более 50 тыс. человек и они были зарыты в массовых могилах⁴⁰. Только после этого в Берген-Бельзене смонтировали установку для уничтожения вшей в качестве профилактики сыпного тифа.

К февралю 1942 г. продолжал существовать только «Шталаг» Берген-Бельзен с лазаретом как «лагерь русских». В лазарете работали врачи и санитары из числа пленных. Они организовали «Ганноверский комитет» как очаг сопротивления, деятельность которого так и осталась не обнаруженной фашистами. В конце 1943 г. лазарет расформировали, а большую группу военнопленных, старших офицеров отправили в концлагерь Бухенвальд, а оттуда в мае 1944 г. в концлагерь Лангенштайн-Цвиберг, где возводился завод подземного типа для производства ФАУ-2. В лагере Штукенброк сначала умерших хоронили в индивидуальных могилах, позднее, ввиду высокой смертности их клали уже в общие. Точное число умерших неизвестно, но оно приближается к 65 тыс. советских пленных⁴¹.

«Шталаг VI А Хемер» тоже являлся лагерем смерти. 14 апреля 1945 г. его освободили американские войска. Из 22 тыс. пленных, находившихся в лагере, 9 тыс. были тяжело больными, 200 убитых американцы обнаружили в подвальном помещении. В последние месяцы войны здесь умирало ежедневно по 100 советских пленных. Общее число умерших вследствие плохого питания и жестокой эксплуатации трудно восстановить. Но приблизительно подсчитано, что только с августа 1943 г. по апрель 1945 г. в «Шталаге VI А» умерло 60 тыс. советских военнопленных⁴².

В «Шталаге ХБ Зандбостель», находившемся севернее Бремена, наблюдалась такая же картина. Всего в этом лагере погибло 46 тыс. советских солдат и офицеров. Лагерь Ламбиновице «VIII Ф» тоже был местом уничтожения многих тысяч советских пленных. Во время второй мировой войны через него прошло около 300 тыс. человек 18 национальностей, 2/3 из них были русские⁴³. В «Шталаге IXА, Цигенхайн» (находился в г. Труцхайн), первые советские пленные появились в декабре 1941 года. Здесь содержались военнопленные из многих стран. Для многих он явился только пересыльным в разные места в Гессене и Тюрингии, где им следовало работать. 1 октября 1944 г. начальство лагеря сообщило в Международный Красный Крест, что в лагере находится 11 453 заключенных. До сих пор не установлено, сколько здесь погибло пленных. Однако известно, что самая высокая смертность была именно среди них⁴⁴.

Десятки, если не сотни тысяч пленных умирали во время транспортировки от фронта до лагеря. Большинство плененных в 1941 г. должны были проделать этот путь пешком. При этом тысячи обессилевших пленных расстреливались сразу. Даже некоторые командующие германскими войсками осуждали такую практику. Для транспортировки пленных по железной дороге разрешалось использовать только открытые товарные вагоны или вагоны для перевозки скота. В группе армий «Центр» использование закрытых, но неотапливаемых товарных вагонов было

разрешено только 22 ноября 1941 г., когда стояли уже сильные морозы. Поводом для изменения правил транспортировки послужил случай, когда во время ее из 5 тыс. пленных 1 тыс. человек замерзла. В начале декабря 1941 г. во время транспортировки умирало от 25 до 70% военнопленных⁴⁵.

Часто путь до пункта назначения продолжался много дней и недель без пищи и воды. Это объяснялось нехваткой локомотивов. Затруднения были связаны с рано наступившей зимой 1941—1942 года. Многие транспорты с пленными вообще не достигли конечного пункта. Военнопленные были буквально спрессованы в вагонах. Коменданты концлагерей отмечали, что от 5 до 10% всех советских военнопленных, предназначенных для уничтожения, прибывали в лагеря мертвыми или полумертвыми. Начальник полиции безопасности и СД Мюллер приказывал, чтобы впредь все советские военнопленные, которые не в состоянии выдержать напряжение, связанное хотя бы даже с кратким пешим переходом и явно обречены на гибель, больше не доставлялись в концлагеря⁴⁶. В начале ноября 1941 г. Геринг в своей директиве вынужден был указать, что необходимо как следует организовать транспортировку советских военнопленных, перевозить их «быстро».

Вот что рассказывал на Нюрнбергском процессе о прибытии советских пленных в лагерь Зандбостель французский пленный. Прибывшие русские пленные фактически не могли идти. Они производили страшное впечатление. Их кожа на лице была не желтой, а зеленой. Почти все смотрели искоса, так как не могли даже раскрыть глаза. Они падали группами, охранники бросались на них, били прикладами винтовок и кнутами⁴⁷. Нередко прибывшие пленные были настолько слабы, что падали в приемных бараках. Они не могли более встать и тогда их добывали. Тяжелым испытанием для пленных, обессиленных и больных, в рваной одежде, был пеший переход от вокзала до лагеря. Построенные в колонну и охраняемые конвоирами, они за малейшее нарушение дисциплины подвергались избиениям, зачастую их убивали. За колонной шла повозка, которая подбирала мертвых или тех, кто не мог более двигаться.

Нацистская пропаганда убеждала местное население в расовой неполноценности советских пленных, призывала к грубому обхождению с ними. Она предупреждала немецких женщин от контактов с пленными. Газеты рекомендовали смотреть на них как на «зверей в зоопарке», «чужовиц» и «извергов». И все же воздействие нацистской пропаганды о «русской низшей расе» среди местного населения не было столь глубоким. Часть населения сочувственно относилась к пленным.

Фактически каждый эсэсовец или охранник мог убить заключенного, не неся за это никакой ответственности. Чаще всего по отношению к пленным применялись кнут, плеть, палка, дубинка, подвешивание к «столбу», свирепые сторожевые собаки. Нередко пленных забивали до смерти, а в документах отмечалось: «убит при попытке к бегству». Любое возникшее волнение или беспорядок, неповиновение, активное или пассивное сопротивление жестоко подавлялись. «Совсем нормальным явлением» считалось часами длившаяся переключка на аппельплацу, как особая форма пыток⁴⁸. Для поддержания дисциплины среди пленных предписывалось содержание в карцере, в котором можно было лишь стоять.

В памятке об охране советских военнопленных содержались такие требования: 1) безжалостно применять оружие в случае сопротивления, по убегающим немедленно стрелять; 2) всякие разговоры с пленными строго запрещаются, в том числе во время передвижения к месту и с места работы; 3) пленным строго запрещается курить; 4) строго препятствовать всяким разговорам пленных с гражданскими лицами; 5) применение оружия против советских военнопленных, как правило, считалось «правомерным» и освобождало караульных от всякой ответственности⁴⁹. Советские военнопленные подвергались разностороннему контролю и охране. Соблюдалась полнейшая их изоляция от гражданского населения. И тем не менее, несмотря на угрозу штрафа и заключение в концлагерь, известны факты, когда некоторые немцы шли на риск с целью установить контакты с пленными или оказать им помощь.

Роковые последствия для советских военнопленных имел приказ № 8 начальника Главного управления имперской безопасности группенфюрера СС Р. Гейдриха от 17 июля 1941 г., согласно которому эйнзатцкоманды СД проводили отбор лиц в лагерях и на сборных пунктах для военнопленных, а также должны были производить экзекуции⁵⁰. Руководителям этих команд было дано право решать, кого

в соответствии с приказом следует рассматривать как людей, отравленных большевизмом. В результате отбора в «Шталагах» в руки эйнзатцкоманд попадали десятки тысяч пленных. В первую очередь выявлялись государственные и партийные функционеры, политкомиссары Красной Армии, евреи, «азиаты», советская интеллигенция, все «коммунистические фанатики».

Проводилась политика разъединения пленных по национальности, чтобы натравливать их друг на друга. Руководство лагерей всячески поддерживало национальную рознь среди военнопленных. Принцип «разделяй и властвуй» нашел широкое применение в политике эсесовцев по отношению к узникам. Ведь не случайно некоторая часть пленных сотрудничала с руководством лагерей, участвуя во вспомогательной (лагерной) полиции и особенно разжигая антирусские настроения. Чтобы обосновать эти меры, распространялись слухи о том, что русские убивают на месте каждого немецкого солдата — члена нацистской партии, особенно эсесовцев, а также, что политическим работникам Красной Армии приказано в случае, если они попадут в плен, сеять панику в лагерях для военнопленных и саботировать работу.

Вслед за приказом № 8 последовал приказ шефа гестапо Мюллера № 9 от 21 июля 1941 года. Согласно ему, в лагеря советских пленных, расположенные в отдельных районах Германии и генерал-губернаторства (Польша) откомандировывались «эйнзатцкоманды»⁵¹. Распоряжением Мюллера от 27 августа 1941 г. карательные отряды получали свободу рук во всех «Шталагах» и рабочих группах советских военнопленных. И, наконец, 12 сентября появилось новое распоряжение, в котором уточнялось понятие «интеллигент», и рекомендовалось не всех военнопленных с высоким образованием рассматривать как «носитель большевистских идей»⁵².

Этими мерами была подготовлена база для массового уничтожения «нежелательных» элементов на территории рейха. С этих пор транспорты, в которых находились «подозреваемые» пленные, шли в концлагеря. Там их либо расстреливали, либо уничтожали при помощи газа «Циклон Б».

Советские военнопленные использовались на различных работах. Рабочий день их составлял 10—12 часов, а получали они за свой труд меньше пленных из других стран. Советским пленным в лагерях и рабочих командах в теплые дни было запрещено носить кожаную обувь. Они должны были ходить босиком. В официальных инструкциях и памятках говорилось, что труд советских пленных должен быть тяжелым. При этом «ценность» их беспощадной эксплуатации определялась результатом вложенного труда в германскую экономику. Советские пленные должны были работать только компактными группами. Немецким рабочим не разрешалось работать на одном месте с советскими пленными или в непосредственной близости от них. Советские военнопленные не должны были участвовать в приготовлении пищи, им воспрещалось также хранение продуктов в пределах зоны их размещения.

До осени 1941 г. военнопленные трудились преимущественно в сельском хозяйстве. Руководство вермахта считало в августе 1941 г., что использование труда советских военнопленных внутри рейха следует свести до минимума⁵³. На промышленные предприятия их старались не брать. К тому же многие промышленники полагали, что вскоре после окончания «молниеносной войны» немецкие рабочие вернутся на их заводы. Однако после поражения немецких войск под Москвой и провала плана «Барбаросса» возникла новая ситуация. Стало ясно, что война продлится дольше, чем это было запланировано. В руководстве Германии выявились серьезные разногласия по вопросу использования труда советских военнопленных. Это в основном и определило то, что с конца 1941 г. отношение к пленным стало меняться, появилось убеждение в том, что основную их массу следует рассматривать как ценную рабочую силу⁵⁴.

Инициатива исходила от тяжелой индустрии, в особенности от горной промышленности, где нехватка рабочих приняла угрожающие размеры. В этой связи К. Штрайт отмечает, что провал «блицкрига» имел двойное значение для судьбы советских военнопленных. Во-первых, в германском военном руководстве все больше склонялись к мысли, что в обращении с советскими военнопленными (по меньшей мере в рамках армии) руководствоваться не идеологическими, а практическими соображениями. Во-вторых, важнейшим для пленных было то, что после провала «блицкрига» возникла необходимость привлечения к труду в германской военной промышленности. К такому выводу, конечно, привели не гуманные сооб-

ражения, а расчет германского руководства возместить таким образом материальные жертвы, которые требует война⁵⁵.

В итоге уже на рубеже 1941/42 гг., ввиду тяжелой ситуации с рабочей силой, советских пленных начали использовать в военной, строительной, и горной промышленности, на железных дорогах. 8 июля 1943 г. Кейтель издает секретное распоряжение о направлении в горную промышленность до 1 сентября 1943 г. 200 тыс. военнопленных, способных к работе на шахтах. Все без исключения советские горняки, работавшие в любых местах использования военнопленных, должны были быть направлены в соответствии со своей профессией в горную промышленность. Изменение обстановки и растущая потребность в рабочей силе вынуждали доставлять в третий рейх все большее число военнопленных.

В октябре 1943 г. последовал новый приказ. В нем уже говорилось, что обращение с военнопленными, используемыми на работах, необходимо поставить исключительно в зависимость от производительности труда. О них предписывалось не «заботиться», а обращаться с ними так, чтобы была достигнута наивысшая производительность труда. Само собой разумеется, что сюда относилось и снабжение военнопленных продовольствием и одеждой⁵⁶. Это не означало, конечно, что в отношении советских пленных были сделаны какие-то послабления. Строго наказывалась любая небрежность и непокорность.

По официальным данным осенью 1944 г. в экономике рейха трудилось 7 906 760 иностранных гражданских рабочих и военнопленных из 26 стран. Из них 2,8 млн. из Советского Союза⁵⁷. На многих военных предприятиях они составляли более половины коллектива, а в отдельных случаях даже 90% производственников⁵⁸. Положение советских пленных, работавших в народном хозяйстве Германии, было намного хуже, чем французских, бельгийских, английских, голландских.

В немецкой фронтовой пропаганде положение наших пленных подавалось совсем иначе. Миллионы листовок разбрасывались над позициями Красной Армии. В них предлагалось офицерам и солдатам добровольно переходить и перебежать на сторону немцев. Авторы листовок уверяли, что неправда, будто немцы издеваются над пленными, истязают и убивают их; напротив, немцы, хорошо обращаются с пленными, окружают их заботой и обеспечивают питанием. Утверждалось, что пленным предоставлена работа, они живут в чистых, светлых общежитиях, оборудованных койками, одеялами, матрацами. Они всегда якобы сыты, вымыты, бриты, стрижены и пользуются медицинской помощью. Многочисленные факты полностью опровергают эти утверждения фашистской пропаганды.

Примечания

1. АЛЕКСЕЕВ Н. С. Злодеяния и возмездие. М. 1986; ЛЕМЕЩУК Н. М. Не склонив головы. Киев. 1986; ЗЕМСКОВ Н. В. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944—1951 годы. — История СССР, 1990, № 4. Исключение составляет статья М. И. Семиряги «Судьбы советских военнопленных» (Вопросы истории, 1995, № 4), серьезно продвигающая разработку проблемы.
2. ПИРОГОВ А. И. Этого забыть нельзя. Одесса. 1962; САХАРОВ В. И. В застенках Маутхаузена. М. 1962; ИОСИЛЕВИЧ М. М. Победить смерть. Харьков. 1964; БРОДСКИЙ Е. А. Они не пропали без вести. М. 1987; ASLANOW A. Von der Wolga an die Ruhr. Köln. 1987
3. STREIT Ch. Keine Kameraden. Stuttgart. 1978.
4. ГАЛЬДЕР Ф. Военный дневник. Т. 2. М. 1969, с. 429—430.
5. ПИКЕР Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск. 1993, с. 29.
6. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т. 4. М. 1990, с. 207—208.
7. STREIT Ch. Op. cit., S. 10, 244, 245.
8. VÖHME K. W. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. München. 1966. S. 151.
9. STREIT Ch. Die Behandlung und Ermordung der sowjetischen Kriegsgefangenen. — Gegen das Vergessen: der Vernichtungskrieg gegen Sowjetunion 1941—1945. Frankfurt a/M. 1992, S. 92. (По официальным советским данным общее количество немецких военнослужащих, захваченных советскими войсками в плен, составило 2 389 560 человек, из них умерло 356 687 и репатрировано 2 032 873. — Военно-исторический журнал, 1995, № 1. с. 20.
10. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. Frankfurt a/M. 1991, S. 160; Das Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart. 1983. Bd. 4, S. 1017, 1019.

11. Военно-исторический журнал, 1992, № 3, с. 33; Московские новости, 13.05.1990.
12. Военно-исторический журнал, 1992, № 10, с. 32, 28.
13. HOFFMANN J. Die Geschichte der Wlasow-Armee. Freiburg, 1984, S. 80; Hitlerslagebesprechung. Stuttgart. 1962, S. 261.
14. HOFFMANN J. Op. cit. S. 131; DALLIN A. Deutsche Herrschaft in Russland 1941—1945. Düsseldorf. 1958, S. 440, 140; STREIM A. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «Fall Barbarossa». Heidelberg-Karlsruhe. 1981, S. 246.
15. КОЗЛОВ В. И. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.— История СССР, 1989, № 2, с. 135.
16. ГАРЕЕВ М. А. О мифах старых и новых.— Военно-исторический журнал, 1991, № 4, с. 47, 48; ГУРКИН В. В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941—1945 гг.— Новая и новейшая история, 1992, № 3, с. 223.
17. Гриф секретности снят: потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М. 1993, с. 128—142.
18. Erobern und vernichten. Berlin, 1991. S. 1117.
19. Родина, 1993, № 4, с. 95, 99.
20. Bundesarchiv (Militärarchiv Freiburg). RW6/v.450. Bestand Kriegsgefangenen. 1941—1944 und 1.1.1945. Bl. 32—33.
21. Нюрнбергский процесс. Т. 4, с. 214; GRANKSHAW E. Die Gestapo. Berlin. 1959, S. 24.
22. STREIM A. Sowjetische Gefangene in Hitlers Vernichtungskrieg. Heidelberg, 1982, S. 22—45.
23. Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen Ludwigsburg, UdSSR, (далее — ZSL) Ordner Nr. 415. Bl. 363—364; Nr. 418, Bl. 383—397; Nr. 417, Bl. 183—184; Nr. 423, Bl. 180—184.
24. Нюрнбергский процесс, т. 4, с. 202—203; Преступные цели — преступные средства. М. 1985, с. 132—134.
25. ZSL, Ordener Nr. 428, Bl. 649—654, 724—726; Ordner Nr. 426, Bl. 356—382.
26. Нюрнбергский процесс, т. 4, с. 11; Преступные цели — преступные средства, с. 166—169.
27. ZSL, Ordner Nr. 417, Bl. 192—194. Н. С. Алексеев (Ук. соч., с. 180) почему-то называет цифру всего лишь в 10 тыс. человек.
28. Военно-исторический журнал, 1994, № 6, с. 40; Нюрнбергский процесс, т. 4, с. 107.
29. Преступные цели — преступные средства, с. 137—138.
30. Нюрнбергский процесс, т. 4, с. 98.
31. STREIT Ch. Die Behandlung und Ermordung der sowjetischen Kriegsgefangenen, S. 94; STREIM A. Sowjetische Gefangene in Hitlers Vernichtungskrieg, S. 139—140.
32. СС в действии. М. 1960, с. 255, 270, 272.
33. Там же, с. 296; ZSL, VI 302 AR-Z 26/65, Bl. 1, 50, 51, 52—53.
34. Освенцим глазами СС. Варшава. 1991, с. 38—39, 82, 116—117.
35. HÜSER K., REINHARD O. Das Stammlager 326/V1K/ Senne: 1941—1945. Sowjetische Kriegsgefangene als Opfer des Nationalsozialistischen Weltanschauungskrieges. Bielefeld. 1992. S. 68—80.
36. Ibid. S. 73.
37. BORGEN W.— VOLLAND K. Stalag XB Sandbostel. Bremen. 1991, S. 133; Streit Ch. Die Behandlung und Ermordung der sowjetischen Kriegsgefangenen, S. 93—94.
38. Нюрнбергский процесс, т. 4, с. 94; Преступные цели — преступные средства, с. 142; BORGEN W.— VOLLAND K. Op. cit., S. 137—138.
39. HÜSER K., REINHARD O. Op. cit., S. 92.
40. Sowjetische Kriegsgefangene 1941—1945. Hannover. 1991. S. 18.
41. HÜSER K., REINHARD O. Op. cit., S. 3, 8.
42. WEISCHER H. Russenlager: russische Kriegsgefangene in Hessen /Hamm/ 1942—1945. Essen. 1992, S. 74—76.
43. BORGEN W.— VOLLAND K. Op. cit., S. 241; Освенцим глазами СС, с. 81.
44. Mahn — und Gedenkstätte Waldfriedhof Trutzhain. Kassel. 1992, S. 6.
45. STREIT Ch. Die Behandlung und Ermordung der sowjetischen Kriegsgefangenen, S. 95.
46. Преступные цели — преступные средства, с. 140—141.
47. BORGEN W.— VOLLAND K. Op. cit., S. 120, 124.
48. HÜSER K., REINHARD O. Op. cit., S. 64—68.
49. Нюрнбергский процесс, т. 4, 208—209; Bundesarchiv/Militärarchiv Freiburg.— OKW/AWA/Abt. Kriegsgefangenenwesen-Chef Kriegsgefangenenwesen. Befehl Nr. 15 vom 18.9.1943: RW6/V.2707.
50. STEIM A. Sowjetische Gefangene in Hitlers Vernichtungskrieg, S. 52—55; ejusdem. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangenen im «Fall Barbarossa». S. 320—321.

51. STREIM A. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «Fall Barbarossa». S. 322.
52. Bundesarchiv/Militärarchiv. R58/272, Bl. 89—94, 99—104.
53. Нюрнбергский процесс. т. 4, с. 20; Bundesarchiv/Militärarchiv. RW 19W1/1F5/1189. Befehl OKW/Krf. vom 2.8.1941.
54. Europa und der «Reichseinsatz»: ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und KZ-Häftlinge in Deutschland 1938—1945. Herbert U. (Hrsg.). Essen. 1991, S. 10—11; Bundesarchiv/Abteilung Potsdam. 46.03. Reichsministerium für Rüstung und Kriegsproduktion, Nr. 33, 34.
55. STREIT Ch. Keine Kameraden, S. 14—15.
56. Преступные цели — преступные средства, с. 151—153.
57. Europa und der «Reichseinsatz», S. 7, 8.
58. WEIDNER M. Nur Gräber als Spuren: Das Leben und Sterben von Kriegsgefangenen und «Fremdarbeitern» in Münster während der Kriegszeit 1939—1945. Münster. 1984, S. 12.

Государственный совет и контрреформы

Е. М. Собко

Несмотря на существование ряда работ историков права и государственных учреждений о Государственном совете¹, деятельность его в период политической реакции 80-х — начала 90-х годов XIX в. не являлась предметом специального изучения.

В трудах ряда исследователей внутренней политики (П. А. Зайончковского, Л. Г. Захаровой, Ю. Б. Соловьева, Г. И. Щегониной²) деятельность Государственного совета рассматривается лишь в связи с изучением отдельных проблем внутренней политики самодержавия. При этом Зайончковский указывает на прозвучавшую в среде Государственного совета критику законопроекта о земских начальниках, земской и городской контрреформы. Автор связывает это явление с наличием в Совете «либеральных бюрократов», отстраненных от исполнительной власти, но сохранивших свое влияние на законодательные дела. Захарова делает вывод о том, что разногласия в высших сферах отражали неоднородность интересов дворянства, служившего опорой самодержавия. Таким образом, Государственный совет оказывается как бы в оппозиции по отношению к проектам контрреформ, а следовательно, и к тому открыто реакционному курсу, который выработывался в Министерстве внутренних дел в 80-е годы XIX века. Однако возможен и несколько иной подход к изучению контрреформ и роли в них Государственного совета, требующий ответа на два новых вопроса. Каковы главные идеи, объединявшие практически все наиболее крупные реакционные законопроекты 80-х — начала 90-х годов XIX века? Каково отношение Государственного совета именно к идейной направленности контрреформ?

В 60-е годы XIX в., расширив свою политическую опору, самодержавие укрепилось. Однако кризис конца 70-х годов показал, что оно может опираться на новые политические силы только путем дальнейших уступок, отвечающих новым потребностям развития страны. Поэтому перед правительством стоял выбор: либо продолжать политику реформ и тем самым эволюционировать в сторону буржуазной монархии, либо опереться на узкую, но наиболее надежную, с точки зрения самодержавия, социальную базу — на консервативные и реакционные политические силы, наиболее соответствовавшие характеру царизма. Правительство Александра III сделало выбор в пользу последних. Главной задачей, вставшей перед этим правительством, явилось укрепление политической системы. В русле ее решения шли основные мероприятия правительства в области внутренней политики, получившие, как известно, реакционную направленность.

При всем различии главных внутривластных актов правительства 80-х — начала 90-х годов XIX в. представляется возможным выявить общий идейный

Собко Елена Михайловна — кандидат исторических наук. Государственный университет культуры, Москва.

смысл, объединявший их. Главной мыслью, пронизывавшей все меры внутренней политики, была идея усиления правительственной власти — везде, где того требовали интересы укрепления самодержавия. Усиление правительственного контроля было одним из главных мотивов университетского устава 1884 г. — первой крупной меры эпохи контрреформ. Ту же задачу преследовали контрреформы местного управления. Она нашла отражение в законе о земских начальниках, в земской контрреформе 1890 г., в Городовом положении 1892 года. Одной из ведущих тенденций, проявившихся в решении крестьянского вопроса, стало вмешательство правительственной власти, государства в разрешение крестьянских дел на местах. Таким образом, все эти меры объединяет стремление расширить правительственную опеку в разных ее видах над различными категориями населения России (интеллигенцией, крестьянством, буржуазией и даже дворянством).

Второй главной идеей, отразившейся в законодательстве данного периода, было последовательное проведение принципа сословности, стремление к усилению роли дворянства. В историографии этой линии внутренней политики правительства при анализе той или иной реформы уделяется большое место, однако стремление к усилению роли дворянства было вторичным по сравнению с главной целью — расширением правительственной власти во всех сферах жизни страны. Курс на усиление сословных позиций дворянства проводился для решения все той же главной задачи — укрепить политическую систему самодержавия.

Первой жертвой реакционного курса, взятого в 1882 г., стала сфера духовная. Именно в этой области самодержавие проводило реакционную политику наиболее последовательно и добилось, пожалуй, наибольших успехов. Первоочередность преобразования университетов объясняется державшимися в правительстве до конца прошлого века представлениями о роли интеллигенции в возбуждении революционного движения. В изменении ее идейной ориентации, подготовке кадров лояльной интеллигенции состоял главный смысл реформы университетов. О ее политических, идеологических целях как первостепенных, главнейших для правительства при выработке нового университетского устава свидетельствуют объяснения Министерства народного просвещения по этому поводу, в которых подчеркивается необходимость того, чтобы университетские преподаватели «в политическом отношении сознавали бы себя всецело органами государства»³. Первый же пункт проекта нового университетского устава гласил: «1) усиливается по отношению к университетам власть попечителя и вообще правительственное влияние на университетское управление». Проект устава намечал комплекс мер, направленных на решение этой задачи (главным образом путем ликвидации университетской автономии).

При обсуждении проекта нового университетского устава в Государственном совете первый же вопрос, по которому Соединенные департаменты законов и государственной экономики Совета должны были определить свою позицию, — это вопрос об «усилении в университетах правительственного элемента». Позиция Соединенных департаментов недвусмысленна: «Университеты, как установления правительственные, должны находиться под непосредственным влиянием и в полном подчинении государственной власти»⁴. Таким образом, Государственный совет полностью поддержал основную идею законопроекта.

Важнейшей составной частью входило в задачу укрепления самодержавия преобразование местных органов управления. Выработка контрреформ в данной области связана с именами А. Д. Пазухина и Д. А. Толстого. Первый был автором известной статьи «Современное состояние России и сословный вопрос». Автор развивал идеи о необходимости восстановления принципа сословности там, где он был нарушен; о предоставлении поместному дворянству главенствующей роли в делах местного управления; об исторической близости дворянства и крестьянства. Эти идеи легли в основу новых законов. Толстой отнюдь не являлся простым реализатором идей Пазухина. В частности, мысль о необходимости укрепить позиции поместного дворянства высказывалась им совершенно самостоятельно. Он писал в своих записках о внутривластном положении России 60-х годов XIX в., что единственным сословием, представляющим собой «прочное охранительное начало», является поместное дворянство, и подчеркивал необходимость всяческой его поддержки. Считая, что в 60-х годах реформы проводились в интересах крестьян, Толстой предлагает обратить внимание и на «обиженное» дворянское сословие: «Оно одно еще ожидает только времени, когда лучи Царского солнца его пригреют»⁵.

18 декабря 1886 г. Толстой представил императору доклад с планом преобразований, обосновывающий необходимость пересмотра законодательства 60-х годов. Речь шла о преобразовании прежде всего крестьянского управления, где царит «безвластие», и городских и земских учреждений, «широкая самостоятельность» которых влияет на «ослабление принципа государственной власти». Из этих рассуждений Толстой делает вывод: «Основной недостаток существующего порядка состоит в том, что правительственная власть имеет слишком слабое влияние на ход местного управления, и потому усиление сего влияния должно быть главной целью предстоящих преобразований. В основу организации местного управления должно быть положено начало единства власти. Все местные учреждения должны быть учреждениями правительственными, находящимися в связи с центральной правительственной властью».

Но кто должен пользоваться этой властью в делах местного управления? Разумеется, поместное дворянство, которое, представляя собой «самое образованное сословие, пользующееся доверием местного населения, свято хранит сознание государственных обязанностей»⁶. Эти идеи и легли в основу закона о земских начальниках 1889 г., земской и городской контрреформ. Вот как характеризует Толстой смысл земской контрреформы в законопроекте: «Главная цель предпринимаемого преобразования — введение земских учреждений в общую систему государственного управления». Этой цели подчинялись остальные руководящие принципы проекта: «одворянствование» земства и стеснение его самостоятельности. Близкой по смыслу была идея нового городского положения. «Голова, члены управы, помощник головы и городской староста считаются состоящими на государственной службе», — гласил законопроект И. Н. Дурново⁷. По Городовому положению 1870 г. они таковыми не являлись.

В Государственном совете при обсуждении закона о земских начальниках даже большинство Соединенных департаментов, высказавшееся против законопроекта Толстого, еще более реакционного, чем конкурирующий проект И. И. Воронцова-Дашкова, поддержало главную цель реформы: «18 членов присоединяются в полной мере к выраженным Министерством внутренних дел намерениям усилить правительственную власть и ввести новый орган в общую систему государственного управления, установив правильный контроль за его деятельностью»⁸. Государственный совет поддержал линию на усиление правительственного влияния на ход земских дел: «Обособленность земских учреждений должна быть устранена путем усиления правительственного над ними контроля»⁹.

Стремление «одворянствовать» земство, используя сословный принцип избирательной системы, не встретило каких-либо возражений в Соединенных департаментах. Министр внутренних дел Дурново предлагал понизить земельный ценз. По этому поводу в протоколе заседания Соединенных департаментов от 19 марта 1890 г. отмечалось: «Вследствие постепенного раздробления отдельных владений, в настоящее время, между прочим, многие дворяне-помещики оказываются уже вне условий непосредственного участия в земских делах. С другой стороны, общее значительное повышение цен на земли совершенно изменило самое значение установленного в 1864 г. размера этого ценза». Поэтому невозможно, издавая «совершенно новое положение, сохраняя при нем упомянутое расписание»; необходимо поручить министру внутренних дел пересмотреть и исправить его.

Поддержал Государственный совет и законопроект, усиливавший правительственную власть в городских делах. Соединенные департаменты пришли к заключению, что «в отсутствии надлежащего правительственного контроля кроется один из крупнейших недостатков закона 1870 г.»; «Положение 1870 г., хотя и вверяет Министру внутренних дел и губернаторам надзор за законностью действий городского общественного управления, но не дает им достаточных средств к восстановлению нарушенного порядка. В этом обстоятельстве следует искать едва ли не главную причину тех неправильностей и увлечений, которые обнаруживались иногда в ходе городских дел, вызывая справедливое нареkanie на городские учреждения»¹⁰.

Итак, Государственный совет полностью поддержал основополагающие идеи контрреформ местного управления.

В. К. Плеве, один из идейных творцов политики правительства по крестьянскому вопросу писал об «укреплении власти» как одной из главных линий крестьянско-

го законодательства 80-х — начала 90-х годов XIX века¹¹. Стремление предоставить правительству большие возможности для вмешательства в крестьянские дела проявилось в законе в семейных разделах (1886 г.), переселенческом законе (1889 г.), законе о пределах мирской земли (1893 г.). Почву для такого вмешательства в дела крестьянской общины создавало «покровительство» патриархальной крестьянской семье. При обсуждении закона о крестьянских семейных разделах ее роль получила соответствующую оценку: «Не подлежит сомнению, что такая рабочая семья, которая представляла бы собою тесно сплоченный союз родственников, подчиняющихся главенству старшего члена и трудящихся в общую пользу, являлась бы идеалом как в нравственном, так и в экономическом отношениях, возможное приближение к которому было бы весьма желательно в интересах государственных»¹². В этой связи одной из сторон данного закона должно было стать установление жесткого контроля за деятельностью органов крестьянского общественного управления¹³. При обсуждении крестьянского законодательства Государственный совет поддержал линию на усиление правительственного контроля за крестьянскими делами.

Существование реакционных законопроектов не вызывало критики со стороны Государственного совета, его «большинства» или даже малочисленного «меньшинства», которое образовывалось при обсуждении законопроектов. Политическая линия Государственного совета заключалась в том, что, не отрицая их принципиального содержания, он отсекал в них практически неудобные крайности правого толка.

При обсуждении университетского устава 1884 г. Соединенные департаменты Государственного совета видоизменили те положения законопроекта, которые были нацелены на ликвидацию университетской автономии. Характерна в этом отношении позиция, выраженная при обсуждении вопроса о способе назначения ректоров университетов: «Не возражая вообще против увеличения влияния министра и попечителя на ход дел в университетах, Департаменты не могут, однако, признать целесообразным лишение ректорской должности всякого начальнического характера»¹⁴. Соединенные департаменты выступили против тех положений законопроекта, которыми ограничивалась самостоятельность Совета университета при решении дел научного характера (о производстве испытаний на ученые степени и утверждениях от имени университета в этих степенях и др.). Вызвали возражения у членов Государственного совета и проектировавшееся усиление роли инспектора¹⁵. Все эти наиболее реакционные положения были крайностями законопроекта, так же как и проектируемая система государственных экзаменов, вызвавшая критику большинства в Соединенных департаментах и Общем собрании Государственного совета¹⁶. В результате реакционная направленность законопроекта была смягчена, однако он сохранил свое идейное содержание и стал первой контрреформой.

Так же повел себя Государственный совет при осуждении закона о земских начальниках. Деля выбор между двумя проектами, объединенными общей задачей, большинство Государственного совета отдало предпочтение проекту Воронцова-Дашкова, предусматривавшему создание в уезде новой должности общедминистративного характера. В проекте Толстого институт земского начальника представлял идею сословности в более чистом виде; большинство же Государственного совета, стремясь органически ввести новый институт в существовавшую систему управления, встало на путь более разумный с точки зрения государственности и обнаружило лучшее понимание условий развития страны. Но это был путь к достижению все тех же целей, которые ставило Министерство внутренних дел, путь контрреформы.

При обсуждении земской контрреформы весьма характерной была позиция Соединенных департаментов по одному из наиболее существенных вопросов — об усилении правительственного влияния на ход земских дел: «Нельзя не прийти к выводу, и это подтверждается двадцатипятилетним опытом, что предоставленная ныне земским установлениям степень свободы в распоряжениях по отдельным отраслям земского хозяйства оказывается слишком широкой. С другой стороны, однако, и постановления проекта, направленные к устранению этого недостатка действующего закона, в свою очередь, впадают в противоположную крайность, снабжая чрезвычайными полномочиями в указанном отношении органы правительственные, и в особенности губернатора и вновь учреждаемое губернское присутствие»¹⁷. Именно из этой идейной посылки и исходили члены Государственного

совета, видоизменя наиболее реакционные положения проекта земской контрреформы.

В том же смысле высказался Государственный совет при обсуждении нового Городового положения: «Надлежит устранить недостаток действующего городского положения, усилить надзор правительства за городскими общественными управлениями, но не принимать при этом таких мер, которые могли бы отозваться вредно на их самостоятельности»¹⁸. Соответственно, Соединенные департаменты внесли в проект Городового положения ряд поправок, несколько ослаблявших тот режим, который намечался в законопроекте. Таким образом, и в данном случае Государственный совет сохранил основное идейное содержание законопроекта, несколько сгладив его крайне правые положения.

Иначе прошло обсуждение проектов по крестьянскому вопросу, которые Государственный совет принял вообще без каких-либо серьезных изменений¹⁹.

Таким образом, при обсуждении всех главных внутривнутриполитических мер, за исключением крестьянского законодательства, Государственный совет занял позицию, которую он сам определил как «средний путь» между действующим законодательством и попытками изменить его в открыто реакционном духе. Это был действительно своего рода компромисс, однако вряд ли его можно определить как «средний», путь, потому что вел он к достижению тех же самых реакционных целей, которые намечали авторы контрреформ. Просто этот путь виделся членам Государственного совета несколько иным, более приспособленным к реалиям общественной жизни по сравнению с первоначальными проектами контрреформ.

Позиция, занятая в целом Государственным советом по отношению к проектам контрреформ, его критика реакционных крайностей проектов объясняются не только особенностями его состава. Главной причиной здесь является то, какое место Государственный совет занимал в системе государственных учреждений. В ней отсутствовал орган, координирующий интересы ведомств, которые бывали различными²⁰. В изучаемый период в России не функционировал Совет министров, не было Кабинета министров. Поэтому в законотворчестве функцию согласования позиций отдельных ведомств выполнял Государственный совет. Он утверждал буржуазные по направленности меры, выработанные Министерством финансов, и контрреформы, исходившие из Министерства внутренних дел. Этим и объяснялась кажущаяся умеренность Государственного совета, систематическое сглаживание им крайностей как правого, так и «левого» толка²¹. В целом же политическая линия Государственного совета вовсе не противостояла курсу контрреформ, а напротив, способствовала его проведению.

Примечания

1. ГРАДОВСКИЙ А. Д. Начала русского государственного права. Т. 2. СПб. 1887; КОРКУНОВ Н. М. Русское государственное право. Особенная часть. Т. 2. СПб. 1893; 2-е, перераб. изд. СПб. 1897; Государственный совет 1801—1901. СПб. 1901; ЩЕГЛОВ В. Г. Государственный совет в России в первый век его образования и деятельности (30 марта 1801—1901 года). Ярославль. 1903; ЕРОШКИН Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. 1983; и др.
2. ЗАХАРОВА Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М. 1968; ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М. 1970; СОЛОВЬЕВ Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л. 1973; ЩЕТИНИНА Г. И. Университеты в России и устав 1884 г. М. 1976.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 846, оп. 1, д. 35, л. 61об.
4. РГИА, ф. 1149, оп. 10, 1884 г., д. 53а, л. 35, 505.
5. Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 334 (Дашковы), оп. 1, д. 27, л. 189. Д. А. Толстой. Мысли о внутривнутриполитическом состоянии России, о крестьянах, о собственности на землю, о просвещении.
6. См.: Министерство внутренних дел. СПб. 1901, с. 173.
7. РГИА, ф. 1149, оп. 11, 1890 г., д. 23а, л. 20; 1892 г., д. 38а, л. 41.
8. Отчет по Государственному совету за 1889 год. СПб. 1891, с. 20.
9. РГИА, ф. 1149, оп. 11, 1890 г., д. 23б, л. 39. Здесь и далее подчеркнуто в документе.
10. Там же, 1890 г., д. 23б, л. 129—130; 1892 г., д. 38а, л. 830об.— 831.

11. Там же, ф. 1263, оп. 2, 1903 г., д. 5630 (Приложения к журналу), л. 6.
12. Там же, ф. 1149, оп. 10, 1885 г., д. 100, л. 60.
13. Там же, л. 8.
14. Там же, 1884 г., д. 53а, л. 505об.
15. Там же, л. 515—515об., 513, 564, 580—581, 601об.
16. Там же, л. 308об., 513, 564, 580—581, 601об.
17. Там же, оп. 11, 1890 г., д. 236, л. 45об.— 46об.
18. Там же, 1892 г., л. 386, л. 50.
19. См.: там же, оп. 10, 1885 г., д. 100; оп. 11, 1889 г., д. 43; ф. 1152, оп. 10, 1886 г., д. 231; ф. 1149; 1893 г., д. 47, л. 77; БРУСНИКИН Е. М. Политика царизма по крестьянскому вопросу в период политической реакции 80-х — начала 90-х годов XIX в. Автореф. канд. дис. М. 1965. Исключением являлось обсуждение в 1893 г. законопроекта о неотчуждаемости крестьянских наделных земель, что было симптомом кризисных явлений в правительственной политике по крестьянскому вопросу.
20. О различиях в позициях разных ведомств в разрешении внутривластных вопросов см., например: ШЕПЕЛЕВ Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л. 1981, с. 187—188.
21. Последнее проявилось, например, при обсуждении в Государственном совете законодательства по рабочему вопросу. См.: БАЛАБАНОВ М. С. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. 2. М. 1925, с. 372—373, 384.

Русские мигранты в Парагвае

Т. Л. Владимирская

За рубежом русскими обычно зовутся представители разных народов, жившие прежде в России и СССР: русские, украинцы, белорусы, молдаване и др. Это определяется общим для многих стран подходом к проблеме национальной принадлежности: родившийся в США — американец, а в Аргентине — аргентинец, пусть даже его родители — французы или японцы. Поэтому и люди, оставившие Россию, разных убеждений и судеб, различных волн эмиграции и несходного происхождения, все же считаются русскими¹.

Из России в первой половине XX в. в Латинскую Америку ехали, сначала из царской, потом из советской страны, в поисках лучшей жизни, спасения или из-за несогласия с властями. То были поляки и украинцы, армяне и русские, евреи и белорусы. А из Латинской Америки в поисках работы люди уезжали в Европу. Классическими примерами массовой эмиграции являются Чили при президенте А. Пиночете Угарте (1974—1989) и Парагвай при президенте А. Стресснере (1954—1989). Парагвай в первые годы после II мировой войны покинули, уже по политическим причинам, десятки тысяч жителей. В дальнейшем эмиграция оттуда пополнилась представителями интеллигенции: тысячи техников, сотни инженеров, экономистов, адвокатов, фармацевтов, химиков уехали в связи с бедственным положением или преследованиями на родине². В целом до четверти парагвайцев оказались вынужденными мигрантами.

Однако мало кто из латиноамериканских исследователей столь категорически открещивался от своих бывших соотечественников, как советские авторы. Наша многие десятилетия оторванная от родины диаспора была запретной для них темой. Сейчас открылась возможность для изучения разных аспектов русской эмиграции и в целом, и по отдельным странам ее пребывания. Одной из них как раз и является Парагвай.

В Аргентине, близкой по природным условиям к Южной России, задавала тон трудовая иммиграция россиян, связанная с крестьянами-переселенцами. А в Парагвае основу составляла российская политическая иммиграция. Нам удалось контактировать с последней в самом Парагвае. До прибытия туда нашей группы въезд в эту страну свыше 30 лет вообще был закрыт для любого «советико». И мы испытывали чувство огромной благодарности к тем «русским парагвайцам», кто открыл перед нами свои семейные архивы, дав возможность стать первооткрывателем малоизвестных страниц истории. Мы окунулись не только в дебри вечно-зеленых лесов и увидели реки с несравненной красоты водопадами, но и проехали по расстрескавшейся под солнцем глиняной равнине Гран Чако, а также слегка познакомились с краем страшных болот, где порой бесследно исчезали животные и люди. Парагвайский тропический лес — сельва исключительно богата растительным и животным миром, но иные долгие километры просторов встречают здесь людей лишь скудными травинками или чахлыми деревьями.

Владимирская Татьяна Львовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

Яркие племенные ритуалы не мешают местным индейцам быть ревностными католиками, их сверхэкзотические наряды или полное отсутствие таковых не раздражают облеченных в сутану строгих священников. Крупные, сильные туземки плетут тончайшие кружева-ньяндуги, мужчины-воины в перерывах между сражениями играют на арфах. Местные природные ископаемые, причудливые ткани, чай-мате сплавляются по бурной р. Парана за рубеж через чужие морские ворота.

Парагвай донные ощущает последствия войны 1864—1870 гг. с Бразилией, Аргентиной и Уругваем, поддержанных Англией, Францией и США. В ней погибло свыше 4/5 населения страны, почти все мужчины (включая стариков, детей и инвалидов), страна потеряла тогда свыше 150 тыс. кв. км территории. Беда коснулась и индейцев-гуарани, и потомков бывших испанских завоевателей, смешавшихся с аборигенами благодаря женитьбе на дочерях местных племенных вождей³. Еще в те годы тяжкая судьба парагвайцев взволновала многих русских. Бывший адъютант А. В. Суворова Л. Ф. Трефурт первым стал собирать в России материалы о Парагвае, а его правнук Иван Беляев, роясь в бумагах прадедовского архива, был поражен героической историей парагвайского народа. И именно ему, врангелевскому генералу И. Т. Беляеву судьба предназначила потом проложить дорогу в Парагвай многим российским изгнанникам.

Это произошло после того, как летом 1932 г. между Парагваем и Боливией вспыхнула война за спорную смежную территорию Чако, богатую нефтью. В ту пору парагвайская армия насчитывала в целом 4100 солдат и 275 офицеров. Боливийцы направили только в Чако свыше 200 офицеров и 5 тыс. солдат, а также использовали 70 тыс. резервистов⁴. Как раз в те горячие дни начали прибывать в Парагвай русские, которые стали основой качественно иной, чем в других странах, русской колонии мигрантов, хотя русские, украинские, молдавские и белорусские крестьяне и немцы Поволжья обживали местную землю еще с прошлого века.

Важнейшую роль в формировании «русского острова» в Парагвае сыграл генерал Беляев. Этот ученый-топограф стал одним из почетных граждан Парагвая. Он вдоль и поперек изъездил и исходил пустынные районы Чако еще в 1924 году. Один из летописцев войны в Чако полковник Фернандес писал: «Если генерал Беляев когда-нибудь вздумает опубликовать свои воспоминания..., то люди узнают, какими трудностями, жертвами и страданиями была оплачена попытка обжить Чако и превратить индейцев, обитающих в пустыне, в наших лучших друзей и союзников в войне против боливийских захватчиков»⁵.

Обращение Беляева к русским белым офицерам, оказавшимся вдали от родины, с призывом перебраться в Парагвай нашло отклик. Парагвай предстал перед ними незаслуженно гонимым, ведшим справедливую войну. Вести военные действия эти русские еще не разучились. Боливийская армия формировалась по прусскому образцу, парагвайские же вооруженные силы ориентировались на Англию, союзную прежней России. Наконец, российским монархистам импонировал тот факт, что в Парагвае очень ценилась во внутренней политике «твердая рука». И рядом с Беляевым на защиту новой родины встали многие другие выходцы из России.

Среди них — капитан Степан Высоколян, награжденный орденами св. Станислава, св. Анны и св. Владимира за заслуги в первую мировую войну. В ходе боевых действий в Чако он проявил себя так ярко, что к концу войны был уже начальником штаба одной из парагвайских дивизий, быстро прошедшим звания майора, подполковника, полковника, бригадного генерала, затем стал командующим всей парагвайской артиллерией. Ему первому из иностранцев в истории страны был присвоен высокий чин генерала армии.

Полковники Николай и Сергей Эрн строили фортификации, причем первый тоже стал парагвайским генералом. Майор Николай Корсаков, обучая военному делу свой кавалерийский полк, перевел для него на испанский язык песни русских конников. Юрий Бутлеров (потомок выдающегося химика акад. А. М. Бутлерова), майор Николай Чирков, капитан 1-го ранга Всеволод Канонников и многие другие тоже стали героями войны в Чако. Шестеро русских офицеров сложили там головы на поле брани.

Окончание в 1935 г. войны, не принесшей победу боливийцам, явилось началом новой жизни русской колонии. Теперь слово «русский» звучало в Парагвае по-иному. Отблеск славы отважных воинов осветил жизнь всех их сограждан, тоже иммигрантов. Постепенно ряд кафедр Университета Асунсьона возглавили именно русские. При их доминирующем участии был создан инженерный факультет. Дорожное хозяйство республики, система электроснабжения, школы хореографии и вокала организованы в Парагвае были тоже усилиями россиян. В Асунсьоне ряд улиц носит русские имена. В годы Великой Отечественной войны русская диаспора в Парагвае участвовала в движении солидарности с СССР.

Сегодня те мигранты, кто начинал свой путь в Парагвае, их сыновья и внуки

объединяются в Ассоциацию АРИДЕП. Ее основатель, потомок казаков Николай Ермаков лично встречал нашу делегацию у пограничной заставы на р. Парагвай. Благодаря ему мы узнали многих из числа тех, кто попал туда уже после событий 1949 г. в Китае и еще позже. Члены этой миграционной волны становились фабричными рабочими, конторскими служащими, преподавателями. А один из заместителей председателя сената в нынешнем Парагвае — наш былой соотечественник Василий Никифоров.

Примечания

1. Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. М. 1991; Проблемы изучения истории российского зарубежья. М. 1993.
2. FLORES COLOMBINO A. La fuga de los intelectuales. Montevideo. 1972; GAZMURI J. Chile en el verbal de los noventa. Santiago. 1988; etc.
3. CEUPPENS H. D. Paraguay. Asunción. 1971, p. 227; PENDLE G. The Lands and Peoples of Paraguay and Uruguay. N. Y. 1959; CREYDT O. Formación histórica de la nación paraguaya. S. l. 1963.
4. RONT L. Politics of the Chaco Peace Conference, 1935—1939. Austin. S.a., p. IX; FERNANDES C. J. La guerra del Chaco. T. 1. Buenos Aires. 1956, p. 26—27, 32, 44, 62; STEFANICH J. El 23 de Octubre de 1931. Buenos Aires. 1964, p. 202.
5. FERNANDES C. J. Op. cit., p. 68; МАРТЫНОВ Б. Парагвайский Миклухо-Маклай. М. 1993.

J. PFAFF. *Sovětska zrada. 1938.* Praha. Bea. 1993. 144 + 16 str.

И. ПФАФФ. *Советская измена. 1938.*

Автор книги с таким одиозным названием — чешский историк Иван Пфафф, человек сложной судьбы. В 1951 г. он окончил философский факультет Пражского университета, затем работал в региональных музеях. В 60-е годы Пфафф сотрудничал в эмигрантской антисоциалистической печати, за что был репрессирован и освобожден в 1968 году. После вступления в Чехословакию войск Варшавского договора перебрался в Швейцарию, где сотрудничал в швейцарских и немецких газетах, а также в чешской эмигрантской печати. С 1974 г. Пфафф — научный сотрудник Гейдельбергского университета (ФРГ), где занимается изучением проблемы «СССР и Мюнхен». В 1983 г. в Праге вышла его книга «Česka levice proti Moskvě 1936—1938», которая посвящена откликам левых партий Чехословакии на московские процессы 1936—1938 годов.

В книге «Советская измена» разбирается вопрос: почему Советский Союз не оказал военную помощь Чехословакии в 1938 году. Автор стремится возложить всю ответственность за чехословацкий кризис на советское руководство, подвергая при этом резкой критике не только специальные работы советских и отчасти чехословацких историков, но даже ставя под сомнение ряд документов, опубликованных в советских официальных сборниках. Определенный интерес представляют некоторые ранее не публиковавшиеся материалы, требующие впрочем перепроверки по архивам МИД СССР. В книге широко используются документы из архивов Чехословакии (особенно важные — из канцелярии президента республики), Германии, Англии, США и Румынии. Опирается Пфафф и на сборники внешнеполитических документов, отражающих события 1938 г., вышедшие в Чехословакии, Франции, Англии, а также на мемуары и свидетельства дипломатов и политических деятелей.

Автор стремится перенести центр тяжести в осуждении деятельности советской дипломатии по чехословацкому вопросу на выступления М. М. Литвинова в Лиге Наций, содержащие предложения о мирном решении кризиса путем созыва конференции заинтересованных государств (см. с. 36, 39, 97). Пфафф считает, что советская дипломатия отказалась от других способов защиты независимости Чехословакии. Она даже не ставила вопроса об упрочении своих союзнических отношений с Францией и Чехословакией. Уместно, однако, напомнить, что 5 декабря 1938 г. в беседе с временным поверенным в делах Франции в СССР Пайером Литвинов наряду с другими предложениями говорил о необходимости организации совещания представителей генштабов Франции, СССР и Чехословакии, имея в виду совместную подготовку военного отпора Германии¹.

Большое место в книге занимает проблема советско-румынских отношений и их значения для обеспечения действенности чехословацко-советского договора (с. 40—49). Пфафф утверждает, что после аншлюса отношение Румынии к СССР стало улучшаться. Он рассказывает о тайной встрече Литвинова и румынского министра иностранных дел Комнена 13 сентября 1938 г. на конспиративной вилле чехословацкой разведки недалеко от Женевы. На этой встрече министры договорились, что в случае нападения Германии на Чехословакию через Северную Буковину (входившую тогда в состав Румынии) будут пропущены 100 тыс. советских солдат с артиллерией, танками и авиацией (с. 54, 55).

После мобилизации чехословацкой армии 23 сентября 1938 г. румынское правительство направило 24 сентября в Женеву Литвинову и в Москву В. П. Потемкину ноту с предложением закрепить

указанную устную договоренность в письменном виде. Румыния предлагала конкретный маршрут передвижения первого эшелона советских войск от Могилева через Черновицы и Словакию вплоть до Тачово (Чехословакия) в составе 100 тыс. человек пехоты, 700 орудий и 300 танков (с. 55). Пфафф обращает внимание также на готовность румынского правительства открыть уже 25 сентября для советской авиации свое воздушное пространство для переброски самолетов с аэродромов в Юго-Западной Украине и Белоруссии через Закарпатскую Украину в Словакию, а затем и в Прагу. По данным чехословацкого генерала Файера, чехословацкие аэродромы готовы были принять к середине сентября 675 советских самолетов (с. 56, 57).

Как указывается в книге, за сдержанной реакцией советской стороны на эту ноту 26—27 сентября последовали безуспешные повторы румынских предложений, оставшиеся впрочем без ответа, так же как и обращение Э. Бенеша к СССР по этому вопросу 26—28 сентября (с. 56).

Помещено в книге и такое важное сообщение, как обращение Бенеша вечером 27 сентября к советскому правительству с просьбой направить в Чехословакию, ожидавшую нападения Германии, 700 бомбардировщиков и истребителей. Советская сторона заверила чехов, что их пожелание будет выполнено. На самом же деле это не было сделано (с. 120). Впрочем сам Пфафф, характеризуя позицию Бенеша по отношению к советской помощи, подчеркивал, что президент опасался присутствия Красной армии в Чехословакии в связи с возможной в этом случае советизацией страны. Бенеш считал нужным ограничить помощь СССР только присылкой авиации (с. 81).

Говоря о военных приготовлениях Красной армии в последнюю неделю чехословацкого кризиса, Пфафф подменяет серьезный анализ важнейших мероприятий, осуществленных Наркоматом обороны СССР, выдвинувшим войска пограничных ок-

ругов к западной границе и мобилизовавшим запасной состав², необудительными ссылками на донесение зарубежных военных миссий, не отражавших действительного размаха и значения этих действий (с. 118—119).

Автор, негативно оценивая позицию СССР в данном вопросе, не учитывает в должной степени двух факторов. Во-первых, согласно советско-чехословацкому договору, СССР должен был оказать военную помощь Чехословакии лишь в случае оказания таковой Францией, которая этого делать не собиралась. Во-вторых, даже в самый трагический для Чехословакии день 30 сентября 1938 г., на заседании правительства, когда решался вопрос, принимать или отвергнуть мюнхенский диктат, Бенеш и его министр иностранных дел Крофт решительно отвергли возможность обратиться за помощью к СССР под тем предлогом, что в этом случае западные державы — Англия, Франция и Германия объединятся для борьбы против СССР и Чехословакии (с. 125).

Пфафф не обратил должного внимания и на то обстоятельство, что чехословацкое правительство ни разу ясно и в полный голос не заявило о своем непреклонном желании бороться с гитлеровской агрессией. Оно все время колебалось между стремлением отразить нападение Германии и готовностью принять — под давлением франко-английских союзников — гитлеровский диктат.

Ф. А. МОЛОК

Примечания

1. Документы по истории мюнхенского сговора 1937—1939. М. 1979, с. 192—193.
2. Там же, с. 254—256, 312—315, см. также статью: ГРЫЛЕВ А. Н. Накануне и в дни Мюнхена. В кн. Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. 1918—1939. М. 1968, с. 218—227

«Zuflucht Schweiz». Der Umgang mit Asylproblemen im 19. und 20. Jahrhundert. Zürich. Hans Rohr. 1994. 579 S.

«Убежище — Швейцария». Подход к проблеме предоставления убежища в XIX и XX веках.

Предоставление права убежища от тех или иных преследований, от военных и других катаклизмов неразрывно связано с историей Швейцарии. Здесь нашли спасение и спокойную жизнь десятки тысяч гугенотов, бежавших в XVII в. из Франции после отмены Нантского эдикта. В XIX в. в Швейцарии жили политические эмигранты из Италии, боровшиеся за освобождение своей страны от австрийского господства, поляки, бе-

жавшие от расправ царизма после восстаний 1830 и 1863 гг., революционеры из России, Франции, германских государств, ряда других стран Европы, евреи из захваченного Пруссией в 1871 г. Эльзаса и из некоторых стран Восточной Европы, а в 30—40-е годы нашего века — из гитлеровской Германии. Тут нашли убежище многие антифашисты, особенно интеллигенты из Германии и Австрии. Во время второй мировой войны из стран «оси»

в нейтральную Швейцарию бежали тысячи узников лагерей для военнопленных. В послевоенные годы Швейцария предоставляла убежище венграм, чехам, тибетцам, чилийцам, тамилам, выходцам из стран Африки, по различным причинам покинувшим родину. Среди тех, кто временно или навсегда находил приют в Швейцарии были известные политические и общественные деятели, мастера культуры, ученые, финансисты, промышленники. Но было и очень много простых людей.

Политика швейцарских властей в отношении приема беженцев и политических эмигрантов была в различные исторические периоды неодинаковой. Иногда двери страны широко распахивались, иногда предоставление убежища обставлялось большими ограничениями. Эта политика по-разному встречалась и в самой стране и за границей. В настоящее время вопрос о предоставлении убежища переплетается с вопросом о пребывании в стране иностранцев вообще. Эта двуединая проблема то и дело используется некоторыми политическими силами для возбуждения шовинистических настроений среди населения. И в то же время можно уверенно сказать: Швейцария была и остается символом приюта преследуемых за политические и иные убеждения.

Все эти проблемы обстоятельно, на большом документальном материале рассматриваются в капитальном исследовании группы историков и юристов.

В исследовании Х. Колбе рассматривается вопрос о польской и итальянской иммиграции в Швейцарии в XIX веке. В статье подробно освещается швейцарский период деятельности Дж. Мадзини, его контакты в Женеве и Лугано с польскими и немецкими политическими эмигрантами (с. 24). Мадзини и К. Каттанео организовали в Швейцарии запись добровольцев для вооруженной борьбы за свободу Италии.

Отношение швейцарского правительства, а также католическо-консервативных кругов страны к Парижской коммуне, говорится в статье О. Тиле, было отрицательным. Однако Швейцария не закрыла двери перед коммунарами. Швейцарская полиция осуществляла слежку за ними, особенно за их связями со швейцарской социал-демократией и с деятелями I Интернационала (с. 76).

Большая статья И. Хутер и С. Гроба посвящена иммигрантам-анархистам. Отмечается сильное влияние М. А. Бакунина на активность Юрской федерации — анархистской организации в Западной Швейцарии. Указывая на серьезную озабоченность швейцарских властей пребыванием в стране анархистов-иностранцев, не только русских, но и итальянских, авторы пишут, что Берн прибегал не только к неусыпной слежке за ними, но и к высылкам, в частности итальянцев, за пределы страны (впрочем, не без воздействия правительства Рима). Шумную известность приобрела выдача С. Г. Нечаева властям России по их требованию, хотя, под-

черкивают Хутер и Гроб, не как противника царского режима, а как обвиняемого в уголовном преступлении — убийстве студента Иванова. Интересны сведения об активности агентов российской охраны в Западной Европе, в том числе и в Швейцарии во второй половине XIX—XX веках.

В статье Д. Кюзиня, Т. Хаузера и М. Шванка о пребывании в Швейцарии немецких социалистов подчеркивается, что связи между немецкими и швейцарскими социал-демократами установились еще со времен основания I Интернационала при активном участии Маркса и Энгельса. В этом плане авторы излагают историю возникновения и развития Швейцарской социал-демократической партии (с 1943 г. СДПШ представлена в правительстве). О. Бисмарк, пишут авторы, оказывал сильный нажим на Берн, германская печать прибегала к фальсификациям, шантажу и угрозам, но швейцарское правительство, как правило, не поддавалось на эту кампанию: политических эмигрантов не выдавали (хотя полиция следила за ними, иной раз в контакте с германской). В некоторых случаях швейцарские власти вынуждали германских политэмигрантов (Э. Бернштейна, Г. Шлютера и др.) перебираться в другие страны (с. 141).

Э. Лойтензггер и С. Совиль пишут об эмигрантах из царской России: А. Герцене, Н. Огареве, деятелях «Земли и Воли» и «Народной Воли» (Н. Утин, А. Серно-Соловьевич, Н. Жуковский и пр.), о первом в Западной Европе съезде русских революционных эмигрантов в 1864 г. (с. 464), издательствах М. Элпидина и А. Трусова, выходе в Женеве и других городах революционных газет и журналов (от «Колокола» до «Искры»). Говорится о Г. В. Плеханове и группе «Освобождение труда», В. И. Ленине, большевиках, меньшевиках, эсерах (В. Бурцев и др.). Петербург проявлял особую обеспокоенность деятельностью революционных эмигрантов и стимулировал активность «заграничной агентуры» российской охраны во Франции и Швейцарии (с. 472—474). Характеризуется отношение швейцарских властей к русской революционной эмиграции в различное время. Авторы обращают внимание на «феномен периодического перелива эмиграции» — и не только русской — из одной страны Западной Европы в другую (с. 474—493).

Политика правительства Швейцарии в отношении допуска в страну иммигрантов из Германии в 1933—1945 гг., вызвавшая в свое время жаркие споры (периодически возникающие и в последние годы) — такова тема исследования М. Имбоден и Б. Лустенбергер. В общей сложности в альпийскую республику бежало из Германии не менее 17—20 тыс. человек (с. 259). Берн первоначально не закрывал перед ними границы, но после начала второй мировой войны под давлением Гитлера и ссылаясь на то, что «лодка уже полна» — другими словами: страна не может впустить всех желающих — ввел очень жесткие ограничения (распоряжения от 1 октября 1939 и 4 августа 1942 года). Исследовательницы анализируют этот довод

властей и приходят к выводу, что республика могла бы принять значительно больше беженцев и дело скорее заключалось в нежелании тогдашнего швейцарского правительства (придерживавшегося ориентации на берлинский «новый порядок» в Европе) «раздражать Гитлера» (с. 260—289). В 1944 г., когда обозначился неминуемый крах фашистской Германии, Берн ослабил ограничения на въезд беженцев (распоряжение 12. VII. 1944).

Т. Фурер и Н. Калзер описывают судьбу примерно 10 тыс. советских военнопленных, бежавших из гитлеровской Германии в Швейцарию и интернированных там до лета 1945 года.

Две статьи (К. Банки и К. Шпэти, а также Ф. Негеля и Ж.-К. Фендлера) посвящены политической эмиграции в период после второй мировой войны. Указывается, что Швейцария предоставила убежище 10,5 тыс. венгров после восстания 1956 г. (с. 375), около 12 тыс. чехов после событий 1968 г. (с. 390), свыше 1000 поляков после введения в 1981 г. военного положения (с. 426), а также 1,2 тыс. тибетцам, покинувшим свою страну в связи со вступлением туда войск КНР (с. 382), около 1000 беженцам из Южного Вьетнама после эвакуации амери-

канских войск из Сайгона, а затем еще 8 тыс. беженцам из стран Индокитайского полуострова в 1977—1981 гг. — «людям на лодках» (с. 426). Говорится и об миграции из Чили после переворота Пиночета, составившей около 1400 человек (с. 426). Эмигранты прибывают также из стран с острыми этно-религиозными и политическими конфликтами. Попытки определенных кругов натравить население страны на иммигрантов (пресловутые «инициативы Шварценбаха») практически не удаются.

Три статьи касаются политики, проводившейся Великобританией, Францией и Швейцарией в отношении приема беженцев и политэмигрантов. Это, своего рода, сравнение с политикой Берна. Сборник включает также ряд статей по менее значимым вопросам.

Судьбы иммигрантов в Швейцарии и причины, породившие их отъезд с родины, рассматриваются авторами в длительной исторической перспективе. Книга представляет интерес не только для тех, кто изучает Швейцарию, но и для всех занимающихся проблемой беженцев и политических эмигрантов.

Г. П. ДРАГУНОВ

Средневековая Европа глазами современников и историков. Книга для чтения в пяти частях. М. Интерпракс. 1994 (ч. I, 224 с.; ч. II, 384 с.; ч. III, 400 с.; ч. IV, 320 с.; ч. V, 152 с.).

Серия книг для чтения «Всемирная история и культура глазами современников и историков» в составе которой вышло рецензируемое издание, призвана существенно помочь обновлению гуманитарного образования в России. Пять книг по истории средних веков, посвященные более, чем тысячелетнему периоду истории Европы (с V до середины XVII в.), изданы в качестве экспериментального учебного пособия Международным фондом «Культурная инициатива» при поддержке Дж. Сороса. Авторы и составители — известные отечественные медиевисты.

Внимание авторов и составителей особенно привлекают те периоды средневековья, которые в последние десятилетия подверглись принципиально пересмотру. Это прежде всего относится к V—XIII вв. — эпохе рождения и становления европейской средневековой цивилизации, а также периоду ее постепенной трансформации, четко обозначившейся с середины XV века. Читатель встречается с ключевыми проблемами этой эпохи — становлением феодального христианского общества, системой ценностей средневекового человека, а также социокультурными процессами на рубеже средневековья и раннего нового времени и т. д.

Пять книг по истории средних веков отражают представления авторов о «новой исторической нау-

ке» («новой социальной истории», «исторической антропологии», как ее также называют). Основанный на достижениях выдающихся русских исследователей (Л. П. Карсавин, М. Н. Бахтин) и французской школы «Анналов» анализ позволил внести новое, человеческое измерение в понимание прошлого, перенес акценты с внешнего описания событий на раскрытие внутреннего мира людей, стоящих за ними, их деятельности и представлений о самих себе и об окружающем мире, отраженных в формах общения друг с другом, обычаях, ритуалах.

Читатель получает многомерное и потому более убедительное и глубокое представление о меняющейся «картине мира», формировавшейся в сознании средневекового человека. Подобный антропологический подход к истории культуры позволяет понять средневековье, как специфическую цивилизацию, принципиально отличную, как от древности, так и от современности. Осуществлению столь непростой задачи помогают материалы исследований зарубежных и отечественных медиевистов, подобранные со знанием дела. Это — фрагменты из исследований Ж. Ле Гоффа, Д. М. Петрушевского, А. И. Неусыхина, А. Я. Гуревича, А. Р. Корсунского, А. Л. Ястребичко, Л. П. Репиной, Ю. Л. Бессмертного и др. Удачно подобранные приложения знакомят читателя с исследовани-

ями по истории и культуре Византии, принадлежащими известным ученым — А. П. Каждану, С. С. Аверинцеву, С. Г. Самодуровой, В. Д. Лихачевой.

Центральную часть издания составляет третья часть — «Средневековый человек и его мир». Используя результаты исследований крупнейших зарубежных и отечественных медиевистов (М. Блок, Ле Гофф, Ж. Дюби, Гуревич, Л. М. Баткин, Бессмертный и др.), авторы книги получили возможность связать воедино социальную историю и историю культуры и таким образом представить на суд читателей историко-антропологическое исследование, являющееся одновременно и культурологическим и социальным. Средневековый человек рассматривается авторами как историко-культурный тип, во всех его социальных воплощениях. В книге получила отражение жизнь духовенства, рыцарства, крестьян, купцов, интеллектуалов, маргиналов. Отдельный раздел посвящен женщинам и их положению в средневековом обществе.

Каждый раздел содержит яркий, содержательный очерк (авторы Ястрибцкая, Рефина, Филиппов), который дополняют тщательно подобранные материалы из источников, фрагменты из специальных исследований и библиография.

Четвертая часть книги — «От Средневековья к Новому времени. Новый человек» охватывает период духовной трансформации средневекового европейского общества с XIII по XVII вв. на этапе перехода к новому времени. Это история ренессансного гуманизма от раннего итальянского Возрождения до Эразма и Монтеня, а также Реформации, в частности, гуситского движения в Чехии и начального этапа Реформации в Германии. Картины перехода к новому времени дополняют два раздела, посвященных истории открытия европейцами Нового Света и последствий, сопровождавших это событие, а также характеристике социально-политического кризиса XVII в., приведшего к гражданской войне и буржуазной революции в Англии. Подбор источников и освещение поставленных проблем основываются на собственных оригинальных исследованиях авторов и составителей книги: М. Л. Абрамсон, Г. П. Мельникова, В. М. Володарского, А. В. Егоровой, С. И. Каспэ, Репиной и их коллег М. А. Барга, Е. Б. Черняка и др.

Среди наиболее удачных разделов четвертой части выделим материалы по истории итальянского Возрождения, раздел по истории чешской Реформации — «Чехия в преддверии и в эпоху гусизма (XIV—XV вв.)», очерк, посвященный сложной проблеме «всеобщего кризиса» XVII в. и Английской революции. Жаль только, что, трактуя проблемы ранних революций XVI—XVII вв., автор не считает нужным даже упомянуть о значении социально-экономического фактора, эволюции феодальной системы, смены форм собственности для углубления политического кризиса первой половины XVII века.

Заключительная часть книги — «Человек в меняющемся мире». Написанный на материале истории Франции XVI—XVII вв. очерк П. Ю. Уварова «От эсхатологии к королевскому мифу нового времени» представляет по существу оригинальное исследование, позволяющее по-новому осмыслить проблему религиозных войн и тираноборчества во Франции XVI века. В очерке и приложении, составленных Ястребицкой, представлена яркая и многообразная картина европейского мира XVI — середины XVII в., его материальной культуры и повседневной жизни.

Удачи рецензируемого издания лишь подчеркивают отдельные недочеты и пробелы. В частности, это касается структуры работы. В книге отсутствует вся история Англии эпохи средних веков. Поэтому суждение о ее, условно говоря, завершающем этапе, кульминации — Английской революции XVII в., приобретает сугубо умозрительный и явно схоластический оттенок. Вряд ли убедительна трактовка проблемы кризиса XVII в. и Английской революции вне социально-экономической проблематики, о значении которой читателю остается только догадываться, особенно при осмыслении перехода от средневековья к новому времени, к буржуазной цивилизации, к капитализму. Думается, что и с точки зрения исторической антропологии это не вызывает сомнений. Однако, посвятив целый раздел кризису XVII в. и Английской революции составители словно бы нарочито избегают таких понятий, как «генезис капитализма», «капитализм». Но ведь «новый человек», который формировался в условиях той переходной эпохи, испытал на себе всю полноту реалий периода генезиса капитализма и раннекапиталистических отношений, о которых в книге даже не упоминается.

В книге четко сформулированы новые научные подходы к истории европейского средневековья, феодализма, его воздействию на менталитет человека. В заключительных же частях книги феномен феодализма и его связь с проблематикой исторической антропологии словно исчезают, не говоря уже о понятии «капитализм» и его роли при переходе к новому времени. Авторы будто опасаются, что их обвинят в приверженности к формационной теории. Они отказываются даже от бесспорных достижений российских и советских медиевистов, исследовавших социально-экономическую проблематику европейского средневековья. Но социально-экономические штудии в области истории средних веков вовсе не противостоят исторической антропологии, напротив, они могут обогатить последнюю ценными данными и наблюдениями.

И. Н. ОСИНОВСКИЙ

С. П. КАРПОВ. *Путями средневековых мореходов: черноморская навигация Венецианской республики в XIII—XV вв.* М. Восточная литература. 1994. 158 с.

Тема книги профессора МГУ доктора исторических наук С. П. Карпова имеет своим истоком исследование проблемы «Латинской Романии», многолетним изучением которой автор приобрел широкую известность. Из частного обоснования концепции итальянской торговли в Южном Причерноморье тема венецианской навигации приобрела самостоятельное значение, получив раскрытие в монографии, написанной на основе скрупулезного анализа весьма деликатных текстов, доходящего до латинской и греческой палеографии и масштабного общеисторического синтеза, относящегося к области современной социокультурной полемики между приверженцами спонтанно развивающихся сообществ, основанных на принципах свободы и индивидуального интереса, и сторонниками государственно координируемой общественной организации.

Авторское предпочтение истории венецианского мореплавания генуэзскому продиктовано не столько лучшей ее изученностью, большей источниковой репрезентативностью или субъективными симпатиями, сколько интересом к своеобразному феномену венецианской навигации, отличавшейся государственным институированием и защитой судоходства, эффективными методами нейтрализации корсарства и пиратства, отлаженными приемами контроля за соблюдением законов и налоговыми поступлениями. Все это, в конечном счете, послужило основанием редкой социальной стабильности и процветания Венецианской республики, продемонстрировавшей реальную историческую значимость государственно организуемой системы морских сообщений, которая обладала еще не достаточно изученными и оцененными возможностями, превосходящими общепризнанные ресурсы феодального общества.

Восходящий к римской либурне венецианский тип галерного судна — легкие галеи с одним рядом весел — не имел себе равных в скорости хода вплоть до XIX века. Тип «круглых судов» — навы и кокки — сохранял свое исключительное значение основного транспортного средства на Средиземном море также вплоть до XIX века. Разработанная в средневековой Венеции технология секционной сборки судов стала достоянием Европы только в XIX веке.

Монография представляет собой комплексное междисциплинарное исследование венецианского мореплавания в один из самых блестящих периодов — XIII—XV вв., последние два столетия которого, по праву, считают «революцией в навигации»¹, поскольку стремительный прогресс морской техники того времени непосредственно привел к смене средиземноморского типа мореплавания океаническим.

Автор сознательно отошел от рассмотрения лучше изученной технической стороны мореплава-

ния, ограничившись сводной характеристикой основных типов судов. Основное его внимание сосредоточено на социально-экономических и правовых аспектах венецианской навигации, изученных в гораздо меньшей степени.

Представляется глубоко обоснованным суждением Карпова о том, что галеры конкурировали с «круглыми судами» на транссредиземноморских коммуникациях. Постепенно к XV в. навы и кокки получили преобладание. Думается, однако, что возможности галеры, несмотря на весьма почтенный, более чем тысячелетний возраст, были еще далеко не исчерпаны и этот тип судна продолжал совершенствоваться. Переход от бирем к триерам, совершившийся, как отмечал автор, на рубеже XIII—XIV вв. (с. 18), не был исключительно венецианской или генуэзской новацией, но являлся возрождением антично-римской техники гребного судна.

В свою очередь, и «круглые суда», появившиеся на Средиземном море вместе с норманнами, с не меньшей интенсивностью, как мне думается, подвергались модернизации. В то же время, смягчение «нефных» технических характеристик под воздействием архитектурных достоинств галер привело к созданию целого класса промежуточного смешанного типа судов — лигний, будзо, парандериев и некоторых других, отличавшихся универсальным назначением.

Можно согласиться с Карповым, указавшим на одновременное сосуществование высокосовременных по техническим качествам кораблей и достаточно архаических средств плавания. Доля последних в региональном и локальном судоходстве, по видимому, продолжала оставаться существенной.

Остаются еще спорными вопросы, связанные с происхождением того или иного корабельного типа, его классификацией и хотя бы приблизительным техническим описанием. Тариды, использовавшиеся в Венеции, как показывает Карпов, для переправы воинских отрядов, получили свое название от арабов и применялись еще в ранней Византии для транспортировки коней. К византийскому же флоту надлежит отнести и производные от дромона панфилы, порой использовавшиеся для увеселительных прогулок, саландрии (или селандии), небольшие вспомогательные суда, ушьеры (или усьеры), большие грузовые с двумя палубами с латинскими парусами корабли, которые служили для перевозки лошадей и скота, а также сандалы, кажется, превосходившие величиной лодки и барки и порой способные перевезти до 197 т. груза.

Нередко отождествляются «*lignum de bandis*» и «*lignum de orlo*» как малые галеры, трансформировавшиеся в наву, с плоской палубой и высоким бортом (с. 22). Однако, как мне кажется, первый из названных тип корабля отличался сплошным фальшбортом из досок, укрепленных на

стойках, в то время как второй тип имел всего лишь релинговое оснащение в виде стоек с поперечными рейками, или даже натянутыми канатами. «*Lignum de teriis*» представлял собой весельный корабль, действительно близкий галее, но все же отличавшийся от нее как круглым корпусом, так и креплением весел на стропилах, что позволяло менять радиус гребка и, следовательно, плавать в узких проходах и даже во льдах; не случайно этим судам «Оффицией Газарии», в качестве единственного исключения, разрешалось плавать в зимнее время. Довольно загадочным типом судна является «*buccio*» встречавшийся в Восточном Средиземноморье едва ли не со времен первых крестовых походов. В то же время, не исключено, что в черноморской навигации под ним придется понимать славянский «бус», получивший при записи генуэзским или венецианским нотарием итальянскую огласовку.

Вызывает интерес проделанный автором анализ условий навигации. Пожалуй, заслуживает признания его вывод о том, что *periculum gentium* намного превосходил *periculum maris*. Вместе с тем, кажется неожиданным расчет колебаний риска в XIV—XV вв., когда в первой половине XIV в., обычно считающейся фазой роста, риск составил 50% то, есть каждое второе плавание закончилось либо гибелью, либо преждевременным прекращением из-за вооруженных нападений, пиратских действий, кораблекрушений, эпидемий и пр., и наоборот, во второй половине XIV в., традиционно оцениваемой как кризисная фаза, риск понизился до 24,4% (с. 42). Это обстоятельство, по-видимому, требует дополнительной интерпретации.

Новыми наблюдениями обогатилось изучение системы венецианской навигации в Черном море, отличавшейся подконтрольной государству организацией в караваны — *tudae*. Здесь Карпов дополняет свой анализ инканти, начатый в предыдущих его работах. Государство осуществляло расходы по постройке кораблей в соответствии с жестко установленными стандартами, их оснащение, организацию сопровождения военными судами, предоставление субсидий, на наём команды и сдавало с аукциона на откуп патронам, принимавшим на себя расходы по осуществлению плавания, получая вознаграждение от фрахтовых поступлений. Государство определяло маршрут, скорость движения, время выхода в плавание, продолжительность стоянок, порядок загрузки, суммы фрахта и пр.

Суммы аукционных платежей — инканти — служили тончайшим барометром социально-экономической жизни Венеции, чутко реагируя на малейшие изменения в конъюнктуре, состоянии рынка, объеме платежных средств, величине таможенных и прочих налоговых сборов, количестве купцов, ориентированных на обмен с Левантом, открытости Великого шелкового пути и черноморских портов, навигационных условий (классы судов, состояние эскорта и корабельной охраны)

и др. Существовала не поддающаяся рационализации зависимость между уровнем инканти и прогнозируемыми прибылями. Даже военно-политические конфликты отступали перед фактором ожидаемых доходов. Примечательны в этом отношении, приводимые в монографии факты, свидетельствующие о том, что осада Константинополя турками никак не повлияла на уровень инканти (с. 75).

Новизной отличается обращение Карпова к проблеме субъекта средневековой навигации. После знакомства с бессчетным числом сочинений по истории мореплавания создается впечатление, что о кораблях известно почти все, но о людях, интеллектом и волей которых эти корабли создавались и приводились в движение, ничего. Перед взыскательным читателем предстает неизученный еще мир взаимоотношений между патронами и корабельной элитой, капитанами и матросами, арбалетчиками и баллистариями из аристократических семей и корабельной обслугой, палубными рабочими и гребцами и др. Здесь читатель найдет интереснейшие сведения о том, что ели и пили во время плавания и стоянок, во что одевались и чем занимались в обычные и праздничные дни, какие получали доходы и на что их тратили.

Наиболее удачной частью монографии является анализ финансовой стороны венецианского мореплавания. Патроны всех судов, входивших в караван, образовывали единый финансовый фонд (*ad unum denarium*), с обязательством равного распределения фрахта. Это, как справедливо подчеркивает автор, снимало опасность перегрузки отдельных судов, исключало конкуренцию между патронами, обеспечивало единство норм обусловливало общность интересов участников каравана (с. 121—122). Фрахт исчислялся либо в процентах от стоимости товара, либо за единицу веса (с. 127). В книге приведена статистика изменений фрахта в XIV—XV вв. по разным видам и сортам товара (Табл. 9—12). Кроме этого, взималась плата за проезд официальных и частных лиц, существовали различные прямые и косвенные налоги. Наконец, патроны могли прибегать к экстраординарным сборам для покрытия дополнительных расходов плавания; они распределялись среди владельцев грузов пропорционально стоимости товара, либо доле фрахта.

Можно только пожалеть, что при таком богатстве содержания в книге сокращен справочный аппарат, отсутствуют географический, именной и терминологический указатели, как и изображения основных типов судов и картографические материалы.

Проделанное Карповым исследование заметно обогащает византистику и медиевистику.

А. Г. ЕМАНОВ

Примечания

1. BORGHESI V. *Mediterraneo tra due rivoluzioni nautiche* (sec. XIV—XVII). Firenze. 1976.

St. K. KUSZYŃSKI. *Polskie herby ziemskie. Geneza, treści, funkcje.* PWN. Warszawa. 1993. 334 s.; e j u s d. *Orzeł Biały w Warszawie.* Instytut Historii PAN. Warszawa. 1993. 120 s.

Ст. К. КУЧИНЬСКИЙ. *Польские территориальные гербы. Генезис, сущность, функции; его же. Белый орел в Варшаве.*

Труды С. К. Кучиньского, знатока сфрагистики, геральдики, других вспомогательных исторических дисциплин, как правило, выходят за рамки узкой специализации и представляют большой интерес для исследователей различных областей — историков, искусствоведов, археологов, архитекторов и др.

«Польские территориальные гербы» — труд, продолжающий традиции польских исследователей геральдики. И в то же время он оригинален, ибо история земельных гербов Польши в целом мало исследована, к тому же авторские подходы к ее разработке отличаются новаторством. Хронологические рамки труда огромны — от средних веков до наших дней. Печатляет и источниковая база. Автор широко использовал междисциплинарный подход, он оперирует методиками различных гуманитарных наук: собственно истории, истории права, истории искусства, исторической географии.

Масштабность используемого в книге материала позволяет автору воссоздать «семиотический пейзаж» старой Польши, в котором территориальные гербы — не только символы отдельных земель, но и важный элемент государственного устройства: они символизировали целостность государства и вместе с тем обозначили автономность отдельных земель.

Комплекс территориальных гербов, по мнению автора, складывается в середине XIV в., в правлении короля Казимира Великого. В эту группу входят: герб короля и польского государства, одновременно являющийся гербом Краковской земли (орел в короне с опояской на крыльях); гербы — великопольский, куявский, Руси (Галицкой), сандомирский, добжинский. Исторический анализ эмблем показал, что истоки их различны. К самым старым относится польский государственный орел, происходящий от родового герба князей из династии Пястов (вторая четверть XIII в.).

Ранними эмблемами являются также куявская — коронованный зооморфный гибрид льва и орла, заимствованный с печати куявских князей конца 60-х годов XIII в., и знак Галицкой Руси — идущий лев в короне, известный по печатям галицко-владимирских князей первой половины XIV века. Автор стремится выяснить генезис и трех других вышеназванных гербов.

Выделяя устойчивый комплекс территориальных гербов, возникший в период активных действий Казимира Великого по расширению границ и усилению централизации государства, автор задается вопросом: имеется ли какой-либо смысл в формировании подобного геральдического фено-

мена. Как и предшествующие исследователи, Кучиньский склоняется к гипотезе о закодировании некоей программы, которую ее творцы хотели выразить при помощи гербов земель. Что же это за программа? Автор видит здесь наглядное выражение фактического объема власти польского монарха: набор эмблем земель, названия которых входили в титул короля, демонстрировал и закреплял в сознании подданных политические успехи последнего Пяста, в частности — присоединения к польскому государству Галицкой Руси, возвращение Польше из-под власти Тевтонского ордена Добжинской земли. Более того, в геральдических знаках, по мнению Кучиньского, воплотилась система административно-правового устройства средневекового польского государства («Короны Польской») как единого целого, составленного из неотчуждаемых земель, неделимого и суверенного.

Отдельные гербы земель в подобном контексте служат не свидетельством автономности и партикуляризма, а напротив, демонстрируют соединение земель под властью польского короля, о чем свидетельствуют постоянное присутствие в группе территориальных гербов королевского герба. Роль земельных гербов усиливается благодаря использованию их на королевских печатях. По мере расширения границ польского государства увеличивается и число земельных гербов, окружающих трон на королевских печатях. Со временем центральное место на печатях отводится пястовскому орлу, однако, «гирлянда» из земельных гербов остается.

Аналогичная «геральдическая программа» реализуется также при помощи изображения «венка» территориальных гербов на королевских надгробиях, в архитектурных украшениях гражданских и церковных построек, в графике, используемой на королевских документах, в церемониальной королевской орнаментике, а также в украшениях мест присутствия власти (залах сейма, суда и проч.).

В книге показано, что комплекс территориальных гербов увеличивается не только за счет расширения границ Польши, но и в результате реорганизации внутренних государственных структур: создания новых административных единиц — воеводств и областей.

Кучиньский стремится обнаружить истоки художественных форм территориальных гербов. С этой целью он сравнивает самые различные источники, содержащие их рисунки и описание: иностранные и отечественные гербовники, описания воинских знамен, содержащиеся в трудах польских хронистов, литературные памятники,

в которых содержались панегирики гербам и эмблемам, легенды и сказания, откуда черпались толкования символики, всевозможные изобразительные памятники — графические и живописные полотна, книжную графику, польские, литовские, русские печати.

Интересны замечания автора о происхождении ряда эмблем, которые в XVII в. украшали «Титулярник» царя Алексея Михайловича. Кучинский ищет, в частности, аналогии киевскому, черниговскому, смоленскому гербам среди территориальных знаков одноименных воеводств Речи Посполитой. Аналогий смоленскому и черниговскому гербам автор не находит, а вот киевский герб — Архангела Михаила, правда, в ином графическом выражении, чем в «Титулярнике» 1672 г., он обнаруживает в польских гербовниках второй половины XVI века.

Земельные гербы имели важнейшую патриотическую функцию носителей исторических традиций. До наших дней, по убеждению автора, гербы земель, составлявших польское государство на протяжении столетий, воспринимаются как символы Отечества, самым положительным образом влияя на «патриотичны запал» общества.

В последней главе автор повествует о судьбе польских земельных эмблем в XIX и XX веках. Державы, разделившие Польшу, ввели новые гербы провинций и других территориальных единиц, которые соответствовали административному делению этих стран, стремясь внедрить символы собственной государственности. Особое место автор уделяет герботворческой деятельности России. Гербы губерний Царства Польского, явившегося результатом творчества российской Герольдии, вызывают у автора негативную реакцию; в их рисунках он обнаруживает следы формально-бюрократического подхода при полном отказе от прежней польской модели.

Комплекс территориальных гербов, досконально проанализированный автором, прочитывается им как отражение политического мышления о государстве, а также как инструмент формирования этого мышления, прежде всего идеи неизбежного государства, состоящего из многих земель и областей, объединенных в одной политической и административной структуре. Растолковывая эти идеи, автор, однако, думается, упускает важный момент — «неадекватность» геральдики. Если в период «живой» геральдики, в правлении Пястов и первых Ягеллонов, комплекс территориальных гербов отражает реальную действительность, то с наступлением «бумажной» геральдики нельзя не отметить ее «камуфляжность». Расположение польского и литовского гербов в равноценной позиции по отношению к центральной фигуре отнюдь не означает действительно «партнерского равенства» между Польшей и Литвой, объединенных при помощи уний. Также включения в «венки» гербов тех территорий, которые давно уже не находились в ленной зависимости от Польши или даже вышли

из ее состава, не отражает фактическое положение дел, демонстрируя лишь амбиции властей. «Гербы претензий» составили большую часть тех композиций, в которых участвовали территориальные гербы. Эта «камуфляжность», правда, была принята польским обществом, сослужив хорошую службу патриотическому объединению поляков под историческими символами в период борьбы за национальное возрождение.

Повествуя об административных преобразованиях на польских землях, которые проводились российскими властями и возникающей в результате преобразований символике, автор, на наш взгляд, преувеличивает политизацию действий официальных российских геральдистов во второй половине XIX в. («во вновь вводимых гербах губерний старательно затушевались польские черты», с. 245). Крайний формализм и отсутствие историчности, граничащие с геральдической неграмотностью, были характерны в то время для всего российского герботворчества.

Эти же черты зачастую сохраняются и в современной литературе, посвященной геральдике Российской империи. Многие работы по данной тематике можно отнести к псевдонаучным. Кучинский многократно ссылается на книгу В. В. Румянцевой («Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма». Киев. 1986). Однако представленный им в рецензируемом труде материал никак не стыкуется с утверждением Румянцевой о появлении гербов украинских городов в глубокой древности. Чтобы обосновать данный тезис, она прибегает к прямым натяжкам.

Вторая работа Кучинского адресована широкому читателю.

Автор «проводит» польского орла из столетия в столетие, показывая изменение конструкции государственного герба (соединение орла и литовского герба Погонь), изменение его художественной формы, наконец, роль Белого Орла в становлении самосознания поляков, превращение его в символ борьбы за свободу и государственность. Во второй части книги читатель путешествует вместе с автором по Варшаве и перед его взором проходят многочисленные памятники, запечатлевшие и сохранившие Белого Орла, начиная со старейших по времени изображений в Королевском замке (XVI в.) и кончая новыми формами и новой стилизацией этой гербовой фигуры на современных памятных знаках, установленных в послевоенной Варшаве.

Обе книги помимо того, что вносят вклад в научную геральдику, служат углубленному пониманию истории Польши.

Н. А. СОБОЛЕВА

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Возвращаясь к напечатанному

А учитель истории — за реформу!

Не могу не откликнуться на письмо в редакцию журнала «Вопросы истории» докторов исторических наук А. Л. Литвина и И. И. Шарифжанова «Неоправданное реформирование исторического образования в школе» (№ 7, 1995 г.). Я провинциальный учитель истории гимназии № 1 г. Щекино, Тульской обл., имеющий 30-летний опыт педагогической работы в школе с авторами письма не могу согласиться.

По порядку. О концентрической структуре обучения истории и обществоведению. Без аргументов авторы письма заявляют, что намечается «кардинальная реформа исторического образования». На самом деле концентр позволяет действовать на разных уровнях. Он освобождает для подлинно творческой работы 2 года! (10 и 11 классы), дает возможность специализации в старших классах. Сколько же лет пришлось бороться за это!

И напрасно авторы письма обвиняют документы Министерств образования в антиисторизме. Но непонятно, что здесь имеется в виду. Далее они продолжают: «Вычеркивается из новой истории...» — пишут они, и перечисляется, что именно. Но если это не нравится, учитель может сделать по-своему. «Зато особое внимание уделяется проблемам религии». И это подается в качестве недостатка! «Сведены воедино все войны нового времени». Ну и что? Что, учитель, с одной извилиной? «Программа подменяет историю социологией, политологией, экологией». Да не под-

меняет она, а тычет нас, словно котят, в это. Учащиеся должны «давать общую характеристику» — но нельзя же без этого.

«Программа отводит России второстепенную, подчиненную роль». «Социологические параллели принижают прошлое своей страны». Но они не принизят ее, если не захотят преподаватели, а лишь подчеркнут ее особенность, уникальность.

«В школах США нет такого предмета как США и мир». Но разве у нас отечественная история не изучается в школе ежегодно: ведь программа «Россия и мир» не отменяет этого. «Подход американских ученых к изучению всемирной истории основывается на строгой хронологической последовательности». А нам кто мешает придерживаться этого принципа.

Авторы письма добрались-таки и до большевиков, которые после 1917 г. ликвидировали исторические факультеты в вузах, и призывают: «сохранить в школе историю как учебную дисциплину».

Министерство «начало реформу со школы...» И правильно сделало!

Да, работать учителю истории очень трудно. Но ведь можно. И надо. Напишутся (надеемся) новые учебники. Учебная книга. «Россия и мир» из серии «Российский лицей» под ред. проф. А. Данилова, конечно, нуждается в корректировке практика-учителя, но начало положено.

В. М. Богданчиков

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1995 ГОДУ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года . №№ 2—8
10—12
- Фрагменты стенограммы декабрьского пленума ЦК ВКП(б) 1936 года № 1

СТАТЬИ

- Волкова И. В., Курукин И. В.— Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII—XX вв. . . . . № 5
—6
- Глантц Дэвид М.— «Забытые» страницы Великой Отечественной войны (1941—1945) . . . . . № 5
—6
- Горский А. А.— Москва, Тверь и Орда в 1300—1339 годах . . . . № 4
- Жуков Ю. Н.— Борьба за власть в руководстве СССР в 1945—1952 годах . . . . . № 1
- Измозик В. С.— Перлюстрация в первые годы советской власти № 8
- Каменский А. Б.— Сословная политика Екатерины II . . . . . № 3
- Лабутина Т. Л.— «Консерватор» Свифт и «реформатор» Дефо . . № 11
—12
- Ланда Р. Г.— Восток: цивилизация, формация, социум . . . . . № 4
- Левин М.— Бюрократия и сталинизм № 3
- Лемэтр Н.— Католики и протестанты: религиозный раскол XVI века в новом освещении . . . . . № 10
- Летнев А. Б.— Африканцы в боях за освобождение Южной Европы (1943—1945 гг.) . . . . . № 9
- Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.— Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии . . . . . № 2
- Омельченко Н. А.— «Веховская» традиция в духовной жизни русской эмиграции . . . . . № 1

- Проскурякова Н. А.— Ипотека в России в конце XIX — начале XX веков . . . . . № 9
- Прусис Т. С.— В сделках с неприятелем: черноморская торговля в 1809—1810 годах . . . . . № 7
- Сахаров А. Н.— Война и советская дипломатия: 1939—1945 гг. . . . . № 7
- Семиряга М. И.— Судьбы советских военнопленных . . . . . № 4
- Скрынников Р. Г.— Войны Древней Руси . . . . . № 11
—12
- Черняк Е. Б.— История и логика (структура исторических категорий) . . . . . № 10
- Чешков М. А.— Мирочелостность и ее история . . . . . № 2
- Шкаровский М. В.— Русская православная церковь в 1943—1957 годах . . . . . № 8

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Арзаканян М. Ц.— Эдуар Балладюр № 7
- Вяткин К. С.— Гельмут Коль . . № 3
- Ефимов Н. А.— Сергей Миронович Киров . . . . . № 11
—12
- Козлов А. И.— Антон Иванович Де-никин . . . . . № 10
- Кучкин В. А.— Дмитрий Донской . № 5
—6
- Рабкина Н. А.— Константин Петрович Победоносцев . . . . . № 2
- Розалиев Ю. Н.— Мустафа Кемаль Ататюрк . . . . . № 8
- Субботин В. А.— Васко да Гама № 9
- Шокина И. Е.— Хуан Доминго Перон . . . . . № 1
- Шпотов Б. М.— Генри Форд . . . № 4

ЦИВИЛИЗАЦИИ МИРА

- Хвостова К. В.— Византийская цивилизация . . . . . № 9

ВОСПОМИНАНИЯ

- Дубинин Ю. В.— Наш дом в Мадриде . . . . . № 4
Хельсинки — 1975. Детали истории № 11
— 12
- Иков В. К.— Листопад (вступительная статья Н. В. Ширяевой) № № 8
— 12

- Искендеров А. А.— Мемуары Н. С. Хрущева как исторический источник . . . . . № 5
— 6
- Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева № № 2
— 6

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Воронков В. И.— События 1980—1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади . . . . . № 10
- Новопашин Ю. С.— Восточная Европа после 80-х: тенденции и проблемы . . . . . № 4
- Фарсобин В. В.— Заметки бывшего сержанта гвардии о войне . . . . . № 5
— 6
- Шнайдер Б.— Неизвестная война № 1
- Якобсен Х.-А.— Вторая мировая война: некоторые итоги . . . . . № 7

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

- История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки (с древнейших времен до наших дней)
- Искендеров А. А.— Введение . . . . . № 1
Глава XI. Древняя Япония . . . . . № 10
- Кардаш А. И.— Глава XIV. Древняя Месопотамия . . . . . № 11
— 12
- Новоселъцев А. П.** — Глава XIII. Древний Иран . . . . . № 11
— 12
- Пучков П. И.— От возникновения человека до образования древнейших государств. Главы I—VIII. № № 1
— 3
- Титов В. П.— Глава IX. Древний Китай; глава X. Древняя Корея . . . . . № 5
— 6
- Глава XII. Древняя Индия . . . . . № 10

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Деникин А. И.— Очерки русской смуты . . . . . № № 1—4
7—9

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

- Вернадский Г. В.— Из воспоминаний . . . . . № 1, 3
- Дневник Николая Михайловича Дружинина (Вступительная статья Е. И. Дружининой) . . . . . № № 9
— 12

СООБЩЕНИЯ

- Андросов С. О.— Петр I в Венеции № 3
- Барнз Р.— Общественная психология в США и СССР 20—30-х годов в свете теории потребления . . . . . № 2
- Болховитинов Н. Н.— Отклики в США на отмену крепостного права в России . . . . . № 8
- Ванина Е. Ю.— Человек, время, религия (средневековая Индия) . . . . . № 3
- Домнин И. В.— Русское военное зарубежье: дела, люди и мысли (20—30-е годы) . . . . . № 7
- Драгунов Г. П.— Советские военнопленные, интернированные в Швейцарии . . . . . № 2
- Ерин М. Е.— Советские военнопленные в Германии в годы второй мировой войны . . . . . № 11
— 12
- Кошкин А. А.— Курилы: биография островов . . . . . № 1
- Мазуров А. Б.— Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде? . . . . . № 9
- Поликарпов В. В.— Виккерс на Волге (1913—1917 гг.) . . . . . № 7
- Поляков Ю. А.— Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920—1930-е годы) № 3
- Собко Е. М.— Государственный совет и контрреформы . . . . . № 11
— 12

- Сувениров О. Ф.— Военная коллегия Верховного суда СССР (1937—1939 гг.) . . . . . № 4
- Уимет М. Дж.— СССР и Япония после второй мировой войны . . . . . № 8

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

- Горовенко А. В.— Татищевское известие о борьбе за Берестье в 1182 году . . . . . № 8
- Ульянов А. И.— Новые факты о родителях и детстве Г. К. Жукова № 8

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

- Восстанавливать истину о второй мировой войне . . . . . № 5
— 6

ИЗ АРХИВА ИСТОРИКА

Дякин В. С.— Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) . . . . . № 9

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Баранченко В. Е.— Кончина и похороны П. А. Кропоткина . . . . . № 3

Вайль Б.— Судьба Александра Улановского . . . . . № 9

Владимирская Т. Л.— Русские мигранты в Парагвае . . . . . № 11

— 12

Галанов М. М.— Федор Шахловитый . . . . . № 3

Егоров А. А.— Монтаньяр Филипп Леба . . . . . № 5

— 6

Кириллов В. В.— Н. А. Попов как историк и общественный деятель . . . . . № 3

Котельников В. Р.— Британские летчики в небе Великой Отечественной . . . . . № 4

Лаптенков В. В.— Как сражалась древнегреческая фаланга . . . . . № 9

Максимова И. В.— Юнона . . . . . № 8

Медведев И. П.— Русская княжна на византийском троне . . . . . № 2

Райков А. В.— Индийский легион в фашистской Германии . . . . . № 1

Романова Г. М.— Бородинское поле в октябре 1941 года . . . . . № 8

Тарасов А. И.— «Всесоюзная демократическая партия» . . . . . № 7

Туган-Барановский Д. М.— Наполеон как журналист . . . . . № 7

Тюков Н. А.— Андрей Иванович Шингарев . . . . . № 5

— 6

Уздеников В. В.— Монеты императора Ивана Антоновича . . . . . № 7

Ходнев А. С.— Ян Христиан Сметс — южноафриканский политик и философ . . . . . № 4

Цветков И. Ф.— Инженер-кораблестроитель В. И. Юркевич . . . . . № 7

Юровский В. Е.— Архитектор денежной реформы 1922—1924 годов . . . . . № 2

ИСТОРИОГРАФИЯ

Обзоры

Буганов В. И.— А. И. Клибанов — историк русской общественной мысли . . . . . № 2

Жук С. И.— Заметки о современной американской историографии . . . . . № 10

Зубкова Е. Ю., Куприянов А. И.— Ментальное измерение истории: поиски метода . . . . . № 7

Иванов Ю. Ф.— Николай Павлович Грацианский — ученый и педагог . . . . . № 4

Китаев В. А.— Государственная школа в русской историографии: время переоценки? . . . . . № 3

Энтин Дж.— Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии . . . . . № 5

— 6

Рецензии

Айрапетов О. Р.— В. Х. Завадский. Человек чести. Адам Чарторыйский как государственный деятель России и Польши. 1795—1831 гг. . . . . № 10

Архипов И. Л.— Новый часовой. Русский военно-исторический журнал . . . . . № 5

— 6

Бердинских В. А.— Земство. Архив провинциальной истории России . . . . . № 9

Брагина Л. М.— В. Л. Керов. Идеи Апокалипсиса в средние века (Иоахим Флорский, Оливи, бегины Южной Франции) . . . . . № 1

И. М. Гарскова. Базы и банки данных в исторических исследованиях . . . . . № 9

Болховитинов Н. Н.— Г. А. Дубовицкий. Шесть портретов. Из истории США первой половины XIX века . . . . . № 3

Борозняк А. И.— За Германию — против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров . . . . . № 3

— 6

Булдаков В. П.— «Первая монография» . . . . . № 8

Варьяш И. И.— Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени . . . . . № 2

Волков Л. В.— А. М. Дубровский. С. В. Бахрушин и его время . . . . . № 4

Володихин Д. М.— А. Ю. Дворниченко. Русские земли Великого княжества Литовского. Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.) . . . . . № 8

Динкин Д. И.— Г. де Бертье де Совиньи. Титаны американского капитализма . . . . . № 5

— 6

Дмитриев М. В.— Генрих III и его эпоха . . . . . № 4

- Драгунов Г. П.— «Убежище Швейцария». Подход к проблеме предоставления убежища в XIX и XX веках . . . . . № 11
— 12
- Егорова Н. И.— Коминформ. Протоколы трех конференций 1947/1948/1949 . . . . . № 9
- Еманов А. Г.— С. П. Карпов. Пути средневековых мореходов: черноморская навигация Венецианской республики в XIII—XV вв. . . . . № 11
— 12
- Ерин М. Е.— Г. А. Винклер. Веймар 1918—1933. История первой германской демократии . . . . . № 1
Культура эпохи сталинизма: советская культура и искусство периода 1930—1950-х годов . . . . . № 8
- Задорожнюк Э. Г.— Ф. Гал, Й. Алан, Я. Ирак, Р. Махонин, О. Шолтыс, М. Тиморацкий. Современный кризис чешско-словацких отношений . . . . . № 3
- Зеленин И. Е.— В. Т. Анисков. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны . . . . . № 1
- Ивонина Л. И.— П. Бушкович. Религия и общество в России. XVI и XVII столетия . . . . . № 4
- Игрицкий Ю. И.— Р. Саква. Российская политика и общество . . . . . № 2
- Кирилина Л. А.— И. И. Костюшко. Аграрная реформа 1848 г. в Австрии . . . . . № 7
- Корнилов Г. Е.— А. А. Антуфьев. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны . . . . . № 5
— 6
- Лучицкая С. И.— П. Ю. Уваров. Французы XVI века. Взгляд из Латинского квартала . . . . . № 10
- Манеев Я. И.— А. Ю. Саломатин, А. Н. Андреев. Очерки истории и теории предпринимательской деятельности (экономическая история в цифрах и лицах) . . . . . № 2
- Матузова В. И.— М. Дыго. Изучение возникновения господства Тевтонского ордена в Пруссии (1226—1259) . . . . . № 3
- Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А.— Н. Г. Павленко. Была война... Размышления военного историка . . . . . № 5
— 6
- Мироненко С. В.— 1857—1861. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича . . . . . № 5
— 6
- Михеенков В. П.— Д. А. Аманжолова. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш . . . . . № 7
- Молок Ф. А.— И. Пфафф. Советская измена. 1938 . . . . . № 11
— 12
- Носов Б. В.— Л. Кондзеля. Между изменой и службой Речи Посполитой. Фридрих Мошинский в 1792—1793 годах . . . . . № 7
- Обичкина Е. О.— Т. Кондратьева. Большевики-якобинцы и призрак термидора . . . . . № 5
— 6
- Орлов А. С.— Союзники в войне. Советский, американский и британский опыт. 1939—1945 гг. . . . . № 5
— 6
- Осиновский И. Н.— Средневековая Европа глазами современников и историков . . . . . № 11
— 12
- Паламарчук Е. А.— А. А. Аникеев. Историография Восточной Германии: подъем и кризис . . . . . № 7
- Платунов Н. И.— С. Ф. Блуменау. Споры о революции во французской исторической науке второй половины 60-х—70-х годов . . . . . № 7
- Преображенский А. А.— А. И. Юхт. Русские деньги от Петра Великого до Александра I . . . . . № 1
- Пучков П. И.— Ю. И. Семенов. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Части I—III . . . . . № 10
- Пушкарев Л. Н.— Европейская история менталитета . . . . . № 8
- Седов К. И.— «Ярославская старина» . . . . . № 3
- Сергеева Т. Д.— Новая история средневековой Франции. Т. 1. С. Лебек. Происхождение франков: V—IX века; Т. 2. Л. Тейс. Наследие Каролингов: IX—X века . . . . . № 2
- Симонов Р. А.— А. П. Богданов. Летописец и историк конца XVII века. Очерки исторической мысли «переходного времени» . . . . . № 8
- Симонова Т. М.— М. Вальденберг. Национальные вопросы в Центральной и Восточной Европе . . . . . № 2
- Соболева Н. А.— Ст. К. Кучинский. Польские территориальные гербы. Генезис, сущность, функции; его же. Белый орел в Варшаве . . . . . № 11
— 12
- Теребов О. В.— В. И. Голдин. Ин-

- тервенция и антибольшевистское движение на русском Севере. 1918—1920 . . . . . № 1
- Токмаков В. Н.— И. Л. Маяк. Римляне ранней Республики . . . . . № 7
- Уткин А. И.— История политических партий в России . . . . . № 4
- Фарсобин В. В.— Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия . . . . . № 10
- Чернявский Г. И.— Л. Огнянов. Государственно-политическая система в Болгарии. 1944—1948 гг. . . . . № 8
- Черняк А. Е.— С. Ю. Дудаков. История одного мифа. Очерки русской литературы XIX—XX вв. . . . . № 8
- Чудинов А. В.— С. В. Кондратьев. Юристы в предреволюционной Англии. (Политические и правовые воззрения) . . . . . № 7
- Шевардин В. Н.— Границы Германии в истории . . . . . № 4
- Шубин А. В.— Россия и Запад: диалог культур . . . . . № 5 — 6
- Яковцев Е. С.— В. Е. Владыкин. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов . . . . . № 10
- Яхимович З. П.— История новейшего времени стран Европы и Америки. 1945—1990 гг. . . . . № 2
- По страницам зарубежных журналов . . . . . № 2
- ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ**
- Богданчиков В. М.— Учитель истории за реформу исторического образования в школе . . . . . № 11 — 12
- Бронштэн В. А.— Георгий Трапезундский . . . . . № 9
- Гордеев И. А.— Калининградская область в 1945—1946 годах . . . . . № 4
- Дунаевский В. А.— Стоит ли вновь возвращаться к М. Н. Покровскому . . . . . № 2
- Едемский П. И.— Воины из бывших заключенных . . . . . № 5 — 6
- Захаров А. Н.— Один из способов роста монастырского землевладения в конце XVII века . . . . . № 5 — 6
- Зорина М. А.— О результатах работы над хроникой рабочего движения в Калужской губернии (1895—1917) . . . . . № 5 — 6
- Котельников В. Р.— Данди-Внуково: полвека назад . . . . . № 9
- Крикунов В. П.— Расширять исследование по истории отечественного источниковедения . . . . . № 8
- Литвин А. Л., Шарифжанов И. И.— Неоправданное реформирование исторического образования в школе . . . . . № 7
- Матвеев М. Н.— Земства Самарской губернии и выборы в Учредительное собрание . . . . . № 8
- Удовик В. А.— Начинание, которое становится традицией . . . . . № 4
- Щеголихина С. Н.— Об авантюризме и карьеризме в годы гражданской войны . . . . . № 3
- Ясман З. Д.— К правозащитной деятельности В. И. Вернадского . . . . . № 1

Contents

The Political Archives of the XXth Century. Materials of the February-March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU (B). Articles: **R. G. Skrynnikov**. Wars of the Ancient Russ. **T. L. Labutina**. The «Conservative» Swift and the «Reformer» Defoe. Historical Profiles: **N. A. Efimov**. Sergej Mironovich Kirov. To the Help of History Teachers and Students: History and Culture of Peoples of Asia, Africa and Latin America (from the Ancient Times to Our Days). Chapter XIII by **A. P. Novoseltsev**; Chapter XIV by **A. I. Kardash**. Reminiscences: **V. K. Ikov**. The Fall of the Leaves. **Ju. V. Dubinin**. Helsinki — 1975. The Details of History. Historians on Time and Themselves: The Diary of Nikolaj Mikhajlovich Druzhinin. Communications: **M. E. Erin**. Soviet Prisoners-of-War in Germany during the Second World War; **E. M. Sobko**. The State Council and Counter-Reforms; **B. People. Facts. Events: T. L. Vladimirskaja**. Russian Migrants in Paraguay. Historiography: **Reviews on Books: J. Pfaff**. Sovetska zrada. 1938. (Praha); «Zuflucht Schweiz». Der Umgang mit Asylproblemen im 19. und 20. Jahrhundert. (Zurich); The Medieval Europe Seen by the Eyes of Contemporaries and Historians; **S. P. Karpov**. Following the Medieval Navigators: the Black Sea Navigation of the Venetian Republic in the XIIIth—XVth Centuries; **St. K. Kuczýnski**. Polskie herby ziemskie. Geneza, trésci, funkcje.; Orzeł Biały w Warszawie. (Warszawa). Letters to the Editor. Index of Articles Published in 1995.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Вопросы истории» № 11—12, 1995

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209—96—21

Технический редактор **Е. П. Лебедева**

Сдано в набор 17.10.95. Подписано в печать 29.11.95. Формат 70x108/16. Бумага типографская. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18.55. Тираж 11000. Заказ № 1140. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Индекс 70145

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**